
КАМЕННЫЕ
НЕБЕСА
Н. К. ДЖЕМИСИН
ПРЕМИЯ
«ХЬЮГО»
ЗА
ЛУЧШИЙ
РОМАН
fanzon

Каменные небеса
Нора Кейта Джемисин

Аннотация
Н. К. Джемисин. Каменные небеса
Пролог. Я, когда я был я
1. Ты, наяву и во сне
2. Нэссун вырывается на свободу
Сил Анагист: Пять
3. Ты, в дисбалансе
4. Нэссун, бредущая в глуши
Сил Анагист: Четыре
5. Тебя вспоминают
6. Нэссун принимает свою судьбу
Сил Анагист: Три
7. Ты строишь план на будущее
8. Нэссун под землей
Сил Анагист: Два
9. Пустыня, вкратце, и ты
10. Нэссун, сквозь огонь
Сил Анагист: Один
11. Ты почти дома
12. Нэссун, не одна
Сил Анагист: ноль
13. Нэссун и Иссун, на темной стороне мира

14. Я, в конце времен
КОДА. Я и ты
Приложения
Приложение 1. Перечень Пятых Времен года или Зим, что были занесены в хроники до и после основания Экваториального Объединения Санзе От самых недавних к более древним
Приложение 2. Глоссарий общеупотребительных для всех квартентов Спокойствия терминов
Благодарности

Аннотация

Скоро вернется Луна. Предвещает ли это гибель человечества или нечто худшее, будет зависеть от двух человек.

Иссун унаследовала силу Алебастра Десятиколечника. С помощью нового умения она надеется найти свою дочь Нэссун и создать мир, в котором каждый ребенок-ороген сможет вырасти в безопасности.

Но Иссун опоздала. Нэссун уже видела зло мира и приняла то, чего не признает ее мать: иногда то, что испорчено, нельзя очистить, а только уничтожить.

У каждой из них есть причины уничтожить мир, но они должны найти ту каплю любви, которая позволит ему жить.

Н. К. Джемисин
Каменные небеса

Тем, кто выжил.
Дышите. Вот так.
Еще раз. Хорошо. Молодцы.
Даже если нет, то вы живы.
Это победа.
Имена, персонажи, места и события являются авторским вымыслом. Любое сходство с действительными событиями, местными особенностями, личностями, живыми или мертвыми, случайны.

Пролог
Я, когда я был я

ВРЕМЯ ИСТЕКАЕТ, ЛЮБОВЬ МОЯ. Давай закончим с началом мира, хорошо? Да. Хорошо.

Однако это странно. Мои воспоминания похожи на застывших в янтаре насекомых.

Они редко целостны, эти застывшие, давно забытые жизни. Обычно от них остается лапка, чешуйка с крыла, обломок грудной клетки — целое можно представить лишь по фрагментам, и все сливается, размывая рваные грязные трещины. Когда прищуриваюсь и вглядываюсь в прошлое, я вижу лица и события, которые должны что-то значить для меня, и значат, но… нет. Свидетелем этих событий в первую очередь был я сам — и все же нет.

В этих событиях я кто-то иной, точно так же, как Спокойствие было чем-то иным. Тогда — и сейчас. Ты — и ты.

Тогда. Тогда эта земля была *тремя* — хотя они находятся буквально в том же положении, как в тот момент, когда их назовут Спокойствием. Повторяющиеся Зимы в конце концов созда-

дут больше льда на полярных шапках, опустив уровень моря и сделав вашу «Арктику» и «Антарктику» больше и холоднее. Однако тогда…

теперь, это ощущается как теперь, когда я вспоминаю себя тогда, именно это я имею в виду, когда говорю, что это странно…

Теперь, в то время до Спокойствия, крайний север и юг представляют собой приличные сельскохозяйственные земли. То, что вы называете Западным Побережьем, по большей части заболоченные земли и дождевой лес. Он погибнет в следующем тысячелетии. Части Северного Срединья еще не существует, ее создаст излияние лавы в течение тысячи лет извержений. Земля, которая станет Палелой, твоим родным городом? Ее не существует. С учетом всего — не такое большое изменение, но ведь до *сейчас*, в тектоническом масштабе, вообще ни мгновения не прошло. Когда мы говорим «этот мир закончился», помни — это как правило ложь. С планетой-то все в порядке.

Так что мы называем погибшим миром в это *сейчас*, если не Спокойствие?

Позволь мне, прежде всего, рассказать тебе об одном городе.

По вашим меркам он построен неправильно.

Он *простирается* так, как ни одна современная община себе не позволит, поскольку для этого потребуются многомильные стены. И самые внешние пределы города тянутся вдоль рек и прочих жизненно важных коммуникаций, порождая дополнительные города, — так расползается плесень по богатой питательной среде. Слишком близко друг к другу, скажешь ты. Слишком перекрывающиеся территории. Эти раскидистые города и их змеящиеся отпрыски не способны выжить каждый по себе, будучи отрезанными друг от друга. Иногда у них есть конкретные местные названия, у этих городов-отпрысков, особенно когда они достаточно велики или стары, чтобы самим породить города-детей, но это поверхностное впечатление. Твое предположение об их связанности верно: у них одна инфраструктура, одна культура, те же стремления и страхи. Каждый город похож на остальные города. Все эти города, по сути дела, один большой город. Этот мир в тогдашнем «сейчас» носит имя Сил Анагист.

Ты можешь себе представить, какая *нация* на это способна, дитя Спокойствия? Вся Старая Санзе, если собирать ее воедино из осколков сотен «цивилизаций», которые жили и умерли между

сейчас и тогда, не идет в сравнение. Она — лишь сборище параноидальных городов-государств и коммун, согласившихся порой делиться ресурсами ради выживания. Да, Зимы сведут этот мир к таким жалким стремлениям.

Здесь, *сейчас*, стремлениям предела нет. Народ Сил Анагиста овладел силами материи и ее составляющих; они лепят саму жизнь согласно их капризам; они так глубоко исследовали тайны неба, что устали от него и снова вернулись к земле у себя под ногами. И Сил Анагист живет, о, как живет, на людных улицах и в бесконечной торговле и строительстве, которые твой разум с трудом осознал бы как таковые. У зданий стены из узорчатой целлюлозы, которую едва видно под листвой, мхом, травой и гроздьями плодов или клубней. На некоторых крышах развеваются флаги, которые на самом деле огромные, развернутые цветущие лишайники. Улицы кишат вещами, которые тебе трудно было бы признать транспортом, разве только в том, что в них путешествуют и они осуществляют доставку. Некоторые передвигаются на ножках, как массивные членистоногие. Некоторые всего лишь открытые платформы, которые скользят на подушках резонансного потенциала, — а, но

тебе этого не понять. Скажу лишь, что эти средства передвижения парят в нескольких дюймах над поверхностью. Их не тянут животные. Их не движет пар или химическое топливо.

Если перед ними порой пробегают дети или домашние питомцы, они на миг перестают существовать, затем возникают по другую сторону, не снижая скорости и не теряя самосознания. Никто не считает это смертью.

Но есть то, что ты узнала бы. Он возвышается над городом, вырастая из его сердца. Это самый высокий, самый яркий предмет на много миль в округе, и все рельсы и дороги так или иначе сходятся к нему. Это твой старый друг, аметистовый обелиск. Он не летает — пока нет. Он стоит, не совсем пассивно, в своем гнезде. То и дело он пульсирует — тебе это знакомо по Аллии. Это более здоровый импульс, чем тогда. Этот аметист — не поврежденный, умирающий гранат. Все же, если сходство заставляет тебя содрогнуться, не скажу, что это нездоровая реакция.

По всем этим трем землям, во всех достаточно больших узлах Сил Анагиста стоит по обелиску. Они усеивают лицо мира, две сотни и пятьдесят шесть пауков в двух сотнях и пятидесяти шести паутинах, кормящие каждый город и кормимые

в ответ. Паутины жизни, если хочешь так о них думать. Понимаешь ли, жизнь в Сил Анагисте священна.

Теперь представь вокруг основания аметиста шестиугольный комплекс зданий. Что бы ты ни представила, это не будет похоже на реальность, но просто представь что-то красивое, и сойдет. Посмотри пристальнее на одно вон там, у юго-западного края обелиска, — вон тот, на отлогом холмике. На хрустальных окнах здания нет решеток, но представь переплетение чуть более темного материала на прозрачном.

Нематоцисты[1], популярный метод защиты окон от нежелательного контакта — хотя они существуют лишь на внешней поверхности окон, не позволяющий нежелательному вторгнуться внутрь. Они жалят, но не убивают. (Жизнь в Сил Анагисте священна.) Внутри у дверей нет охраны. Охранники в любом случае не эффективны. Эпицентр — не первая организация, познавшая вечную истину человечества: стража не нужна,

---

[1] Примечания: 1

Стрекательная клетка, присущая как полипоидным, так и медузоидным поколениям в жизненном цикле книдарий (стрекающих). Книдоциты используются книдариями для охоты на добычу и защиты от врагов. Каждый книдоцит содержит специфическую внутриклеточную органеллу, называемую «книдоцист» (или «нематоцист»), которая, собственно, и обеспечивает поражение врага или пищевого объекта.

если убедить людей сотрудничать в их собственном самозаточении.

Это камера в миленькой тюрьме.

Я знаю, она не похожа на камеру. Там есть прекрасный предмет мебели, который ты назвала бы диваном, хотя у него нет спинки и он состоит из нескольких частей, организованных группами. Остальная мебель обычна, ты ее узнала бы — каждому обществу нужны столы и кресла. Сквозь окно виден сад на крыше одного из других зданий. В это время дня сад освещает падающий сквозь кристалл косой солнечный свет, и цветы, растущие в саду, были выращены и высажены именно с учетом этого эффекта. Пурпурный свет окрашивает дорожки и клумбы, и кажется, что цветы слабо светятся, реагируя на свет. Некоторые из этих крохотных белых цветов-огоньков то и дело подмигивают, отчего вся клумба сверкает, как звездное небо.

Мальчик смотрит в окно на мигающие цветы.

На самом деле это юноша. На первый взгляд зрелый, без возраста. Не столько коренастый, сколько *крепкий* по сложению. У него широкое толстощекое лицо и маленький рот. Он весь белый — бесцветная кожа, бесцветные волосы, льдистые глаза, элегантно задрапированные

одежды. В комнате все белое — мебель, коврики и пол под ними. Стены сделаны из отбеленной целлюлозы, и на них ничего не растет. В этом стерильном месте в отраженном пурпурном внешнем свете только этот мальчик конкретно живой.

Да, этот мальчик я. Я не то чтобы помню его имя, но помню, что в нем было слишком много ржавых букв. Так что давай будем называть его Хоува — тоже на звук, просто подбито всякими молчаливыми буквами и тайными смыслами. Оно достаточно близкое и вполне *символизирует*…

О! Я слишком, неподобающе зол. Интересно. Ладно, перейдем к чему-то менее напряжному. Вернемся к тому сейчас, которое будет, и совсем иному здесь.

«Сейчас» — это «сейчас» Спокойствия, по которому до сих пор расходятся эхом волны Разлома. «Здесь» — не совсем «здесь» Спокойствия, а пещера непосредственно над главной лавовой камерой обширного древнего щитового вулкана. В сердце вулкана, если ты предпочитаешь язык метафор. Если нет — то это глубокая, темная, едва стабильная полость в скальной породе, которая не слишком остыла за те тысячелетия с тех пор,

как Отец-Земля впервые отрыгнул ее. Внутри этой пещеры стою я, частично сплавившись с куском скалы, чтобы лучше видеть малейшие возмущения или крупные деформации, предвещающие обрушение. Мне не нужно этого делать. Здесь присутствует несколько процессов кроме того, который запустил я. И все же я понимаю, каково быть одному, когда ты растерян, испуган и не уверен в том, что случится дальше.

Ты не одна. И никогда не будешь одна, если не выберешь иного. Я знаю, что это значит здесь, в конце мира.

Ах, любовь моя. Апокалипсис — вещь относительная, не так ли? Когда земля раскалывается, это угроза жизни, которая от нее зависит, — но нормально для Отца-Земли. Когда человек умирает, это ужасно для девочки, которая некогда звала его отцом, но это становится ничем, когда ее называли *чудовищем* столько раз, что она в конце концов привыкла к этому клейму. Когда раб восстает, это ничего не значит для тех, кто читает об этом потом. Просто тонкие слова на еще более тонкой бумаге, еще более истонченной трением истории. («Ну были вы рабами, и что?» — шепчут они. Словно это ничего не значит.) Но для людей, переживших восстание рабов, — и тех,

кто считал свою власть данностью, пока это не кончилось для них тьмой, и тех, кто готов сжечь мир, чем хоть еще мгновение быть «на своем месте», это не метафора, Иссун. Не гипербола. Я *действительно* видел, как мир горит. Не говори мне о невинных свидетелях, незаслуженных страданиях, безжалостной мести. Когда община построена на зоне разлома, ты будешь винить стены, когда они неминуемо рухнут, погребая под собой людей? Нет, ты винишь того идиота, который решил, что может отрицать законы природы. Да, некоторые миры построены на зоне страданий, поддерживаемые кошмаром. Не оплакивай падение этих миров. А гневайся на то, что они были обречены с самого начала.

Так что теперь я расскажу тебе, как кончился этот мир, Сил Анагист. Я расскажу тебе о том, как я покончил с ним, или хотя бы с большей частью его, чтобы начать восстанавливать себя из обломков.

Я расскажу тебе, как я открыл Врата, как отбросил прочь Луну и улыбался при этом.

И я расскажу тебе, не скрывая, о том, как позже, в тишине смерти, я прошептал:

Сейчас.

Сейчас.

И Отец-Земля прошептал в ответ:
Гори.

1
Ты, наяву и во сне

ЧТО ЖЕ. ДАВАЙ ПОВТОРИМ ПРОЙДЕННОЕ.

Ты Иссун, единственная из выживших орогенов во всем мире, кто открыл Врата Обелиска. Никто не ждал для тебя такой великой судьбы. Ты была одной из орогенов Эпицентра, но не восходящей звездой вроде Алебастра. Ты была дичком, найденным в захолустье, уникальная лишь тем, что у тебя больше прирожденных способностей, чем у среднего рогги, рожденного случайно. Хотя начала ты хорошо, ты рано вышла на плато — по непонятной причине. Тебе просто недоставало стимула к поиску нового или стремления к превосходству — или так жаловались старшие за закрытыми дверями. Слишком рано для того, чтобы удовлетворить систему Эпицентра. Она ограничивала тебя. Это хорошо, поскольку иначе тебя никогда не спустили бы с поводка так, как они это сделали, отправив тебя на задание вместе с Алебастром. *Это он* в ржавь пугал их. Ты же… они считали тебя безопасной, сломленной как подобает и обученной повиноваться, так

что вряд ли ты случайно сметешь город. Им же хуже — сколько городов ты уже уничтожила? Один наполовину непреднамеренно. Остальные три случайно, но разве это имеет значение? Для мертвых — нет.

Иногда ты мечтаешь вернуть все это, как если бы ничего не было. Не тянуться судорожно к гранатовому обелиску в Аллии, а вместо этого смотреть, как счастливые черные детишки резвятся в прибое на черном песчаном пляже, а ты истекаешь кровью на ноже Стража. Не быть перенесенной Сурьмой на Миов — вместо этого вернуться в Эпицентр и родить Корунда. Ты бы потеряла его после родов, и никогда у тебя не было бы Иннона, но оба они, возможно, были бы все еще живы. (Ну да. Какова ценность этой «жизни», если бы Кору сунули в узел.) Но тогда ты никогда не жила бы в Тиримо, не родила бы Уке, чтобы тот погиб от кулаков отца, никогда не воспитывала бы Нэссун, чтобы ее потом похитил отец, никогда не убила бы своих соседей при их попытке убить тебя. Сколько жизней были бы спасены, если бы ты осталась в своей клетке.

Или умерла по требованию.

Здесь и сейчас, давно свободная от организованных, уравновешенных структур Эпицентра,

ты стала могущественной. Ты спасла общину Кастримы ценой самой Кастримы — невелика цена по сравнению с той кровавой платой, которую взяла бы вражеская армия, если бы победила.

Ты достигла этой победы, выпустив концентрированную мощь загадочного механизма, старше вашей (письменной) истории — и потому, что ты та, кто ты есть, в процессе обучения владению этой мощью ты убила Алебастра Десятиколечника. Ты не хотела этого. Ты вообще подозреваешь, что он хотел, чтобы ты это сделала. Как бы то ни было, он мертв, и эта цепочка событий сделала тебя самым могущественным орогеном планеты.

Это также означает, что срок твоего могущества подходит к концу, поскольку с тобой происходит то же самое, что случилось с Алебастром: ты превращаешься в камень. Пока лишь твоя правая рука. Могло быть и хуже. *И будет*, когда ты в другой раз откроешь Врата или даже когда ты в другой раз применишь достаточно этой странной серебряной не-орогении, которую Алебастр назвал магией. Но выбора у тебя нет. Благодаря Алебастру у тебя есть дело, которое ты должна сделать, и невнятная фракция камнеедов, которая всегда втихую пыталась покончить с той древней войной между жизнью и Отцом-Зем-

лей. Тебе кажется, что дело, которое ты *должна сделать*, самое легкое из двух. Просто поймать Луну. Закрыть Юменесский Разлом. Сократить длительность нынешней Зимы с тысяч или миллионов лет до чего-либо приемлемого — чтобы у человеческой расы был шанс выжить. Навсегда покончить с Пятым временем года.

Дело, которое ты, однако, *хочешь сделать* — найти Нэссун, твою дочь. Забрать ее у человека, который убил твоего сына и утащил ее за полмира в разгар катастрофы. По этому поводу у меня есть и хорошие новости, и плохие. Сейчас мы перейдем к Джидже.

Ты не то чтобы в коме. Ты — ключевой компонент сложной системы, которая сейчас вся в целом пережила массивную, плохо контролируемую стартовую перегрузку и аварийное отключение с незначительным временем перезарядки, проявившееся как магохимическое фазовое сопротивление с мутагенным откликом. Тебе нужно время для… перезагрузки.

Это значит, что ты в сознании. Это больше похоже на периоды полусна-полубодрствования, если это имеет значение. Ты как-то осознаешь происходящее. Качающееся движение, случайные встряски. Кто-то кладет тебе в рот пищу и влива-

ет воду. К счастью, ты достаточно в себе, чтобы глотать и жевать, поскольку конец света на засыпанной пеплом дороге — плохое место и время для кормления через трубку. Кто-то одевает тебя и всовывает промеж ног подгузник. Тоже плохое время и место для этого, но кто-то ухаживает за тобой, и ты не против. Ты едва замечаешь все это. Ты не ощущаешь голода или жажды, прежде чем тебе дают еду. Твои испражнения не приносят особого облегчения. Жизнь продолжается. Так что *восторги* тут ни к чему.

Со временем периоды сна и бодрствования становятся более выраженными. Затем однажды ты открываешь глаза и видишь над собой затянутое облаками небо. Оно качается взад-вперед. Порой по нему проплывают голые ветки. Слабая тень обелиска сквозь облака — шпинель, подозреваешь ты. Вернулась к прежней форме и громадности и следует за тобой, как одинокий щенок, раз Алебастр мертв.

Через некоторое время тебе становится скучно смотреть в небо, так что ты поворачиваешь голову и пытаешься понять, что происходит. Вокруг тебя движутся серо-белые фигуры, как во сне… нет. Они одеты как обычно, просто все в бледном пепле. И одеты они многослойно, поскольку хо-

лодно — вода еще не замерзает, но близко к тому. Зима длится почти два года — два года без солнца. Разлом выбрасывает много тепла на экваторе, но этого отнюдь не достаточно, чтобы компенсировать недостаток огромного огненного шара в небе. И все же без Разлома было бы хуже — температура была бы сильно ниже нуля, а не близка к нулю. Пустячок, а приятно.

Как бы там ни было, одна из пепельных фигур, похоже, замечает, что ты очнулась, или чувствует твое шевеление. Лицо в маске и очках поворачивается к тебе, затем снова вперед. Двое перед тобой перешептываются, но ты не понимаешь. Они говорят не на чужом языке. Просто ты не совсем в себе, и слова частично глушит пеплопад.

Кто-то заговаривает позади тебя. Ты вздрагиваешь и пытаешься посмотреть назад на другого человека в маске и очках. Кто эти люди? (Тебе не приходит в голову испугаться. Как и голод, такие примитивные вещи теперь для тебя стали более абстрактны.) Затем что-то щелкает, и ты понимаешь — ты на носилках, — это две жерди, между которыми натянута шкура, и тебя несут четверо. Один из них кричит, остальные отзываются чуть дальше.

Много откликов. Много людей.

Еще один крик откуда-то издали, и люди, несущие тебя, останавливаются. Они переглядываются и синхронно опускают тебя с легкостью многократно повторенного маневра. Ты ощущаешь, как носилки ставят на мягкий сыпучий слой пепла поверх еще более толстого его слоя, поверх того, что может быть дорогой. Затем твои носильщики отходят, открывают рюкзаки и садятся в ритуале, знакомом тебе по месяцам, проведенным в дороге. Перекус.

Ты знаешь этот ритуал. Тебе следует встать. Что-то съесть. Проверить ботинки насчет дыр или камешков, осмотреть ноги в поисках незамеченных мозолей, проверить маску — минутку, а ты в маске? Если все прочие в масках… Твоя лежала в твоем дорожном рюкзаке, так ведь? Где он? Кто-то выходит из полумрака и пеплопада. Высокий, широкий, обезличенный одеждой и маской, но узнавание приходит благодаря знакомым пушистым пепельным волосам. Она садится на корточки возле твоей головы.

— Хм-м. Все-таки жива. Похоже, я проиграла Тонки пари.

— Хьярка, — говоришь ты. Твой голос еще более хриплый, чем у нее. По складкам ее маски ты понимаешь, что она ухмыляется. Странно ощущать

ее улыбку без обычного угрожающего подтекста ее заточенных зубов.

— И мозг, вероятно, не пострадал. Я хотя бы выиграла пари с Юккой. — Она оглядывается по сторонам и орет:

— Лерна!

Ты пытаешься поднять руку и схватить ее за ногу. Это все равно что сдвинуть гору. Вообще, ты должна быть способна передвигать горы, потому ты сосредотачиваешься и наполовину поднимаешься — и забываешь, зачем тебе была нужна Хьярка. Она оглядывается, к счастью, и видит твою поднятую руку. Она дрожит от усилий. После раздумья она вздыхает и берет тебя за руку, затем отводит взгляд, словно в растерянности.

— Что творится? — удается выдавить тебе.

— Чтобы, ржавь побери, я знала. Мы не ждали передышки так быстро.

Это не то, чего ты ожидала, но слишком много усилий уйдет на попытку сказать остальное. Потому ты лежишь, и тебя держит за руку женщина, которая явно лучше занялась бы чем-нибудь другим, но все же снисходит, чтобы выразить тебе сочувствие, поскольку думает, что ты в этом нуждаешься. Тебе этого не нужно, но ты благодарна за попытку.

Еще две фигуры выступают из вихря, обе узнаваемые по знакомым очертаниям. Одна мужская и худощавая, вторая женская и пухлая. Худощавая сменяет Хьярку у твоего изголовья и наклоняется, чтобы снять с тебя очки — ты и не осознавала, что они есть.

— Дай мне камень, — говорит он. Это Лерна, и слова его бессмысленны.

— Что? — говоришь ты.

Он не слушает тебя. Тонки — вторая фигура — тычет локтем Хьярку, которая вздыхает и роется в своем рюкзаке, пока не находит что-то маленькое. Она протягивает это Лерне.

Он кладет руку тебе на скулу, поднимая предмет. Он начинает светиться знакомым белым светом. Ты понимаешь, что это кристалл из нижней Кастримы — они загораются при контакте с орогеном, поскольку сейчас Лерна в контакте с тобой. Гениально. При помощи этого светильника он наклоняется и всматривается в твои глаза.

— Зрачки сокращаются нормально, — бормочет он себе под нос. Его рука на твоей щеке вздрагивает. — Лихорадки нет.

— Я чувствую себя тяжелой, — говоришь ты.

— Ты жива, — отвечает он, словно это все полностью объясняет. Никто не говорит на языке,

который ты можешь понимать сейчас. — Моторика вялая. Сознание?..

Тонки наклоняется к тебе.

— Что тебе снилось?

Это несет смысла не больше, чем *дай мне камень*, но ты пытаешься ответить, поскольку ты слишком не в себе, чтобы понимать, что ты не должна отвечать.

— Город, — бормочешь ты. Комок пепла падает на твои ресницы, и ты моргаешь. Лерна снова надевает на тебя очки. — Он был живой. Над ним был обелиск. — Над ним? — Или в нем, кажется.

Тонки кивает.

— Обелиски редко висят прямо над человеческими поселениями. У меня в Седьмом был приятель, который выдвигал по этому поводу кое-какие теории. Хочешь послушать?

Наконец до тебя доходит, что ты делаешь нечто глупое — провоцируешь Тонки. Ты прилагаешь огромные усилия, чтобы сердито посмотреть на нее.

– *Нет*.

Тонки смотрит на Лерну.

— Ее способности вроде не пострадали. Может, немного тормозная, но она всегда такой была.

— Да, спасибо, что подтвердила. — Лерна за-

канчивает то, что он делал, и снова садится на корточки. — Хочешь попробовать пройтись, Иссун?

— А не слишком ли? — говорит Тонки. Она хмурится, это видно, несмотря на то, что на ней очки. — После комы и всего такого…

— Ты не хуже меня знаешь, что Юкка не даст ей достаточно времени на выздоровление. Это может даже оказаться ей на пользу.

Тонки вздыхает. Но именно она помогает Лерне, когда тот подсовывает тебе руку под спину и поднимает тебя в сидячее положение. Хотя на это уходит сто лет. Когда ты выпрямляешься, у тебя голова идет кругом, но это быстро проходит. Но что-то не так. Возможно, это последствие того, через что тебе пришлось пройти — сдается, теперь ты навсегда будешь скрюченной, поскольку твое правое плечо провисает, потому, что его оттягивает рука, словно она

словно она из

О. *О*.

Остальные перестают занимать тебя, как только ты осознаешь, что случилось. Они смотрят, как ты поднимаешь плечо, насколько можешь, пытаясь поднести к глазам правую руку. Она тяжелая. Твое плечо ноет от усилия, хотя боль-

шая часть суставов еще из плоти, поскольку этот вес отягощает именно плоть. Некоторые связки трансформировались, но они все еще прикреплены к живой кости. Что-то скрежещет и натирает внутри того, что должно быть гладким шаровым шарниром. Тебе не так больно, как ты предполагала, когда видела такое у Алебастра. Ну хоть что-то. Остальная часть руки, с которой кто-то снял рукав рубашки и куртки, чтобы открыть ее, изменилась почти до неузнаваемости. Кроме того, что она все еще прикреплена к твоему телу, она приобрела вид, который тебе слишком знаком, — ладно. Не столь изящная и узкая, как в юности. Ты некогда была плотной, и это до сих пор видно по твоему роскошному предплечью и легкому провисанию кожи под плечом. Бицепс более выражен, чем обычно, — два года выживания. Кисть сжата в кулак, вся рука чуть поднята в локте. Ты всегда имела привычку сжимать кулаки, борясь с наиболее трудным моментом орогении.

Но родинки, которая некогда была на середине твоей кисти, вроде крохотной черной мушки, нет. Ты не можешь повернуть руку, чтобы посмотреть на локоть, потому ты касаешься его. Рубец, оставшийся от падения, больше не нащупывается, хотя

он должен выделяться по сравнению с кожей. Этот уровень тонкого разрешения ушел в текстуру, шершавую и плотную, как неполированный песчаник. Ты трешь ее — возможно, саморазрушительно, — но ни одной частички не отделяется под твоими пальцами; она крепче, чем кажется с виду. Цвет повсюду ровный, серовато-коричневый, совершенно не похожий на твою кожу.

— Так с тех пор, как Хоа принес тебя обратно. — Это Лерна, который молчал все время, пока ты рассматривала себя. Голос его лишен эмоций. — Он говорит, ему нужно твое разрешение, чтобы, ну…

Ты прекращаешь пытаться стереть свою каменную кожу. Может, это шок, может, страх поглотил твой шок, может, ты просто действительно ничего не чувствуешь.

— Тогда скажи, — говоришь ты Лерне. Усилия, затраченные, чтобы сесть и посмотреть на руку, немного привели тебя в норму. — Что мне делать с этим с точки зрения твоего профессионального мнения?

— Думаю, что тебе следует либо разрешить Хоа съесть ее, либо пусть кто-то из нас отколет ее кувалдой.

Ты кривишься.

— Это уж слишком драматично, тебе не кажется?

— Мне кажется, что всему остальному это не будет по зубам. Ты забываешь, что у меня было много времени, чтобы обследовать Алебастра, когда это случилось с ним.

Откуда-то в голове всплывает мысль, что Алебастру требовалось напоминать, что надо поесть, поскольку он не испытывал голода. Это не актуально, просто всплыла мысль.

— Он тебе позволял?

— А я не дал ему выбора. Мне нужно было понять, не заразно ли это, поскольку это расползалось по нему. Разок я взял пробу, и он пошутил, что Сурьма — его камнеедка — захочет получить ее назад.

Вряд ли это была шутка. Алебастр всегда улыбался, когда говорил самую жестокую правду.

— И ты отдал?

— Лучше тебе поверить, что да. — Лерна проводит рукой по волосам, смахивая горстку пепла. — Послушай, нам придется обернуть твою руку на ночь, чтобы ее холод не снизил температуры твоего тела. У тебя на коже растяжки там, где она ее оттягивает. Подозреваю, что она деформирует кости и растягивает сухожилия; суставы

не предназначены для такого веса. — Он мнется. — Мы можем отнять ее сейчас и передать Хоа позже, если хочешь. Не вижу причины, почему ты должна ее… вот так.

Ты думаешь, что Хоа сейчас где-то у тебя под ногами, слушает вас. Но Лерна как-то странно брезглив в этом отношении. Почему? Ты пытаешься догадаться.

— Я не против, если Хоа ее съест, — говоришь ты. Ты говоришь это не только ради Хоа. Ты действительно так думаешь. — И ему польза, и я от этой штуки избавлюсь, почему бы и нет?

Что-то вздрагивает в лице Лерны. Маска бесстрастности исчезает, и ты внезапно видишь, что мысль о том, что Хоа отъест твою руку, омерзительна ему. Что же, если смотреть под этим углом, то концепция отвратительна по сути своей. Однако это слишком утилитарный подход. Слишком атавистический. Ты хорошо знаешь по часам, проведенным среди клеток и частиц преобразующегося тела Алебастра, что именно происходит с твоей рукой. Глядя на нее, ты видишь все, кроме серебряных нитей магии, перестраивающей мельчайшие частички и энергию вещества твоего тела, передвигая одну частицу так, чтобы она ориентировалась в том же направлении, что и

другая, тщательно выстраивая решетку, которая связывает все воедино. Чем бы ни был этот процесс, он просто слишком точен, слишком мощен, чтобы быть случайным — или чтобы поедание его было для Хоа той гротескной нелепостью, как это видится Лерне. Но ты не знаешь, как объяснить это ему, а если и могла бы, тебе бы сил не хватило.

— Помоги мне встать, — говоришь ты.

Тонки робко берет тебя под каменную руку, поддерживая ее так, чтобы она не упала и не вывернула тебе плечо. Сверлит Лерну сердитым взглядом, пока тот, наконец, не встает и не подхватывает тебя под спину снова. Поддерживаемая ими, ты встаешь, но идти трудно. К концу ты задыхаешься, и колени у тебя ватные. Кровь в твоем теле не успевает подавать кислород, и на мгновение ты пошатываешься с кружащейся головой.

— Ладно, давай снова ее уложим, — тут же говорит Лерна. — Ты снова резко валишься, переводя дух, рука нелепо поднимает твое плечо, пока Тонки не поправляет ее.

Эта штука действительно тяжелая.

(Твоя *рука*. Не «эта штука». Это твоя правая рука. Ты потеряла правую руку. Ты это осознаешь

и скоро будешь оплакивать ее, но сейчас о ней проще думать как о вещи, отдельной от тебя. Особенно бесполезный протез. Доброкачественная опухоль, которую надо удалить. Все это так. А еще это твоя ржавая рука.)

Ты сидишь, задыхаясь и желая, чтобы мир перестал вращаться, когда слышишь чье-то приближение. Этот человек говорит громко, велит паковаться, отдых окончен, надо пройти еще пять миль до темноты. Юкка. Ты поднимаешь голову, и она подходит достаточно близко, и в этот момент ты понимаешь, что думаешь о ней как о друге. Ты понимаешь это, поскольку тебе приятно слышать ее голос и видеть, как она выступает из кружащегося пепла. Когда ты в последний раз видела ее, она была в серьезной опасности — ее угрожали убить камнееды, атакующие нижнюю Кастриму. Это одна из причин того, что ты использовала кристаллы нижней Кастримы, чтобы запереть атакующих. Ты хотела, чтобы она и все прочие орогены Кастримы, как, впрочем, и все люди Кастримы, зависевшие от орогенов, остались жить.

Ты улыбаешься. Улыбка слабая. Ты слаба. Вот потому тебе становится по-настоящему больно, когда Юкка поворачивается к тебе и поджимает

губы в откровенном отвращении.

Она сняла ткань с нижней части лица. Глаза ее подведены серо-черным, и даже конец света не заставит ее отказаться от макияжа, но ты не можешь их увидеть за очками, прикрученными к лицу тряпкой, чтобы защитить глаза от пепла.

— Дерьмо, — говорит она Хьярке. — Ты никак не хочешь дать мне услышать все до конца?

Хьярка пожимает плечами.

— Пока не заплатишь.

Ты смотришь на Юкку, и робкая застывшая улыбка сползает с твоего лица.

— Возможно, она полностью оправится, — говорит Лерна. Голос его нейтрален — ты сразу ощущаешь в нем осторожность хождения по лаве. Осторожно-по-лавовой-корке. — Но на ноги она раньше чем через несколько дней вряд ли встанет.

Юкка вздыхает, упирает руку в бедро и откровенно думает, что бы такого сказать. Останавливается тоже на нейтральном.

— Прекрасно. Я назначу еще людей на смену носильщикам. Но поставь ее на ноги как можно скорее. В этой общине все либо сами себя несут, либо остаются позади. — Она отворачивается и идет прочь.

— Ну, да, — тихо говорит Тонки, как только Юкка отходит подальше. — Она немного зла на то, что ты разрушила жеоду.

Ты морщишься.

— Разрушила… — О, но ведь так. Разрушила, заперев всех этих камнеедов в кристаллах. Ты хотела спасти всех, но Кастрима была машиной, очень старой, очень тонкой машиной, которой ты не понимала. И теперь вы наверху, бредете сквозь пеплопад… — О, ржавь земная, разрушила ведь.

— Что, ты не поняла? — Хьярка испускает смешок. Невеселый. — Ты действительно думала, что все мы наверху, вся эта ржавая община идет на север сквозь пепел и холод ради *прикола*? — Она отходит прочь, качая головой. Не одна Юкка зла из-за этого.

— Я не… — начинаешь было ты, *я не хотела*, и осекаешься. Потому, что ты не намеревалась этого делать, чем бы оно ни кончилось.

Лерна, глянув тебе в лицо, коротко вздыхает.

— Общину уничтожил Реннанис, Иссун. Не ты. — Он помогает тебе снова лечь на живот, но не смотрит тебе в глаза. — Мы потеряли Кастриму в ту самую минуту, как наводнили верхнюю Кастриму кипячами, чтобы спасти себя. Вряд ли

они ушли бы просто так или оставили на этой территории хоть что-то съедобное. Если бы мы остались в жеоде, мы так или иначе были бы обречены.

Это правда, и звучит совершенно рационально. Однако реакция Юкки показывает, что кое-что рациональному рассмотрению не поддается. Ты не можешь отнять у людей дом и чувство защищенности так внезапно и драматически и ожидать, что они увидят длинные цепочки ответственности прежде, чем разозлиться.

— Переживут. — Ты моргаешь и видишь, что Лерна смотрит на тебя, взгляд его чист и выражение лица искреннее. — Я смог — и они смогут. Просто нужно немного времени.

Ты не понимала, что он *действительно* пережил Тиримо.

Он не обращает внимания на твой пристальный взгляд, затем жестом подзывает четверых стоящих рядом людей. Ты уже лежишь, так что он подсовывает твою каменную руку тебе под бок, позаботившись, чтобы одеяло покрывало ее. Носильщики снова берутся за носилки, и тебе приходится приглушать свою орогению, которая — теперь, когда ты в сознании — стремится реагировать на каждый толчок как на землетря-

сение. Когда они пускаются в путь, перед тобой выныривает голова Тонки.

— Эй, все будет в порядке. Меня много кто терпеть не может.

Это совершенно не утешает. Расстраивает, что тебе не все равно и что остальные это видят. Ты всегда была такой твердой сердцем. Но внезапно ты понимаешь, почему ты вовсе не такая.

— Нэссун, — говоришь ты Тонки.

— Что?

— Нэссун. Я знаю, где она, Тонки. — Ты пытаешься поднять правую руку и схватить ее за руку, и в руке твоей пульсирует набегающая и отступающая боль. Ты слышишь звон. Это не больно, но ты про себя ругаешься, что позабыла. — Я должна пойти и найти ее.

Тонки бросает взгляд на твоих носильщиков, затем туда, куда ушла Юкка.

— Говори тише.

— Что? — Юкка прекрасно знает, что ты хочешь найти дочь. Это было практически первым, что ты ей сказала.

— Если хочешь, чтобы тебя бросили на обочине, продолжай говорить.

Ты затыкаешься, продолжая стараться унять орогению. О. Вот как, значит, Юкка взбешена.

Пепел продолжает падать, постепенно занося твои очки, поскольку у тебя нет сил смахнуть его. В возникшей серой полумгле на первое место становится необходимость восстановления твоего тела. Ты снова засыпаешь. Когда ты в следующий раз просыпаешься и смахиваешь пепел с лица, это потому, что носилки снова поставили и в крестец тебе упирается камешек или сучок. Ты стараешься сесть, опираясь на локоть, и это легче, хотя ты по-прежнему не способна на большее.

Наступила ночь. Несколько десятков людей устроились на чем-то вроде каменистого выступа среди чахлого недолеса. Камень сэссится знакомо по твоим исследованиям окружения Кастримы, и это помогает тебе сориентироваться: это участок недавнего тектонического подъема примерно в ста шестидесяти милях к северу от жеоды Кастримы. Это показывает тебе, что путешествие от Кастримы должно было начаться всего несколько дней назад, поскольку большая группа быстрее идти не может, и только здесь вы можете пройти в направлении на север. Реннанис. Каким-то образом все должны были узнать, что он пуст и пригоден для жилья. Или, может, они просто надеются, больше ведь не на что. Но хотя бы на этот счет ты можешь их уверить… если они будут

тебя слушать.

Люди вокруг тебя раскладывают костры, готовят вертелы, роют отхожие ямы. В нескольких точках лагеря небольшие груды разбитых кусков кристаллов Кастримы дают дополнительное освещение. Приятно узнать, что вокруг достаточно орогенов, чтобы кристаллы светились. Кое-где работа идет плохо, поскольку люди не привыкли к ней, но в остальном все хорошо организовано.

То, что в Кастриме более чем достаточно тех, кто умеет жить в дороге, оказывается для нее благом. Твои носильщики, однако, оставляют тебя там, где опустили носилки, и если кто-то и собирается развести для тебя костер или принести тебе еды, то они еще не занялись этим. Ты замечаешь Лерну на корточках среди небольшой группы людей, которые тоже лежат, но он занят.

О, да, здесь же должно быть много раненых после того, как солдаты Реннаниса прорвались в жеоду.

Ладно, тебе не нужен костер и ты не голодна, так что общее безразличие к тебе задевает тебя лишь на миг, разве что эмоционально. Беспокоит тебя то, что исчез твой дорожный рюкзак. Ты пронесла его через половину Спокойствия, хранила в нем свои старые ранговые кольца, даже уберегла

их от превращения в каменную пыль, когда в твоем доме проходил преображение камнеед. В нем было немного такого, что все еще имеет значение для тебя, но он сам здесь и сейчас имел некоторую сентиментальную ценность.

Что же, все что-то потеряли.

Внезапно твой ближний круг ощущений отягощает гора. Несмотря ни на что ты ловишь себя на том, что улыбаешься.

— Все гадала, когда ты появишься.

Над тобой стоит Хоа. Ты до сих пор не привыкла видеть его таким: взрослым, среднего роста, а не маленьким ребенком, черный полосатый мрамор вместо белой плоти. Однако каким-то образом легко увидеть в нем ту же самую личность — тот же овал лица, те же неотступные льдистые глаза, та же невыразимая странность, тот же налет тайного сумасбродства — как у того Хоа, которого ты знала весь прошлый год. Что изменилось, что этот камнеед больше не кажется тебе чужим? В нем — только внешность. В тебе — все.

— Как ты? — спрашивает он.

— Лучше. — Рука тянет тебя вниз, когда ты сдвигаешься, чтобы получше его видеть, постоянно напоминая тебе о неписаном контракте между вами. — Ты рассказал им о Реннанисе?

— Я. И я веду их туда.

— Ты?

— Насколько Юкка меня слушает. Я думаю, она предпочитает камнеедов в качестве молчаливой угрозы, чем как активных союзников.

Это заставляет тебя рассмеяться. Однако.

— А ты *союзник*, Хоа?

— Не их. Юкка это тоже понимает.

Да. Вероятно, потому ты до сих пор жива. Пока Юкка обеспечивает твою безопасность и кормит тебя, Хоа будет помогать. Ты снова в дороге, и все это опять ржавая сделка. Община, бывшая Кастримой, живет, но больше она не община в истинном смысле слова, просто группа странников-единомышленников, сотрудничающих ради выживания. Возможно, она сможет снова стать настоящей общиной позже, как только обретет новый дом, чтобы защищать его, но пока ты понимаешь, почему Юкка зла. Потеряно нечто целостное и прекрасное.

Ладно. Ты смотришь на себя. Ты уже не целостная, но то, что от тебя осталось, можно укрепить; скоро ты будешь способна пойти за Нэссун. Но сначала то, что должно быть сделано в первую очередь.

— Мы собираемся сделать это?

Хоа несколько мгновений молчит.

— Ты уверена?

— Эта рука ничего хорошего мне не приносит, скажем так.

Еле слышный звук. Скрежет камня о камень, медленный и неотвратимый. Очень тяжелая рука ложится на твое полупреобразившееся плечо. Несмотря на ее вес, у тебя ощущение, что по стандартам камнеедов это нежное прикосновение. Хоа осторожен с тобой.

— Не здесь, — говорит он и утягивает тебя в землю. Лишь на мгновение. Он всегда совершает эти путешествия сквозь землю быстро, поскольку, вероятно, если бы это занимало больше времени, то было бы трудно дышать… и не свихнуться. Это чуть больше чем размытое ощущение движения, вспышка в темноте, слабый запах глины, гуще чем едкий пепел. Потом ты лежишь на другом каменном выступе — вероятно, том самом, на котором расположилась остальная Кастрима, чуть в отдалении от лагеря. Здесь нет костров; единственный свет — красноватый отсвет на плотных облаках впереди. Твои глаза быстро привыкают, хотя тут не на что смотреть, кроме камней и тени соседних деревьев. И человеческий силуэт, сидящий на корточках рядом с тобой.

Хоа ласково берет в руки твою каменную кисть, почти благоговейно. Вопреки себе ты ощущаешь торжественность момента. А почему бы ему и не быть торжественным? Это жертвоприношение, которого требуют обелиски. Фунт плоти, который ты должна заплатить за кровавый долг твоей дочери.

— Это не то, что ты думаешь, — говорит Хоа, и на мгновение тебе кажется, что он читает твои мысли. Но скорее всего это потому, что он стар, как эти сухие холмы, и читает по выражению твоего лица. — Ты видишь в нас то, что было потеряно, но мы и приобретаем. Это не такая мерзкая вещь, как кажется.

Похоже, он собирается съесть твою руку. Ты не против, но хочешь понять.

— Тогда что? Почему… — Ты качаешь головой, не зная даже, о чем спрашивать. Может, *почему* не имеет значения. Может, ты не сможешь понять. Может, это не предназначено для тебя.

— Это не ради пропитания. Нам нужна только жизнь, чтобы жить.

Последняя половина его высказывания тоже бессмысленна, так что ты цепляешься за первую.

Если это не пища, то…

Хоа снова медленно передвигается. Камнееды

нечасто так поступают. Движение — то, что подчеркивает их загадочность, такое человеческое и в то же время дико чуждое. Было бы легче, если бы они были более чужими. Когда они вот так двигаются, ты видишь то, чем они некогда были, и это знание — угроза и предупреждение всему человеческому в тебе.

И все же. *Ты видишь в нас то, что было утрачено, но мы и приобретаем.*

Он поднимает твою руку обеими своими, одной поддерживая твой локоть и легко охватывая пальцами твой сжатый потрескавшийся кулак. Медленно, медленно. Так твоему плечу не больно. На полпути к лицу он передвигает руку, которая была у тебя под локтем, чтобы поддерживать твое плечо под мышкой. Его камень скользит по твоему с легким скрежетом. Это удивительно чувственно, хотя ты не можешь ничего ощущать.

Затем твой кулак у его губ. Они не шевелятся, когда он говорит исходящим из груди голосом:

— Ты боишься?

Ты долго думаешь над этим. А разве не должна бы? Но…

— Нет.

— Хорошо, — отвечает он. — Я делаю это ради тебя, Иссун. Все ради тебя. Ты веришь?

Поначалу ты не знаешь. Повинуясь порыву, ты поднимаешь руку и проводишь пальцами здоровой руки по его твердой, холодной, полированной щеке. Его трудно рассмотреть, черного в темноте, но твой большой палец нащупывает его лоб и проводит по его носу, который во взрослом состоянии длиннее прежнего. Он сказал тебе однажды, что считает себя человеком, несмотря на свое странное тело. Ты запоздало осознаешь, что ты тоже решила смотреть на него как на человека. Это превращает его действие в нечто иное, чем просто поедание. Ты не уверена, во что именно, но… но это ощущается как дар.

— Да, — говоришь ты. — Я верю тебе.

Его рот раскрывается. Широко, еще шире, шире, чем может открыться любой человеческий рот. Когда-то тебя беспокоило, что у него слишком маленький рот, теперь он достаточно широк, чтобы вместить кулак. И какие у него зубы — маленькие, ровные, прозрачные, как алмаз, очаровательно блестящие в красноватом вечернем свете. За этими зубами одна тьма.

Ты закрываешь глаза.

* * *

Она была в дурном настроении. Старость, сказал мне один из ее детей. *Она* же сказала, что это просто стресс после попытки предупредить людей, которые не пожелали слушать, что грядут плохие времена. Это было не дурное настроение, это была привилегия ее возраста – обходиться без ложной вежливости.

– В этой истории нет злодея, – сказала она. Мы сидели в шатровой теплице, единственной теплице, потому что она настояла. Скептики Сила до сих пор утверждают, что нет доказательств тому, что все случится так, как сказала она, но она ни разу не ошиблась в своих предсказаниях, и она больше Сил, чем они. Она пила сеф, словно подчеркивая правду химикатами.

– Нельзя указать на единственное зло, единственный момент, когда все меняется, – продолжала она. – Бывало плохо, потом ужасно, потом лучше и потом снова плохо, и все повторялось и повторялось, потому что некому было

этого остановить. Но события можно… подправить. Увеличить срок лучшего, предсказывать и укорачивать ужасное. Иногда предотвращать ужасное, улаживая просто плохое. Я перестала пытаться остановить людей. Просто научила моих детей помнить, учить и выживать… пока кто-нибудь в конце концов не разорвет этот круг ради блага.

Я был смущен.

– Вы говорите о Выжигании? – В конце концов, я именно об этом пришел говорить. Сто лет, предсказала она полвека назад. Что еще имело значение?

Она лишь улыбнулась.

– Расшифровка интервью, перевод с языка Строителей обелисков С, найденная на плато Тапита, руины #723 Минаш Инноватором Дибарс. Дата неизвестна, переводчик неизвестен. Предположение: первый лорист? Личное примечание: Бастер, ты должен там побывать. Повсюду сокровища истории, большинство слишком разрушены для дешифровки, но все же…

Жаль, что тебя здесь нет.

2
Нэссун вырывается на свободу

НЭССУН СТОИТ НАД ТРУПОМ отца, если возможно назвать эту груду колотых драгоценных камней трупом. Ее пошатывает, голова кружится из-за обильно кровоточащей раны в плече, там, куда всадил нож ее отец. Этот удар — результат невозможного выбора, который он поставил перед ней: быть его дочерью или орогеном. Она отказалась совершать экзистенциальное самоубийство. Она отказалась платить орогенией за право жить. В этот финальный момент ни в ком из них не было злобы, лишь мрачная жестокость неизбежности.

В стороне от этого зрелища стоит Шаффа, Страж Нэссун, который неотрывно смотрит на останки Джиджи Стойкости Джекити со смесью изумления и холодного удовлетворения. По другую сторону Нэссун стоит Сталь, ее камнеед. Теперь вполне возможно называть его так — ее камнеед, поскольку он пришел к ней в час ее беды — не ради помощи, нет-нет, но тем не менее с чем-то значимым для нее. То, что он предлагает и необ-

ходимость чего она, наконец, осознает, — это *цель*. Даже Шаффа не дал ей этого, но это потому, что Шаффа любит ее несмотря ни на что. Ей нужна такая любовь тоже, о, как нужна, но сейчас, когда ее сердце так жестоко разбито, когда ее мысли вразброд, ей крайне нужно что-то более… твердое.

Она получит ту твердость, которой желает. Она будет сражаться за нее и убивать ради нее, поскольку ей приходилось делать это снова и снова, и это вошло в привычку, и, если ей повезет, она умрет ради этого. В конце концов, она дочь своей матери — и лишь народ, который думает, что у них есть будущее, боится смерти. В здоровой руке Нэссун пульсирует трехфутовый заостренный кристалл, темно-синий и прекрасно ограненный, хотя и с небольшой деформацией возле основания, сформировавшейся в подобие рукояти. То и дело этот странный длинный кинжал переходит в прозрачное, неосязаемое, спорно реальное состояние. Оно весьма реально — только концентрация Нэссун не дает этой штуке в ее руке превратить ее в цветной камень, как ее отца.

Она боится того, что может случиться, если она упадет в обморок от потери крови, так что она с удовольствием отправила бы сапфир в небо,

чтобы тот вернулся к своей основной форме и чудовищным размерам, — но не может. Пока нет.

Есть еще две причины — они стоят в дверях спальной. Умбра и Нида, двое других Стражей Найденной Луны. Они следят за ней, и, когда ее взгляд падает на них, нити серебра, переплетенные между ними, вспыхивают. Нет обмена ни словами, ни взглядами, просто это немое общение, которого Нэссун и не заметила бы, не будь она тем, что она есть. Под каждым Стражем тонкие серебряные узы, извиваясь, входят в их стопы, вплетаются в мерцание нервов и вен их тела и тянутся к крохотным кусочкам железа, вживленным в их мозг. Эти тонкие нити-корни всегда были здесь, но, возможно, именно напряженность момента заставляет Нэссун увидеть, наконец, насколько *толсты* эти нити света в каждом Страже — куда толще, чем те, что связывают с землей Шаффу. И наконец она понимает, что это значит: Умбра и Нида лишь марионетки чьей-то более сильной воли. Нэссун пыталась верить в лучшее в них, что они сами по себе, но здесь, сейчас, с сапфиром в руке и мертвым отцом у ее ног… иногда зрелость не может ждать подходящего времени года.

Нэссун вонзает торус глубоко в землю, поскольку-

ку знает, что Умбра и Нида это почувствуют. Это обман — ей не нужна сила земли, и она подозревает, что они это знают. И все же они реагируют — Умбра разводит руки, и Нида, привалившаяся спиной к косяку, выпрямляется. Шаффа тоже реагирует, его взгляд встречается с ней. Неизбежно, что Умбра и Нида заметят, но тут ничего не поделать; в мозгу Нэссун нет ни куска Злого Земли, облегчающего общение. Но где не срабатывает суть, свое берет забота. Он говорит:

— Нида, — и это все, что ей нужно.

Умбра и Нида двигаются. Быстро — очень быстро, — поскольку серебристая решетка внутри каждого укрепила их кости и натянула волокна их мышц так, что они могут делать то, чего не может обычная плоть. Перед ними с неотвратимостью бури катится волна подавления, немедленно поражая главные доли сэссапин Нэссун онемением, но она уже в обороне. Не физически, в этой битве она им не соперник, да и едва стоит на ногах. Ей остались лишь воля и серебро.

Потому Нэссун — тело ее спокойно, ее разум неистов — хватает серебристые нити из воздуха вокруг себя и свивает грубую, но эффективную сеть. (Она никогда не делала такого прежде, но никто и не говорил ей, что так нельзя.) Она набра-

сывает часть ее на Ниду, не обращая внимания на Умбру, поскольку так сказал Шаффа. И в следующее мгновение она понимает, почему он велел ей сосредоточиться лишь на одном из Стражей. Серебро, которое она спряла вокруг Ниды, должно было бы крепко связать ее, как насекомое, влипшее в паутину. Вместо этого Нида резко останавливается, затем смеется, когда нити *чего-то еще* выбрасываются из нее и бьют по воздуху, рассекая сеть вокруг нее. Она снова бросается на Нэссун, но та — после испуга от скорости и эффективности реакции Стража — поднимает камень из земли и пронзает стопу Ниды. Это лишь ненамного тормозит ее. Она рвется вперед, ломая осколки камня, которые продолжают торчать из ее ботинок. Пальцы одной ее руки сложены как когти, другая кисть сложена как плоский клинок. Какой рукой первой дотянется, так и будет рвать Нэссун.

Здесь Нэссун паникует. Лишь чуточку, поскольку иначе потеряет контроль над сапфиром, — но все же. Она ощущает сырое, голодное, хаотическое дрожание серебряных нитей в теле Ниды, она никогда не чувствовала подобного, и это почему-то внезапно пугает. Она не знает, что сделает с ней эта странная дрожь, если Нида

хоть чем-то коснется обнаженной кожи Нэссун. (Ее мать-то знает.) Она отступает на шаг, желая, чтобы сапфировый длинный кинжал передвинулся в оборонительное положение между ней и Нидой. Ее здоровая рука все еще на рукояти сапфира, так что это выглядит, будто она размахивается — слишком медленно и дрожа. Нида снова смеется — высоким голосом, с удовольствием, поскольку обе они видят, что даже сапфира будет недостаточно, чтобы остановить ее. Нида выбрасывает вперед руку, сложенную когтистой лапой, ее пальцы распластываются по щеке Нэссун, когда она уклоняется, как змея, от дикого замаха Нэссун — Нэссун роняет сапфир и кричит, ее онемевшие сэссапины отчаянно, беспомощно сокращаются…

Но все Стражи забыли об еще одном страже Нэссун. Сталь словно не двигается. Последние несколько минут он стоит спиной к груде, бывшей Джиджей, с безмятежным лицом, расслабленный, глядя на северный окоем. В следующее мгновение он уже ближе, прямо рядом с Нэссун, перенесшись так быстро, что Нэссун слышит резкий хлопок воздуха. И движение Ниды вперед резко останавливается, поскольку ее глотка крепко зажата в кольце поднятой руки Стали.

Она вопит. Нэссун часами слушала ее бессвязную болтовню дребезжащим голосом, и, возможно, это заставило ее думать о Ниде как о певчей птичке, болтливой, щебечущей и безобидной. Этот вопль — крик хищника, чья дикость превратилась в ярость из-за того, что ей не дали обрушиться на добычу. Она пытается вырваться, рискуя ободрать кожу и порвать связки, но хватка Стали крепка как камень. Она попалась.

Звук откуда-то сзади заставляет Нэссун резко обернуться. В десяти футах позади нее Умбра и Шаффа размыто слились в поединке. Она не может видеть, что происходит. Оба двигаются чересчур быстро, бьют стремительно и жестоко. Когда ее уши ловят звук удара, они уже в другом положении. Она даже не может сказать, что они делают, — но она боится, так боится за Шаффу. Серебро в Умбре течет рекой, сила постоянно поступает в него через эти блестящие корни. Однако в Шаффе это течение тоньше, как цепь стремнин и заторов, дергающая его нервы и мышцы и непредсказуемо вспыхивающая в попытках отвлечь его. По сосредоточенному лицу Шаффы Нэссун видит, что *он* все еще держит ситуацию под контролем, и что именно это спасло его; его движения непредсказуемы, стратегически рас-

считаны, выверены. И все же. Потрясающе, что он вообще может сражаться. И то, как он заканчивает бой, когда его рука по запястье входит под челюсть Умбры, ужасает.

Умбра издает ужасающий звук, замирает — но мгновением позже его рука снова устремляется к глотке Шаффы, размываясь от скорости движения.

Шаффа ахает — так коротко, что это может быть просто вздох, но Нэссун слышит в этом предупреждение — и отводит удар, но Умбра все же двигается, хотя глаза его закатились, а движения дерганые и неуклюжие. Нэссун осознает — Умбры уже нет в его теле. Что-то иное управляет его конечностями и рефлексами, пока жизненно важные связи не разрушены. И да — в следующее мгновение Шаффа бросает Умбру наземь, вырывает свою руку из его тела и растаптывает голову противника.

Нэссун не может смотреть. Она слышит хруст — этого довольно. Она слышит, что Умбра еще дергается, движения его более слабые, но упорные, и она слышит слабый шорох одежды Шаффы, когда тот наклоняется. Затем она слышит то, что ее мать в последний раз слышала в той маленькой комнатке в крыле Стражей в Эпицентре: треск

кости и звук рвущихся хрящей, когда Шаффа погружает пальцы в основание размозженного черепа Умбры.

Нэссун не может закрыть уши, потому она фокусируется на Ниде, которая все еще пытается вырваться из несокрушимой хватки Стали.

— Я… я… — пытается заговорить Нэссун. Ее сердце лишь чуть успокоилось. Сапфир еще сильнее дрожит в ее руках. Нида все еще хочет убить ее. Стали, который показал себя лишь как возможный, а не определенный союзник, нужно всего лишь ослабить хватку, и Нэссун умрет. Но. — Я н… не хочу убивать тебя, — выдавливает она. Это даже правда.

Нида резко замирает и замолкает. Ярость постепенно превращается в отсутствие выражения лица.

— Оно сделало то, что должно было сделать, в последний раз, — говорит она.

По коже Нэссун бегут мурашки, когда она осознает, что поменялось нечто неощутимое. Она не уверена, что именно, но больше она не думает о Ниде как о совсем Ниде. Она сглатывает.

— Что сделало? Кто?

Взгляд Ниды падает на Сталь. Слышится слабый скрежет, когда губы Стали раскрываются в

широкой зубастой улыбке. И прежде, чем Нэссун успевает придумать очередной вопрос, рука Стали поворачивается, не размывается — неестественно медленно, словно имитирует движение человека. (Или пародирует.) Он притягивает к себе руку и вращает кистью так, чтобы развернуть Ниду спиной к себе. Поднимает ее затылок к своему рту.

— Он в гневе, — спокойно продолжает Нида, хотя сейчас ее лицо отвернуто и от Стали, и от Нэссун. — Но даже сейчас он, возможно, готов уступить, простить. Он требует правосудия, но…

— Он уже тысячу раз получил свое правосудие, — говорит Сталь. — Больше я ничего не должен. — Затем он широко распахивает рот.

Нэссун снова отворачивается. Утром, когда она превратила собственного отца в груду осколков, некоторые вещи все еще остаются слишком непристойными для ее детских глаз. По крайней мере, Нида больше не шевелится, когда Сталь бросает ее труп на землю.

— Мы не можем оставаться здесь, — говорит Шаффа. Когда Нэссун с трудом сглатывает и фокусирует взгляд на нем, она видит, что он стоит над трупом Умбры, держа что-то маленькое и острое в окровавленной руке. Он смотрит на этот

предмет с той же холодной отстраненностью, с которой бросается на тех, кого намерен убить. — Придут другие.

Сквозь ясность почти предсмертного выброса адреналина Нэссун понимает, что он говорит о других осквернённых Стражах — и не наполовину, как сам Шаффа, который как-то умудрился сохранить хоть какую-то свободную волю. Нэссун сглатывает и кивает, ощущая себя спокойнее, когда больше никто активно не пытается убить ее.

— А к… как остальные дети?

Некоторые из этих самых детей стоят на пороге спальни, пробужденные толчком сапфира, когда Нэссун призвала его в форме длинного кинжала. Нэссун понимает, что они видели все. Один-двое плачут, видя гибель своих Стражей, но большинство просто смотрят на Шаффу в немом шоке. Одного из младших рвет прямо на ступенях.

Шаффа долго смотрит на них, затем искоса на нее. Холодность все еще не ушла, говоря о том, чего не слышно в его голосе.

— Им надо быстро покинуть Джекити. Без Стражей местные вряд ли потерпят их присутствие. — Или Шаффа может их убить. Так он поступал со всеми неподконтрольными ему орогенами, которых они встречали. Либо они

принадлежат ему, либо они угроза.

— Нет, — выпаливает Нэссун. Она обращается к этой молчаливой холодности, а не противится словам Шаффы. Холодность чуть усиливается. Шаффа не любит, когда она говорит «нет». Она делает глубокий вздох, чуть успокаивается и поправляет себя.

— Пожалуйста, Шаффа. Я просто… не перенесу.

Это чистое лицемерие. Решение, недавно принятое Нэссун, молчаливое обещание над трупом отца, изобличает ее. Шаффа не может знать, что она решила, но краем глаза она с болью ловит окровавленную усмешку Стали. Она сжимает губы. Она не лжет. Она не может вынести жестокости, этого бесконечного страдания, речь об этом. То, что она решила сделать, будет сделано, и, если ничего не помешает, быстро и милосердно.

Шаффа мгновение смотрит на нее. Затем чуть морщится, резко, как часто с ним бывает в последние недели. Когда спазм проходит, он натягивает улыбку и подходит к ней, хотя сначала крепко сжимает кусочек металла, вырванного из Умбры.

— Как твое плечо?

Она трогает его. Ткань рукава ее ночной сорочки пропитана кровью, но кровь не струится, и

она может двигать рукой.

— Болит.

— Боюсь, будет болеть некоторое время. — Он оглядывается по сторонам, затем встает и идет к трупу Умбры. Отрывает один из рукавов его рубашки — тот, который не так заляпан кровью, как другой, с отстраненным облегчением замечает Нэссун, — подходит и закатывает ее рукав, затем помогает ей завязать ткань вокруг плеча. Туго заматывает. Нэссун знает, что это хорошо, и, вероятно, рану не придется зашивать, но на миг боль усиливается, и она опирается на него. Он позволяет ей это, гладит ее по волосам свободной рукой. Нэссун замечает, что в окровавленной он крепко сжимает кусочек металла.

— Что ты будешь с ним делать? — спрашивает Нэссун, глядя на его сжатый кулак. Она не может отделаться от впечатления, что там что-то злое выпускает и втягивает щупальца, ища кого-то еще, чтобы заразить его волей Злого Земли.

— Не знаю, — тяжело говорит Шаффа. — Для меня оно неопасно, но я помню, что в… — Он на миг сдвигает брови, явно пытаясь поймать погибшие воспоминания. — Что когда-то где-то мы просто перерабатывали их. Здесь, думаю, я найду какое-нибудь пустынное место и выброшу его,

надеясь, что в скором времени на него никто не наткнется. А ты что будешь делать вот с *этим*?

Нэссун следует за его взглядом, где сапфировый длинный кинжал сам по себе заплыл ей за спину и завис в воздухе в футе от ее спины. Он чуть передвигается, следуя за ее движениями, и еле слышно гудит. Она не понимает, почему он так себя ведет, хотя его смутная, дремлющая сила придает ей уверенности.

— Надо будет убрать его назад.

— Как ты?..

— Он просто был мне нужен. Он знал, что мне было нужно, и изменился ради меня. — Нэссун слегка пожимает плечами. Так трудно объяснять это словами. Затем она хватается за его рубашку здоровой рукой, потому что знает, что если Шаффа не отвечает — это плохой признак. — Остальные, Шаффа.

Наконец он вздыхает.

— Я помогу им собрать рюкзаки. Идти можешь?

Нэссун испытывает такое облегчение, что сейчас могла бы полететь.

— Да. Спасибо. Спасибо тебе, Шаффа!

Он качает головой, явно сожалея, затем снова улыбается.

— Иди в дом твоего отца и собери все полезное, что можно унести, малышка. Я приду туда к тебе.

Она медлит. Если Шаффа решил убить остальных детей в Найденной Луне… Он же не станет? Он же сказал, что не станет.

Шаффа останавливается, подняв бровь над улыбкой, изображая вежливый спокойный вопрос. Это иллюзия. Серебро все еще хлещет Шаффу, пытаясь заставить его убить ее. Наверняка он испытывает чудовищную боль. Но он противится кнуту, как уже много недель. Он не убьет ее потому, что любит. И если она не может доверять ему, то вообще никому нельзя.

— Хорошо, — говорит Нэссун. — Встретимся у папы.

Отодвинувшись от него, она видит Сталь, который тоже повернулся к Шаффе. За последние несколько секунд Сталь убрал кровь с губ. Она не знает, как. Но он протянул одну серую руку к ним — нет. К Шаффе. Шаффа склоняет голову набок в этот момент, раздумывает, а в следующее мгновение кладет окровавленную железку в руку Стали. Рука Стали мгновенно смыкается, затем раскрывается — медленно, словно показывая фокус. Но железки нет.

Шаффа вежливо склоняет голову в знак благодарности.

Два ее чудовищных защитника, которым приходится сотрудничать ради нее. Но разве Нэссун сама не чудовище? Поскольку как раз перед тем, как Джиджа пришел убить ее, она ощутила это — этот пик чудовищной мощи, концентрированной и усиленной десятками работающих вместе обелисков. Сталь назвал это Вратами Обелисков: это обширный и сложный механизм, созданный мертвой цивилизацией ради какой-то непостижимой цели. Сталь также упоминал нечто, именуемое Луной. Нэссун слышала эти сказки — когда-то давным-давно у Отца-Земли было дитя. И потеря его разгневала Землю и породила Пятое время года.

В сказках была невероятная надежда и бессмысленная экспрессия, которые лористы используют ради того, чтобы заинтриговать слушателей. *Однажды, если дитя Земли вернется…* То есть когда-нибудь Отца-Землю можно будет в конце концов умилостивить. Однажды Зимы закончатся, и в мире все будет правильно.

Только вот отцы все равно будут пытаться убивать своих детей-орогенов, не так ли? Даже если Луна вернется. Ничто не прекратит этого.

*Верни Луну, с*казал Сталь. Прекрати страдания мира.

На самом деле некоторый выбор вовсе и не выбор.

Нэссун желает, чтобы сапфир снова завис перед ней. Она не сэссит ничего из-за последствий подавления Ниды и Умбры, но есть и иные пути ощущать мир. И среди мерцания не-воды сапфира, когда он уничтожает и воссоздает себя из концентрированной неохватности серебряного света, запасенного в его кристаллической решетке, таится подспудное послание, написанное уравнениями силы и равновесия, которое Нэссун решает инстинктивно, не при помощи математики.

Далеко. За неведомым морем. Ее мать держит ключи от Врат Обелисков, но на засыпанных пеплом дорогах Нэссун научилась другим способом открывать любые врата — ломать петли, перебираться сверху или подкапываться. И далеко, на другой стороне мира, есть место, где контроль Иссун над Вратами может быть ниспровергнут.

— Я знаю, куда нам надо идти, Шаффа, — говорит Нэссун.

Он смотрит на нее пару мгновений, переводя взгляд с нее на Сталь.

— Знаешь?

— Да. Но это действительно долгий путь. — Она закусывает губу. — Ты пойдешь со мной?

Он склоняет голову с широкой искренней улыбкой.

— Куда угодно, моя малышка.

Нэссун испускает долгий вздох облегчения и неуверенно улыбается в ответ. Затем она решительно поворачивается спиной к Найденной Луне с ее трупами и спускается по холму, ни разу не обернувшись.

* * *

2729 по Имперскому исчислению: свидетели из общины Аманд (квартент Дибба, запад Северного Срединья) сообщают о неизвестной рогге, открывшей газовую каверну возле городка. Непонятно, что это был за газ – убивал ли в секунды, язык становился лиловым, он был удушающим или ядовитым? И то, и другое? По сообщениям, другая рогга каким-то образом остановила первую и загнала газ назад в жерло и запечатала. Граждане Аманда застрелили обеих как можно быстрее, чтобы предотвратить дальнейшие инциденты. Эпицентр оценил газовую каверну как существенную – достаточно, чтобы убить большую часть населения и скота в западной половине Северного Срединья с последующим заражением почвы. Первая рогга была семнадцати лет, отреагировала на преследователя младшей сестры. Та, что ее усмирила, была семи лет, сестрой первой.

Проектные записки Ятра Инноватора Дибарс

Сил Анагист: Пять

—

ХОУВА, — ГОВОРИТ ГОЛОС У МЕНЯ ЗА СПИНОЙ.

(У меня? У меня.)

Я отворачиваюсь от жгучего окна и сада подмигивающих цветов. Рядом с Гэвой и одним из проводников стоит какая-то женщина. Я ее не знаю. С виду она одна из них — мягкая кожа, вся коричневая, серые глаза, темно-коричневые, вьющиеся локонами волосы, высокая. В ширине ее лица есть намеки на *инаковость* — или, возможно, рассматривая эти воспоминания сквозь призму тысячелетий, я вижу то, что хочу видеть. Не имеет значения то, как она выглядит. Для моих сэссапин ее родство с нами столь же очевидно, как пушистые белые волосы Гэвы. Ее давление на окружающую среду проявляется как взвихренная, невероятно тяжелая, непреодолимая сила. Это делает ее настолько одной из нас, как если бы она была осажена из той же самой биомагестрической смеси.

(Ты похожа на нее. Нет. Это я *хочу*, чтобы ты была похожа на нее. Это нечестно, хотя и верно

— ты действительно похожа на нее, но иначе, не просто внешне. Прости, что я так принизил тебя.)

Проводник говорит, как все они, тонкими вибрациями, которые проходят по воздуху и едва беспокоят землю. *Словами*. Я знаю словоимение этой проводницы, Фейлен, а еще знаю, что она одна из самых приятных, но это знание мертво и неопределенно, как многое в их отношении. Очень долгое время я не мог отличить одного из них от другого.

Они выглядят по-разному, но у них одно и то же не-присутствие в окружающем. Мне по-прежнему приходится себе напоминать, что текстура их волос, и разрез глаз, и уникальный запах тела имеют для них такое же значение, как дрожь тектонических плит для меня.

Я должен уважать их различия. Мы, в конце концов, неполноценны, лишены многого, что сделало бы нас людьми. Это было необходимо, и я не жалуюсь на то, чем я являюсь. Но многое было бы проще, если бы я мог лучше понимать наших создателей.

Итак, я смотрю на новую женщину, нашу-женщину, и пытаюсь обращать внимание на то, как проводник *представляет* ее. Представление

— ритуал, который состоит из объяснения звуков имен и взаимоотношений… семьи?

Профессий? Честно, не знаю. Я стою там, где мне полагается стоять, и говорю то, что должен говорить. Проводник говорит новой женщине, что я Хоува, а Гэва — это Гэва, эти словоимена они используют для обозначения нас. Новая женщина, говорит проводник, зовется Келенли. Это тоже неправильно.

На самом деле ее имя — *глубокое пронзание, сладостный прорыв праха, мягкая кремниевая подложка, реверберация*, но я попытаюсь запомнить это «Келенли», когда буду использовать слова для разговора.

Проводница выглядит довольной, когда я говорю «как поживаете» когда положено. Я доволен — это *представление* очень сложно, но я усердно трудился, чтобы овладеть этим. После этого она начинает разговаривать с Келенли. Когда становится понятно, что направляющему больше нечего мне сказать, я захожу на спину Гэве и начинаю заплетать ее густую пушистую гриву. Проводникам, похоже, нравится, когда мы это делаем, хотя я не знаю, почему. Один из них сказал, что «так мило» видеть, как мы заботимся друг о друге, прямо как люди. Не уверен, что понимаю,

что такое «мило».

А тем временем я слушаю.

— Просто не имеет смысла, — вздыхает Фейлен. — То есть цифры не лгут, но…

— Если вы хотите зарегистрировать протест… — начинает Келенли. Ее слова поражают меня так, как никогда прежде. В отличие от проводницы, ее голос имеет вес и текстуру, глубокие, как пласты, и многослойные. Она посылает слова в землю, когда говорит, как мысленную речь. От этого они ощущаются более реальными. Фейлен, которая, похоже, не замечает, насколько глубоки слова Келенли — или, возможно, ей все равно, — делает раздраженное лицо, реагируя на то, что она сказала. Келенли повторяет: — *Если* вы хотите, я могу попросить Галлата удалить меня из списка.

— И слушать его вопли? Злая Смерть, его же не заткнешь. У него же бешеный темперамент. — Фейлен улыбается. Это не приятно удивленная улыбка. — Для него это должно быть трудно — он хочет, чтобы проект удался, но в то же время хочет вас удержать… ладно. *Лично мне* нормально, если вы будете лишь в резерве, но я же не видела данных моделирования.

— Я видела, — весомо говорит Келенли. — Риск

задержки или отказа мал, но не равен нулю.

— Ну вот. Даже малый риск — слишком много, если мы можем что-то с этим сделать. Думаю, они обязаны быть осторожнее и допускать ваше вмешательство… — Внезапно Фейлен становится растерянной. — Ой… простите. Не хотела обидеть вас.

Келенли улыбается. И я, и Гэва можем видеть, что это лишь поверхностный слой, не настоящее ощущение.

— Я не обиделась.

Фейлен облегченно выдыхает.

— Хорошо, я сейчас уйду в Наблюдательную и оставлю вас троих знакомиться. Постучите, когда закончите.

С этими словами направляющая Фейлен покидает комнату. Это хорошо, поскольку, когда их нет рядом, мы можем разговаривать свободнее. Двери закрываются, и я поворачиваюсь лицом к Гэве (которая на самом деле *адуляресцентный вкус солей треснувшей жеоды, тающее эхо*). Она еле заметно кивает, поскольку я правильно угадал, что у нее есть что-то важное для меня. За нами постоянно наблюдают. Так что некоторая игра необходима. Гэва говорит ртом:

— Координатор Фейлен сказала мне, что они

готовят изменение нашей конфигурации. — Остальной собой она говорит — атмосферными пертурбациями и тревожным подергиванием серебристых нитей: *Тетлеву перевели в терновую рощу*.

— Перемена на таком позднем сроке? — Я смотрю на нашу-женщину, Келенли, чтобы понять, слышит ли она весь разговор. Она так похожа на них, вся цветная на поверхности, и эти длинные кости, из-за которых она на голову выше нас. — Вы как-то связаны с проектом? — спрашиваю я ее, в то же время отвечая Гэве на ее новости по поводу Тетлевы: *Нет.*

Мое «нет» не является отрицанием, это просто констатация факта. Мы по-прежнему можем детектировать знакомое *бурление горячей точки и поднятие пласта, скрежет оседания грунта* Тетлевы, но… что-то изменилось. Он уже не поблизости или, по крайней мере, он не в пределах нашего сейсмического запроса. И его бурление и скрежет почти затихли.

Списание — проводники предпочитают использовать это слово, когда одного из нас удаляют со службы. Они расспрашивали нас, каждого в отдельности, что мы чувствуем, когда случаются такие перемены, поскольку это нарушение на-

шей сети. По немому соглашению все мы говорим об ощущении потери — отдалении, истощении, ослаблении силы сигнала. По негласной договоренности все мы не говорим об остальном, да и все равно это не описать словами направляющих. Мы испытываем обжигающее ощущение, зуд по всему телу и *рассыпающееся сопротивление узла* древнего до-сил-анагистского провода, какие мы порой встречаем во время нашего исследования земли, ржавого и острого от разрушения и неиспользованного потенциала.

Что-то вроде этого.

Кто отдал приказ? Я хочу знать.

Гэва стала медленной дефектной рябью суровых, разочарованных, смятенных узоров. *Проводник Галлат. Остальных проводников это разозлило, и некоторые передали это наверх, и потому сюда и прислали Келенли. Для удержания оникса и лунного камня пришлось задействовать всех нас. Их беспокоит наша стабильность.*

Я раздраженно отвечаю: *Возможно, им следовало подумать об этом раньше…*

— Да, я связана с проектом, — прерывает нас Келенли, хотя это не было прерыванием вербального общения. Слова очень медленны по сравнению с земноречью. — У меня, понимаете

ли, есть некое магическое чутье и способности, как у вас. — Затем она добавляет: *Я здесь, чтобы учить вас.*

Она переключается между речью проводников и нашей земноречью так же легко, как и мы. Ее общение представляется как *лучистый, тяжелый металл, обжигающие кристаллизованные магнитные линии метеоритного железа*, и еще более сложные слои под этим, и оно такое острое и мощное, что мы с Гэвой изумленно втягиваем воздух.

Но что она говорит? Учить нас? Нас не нужно учить. Мы были сделаны уже знающими почти все, что нам нужно знать, а остальное мы узнали за первые несколько недель нашей жизни вместе с сородичами-настройщиками. В противном случае нас бы тоже отослали в терновую рощу.

Я делаю хмурое лицо.

— Как вы можете быть настройщицей вроде нас? — Это ложь, сказанная для наших наблюдателей, которые видят только поверхность вещей и думают, что мы тоже. Она не белая, как мы, не маленькая и не странная, но мы узнали, что она наша, как только ощутили катаклизм ее присутствия. Во мне нет неверия, что она не одна из нас. Я не могу не верить неоспоримому.

Келенли улыбается, чуть криво, улавливая ложь.

— Не совсем как вы, но достаточно близко. Вы — завершенный шедевр, я — модель.

Нити магии в земле нагреваются и дрожат эхом и добавляют иное значение. *Прототип*. Контроль для нашего эксперимента, сделанный заранее, чтобы посмотреть, какими нас надо было бы сделать. У нее есть лишь одно отличие, вместо множества, которыми обладаем мы. У нее есть наши тщательно разработанные сэссапины. Этого достаточно, чтобы выполнить задачу? Уверенность ее земного присутствия говорит — да. Она продолжает словами:

— Я не первая из созданных. Просто первая из выживших.

Все мы проводим в воздухе рукой, отгоняя Злую Смерть. Но я позволяю себе выглядеть так, словно я не понимаю, словно не могу решить, смеем ли мы ей верить. Я видел, как проводники беспечны по отношению к ней. Фейлен одна из приятных, но даже она никогда не забывает, кто мы такие. Но про Келенли она забыла. Возможно, все люди думают, что она одна из них, пока им не скажут. Каково это, ощущать, что к тебе относятся как к человеку, и знать, что ты не человек? И еще они

оставили ее с нами наедине. С нами они обходятся как с оружием, которое в любой момент может дать осечку… но они доверяют ей.

— И сколько фрагментов ты настроила на себя? — вслух говорю я, словно это имеет значение. Это еще и вызов.

— Только один, — говорит Келенли. Но она продолжает улыбаться. — Оникс.

О. О, это *имеет* значение. Мы с Гэвой изумленно и встревоженно переглядываемся, прежде чем снова повернуться к ней.

— И здесь я потому, — продолжает Келенли, внезапно желая передать нам эту информацию лишь словами, что каким-то извращенным способом подчеркивает их значение, — что отдан приказ. Эти фрагменты находятся в состоянии оптимальной емкости и готовы к производительному циклу. Сердечник и Нулевая Точка оживут в течение двадцати восьми дней. Мы в конце концов запускаем Планетарный Движитель.

(За десятки тысяч лет, когда люди много раз забывали, что такое «двигатель», и знали фрагменты только под названием «обелиски», то, что сейчас руководит нашей жизнью, будет известно под другим названием. Его будут называть *Вратами Обелисков*, что более поэтично и

изящно-примитивно. Мне это название нравится больше.)

В настоящем же, когда мы с Гэвой стоим и пялимся на нее, Келенли роняет последнее сотрясение в вибрации между нашими клетками:

Это значит, что у меня осталось меньше месяца, чтобы показать вам, кто вы такие на самом деле. Гэва хмурится. Я умудряюсь не показать реакции, поскольку проводники наблюдают за нашими телами и лицами, но это узкий диапазон. Я очень сбит с толку и немало взволнован. Во время этого разговора я понятия не имею, что это начало конца.

Потому что мы, настройщики, не орогены, понимаешь ли. Орогения — это то, чем наше отличие от всех станет через много поколений приспособления к изменяющемуся миру. Вы менее глубоки, более специализированы, вы более натуральная дистилляция нашей столь ненатуральной странности. Лишь немногие из вас, вроде Алебастра, когда-либо приблизятся к нашему могуществу и многогранности, но это потому, что мы искусственно созданы с конкретной целью, как и те фрагменты, которые вы называете обелисками. Мы тоже фрагменты гигантской машины — и еще мы триумф генджинерии, био-

магестрии и геомагестрии и прочих дисциплин, которым в будущем не будет названия. Своим существованием мы славим мир, создавший нас, как любая статуя, или скипетр, или любой другой бесценный предмет.

Мы не обижены этим, поскольку наше мнение и опыт тоже тщательно сконструированы. Мы не понимаем, что Келенли пришла дать нам ощущение *принадлежности к человечеству*. Мы не понимаем, почему до сих пор нам был запрещен этот концепт себя… но мы поймем.

И тогда мы поймем, что *человек* не может быть *собственностью*. А поскольку мы и то и другое и так не должно быть, в нас созреет некий новый концепт, хотя мы никогда не слышали слова для него, потому что проводникам запрещено даже упоминать его при нас. *Революция*.

Ладно. Мы в любом случае не очень-то пользуемся словами. Но это именно то. Начало. Ты, Иссун, увидишь конец.

3
Ты, в дисбалансе

ТЕБЕ ТРЕБУЕТСЯ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ, чтобы достаточно оправиться и стать способной идти самой. Как только это происходит, Юкка забирает твоих носильщиков на другие задания, и тебе приходится ковылять, слабой и неуклюжей от потери руки. Первые несколько дней ты тащишься далеко позади основной группы, добираясь до лагеря через несколько часов после того, как они устраиваются на ночь. К тому времени, когда ты приходишь за своей долей, мало что остается от общинной еды. Хорошо, что ты больше не чувствуешь голода. Также остается мало места, чтобы раскатать свой спальник — хотя тебе все же дали аптечку первой помощи и припасы взамен твоего потерянного дорожного рюкзака.

Оставшиеся места не слишком хороши, в основном по краям лагеря или не на дороге, где сильнее угроза нападения хищника или неприкаянного. Но ты все равно засыпаешь там, поскольку устала.

Ты предполагаешь, что в случае настоящей

опасности Хоа снова понесет тебя: похоже, он может переносить тебя на короткие расстояния через землю без проблем. И все же гнев Юкки трудно выносить во многих отношениях. Тонки и Хоа тащатся позади вместе с тобой. Почти как в прежние времена, только теперь Хоа появляется, когда ты пускаешься в путь, держится позади тебя, затем возникает где-то впереди. Большую часть времени он принимает нейтральную позу, но порой вытворяет нечто смешное, например, когда ты застаешь его в позе бегуна. Возможно, камнееды тоже скучают. Хьярка остается при Тонки, так что вас четверо. Нет, пятеро — Лерна отстает, чтобы идти с тобой, злой на то, что считает дурным отношением к своему пациенту. Он не считает, что женщина, недавно вышедшая из комы, вообще должна ходить, тем более тащиться позади всех. Ты пытаешься сказать, чтобы он не оставался при тебе, не навлекать на себя гнев Кастримы, но он фыркает и говорит, что если Кастриме действительно хочется настроить против себя единственного человека в общине, который официально обучен хирургии, то они его не заслуживают. И это… ну, хорошее замечание. Ты замолкаешь.

Ты как минимум справляешься лучше, чем

ожидал Лерна. По большей части потому, что это была не настоящая кома, и еще потому, что ты не утратила до конца своей дорожной формы за эти семь-восемь месяцев в Кастриме. Старые привычки легко восстанавливаются: найти размеренный, пусть и медленный, шаг, которым ты все равно покрываешь мили; нести рюкзак низко, чтобы его основной вес приходился на крестец, а не на плечи; пригибать голову на ходу, чтобы падающий пепел не покрывал очки. Потеря руки скорее неудобство, чем настоящая тягота, по крайней мере при наличии стольких помощников вокруг. Кроме дисбаланса и фантомного зуда или ломоты в несуществующих пальцах и локте, сложнее всего одеваться по утрам. Удивительно, как быстро ты приучаешься присаживаться, чтобы помочиться или облегчиться без того, чтобы упасть, но, возможно, ты просто более мотивирована после многих дней в подгузниках.

Так что ты идешь сама, просто медленно поначалу, а затем все быстрее день ото дня. Но во всем этом есть одна проблема — ты идешь не туда.

Однажды вечером Тонки приходит посидеть с тобой.

— Ты не можешь уйти, пока мы не зайдем дальше на запад, — говорит она без обиняков. — Почти

до пустыни Мерца, думаю я. Если хочешь дойти туда, тебе надо уладить отношения с Юккой.

Ты зло смотришь на нее, хотя для Тонки это осмотрительное поведение. Она подождала, пока Хьярка засопит в своем спальнике, а Лерна уйдет к лагерной отхожей яме. Хоа по-прежнему рядом, стоит, не скрываясь, стражем над вашей маленькой группой среди общинного лагеря, и черты его черного мраморного лица подсвечивает огонь твоего костра. Тонки знает, что он верен тебе в той степени, в которой он понимает верность.

— Юкка ненавидит меня, — говоришь ты в конце концов, когда твой взгляд не вызывает у Тонки ни огорчения, ни сожаления.

Она выкатывает глаза.

— Поверь мне, я знаю, как выглядит ненависть. Юкка… испугана, немного вызверилась, но в какой-то степени ты этого заслуживаешь. Ты подвергла ее народ опасности.

— Я *спасла* ее народ от опасности.

На той стороне лагеря, словно иллюстрацией твоему доводу, ты замечаешь кого-то, передвигающегося с глухим звяканьем. Это одна из реннанитских солдат, немногих захваченных живьем после последнего сражения. Она в колодке — деревянном воротнике на петлях с отверстия-

ми для рук, в результате чего они подняты вверх и разведены — соединенной двумя цепями с кандалами на ногах. Примитивно, но эффективно. Лерна обрабатывает натертости пленницы, и ты понимаешь, что им позволено снимать колодки на ночь. С кастримитами реннаниты обошлись бы куда хуже, если бы ситуация обернулась в их пользу, но все равно это неловко. Они, в конце концов, вряд ли могут сбежать. Даже если кто из них сбежит сейчас без колодок — без припасов и защиты большой группы они станут чужим кормом, не пройдет и пары дней. Эти колодки лишь насмешка в довесок к ранам и неприятное напоминание о том, что все может быть куда хуже. Ты отводишь взгляд.

Тонки видит, как ты смотришь.

— Да, ты спасла Кастриму от одной беды и подвергла не менее тяжкому испытанию. Юкка хотела только первой части.

— Я не могла избежать второй. Мне надо было позволить камнеедам перебить всех рогг? Убить *ее*? Если бы у них получилось, механизмы жеоды в любом случае перестали бы работать!

— Она это понимает. Потому и говорю — это не ненависть. Но… — Тонки вздыхает, словно ты особенно тупая. — Смотри. Кастрима была — есть

— эксперимент. Не жеода, народ. Она всегда знала, что это риск — пытаться создать общину, в которой жили бы бездомные и рогги, но это работало. Она заставила этих стариков понять, что нам нужны новые общинники. Заставила всех думать о роггах как о людях. Заставила их согласиться жить под землей, в развалинах мертвой цивилизации, хотя они могли бы прикончить нас в любой момент. Даже удержала их от того, чтобы наброситься друг на друга, когда серый камнеед дал им повод…

— Это *я* их остановила, — бормочешь ты. Но слушаешь.

— Ты помогла, — соглашается Тонки, — но разве только ты? Ты прекрасно знала, что это не сработает. Кастрима живет благодаря *Юкке*. Поскольку все знают, что она умрет ради этой общины. Помоги Кастриме, и Юкка снова будет на твоей стороне.

До того, как вы дойдете до ныне пустующего экваториального города Реннанис, пройдет много недель, может, даже месяцев.

— Я знаю, где Нэссун *сейчас*, — говоришь ты, закипая. — Когда Кастрима доберется до Реннаниса, она может быть уже где-то еще!

Тонки вздыхает.

— Уже несколько недель прошло, Иссун. И Нэссун, вероятно, уже куда-то ушла к тому моменту, когда ты очнулась.

Тебя трясет. Ты понимаешь, что это нерационально, но ты выпаливаешь:

— Но если я отправлюсь сейчас, может быть — может быть, я смогу ее догнать, может, Хоа снова настроится на нее, может, я смогу…

Ты осекаешься и замолкаешь, поскольку слышишь в своем голосе дрожащую визгливую нотку, и твой материнский инстинкт, ржавый, но не притупившийся, дает отдачу и упрекает: *Кончай ныть*. А ты ведь ноешь. Так что ты проглатываешь слова, но тебя все еще немного потряхивает.

Тонки качает головой, не то с сочувствием, не то с печальной констатацией того, как жалок твой голос.

— Ладно, ты хотя бы *понимаешь*, что это плохая идея. Но если уж ты решила, так давай уходи прямо сейчас. — Она отворачивается. Разве ты можешь винить ее? Отправиться навстречу почти наверняка смертельно опасной неизвестности с женщиной, которая уничтожила несколько общин, или остаться с общиной, которая хотя бы теоретически скоро снова обретет дом?

Это даже не вопрос.

Но ты уже должна была бы научиться не пытаться предугадывать действия Тонки. Она вздыхает после того, как ты сдаешься, и снова садится на валун, который ты используешь вместо кресла.

— Я, возможно, смогу вытрясти немного припасов сверх нормы из интенданта, если скажу, что мне нужно кое-что разведать для Инноваторов. Они привыкли уже, что я такое делаю. Но не уверена, что мне удастся убедить их дать мне столько, чтобы хватило на двоих.

Удивительно осознавать, насколько ты благодарна ей за — м-м-м — верность? Верность — не то слово. Привязанность? Возможно. Возможно, ты все это время являешься предметом ее исследования, так что, конечно, она не даст тебе ускользнуть, раз уж она следовала за тобой десятки лет через половину Спокойствия.

Но затем ты хмуришься.

— Двоих? Не троих? — Ты думала, что между ней и Хьяркой все улажено.

Тонки пожимает плечами, затем неуклюже наклоняется к миске риса и бобов из общинного котла. Проглотив, она говорит:

— Я предпочитаю сдержанные оценки. И тебе

бы так лучше.

Она имеет в виду Лерну, который вроде как привязывается к тебе. Ты не знаешь, почему. Ты не то чтобы подарок, вся в пепле и без руки, и половину времени его бесишь. Непонятно, почему не все время. Он всегда был странным парнишкой.

— Короче, я хочу, чтобы ты кое о чем подумала, — продолжает Тонки. — Что делала Нэссун, когда ты обнаружила ее?

Ты вздрагиваешь. Потому что, ржавь побери эту Тонки, она снова сказала вслух то, чего ты не хотела бы говорить и о чем не хотела бы думать. И поскольку ты помнишь тот момент, когда сила Врат струилась сквозь тебя, когда ты потянулась, коснулась и ощутила ответный знакомый резонанс. Резонанс, поддержанный и усиленный чем-то голубым, глубоким и странно сопротивлявшимся компоновке Врат. Врата сказали тебе — каким-то образом, — что это был сапфир.

Что делала твоя десятилетняя дочь, играя с обелиском? Как твоя десятилетняя дочь *выжила* после игры с обелиском? Ты думаешь о том, как ощущался этот краткий контакт. Знакомый вкус-вибрация орогении, которую ты глушила еще до ее рождения и чему ты обучала ее с двух

лет, — но теперь намного резче и интенсивнее. Ты не пыталась отнять сапфир у Нэссун, но Врата пытались, следуя инструкции давно умерших создателей, каким-то образом записанной в слоистой решетке оникса. Она сражалась с Вратами Обелиска.

Чем же занималась твоя девочка этот долгий темный год, чтобы развить в себе такое искусство?

— Ты не знаешь, в какой она сейчас ситуации, — продолжает Тонки, что заставляет тебя проморгаться, отвлечься от этих ужасных размышлений и сосредоточить взгляд на ней. — Ты не знаешь, среди каких людей она живет. Ты говоришь, она в Антарктике, где-то возле восточного побережья? Эта часть мира еще не должна сильно почувствовать Зиму. Так что ты собираешься сделать? Вытащить ее из общины, где она в безопасности, где у нее достаточно еды и где она все еще может видеть небо, и потащить ее на север, в общину над Разломом, где будет постоянно трясти и очередной прорыв газа может убить всех? — Она жестко смотрит на тебя. — Ты хочешь ей помочь? Или просто хочешь, чтобы она была при тебе? Это не одно и то же.

— Джиджа убил Уке, — резко отвечаешь ты. Эти

слова не ранят, если не думать о них, пока говоришь. Если не помнить запах сына, или его смех, или вид его тельца под одеялом. Если не думать о Корунде — ты при помощи гнева подавляешь двойной укол горя и вины. — Я должна *забрать* ее у него. Он убил моего сына!

— Он еще не убил твою дочь. У него было на это целых двадцать, что ли, месяцев? Двадцать один? Это кое-что да значит. — Тонки замечает идущего к тебе сквозь толпу Лерну и вздыхает. — Я только хочу сказать, что тебе кое о чем надо подумать. И я даже не могу поверить, что говорю это. Она еще один пользователь обелиска, а я не могу даже пойти его исследовать. — Тонки разочарованно хрюкает. — Ненавижу эту Зиму. Приходится быть такой *практичной,* ржавь побери.

Ты удивленно хмыкаешь, но едва-едва. Тонки поставила хорошие вопросы, конечно же, и на некоторые из них у тебя нет ответа. Ты долго обдумываешь их этой ночью и несколько дней после. Реннанис близко к Западному Побережью, сразу за пустыней Мерц. Кастриме придется пересечь пустыню, чтобы добраться туда, поскольку идти в обход чрезвычайно долго — все равно что годы против месяцев. Но вы хорошо идете по Южному Срединью, где дороги вполне проходимы

и вас не сильно донимают налетчики и дикое зверье. Охотники смогли добыть немало фуража для пополнения запасов общины, включая дичь, которой больше чем прежде. Неудивительно, теперь же не приходится соперничать с роями насекомых. Этого недостаточно — мелкими грызунами и птицами долго не прокормить более чем тысячу людей. Но это лучше, чем ничего.

Когда ты начинаешь замечать изменения местности, предвещающие начало пустыни, — редеющие голые леса, более плоский рельеф, постепенное истощение грунтовых вод среди пластов, — ты решаешь, что пора, в конце концов, поговорить с Юккой.

Сейчас вы зашли в каменный лес: в высокие острые черные пики, порой цепляющиеся за небо и за тебя, когда группа идет через чащу. Такого в мире мало. Большинство попадали от землетрясений или — когда Эпицентр еще был — нарочно были уничтожены черномундирниками Эпицентра по запросу местных общин. Понимаешь ли, ни одна община не *живет* в каменном лесу и ни одна приличная община не желает такого поблизости. Кроме тенденции каменных лесов обрушиваться, погребая все внутри, они часто изрыты сырыми пещерами и прочими

проделанными водой формациями, в которых замечательно гнездится опасная флора и фауна. Или люди.

Дорога идет прямиком через этот каменный лес, что хреново. Скажем так, никто в здравом уме не стал бы прокладывать дорогу через подобное место. Если бы губернатор какого-нибудь квартента предложил потратить налоги на такую опасную бандитскую приманку, он слетел бы кубарем на следующих выборах… или его прирезали бы ночью. Так что ты сразу понимаешь, что с этим местом что-то не так. Во-вторых, в лесу слишком мало зелени. В такую пору Зимы ее вообще везде мало, но тут вообще нет никаких ее признаков. Это означает, что этот каменный лес недавний — настолько недавний, что ветер и вода еще не успели источить камень, чтобы что-то выросло. Такой недавний, что до Зимы его не существовало.

Третий намек тебе дают твои собственные сэссапины. Большинство каменных лесов — известняковые, созданные водной эрозией в течение сотен или миллионов лет. Этот же обсидиановый — вулканическое стекло. Его зазубренные пики торчат не прямо вверх или вниз, но более изогнуты; здесь есть даже несколько не обрушившихся

арок прямо над дорогой. Близко рассмотреть их невозможно, но ты сэссишь общую схему: весь этот лес — цветок лавы, застывшей во время выброса. Тектонический выброс ни на йоту не сместил дорогу. Действительно, красивая работа.

Ты застаешь Юкку в разгар спора с другим членом общины. Она велела остановиться в сотне футов от леса, и люди сгрудились вокруг, не понимая — это просто передышка или пора начать разбивать лагерь, поскольку уже довольно поздно. Эту общинницу ты, наконец, узнаешь — это Эсни Опора Кастрима, спикер функционал-касты. Она бросает на тебя беспокойный взгляд, когда ты останавливаешься рядом с ними, но затем ты снимаешь очки и маску, и лицо ее смягчается. Она не узнала тебя из-за того, что ты набила тряпок в пустой рукав, чтобы сохранить тепло. Ее реакция — приятное напоминание о том, что не все в Кастриме злы на тебя. Эсни жива, поскольку самая опасная атака — когда реннаниты пытались прорубиться сквозь Опор, обороняющих Смотровую Площадку, — закончилась, когда ты запечатала вражеских камнеедов в кристаллах.

Однако Юкка не оборачивается, хотя она легко должна была бы сэссить твое присутствие. Она обращается, как ты думаешь, к Эсни, хотя это

годится и для тебя:

— Вот прямо сейчас я не хочу больше никаких споров.

— Хорошо, — говоришь ты. — Поскольку я прекрасно понимаю, почему ты остановилась здесь, и мне кажется, что это хорошая идея. — Это чуть громче, чем следовало бы. Ты смотришь на Эсни так, чтобы она поняла, что тебе нужно поговорить с глазу на глаз с Юккой прямо сейчас, и Эсни, возможно, не захочется быть этому свидетельницей. Но женщину, которая возглавляет защитников общины, нелегко запугать, так что ты не слишком удивлена, когда Эсни складывает руки на груди, готовая насладиться зрелищем. Юкка медленно поворачивается к тебе со смесью раздражения и неверия на лице.

— Приятно знать, что ты одобряешь, — говорит она ни в коей мере не приятным тоном. — Хотя мне на самом деле *все равно*.

Твоя челюсть твердеет.

— Тоже сэссишь, верно? Я бы сказала, что тут поработал четырех– или пятиколечник, хотя теперь и знаю, что дички могут обладать необычными способностями. — Ты намекаешь на нее. Это знак мира. Или просто лесть.

Она не поддается.

— Пройдем как можно дальше до ночи и разобьем там лагерь. — Она кивает на лес. — Слишком большой, чтобы пройти его за день. Может, мы могли бы его обойти, но тут что-то…

Ее взгляд расплывается, затем она хмурится и отворачивается, скривившись от того, что раскрыла перед тобой свою слабость. Она достаточно чувствительна, чтобы сэссить это самое *что-то*, но не знает, что в точности сэссит. Ты же провела много лет, учась читать подземные камни при помощи орогении, так что заполняешь пробелы.

— В том направлении находится покрытая листьями ловушка с кольями, — говоришь ты, кивая на давно мертвую траву, окаймляющую каменный лес с одной стороны. — За ней зона ловчих петель, не могу сказать, сколько их, но могу сэссить много кинетического натяжения веревок или проволоки. Если же мы пойдем в обход другим путем, там вдоль края подрезанные каменные колонны и камни, установленные, чтобы легко устроить обвал. И я могу сэссить дыры в стратегических точках по внешним колоннам. Арбалет или даже обычный лук и стрела оттуда могут нанести немалый урон.

Юкка вздыхает.

— Ну да. Значит, *насквозь* действительно

лучший путь. — Она смотрит на Эсни, которая наверняка отстаивала *обходной путь*. Эсни тоже вздыхает, затем пожимает плечами, сдаваясь.

Ты поворачиваешься к Юкке.

— Кто бы ни сделал этот лес, если он еще жив, способен заморозить половину общины за несколько секунд почти без предупреждения. Если ты решительно настроена идти насквозь, нам придется установить круглосуточную посменную вахту — я имею в виду орогенов с лучшим контролем. Ночью вам придется не давать нам спать.

Она прищуривается.

— Почему это?

— Поскольку если кто-то из нас будет спать, когда начнется атака… — Ты совершенно уверена в том, что она начнется. — Мы будем реагировать инстинктивно.

Юкка кривится. Она не простой дичок, но все же слишком дичок, чтобы понять, что скорее всего случится, если что-то заставит ее орогенически среагировать во сне. Если кого не убьет налетчик, то вполне возможно, это сделает она, совершенно случайно.

— Дерьмо. — Она на миг отводит взгляд, и ты думаешь, что она не верит тебе, но, возможно,

она просто думает.

— Отлично. Разделим вахты, значит. Поставим рогг, что не на вахте, работать, ну, лущить тот дикий горох, который мы нашли несколько дней назад. Или чинить сбрую, которую Опоры используют, чтобы тянуть грузы. Завтра нам придется ехать на телегах, поскольку будем слишком сонными и на своих двоих не дойдем.

— Хорошо. И… — Ты медлишь. Не сейчас. Ты не можешь признаться в своей слабости этой женщине. Еще нет. Но все же. — Не я.

Глаза Юкки тут же сужаются. Эсни бросает на тебя скептический взгляд, словно говоря: *У тебя так хорошо получалось*. Ты быстро добавляешь:

— Я не знаю, на что я способна теперь. После того, что я сделала в нижней Кастриме… я изменилась.

Это даже не ложь. Ты бессознательно тянешься к отсутствующей руке, играя с рукавом куртки. Никто не видит культи, но внезапно ты чрезвычайно остро осознаешь ее. Хоа, оказывается, не собирался оставлять очевидные отметины зубов, как Сурьма на культях Алебастра. Твоя гладкая, округлая, почти полированная. Ржавый перфекционист.

Взгляд Юкки следует за твоим настороженным

прикосновением. Она морщится.

— Хм. Ну, я догадывалась. — Ее челюсть напрягается. — Однако сэссить ты вроде не разучилась.

— Да. Я могу помочь держать стражу. Просто… мне не надо бы ничего делать.

Юкка качает головой, но говорит:

— Отлично. Тогда тебе последняя ночная стража.

Это наименее желанная стража — самая холодная теперь, когда ночные температуры стали падать ниже нуля. Большинство предпочло бы спать в это время в теплых спальниках. Это также самое опасное время, когда соображающие налетчики нападают на большие группы вроде этой в надежде застать людей сонными и вялыми. Ты не можешь понять — доверие ли это или наказание. Ты пробуешь спросить:

— Могу хотя бы оружие взять? — Ты не держала в руках никакого оружия с тех пор, как покинула Тиримо, когда сменяла свой нож на сушеный шиповник, чтобы избежать авитаминоза.

— Нет.

Ржавь. Ты хочешь сложить руки, но вспоминаешь, что не можешь, поскольку твой пустой рукав болтается, и вместо этого кривишься. (Юкка и Эсни тоже.)

— Ну и что мне тогда делать? Орать во весь голос? Ты серьезно готова рискнуть общиной из-за своей злости на меня?

Юкка выкатывает глаза.

— Ржавь! — Это настолько созвучно твоим мыслям, что ты хмуришься. — Поверить не могу. Ты думаешь, что я злюсь из-за жеоды? Правда, что ли?

Ты невольно смотришь на Эсни. Та пялится на Юкку, словно говоря — *не так, что ли?* Достаточно красноречиво для вас обеих. Юкка зло глядит на вас, затем трет лицо и издает долгий вздох.

— Эсни, пойди… займись чем-нибудь… опорским. Исси — сюда. Иди *сюда*. Пройдись, ржавь побери, со мной. — Она резким, досадливым жестом подзывает тебя. Ты слишком сбита с толку, чтобы обидеться; она поворачивается, и ты идешь за ней. Эсни пожимает плечами и уходит.

Несколько мгновений вы обе молча идете сквозь лагерь. Сдается, все остро осознают опасность каменного леса, так что это самая деловая передышка, какую ты видела. Некоторые Опоры передают вещи между телегами, чтобы переложить все жизненно важное в телеги с самыми крепкими колесами, которые будут меньше нагружены. В сложной ситуации их будет легче

подхватить и убежать. Охотники вырубают заостренные колья из мертвых молодых деревьев и сучьев возле лагеря. Их расставят по периметру, когда община наконец разобьет лагерь, чтобы направить налетчиков в простреливаемые сектора. Остальные Опоры спят, когда могут, зная, что ночью им предстоит патрулировать или спать по краям лагеря.

Используй сильных для охраны всех их, говорит Предание камня. Опоры, которые не хотят быть живым щитом, могут либо найти способ проявить себя и присоединиться к другой касте или уйти в другую общину.

Ты морщишь нос, проходя мимо наспех вырытой придорожной отхожей ямы, над которой сейчас сидят шестеро или семеро, а несколько младших Стойкостей стоят вокруг, чтобы выполнить неприятную работу по забрасыванию результатов. Что необычно, сейчас перед ямой короткий хвост людей, ждущих своей очереди присесть. Неудивительно, что стольким нужно одновременно опорожниться; здесь, в угрюмой тени каменного леса, все на пределе. Никто не хочет попасть врасплох со спущенными штанами после темноты. Ты думаешь, что тебе самой надо бы, когда Юкка ошарашивает тебя, отрывая

от этих вспыхивающих размышлений.

— Так мы тебе еще нравимся?

— Что?

Она показывает на лагерь. На людей общины.

— Ты уже больше полугода провела в Кастриме. Друзья у тебя появились?

Ты, думаешь ты прежде, чем успеваешь спохватиться.

— Нет, — говоришь ты.

Она мгновение смотрит на тебя, и ты виновато думаешь, не ждет ли она, что ты назовешь ее. Затем она вздыхает.

— Еще не спишь с Лерной? О вкусах не спорят, я понимаю, но Селекты говорят, что все признаки налицо. Когда мне нужен мужик, я выбираю того, кто мало треплется. Женщины более верная ставка. Они умеют не портить настроение.

Она потягивается, морщится, разминая поясницу. Ты используешь это время, чтобы стереть с лица ужас и растерянность. У этих, ржавь их, Селектов явно работы мало.

— Нет, — говоришь ты.

— Еще нет?

Ты вздыхаешь.

— Нет… пока.

— Ну и какой ржави ты тянешь? Дорога без-

опаснее не станет.

Ты ожигаешь ее взглядом.

— Я думала, тебе все равно?

— Все равно. Но дать тебе просраться по этому поводу поможет мне кое-что отметить для себя. — Юкка ведет тебя к телегам, или ты так думаешь поначалу. Затем вы проходите мимо телег, и ты изумленно замираешь.

Там сидят и едят семеро реннанитских пленных. Даже сидя они отличаются от народа Кастримы — все реннаниты либо чистые санзе, либо достаточно близко по фенотипу, крупнее среднего даже для своей расы, с отросшими пепельными гривами или стриженые, но с косичками на висках, или волосами, стоящими на голове дыбом, чтобы казаться выше. Сейчас их колодки отложены в сторону — хотя цепи, соединяющие всех пленных вместе, остались на месте — и несколько Опор стоят рядом на страже.

Ты удивлена, что они едят, хотя лагерь на ночь еще до конца не поставлен. Опоры на страже тоже едят, но это правильно — впереди у них долгая ночь. Эти ренни поднимают взгляд при приближении вас с Юккой, и ты останавливаешься, опешив, поскольку ты узнаешь одну из пленниц. Данель, *генерал* армии Реннаниса. Она

жива и здорова, если не считать красных натертостей от колодок на шее и запястьях. Последний раз, когда ты видела ее близко, она подзывала Стража без рубашки, чтобы та убила тебя. Она тоже узнает тебя, и ее губы складываются в смиренную ироническую линию. Затем весьма нарочито она кивает тебе прежде, чем вернуться к своей миске.

Юкка, к твоему удивлению, садится на корточки рядом с Данель.

— Ну и как еда?

Данель пожимает плечами, продолжая есть.

— Это лучше, чем голодать.

— Хорошая еда, — говорит другой пленник напротив, не в кружке. Он пожимает плечами, когда остальные меряют его злыми взглядами. — Ну хорошая же.

— Они просто хотят, чтобы мы могли тянуть их телеги, — говорит один из озлобленных.

— Да, — вмешивается Юкка. — Именно так. Опоры в Кастриме получают общинный паек и постель за их вклад в общее дело. А что вы получили бы в Реннанисе?

— Наверное, хоть какую-то ржавую гордость, — говорит злобный, злясь еще сильнее.

— Заткнись, Фалуд, — говорит Данель.

— Эти ублюдки считают, что они…

Данель ставит на землю свою миску. Злобный тут же затыкается и напрягается, глаза его чуть расширяются. Мгновение спустя Данель берет миску и продолжает есть. Выражение ее лица даже не изменилось. Ты ловишь себя на мысли, что она наверняка воспитывала детей.

Юкка, облокотившись о колено, подпирает подбородок кулаком и мгновение смотрит на Фалуда.

— Так что, по-твоему, мне надо сделать с ним? — говорит она Данель.

Тот тут же сдвигает брови.

— Что?

Данель пожимает плечами. Ее миска пуста, но она проводит по дну пальцем, подбирая соус.

— Теперь уж не мне решать.

— Не слишком умен, — поджимает губы Юкка, рассматривая мужчину. — С виду ничего, но селекция по мозгам всегда труднее, чем по внешнему виду.

Данель несколько мгновений ничего не говорит, пока Фалуд переводит взгляд с нее на Юкку и обратно с растущим неверием в глазах. Затем Данель с тяжелым вздохом тоже поднимает взгляд на Фалуда.

— Чего ты от меня хочешь? Я больше не командир ему. Да и не хотела никогда, меня назначили. А теперь мне все это до ржави.

— Я не верю тебе, — говорит Фалуд. Он в панике, голос его слишком громок. — Я *сражался* за тебя.

— И проиграл. — Данель качает головой. — Теперь главное — выживание и приспособление. Забудь все то дерьмо, которым тебе заливали уши в Реннанисе насчет санзе и выродков, — это пропаганда для объединения общины. Теперь все изменилось. «Необходимость — единственный закон».

— Кончай нести свое ржавое камнепредание!

— Она цитирует Предание камня потому, что ты его *не понимаешь*, — резко одергивает его другой мужчина — тот, кому понравилась еда. — Они нас кормят. Позволяют нам быть полезными. Это испытание, дерьмо ты тупое. Проверка — хотим ли мы заслужить место в этой общине!

– *Этой общине*? — Фалуд обводит рукой лагерь. Смех его отдается от скал. Люди оглядываются, пытаясь понять, не крик ли это, предупреждающий о какой-то проблеме. — Ты себя слышишь? У них нет ни шанса. Им надо было бы найти место, где зарыться, может, отстроить одну из общин, которые мы разнесли по дороге. А они…

Юкка движется с небрежностью, которая не может тебя обмануть. Все видят, что сейчас произойдет, кроме Фалуда, который слишком уперт, чтобы признавать реальность. Она встает и бессмысленно стряхивает пепел с плеч, пересекает круг и кладет руку на темя Фалуда. Он пытается отдернуть голову, сбить ее руку.

— Не трогай, ржавь тебя…

Затем он замирает. Глаза его стекленеют. Юкка сделала с ним это — то же, что и с Каттером в нижней Кастриме, когда люди уже сбивались в толпу, чтобы наброситься на орогенов. Поскольку на сей раз ты уже знаешь, что будет, тебе удается лучше уловить, как она испускает этот странный импульс. Это определенно магия, какой-то вид манипуляции с этими тонкими серебристыми волокнами, которые пляшут между точками вещества человека. Импульс Юкки рассекает узлы нитей в основании мозга Фалуда, прямо над сэссапинами. Физически все остается неповрежденным, но магически — это как отрубить ему голову. Он валится вперед, и Юкка отступает в сторону, чтобы он мог обмякшим мешком плюхнуться на землю.

Одна из реннаниток ахает и отпрыгивает, звеня цепями. Охранники переглядываются, но они не

удивлены — известие о том, что Юкка сделала с Каттером, потом разошлось по всей Кастриме. Реннанит, который пока не произнес ни слова, выдает короткое ругательство на одном из смешанных побережных наречий. Это не этурпик, потому ты не понимаешь, но его страх достаточно очевиден. Данель лишь вздыхает.

Юкка тоже вздыхает, глядя на мертвеца. Затем она смотрит на Данель.

— Мне жаль.

Данель блекло улыбается.

— Мы пытались. И ты сама сказала — он был не слишком умен.

Юкка кивает. Почему-то она несколько мгновений смотрит на тебя. Ты понятия не имеешь, какой урок ты должна из этого извлечь.

— Снимите кандалы, — говорит она. Ты не берешь в толк, пока не понимаешь, что это приказ для стражи. Один из них отходит переговорить с остальными, и они начинают перебирать ключи. Юкка словно испытывает отвращение к себе самой и тяжело говорит:

— Кто сегодня квартирмейстер? Мемсид? Скажи ему и другим Стойкостям, чтобы разобрались с этим. — Она показывает головой на Фалуда.

Все застывают. Но никто не протестует. Охотни-

ки добыли больше дичи и фуража, но в Кастриме много людей, которым нужно больше белка, чем они получают, а впереди пустыня. В итоге все равно все к этому пришло бы. Однако, после минутного молчания, ты делаешь шаг к Юкке.

— Ты уверена? — тихо спрашиваешь ты. Один из охранников подходит, чтобы снять кандалы с Данель. Данель, которая пыталась убить всех живых в Кастриме. Данель, которая пыталась убить *тебя*.

— А почему нет? — пожимает плечами Юкка. Она говорит достаточно громко, чтобы пленные могли ее слышать. — После нападения Реннаниса нам не хватает Опор. Теперь у нас шесть на замену.

— Шестеро, которые при первом удобном случае ударят нам в спину — или просто тебя зарежут!

— Если я раньше их не замечу и не прикончу, то да. Но это было бы глупостью с их стороны, и самого тупого я уже прикончила. — У тебя ощущение, что Юкка не пытается запугать реннанитов. Она просто констатирует факт. — Понимаешь, я все время пытаюсь втолковать тебе это, Исси. Мир состоит не из друзей и врагов. Это люди, которые могут помочь тебе, и люди, которые

могут встать на твоем пути. Перебей их, и с чем ты останешься?

— *С безопасностью.*

— Многие пути могут быть безопасными. Да, шанс того, что меня прирежут, повышается. Но и безопасность для общины повышается. А чем сильнее община, тем выше шанс, что мы доберемся до Реннаниса живыми. — Она пожимает плечами и обводит взглядом каменный лес. — Кто бы его ни возвел, он один из нас и обладает настоящим умением. Нам оно может пригодиться.

— Что, теперь ты готова принять… — Ты качаешь головой, не веря своим ушам. — Жестоких бандитов и дичков? — Но тут ты останавливаешься. Поскольку однажды ты любила жестокого пирата-дичка.

Юкка молча пережидает, пока ты вспоминаешь Иннона и заново оплакиваешь его. Затем с нарочитой кротостью она говорит:

— Я планирую дальше, чем на следующий день, Исси. Может, и тебе следует попытаться, ради разнообразия.

Ты отводишь взгляд, ощущая себя странно ощетинившейся. У тебя было не так много шансов для роскоши загадывать дальше чем на день.

— Я не глава общины. Я всего лишь *рогга*.

Юкка иронично наклоняет голову набок. Ты не так часто используешь это слово, как она. Она-то произносит его с гордостью. А когда его произносишь ты, это оскорбление.

— Ну а я и то, и это, — говорит Юкка. — И глава, и рогга. Я *решила* быть обеими и больше. — Она проходит мимо тебя и бросает следующие слова через плечо, словно они пустяковые: — Ты ведь не думала о нас, используя эти обелиски, не так ли? Ты думала о том, чтобы уничтожить своих врагов. Ты думала о выживании — но дальше ты заглянуть не могла. Вот почему я так злилась на тебя, Исси. Ты несколько месяцев прожила в моей общине, и до сих пор ты «*всего лишь рогга*».

Она уходит, крича, что привал окончен. Ты смотришь ей вслед, пока она не растворяется в потягивающейся, ворчащей толпе, затем бросаешь взгляд на Данель, которая стоит и потирает красную полосу на запястье. Она смотрит на тебя с делано нейтральным выражением лица.

— Если она умрет, ты — тоже, — говоришь ты. Если Юкка не позаботится о тебе, ты сделаешь для нее что сможешь.

Данель испускает короткий насмешливый вздох.

— Это верно даже без твоей угрозы. Вряд ли кто другой здесь дал бы мне шанс. — Она бросает на тебя скептический взгляд. Несмотря на перемену ее положения, ее санзийская гордыня никуда не исчезла. — Ты ведь *действительно* не очень в этом хороша, верно?

Огонь и ржавь земная. Ты уходишь прочь, поскольку если уж Юкка и так невысокого о тебе мнения после уничтожения угроз, она явно не будет рада, если ты начнешь убивать тех, кто тебя раздражает, всего лишь от злости.

* * *

2562: Девятибалльное землетрясение на Западном Побережье, эпицентр где-то в квартенте Бага. Записи лористов того времени говорят, что землетрясение «превратило землю в жидкость». (Поэтика?) Одна рыбачья деревня уцелела. Со слов одного из жителей записано: «Ржавый ронга прикончил тряску, а затем мы – его». Отчет зарегистрирован в Эпицентре и предоставлен для ознакомления имперскому орогену, который позже посетил этот район и также отметил, что землетрясение повредило бы подводное нефтеносное месторождение вблизи берега, но этот незарегистрированный ронга в деревне предотвратил это. Оно загрязнило бы воду и берега на много миль по берегу.

Проектные записки Ятра Инноватора Дибарс.

4
Нэссун, бредущая в глуши

ШАФФА ДОСТАТОЧНО ДОБР, чтобы вывести остальных восьмерых ребятишек Найденной Луны из Джекити вместе с Нэссун. Он говорит главе общины, что они идут на тренировочную прогулку на несколько миль, так что пусть община не волнуется, если вдруг слегка тряхнет. Поскольку Нэссун только что вернула сапфир в небо — громко из-за громового раската воздуха, заполнившего вакуум; драматически из-за его внезапного исчезновения здесь и возникновения в небе, огромного, темно-голубого и слишком близкого — женщина-глава общины прямо из кожи вон лезет, чтобы собрать детишкам дорожные рюкзаки с дорожной едой и прочими вещами, чтобы они могли поскорее выйти в путь. Это не высшего класса припасы для долгого пути. Без компасов, среднего качества ботинки, еда, которая не протянет дольше пары недель. И все же это намного лучше, чем уйти с пустыми руками.

Никто в общине не знает, что Нида и Умбра мертвы. Шаффа внес их трупы в спальню Ст-

ражей и уложил их по постелям в приличных позах. С Нидой получилось лучше, поскольку она более-менее цела, не считая затылка, а у Умбры голова размозжена. Затем Шаффа забросал кровь землей. В конце концов Джекити все это обнаружит, но к тому времени дети Найденной Луны будут далеко, если уж не в безопасности. Джиджу Шаффа оставил там, где его уронила Нэссун. Его труп на самом деле — всего лишь груда красивых камней, если кто-то не посмотрит внимательнее на один из осколков.

Дети покорно покидают общину, бывшую их домом, для некоторых несколько лет. Они уходят ступенями рогг, как их неофициально (и грубо) назвали — по череде базальтовых колонн с северной стороны общины, по которым могут пройти лишь орогены. Орогения Вудеха устойчивее, чем когда-либо сэссила Нэссун, когда он опускает их на уровень земли, задвинув одну из колонн базальта обратно в древний вулкан. И все же на лице его отчаяние, и внутри у нее все болит от этого.

Они идут на запад группой, но прежде, чем они уходят на милю, один или двое детишек начинают тихо плакать. Нэссун, чьи глаза остаются сухими даже при бессвязных мыслях вроде «*я*

убила отца» и «*папа, я тоскую по тебе»*, горюет вместе с ними. Жестоко, что им приходится переживать такое, быть выметенными во время Зимы из-за того, что сделала она. (Из-за того, что пытался сделать Джиджа, старается убедить себя она, но сама не верит этому.) Но еще более жестоко было бы оставить их в Джекити, где местные со временем поймут, что случилось, и набросятся на детей.

Только Эгин и Инеген, двойняшки, смотрят на Нэссун с чем-то вроде понимания. Они первыми вышли наружу, когда Нэссун схватила сапфир с неба. Остальные по большей части видели, как Шаффа сражался с Умброй и как Сталь убил Ниду, а эти двое видели, что Джиджа пытался сделать с Нэссун. Они понимают, что Нэссун отбивалась, как сделал бы любой. Но, однако, все помнят, как она убила Эйтца. Некоторые успели простить ее за это, как и предполагал Шаффа, — особенно робкая, перепуганная Тихоня, которая тайком рассказала Нэссун, что сделала с бабушкой, которая много лет назад ткнула ее ножом в лицо. Дети-орогены рано узнают, что такое раскаяние.

Это не значит, что они не боятся Нэссун, а страх придает четкости детскому рационализму. Они, в конце концов, в душе не убийцы… а Нэссун

— убийца. (Она не хочет ею быть, не больше, чем ты.)

Теперь группа стоит буквально на распутье, там, где местная тропа, тянущаяся на северо-восток, встречается с идущей западнее имперской дорогой Джекити — Тевамис. Шаффа говорит, что имперская дорога со временем выйдет к виадуку. Нэссун слышала о таком, но за все свои путешествия ни разу не видела. Однако именно на перекрестке Шаффа решает сообщить остальным детям, что больше они не могут идти за ним.

Протестует только Сачок.

— Мы не будем много есть, — говорит она Шаффе с некоторым отчаянием. — Тебе… тебе не придется нас кормить. Просто разреши нам идти за тобой. Мы сами будем добывать еду. Я знаю, как!

— Нас с Нэссун, скорее всего, будут преследовать, — говорит Шаффа. Его голос безупречно ласков. Нэссун понимает, что эта манера лишь усугубляет тяжесть слов; его ласковость легче позволяет понять, действительно ли Шаффе есть до этого дело. Жестокие расставания легче. — Нам тоже предстоит одинокое путешествие, очень опасное. Вам самим по себе будет легче.

— Неприкаянными безопаснее, — говорит Ву-

дех и смеется. Нэссун никогда не слышала от него такой горечи.

Сачок начинает плакать. Слезы оставляют удивительно чистые дорожки на ее начавшем сереть от пепла лице.

— Не понимаю. Ты заботился о нас. Ты *любишь нас*, Шаффа, даже больше, чем любили Нида и Умбра! Почему бы тебе… если ты просто собираешься… собираешься…

— Прекрати, — говорит Лашар. Она за последний год стала еще выше, как хорошо воспитанная девочка с кровью санзе. Хотя со временем ее надменность типа «*мой-дедушка-был-экваториал*» поблекла, она до сих пор становится заносчивой, когда ее что-то волнует. Она сложила руки и смотрит в сторону от дороги, на группу голых холмов неподалеку. — Сохрани хоть чуточку ржавой гордости. Нас вышвырнули, но мы еще живы, и только это имеет значение. Мы сможем на ночь укрыться в этих холмах.

Сачок злобно смотрит на нее.

— Там нет укрытия! Мы *умрем от голода или…*

— Не умрем. — Дешанти, смотревшая в землю, водя ногой по все еще тонкому слою пепла, внезапно поднимает взгляд. Она глядит на Шаффу,

обращаясь к Сачку и остальным. — Есть места, где мы сможем жить. Нам просто надо заставить их открыть ворота.

На ее лице жесткое, решительное выражение. Шаффа устремляет на Дешанти резкий взгляд, и, к ее чести, она встречает его не дрогнув.

— Ты намерена войти силой? — спрашивает он ее.

— Ты ведь этого хочешь от нас, верно? Ты не отослал бы нас, если бы не был уверен, что мы сделаем… то, что должны сделать. — Она пытается пожать плечами. Она слишком напряжена для такого беспечного жеста; ее передергивает, как в параличе. — Мы не были бы живы, если бы ты не был нами доволен.

Нэссун смотрит в землю. Это ее вина, что у остальных не осталось иного выбора. В Найденной Луне была красота; среди друзей-детей Нэссун научилась радоваться тому, что она есть и что может делать среди людей, которые понимали и разделяли ее радости. Теперь то, что некогда было целостным и хорошим, мертво. *Ты со временем убьешь все, что любишь*, сказал ей Сталь. Ей ненавистна его правота.

Шаффа долго, задумчиво смотрит на детей. Его пальцы вздрагивают, возможно, от воспомина-

ний о другой жизни и другой личности, которой была непереносима мысль о том, чтобы выпускать восемь юных Мисалемов в мир. Однако эта версия Шаффы мертва. Это дерганье лишь рефлексивно.

— Да, — говорит он. — Этого я от вас и хочу, если вы хотите это услышать. В большой, процветающей общине ваши шансы выжить выше, чем если вы останетесь сами по себе. Так что позвольте сделать вам предложение. — Шаффа делает шаг вперед и наклоняется, чтобы посмотреть Дешанти в глаза, в то же время беря Сачок за худенькое плечо. Он обращается ко всем ним с той же ласковой настойчивостью, что и прежде. — Сперва убейте только одного. Выберите кого-то одного из тех, кто пытается причинить вам вред, — но лишь одного, даже если попытаются многие. Обезвредьте остальных, но не спешите убивать того, единственного. Пусть это будет болезненно. Постарайтесь, чтобы ваша жертва кричала. Это важно. Если первый, которого вы убиваете, молчит… убейте другого.

Они молча смотрят на него. Даже Лашар кажется ошеломленной. Нэссун же видела, как Шаффа убивает. Он отказался от себя того, кем был, но все равно остался мастером ужаса. Если

он считает нужным поделиться секретами своего мастерства с ними, им повезло. Она надеется, что они это оценят.

Он продолжает.

— Когда убийство совершено, дайте присутствующим понять, что действовали так только ради самообороны. Затем предложите службу вместо убитого или защиту для остальных от опасности — но они поймут, что это ультиматум. Они *должны* будут принять вас в общину. — Он замолкает, затем устремляет свой льдистый взгляд на Дешанти. — Если они откажут, что вы сделаете?

Она сглатывает.

— У… убьем их всех.

Он снова улыбается — впервые с тех пор как они покинули Джекити — и охватывает рукой ее затылок в горячем одобрении.

Сачок коротко ахает, от шока перестав плакать. Эгин и Инеген держатся друг за друга, и на их пустых лицах лишь отчаяние. Лашар стискивает челюсти, ноздри ее трепещут. Она готова принять слова Шаффы близко к сердцу. Насколько видит Нэссун, Дешанти тоже… но это убьет что-то в Дешанти.

Шаффа это понимает. Когда он встает поцело-

вать Дешанти в лоб, в этом жесте столько печали, что у Нэссун снова ноет сердце.

— «Все меняется Зимой», — говорит он. — *Живите*. Я хочу, чтобы вы жили.

Из глаза Дешанти скатывается слеза прежде, чем она успевает ее сморгнуть. Она громко сглатывает. Но затем она кивает и отходит от него к остальным. Теперь между ними пропасть — по одну сторону Шаффа и Нэссун, по другую — дети Найденной Луны. Пути разошлись. Шаффа не показывает беспокойства, а должен бы — Нэссун замечает, что серебро ожило и пульсирует в нем, протестуя против его выбора позволить этим детям уйти восвояси. Но он не показывает боли. Когда он делает то, что считает правильным, боль лишь усиливает его. Он встает.

— И если вдруг вы увидите настоящие признаки ослабления Зимы… бегите. Рассейтесь и слейтесь с окружающим как сможете. Стражи не умерли, маленькие мои. Они вернутся. Как только разойдутся слухи о том, что вы сделали, они придут за вами.

Он имеет в виду обычных Стражей, понимает Нэссун, — не тех, что «осквернены», каким был он сам. Таких Стражей не было видно с начала Зимы, или, по крайней мере, Нэссун не слышала,

чтобы хоть один присоединился к какой-нибудь общине, и их не было видно на дорогах. *Вернутся* предполагает, что все они ушли куда-то в особое место. Куда? Туда, куда Шаффа и прочие осквернённые не пойдут или не могут пойти.

Но значение имеет то, что *этот* Страж, пусть и осквернённый, помогает им. Нэссун ощущает внезапный прилив необъяснимой надежды. Конечно, совет Шаффы поможет им выжить каким-то образом. Она сглатывает и добавляет:

— Все вы действительно хорошие орогены. Может, община, которую вы изберете… может, они…

Голос ее обрывается, она не уверена в том, что хочет сказать. *Может, они полюбят вас,* думает она, но это кажется глупым. Или *может, вы окажетесь им полезными*, но это обычно работает не так. Общины обычно нанимают эпицентровских орогенов только на короткое время или, так ей рассказывал Шаффа, чтобы сделать необходимую работу и уйти. Даже общины рядом с горячими точками и зонами разлома не хотели держать у себя орогенов постоянно, как бы они в них ни нуждались.

Прежде чем Нэссун находит слова, Вудех зло смотрит на нее.

— Заткнись.

Нэссун моргает.

— Что?

Тихоня шипит на Вудеха, пытается заставить его замолчать, но он не обращает на него внимания.

— Заткнись, ржавь. Я ненавижу тебя. Нида пела мне. — Затем, без предупреждения, он разражается рыданиями. Тихоня растеряна, но остальные окружают его, шепчут утешения и гладят по спине. Лашар смотрит на это, затем бросает на Нэссун последний укоризненный взгляд, прежде чем обратиться к Шаффе.

— Что же, мы пойдем. Спасибо, Страж, за… за то, что стоит благодарности. — Она поворачивается и ведет всех прочь. Дешанти идет рядом с ней, повесив голову, не оглядываясь. Инеген несколько мгновений стоит между двумя группами, затем смотрит на Нэссун и шепчет:

— Извини. — Затем уходит и она, торопясь догнать остальных.

Как только дети полностью исчезают из виду, Шаффа кладет руку на плечо Нэссун и уводит ее к имперской дороге. Через несколько миль молчания она говорит:

— Ты до сих пор считаешь, что лучше было бы

убить их?

— Да. — Он смотрит на нее. — И ты знаешь это не хуже меня.

Нэссун стискивает челюсти.

— Знаю. — Еще больше причин остановить это. Остановить все.

— У тебя на уме есть какая-то цель, — говорит Шаффа. Это не вопрос.

— Да. Я… Шаффа, я должна пойти на другую сторону мира. — Это звучит как *я должна дойти до звезд*, но поскольку это не так далеко от того, что она действительно должна сделать, она решает не стесняться этого мелкого абсурда. К ее удивлению, он наклоняет голову вместо того, чтобы рассмеяться.

— В Сердечник?

— Что?

— Город по ту сторону света. Туда?

Она сглатывает, закусывает губу.

— Я не знаю. Я просто знаю, что то, что мне нужно… — У нее нет для этого слов, и вместо этого она изображает это, складывая ладони и шевеля пальцами, посылая воображаемые волны навстречу друг другу, чтобы они сталкивались и смешивались. — Обелиски… их тянет к этому месту. Они для этого сделаны. Если я туда пойду,

я думаю, что я сумею, ну, вытянуть? Я не могу сделать этого больше нигде, поскольку… — Она не может объяснить. Линии силы, линии видимости, математические комбинации; все нужное ей знание у нее в голове, но языком она не может его передать. Кое-что из этого дар сапфира, что-то — приложение теорий, которые ей объясняла мать, а что-то — результат сочетания теории с наблюдениями и инстинктом. — Я не знаю, который город там правильный. Если я подойду ближе и немного похожу вокруг, может, я смогу…

— Сердечник — единственное, что есть по ту сторону света, малышка.

— Это… что?

Шаффа резко останавливается, сбрасывая рюкзак. Нэссун тоже расценила это как сигнал к привалу. Они как раз на подветренной стороне холма, который представляет собой выход старой лавы из древнего вулкана под Джекити. Вся окрестность в природных террасах из выветренного и вымытого водой обсидиана, хотя скала всего в нескольких дюймах ниже слишком тверда для сельскохозяйственных посадок или даже для леса. Некоторые упорные деревья с неглубокими корнями качаются на пустых террасах с коростой пепла, но большинство погибли от пеплопада.

Нэссун и Шаффа смогут заметить потенциальную опасность издалека.

Пока Нэссун достает еду, Шаффа рисует что-то пальцем на нанесенном ветром пепле. Нэссун тянет шею и видит, что он рисует на земле два круга. На одном он грубо изображает Спокойствие, знакомое Нэссун по урокам географии еще в яслях, — только на сей раз он рисует Спокойствие в двух частях, с линией раздела по экватору. Разлом, да. Он стал границей более непреодолимой, чем даже тысячи миль океана.

Другой круг, однако, который, как теперь понимает Нэссун, является изображением мира, он оставляет пустым, за исключением одной точки прямо над экватором и чуть к востоку от нулевого меридиана. Он не размещает под ней ни острова, ни материка. Просто точка.

— Когда-то на этом пустом лике мира было много городов, — объясняет Шаффа. — Некоторые цивилизации в течение тысячелетий строили города на море или под водой. Но ни один из них не просуществовал долго. Остался только Сердечник.

Это в буквальном смысле по ту сторону света.

— Как мы можем туда попасть?

— Если… — Он замолкает. У Нэссун сводит нут-

ро, когда по его лицу проходит то самое размытое выражение. На сей раз он морщится и закрывает глаза, словно попытка оценить свою старую личность добавляет ему боли.

— Ты не помнишь?

Он вздыхает.

— Я помню, что помнил.

Нэссун понимает, что ей следовало такого ожидать. Она прикусывает губу.

— Сталь может знать.

Желваки на скулах Шаффы чуть вздрагивают — еле заметное движение, и все.

— Да уж, точно.

Сталь, который исчез, пока Шаффа оттаскивал тела других Стражей, также мог слышать их откуда-то по соседству. И имеет ли значение то, что он еще не появился и не сказал им, что делать? Может, он им и не нужен.

— А Антарктический Эпицентр? Разве у них нет записей и всякого такого? — Она вспоминает, что рассматривала библиотеку Эпицентра прежде, чем Шаффа и Умбра сели с их лидерами, выпили по чашечке сафе и затем убили их всех. Та библиотека представляла собой странную высокую комнату, от пола до потолка уставленную шкафами с книгами. Нэссун любит книги — ее мать

обычно раз в несколько месяцев позволяла себе роскошь купить одну, и порой Нэссун получала подержанную, если Джиджа считал ее подходящей для детей, — и она вспоминает, как стояла в благоговении, поскольку никогда в своей жизни не видела столько книг. Конечно, в некоторых из них была информация о… об очень старых городах, о которых никто никогда не слышал, и только Стражи знают, как туда попасть. М-м-м. Хм-м.

— Вряд ли, — говорит Шаффа, подтверждая опасения Нэссун. — К тому же сейчас этот Эпицентр, скорее всего, захвачен другой общиной или даже неприкаянной швалью. В конце концов, у них на полях было полно съедобных злаков, а дома пригодны для жилья. Было бы ошибкой туда вернуться.

Нэссун прикусывает губу.

— Может… лодка? — Она ничего не знает о лодках.

— Нет, малышка. Лодка не годится для такого долгого путешествия.

Он многозначительно замолкает, и Нэссун воспринимает это как предупреждение и пытается взять себя в руки. Здесь он ее бросит, с болезненным страхом и уверенностью понимает она.

Здесь он захочет узнать, что она задумала, — а потом не пожелает в этом участвовать. Зачем ему? Даже она понимает, что хочет ужасного.

— Как я понимаю, — говорит Шаффа, — ты хочешь взять под контроль Врата Обелисков.

Нэссун разевает рот. Шаффа знает, где находятся Врата Обелисков? Нэссун ведь только утром узнала это название от Стали. Правда, знание мира, всех его странных механизмов и их действия, тысячелетние секреты все еще по большей части невредимы в голове Шаффы. Только то, что связывает его с его прежней личностью, утрачено навеки… что означает, что дорога в Сердечник — то, что Старый Шаффа должен был в особенности хорошо знать. И что это значит?

— Ну да. Потому я хочу попасть в Сердечник.

Его губы изгибаются при виде ее удивления.

— Найти орогена, который мог бы активировать Врата, было нашей главной целью, Нэссун, когда мы создавали Найденную Луну.

— Что? Зачем?

Шаффа бросает взгляд в небо. Солнце начинает клониться к закату. Они, наверное, могли бы пройти еще час, прежде чем станет слишком темно. Но смотрит он на сапфир, который незначительно сместился со своего положения над

Джекити. Рассеянно потирая затылок, Шаффа смотрит на его слабые очертания сквозь густеющие облака и кивает, словно бы сам себе.

— Я, Нида и Умбра, — говорит он. — Лет десять назад нам… дали поручение… отправиться на юг и найти друг друга. Нам было приказано искать и обучать всех орогенов, имеющих потенциал для связи с обелисками. Обычно Стражи таким не занимаются, понимаешь ли, поскольку может быть лишь одна причина подталкивать орогена на путь обелиска. Но этого хотел Земля. Я не знаю, почему. Тогда я… задавал меньше вопросов. — Его рот на миг кривится в печальной улыбке. — Теперь у меня есть догадки.

Нэссун хмурится.

— Какие догадки?

— Что у Земли свои планы на человечество… — Шаффа резко напрягается и пошатывается. Нэссун быстро подхватывает его, чтобы он не упал, и он инстинктивно обхватывает ее за плечи. Рука его держит ее очень крепко, но она не сопротивляется. Ему явно нужно утешение ее присутствия. Наверное, Земля злится на него сильнее, чем когда бы то ни было, потому что он выдает его секреты, и это ощущается как резкая, хлещущая пульсация серебра во всех нервах и

между всеми клетками его тела.

— Не разговаривай, — говорит Нэссун. Ей перехватило горло. — Не говори больше ни слова. Если это будет так же больно…

— Он не управляет мной. — Шаффе приходится говорить это между короткими вздохами. — Это не затрагивает моей сути. Пусть я… м-м-м… в его конуре, но на поводок он меня *не возьмет*.

— Я знаю. — Нэссун закусывает губу. Он тяжело приваливается к ней, и от этого ее колено, упирающееся в землю, начинает дико ныть. Но ей все равно. — Но ты не обязан рассказывать все прямо *сейчас*. Я сама догадываюсь.

Она думает, что у нее есть все ключи. Нида однажды упомянула о способности Нэссун связываться с обелисками, *за это мы в Эпицентре выбраковывали*. Нэссун тогда не поняла, но ощутив в какой-то мере чудовищность Врат Обелисков, она теперь может догадываться, почему Отец-Земля хочет ее смерти, если она уже не под контролем Шаффы — а через него и Земли.

Нэссун жует губу. Поймет ли Шаффа? Она не уверена, что сможет перенести, если он решит уйти или, что еще хуже, набросится на нее. Она делает глубокий вздох.

— Сталь говорит, что Луна возвращается.

На мгновение со стороны Шаффы возникает полное молчание. Это тяжесть удивления.

— Луна.

— Она настоящая, — выпаливает она. Однако она и понятия не имеет, правда ли это, так ведь? Она полагается лишь на слова Стали. Она даже не уверена в том, что знает, что такое Луна, кроме того, что это потерянное дитя Отца-Земли, как говорят сказки. И все же каким-то образом она понимает, что здесь Сталь сказал правду. Она не то чтобы сэссит это, и нет красноречивых серебряных нитей, формирующихся в небесах, но она верит так, как умеет верить, что есть другая сторона света, хотя она и не видела ее никогда, верит так же, как знает, как формируются горы, и верит в это, как и в то, что Отец-Земля настоящий и живой и что он — враг. Некоторую правду просто невозможно отрицать.

К ее удивлению, Шаффа говорит:

— Да, я знаю, что Луна есть. — Возможно, его боль немного утихла. Теперь лицо его становится жестким, и он смотрит на туманный, периодически появляющийся диск солнца там, где оно не до конца пронзает тучи над горизонтом. — Это я помню.

— Ты… Правда? Так ты веришь Стали?

— Я верю *тебе*, малышка, поскольку орогены чувствуют притяжение Луны, когда она проходит близко. Осознание ее для вас так же естественно, как сэссить землетрясения. Но к тому же я ее видел. — Его глаза сужаются и взгляд резко фокусируется на Нэссун. — Зачем же тогда этот камнеед рассказал тебе о Луне?

Нэссун делает глубокий вдох и тяжело выдыхает.

— Я на самом деле просто хотела жить где-нибудь в хорошем месте, — говорит она. — Жить где-нибудь… с тобой. Я была бы не против работать и делать все, чтобы стать хорошим членом общины. Я могла бы быть лористом, наверное. — Она чувствует, как напрягаются мышцы челюсти. — Но я нигде не могу найти такой жизни. Только если буду скрывать, кто я есть. Мне *нравится* орогения, Шаффа, когда мне не приходится ее скрывать. Я не думаю, что владеть ею, быть… р-роггой… — Ей приходится замолчать, она вспыхивает, пытается стряхнуть стыд от того, что произнесла такое плохое слово, но плохие слова сейчас самые верные. — Я не думаю, что это делает меня странной или злой. — Она снова заставляет себя замолчать, сбить свои мысли с этого направления, поскольку это ведет прямо

к «*но ты же делала такие плохие вещи*». Нэссун неосознанно скалится и стискивает кулаки. — Это неправильно, Шаффа. Неправильно, что люди хотят меня видеть странной, плохой или злой, они ведь так *делают* меня плохой… — Она мотает головой, подыскивая слова. — Я просто хочу быть такой, как все! Но я не такая — и все, многие, все *ненавидят* меня за это. Ты единственный, кто не ненавидит меня за… за то, что я есть. И это неправильно.

— Да, неправильно. — Шаффа приваливается спиной к своему рюкзаку с усталым видом. — Но ты говоришь так, малышка, будто попросить людей справиться со своими страхами — простое дело.

И хотя он не говорит этого, но Нэссун внезапно думает: *Джиджа не смог бы*. Желудок внезапно так подступает к горлу Нэссун, что ей приходится на миг заткнуть рот кулаком и подумать о пепле и о том, как у нее замерзли уши. В желудке у нее нет ничего, кроме горстки фиников, которые она только что съела, но ощущение все равно отвратительное.

Шаффа, против своего обыкновения, не пытается утешить ее. Он лишь настороженно смотрит на нее, но в остальном его лицо непроницаемо.

— Я знаю, что они не смогут. — Да, если говорить, то становится легче. Желудок не успокаивается, но больше она не ощущает приступа сухой рвоты. — Я знаю, они — глухачи — всегда будут бояться. Если уж мой отец не смог…

Тошнота. Она отметает эти мысли, не закончив предложения, а затем продолжает:

— Они всегда будут бояться, и нам вечно придется так жить, а это *неправильно*. Должен быть способ… уладить. Неправильно, что этому нет *конца.*

— Ты намерена исправить это, малышка? — спрашивает Шаффа. Он говорит мягко. Она понимает, что он уже догадался. Он знает ее намного лучше, чем она сама, и она любит его за это. — Или покончить с этим?

Она встает на ноги и начинает расхаживать взад-вперед по маленькому кружку между ее рюкзаком и его. Это помогает успокоить тошноту и дерганье, от которого повышается какое-то напряжение у нее под кожей, имени которому она не знает.

— Я не знаю, как это исправить.

Но это не вся правда, и Шаффа чует ложь, как хищник чует кровь. Глаза его сужаются.

— А если бы ты знала, как все исправить, ты

сделала бы это?

И тут вспыхивает воспоминание, которое Нэссун больше года не позволяла себе вызывать в памяти или думать о нем. Она вспоминает свой последний день в Тиримо.

Она приходит домой. Видит отца среди каморки. Он тяжело дышит. Она не понимает, что с ним. Почему в тот момент он не похож на ее отца — глаза слишком расширены, челюсть слишком отвисла, плечи поникли, словно ему больно. А затем Нэссун вспоминает, как посмотрела вниз.

Она смотрит, смотрит, смотрит и думает — *Что это?* Смотрит и думает — *Это мячик?* Вроде тех, которые дети в яслях гоняют во время обеденного перерыва, только те мячики сделаны из кожи, а у ног ее отца что-то другого коричневого оттенка, с алыми брызгами по всей поверхности, комковатое и наполовину сдувшееся, но «*Нет, это не мяч, подожди, это же глаз?*» Может быть, но настолько заплывший, что кажется большим распухшим кофейным зерном. *Вовсе не мяч,* поскольку он в одежде ее братика, включая те штанишки, которые утром надела на него сама Нэссун, пока Джиджа пытался собрать им свертки с обедом для яслей. *Уке не хотел надевать эти штаны,* поскольку был еще малышом и любил дурачить-

ся так, что Нэссун приходилось вертеться перед ним, а он так смеялся, так смеялся! Она больше всего на свете любила его смех, и когда она перестала вертеться, он в благодарность позволил ей надеть на него штанишки, что означало, что этот неузнаваемый полусдутый предмет вроде мяча на полу на самом деле *Уке это Уке это Уке…*

— Нет, — выдыхает Нэссун. — Не стала бы. Даже если бы и знала, как.

Она перестала расхаживать. Одну руку она прижимает к животу. Вторая сжата в кулак, засунута в рот. Она выплевывает слова, давится ими, когда они поднимаются к ее горлу, она хватается за живот, в котором столько ужасных вещей, что она как-то обязана выпустить их, или ее разорвет изнутри. Это все искажает ее голос, превращая его в дрожащий рык, периодически взлетающий до громкого визга, поскольку это все, что она может сделать, чтобы не завопить.

— Я *не стала бы* исправлять, Шаффа, не стала бы, прости, я не *хочу* исправлять, я хочу *убить всех, кто ненавидит меня…*

У нее в подвздошье так тяжело, что она не может стоять. Она сгибается, падает на колени. Ей хочется, чтобы ее вырвало, но вместо этого она выблевывает слова на землю между расставлен-

ных ладоней.

— Я хочу, чтобы все это ИСЧЕЗЛО, Шаффа! СГОРЕЛО, сгорело дотла и ушло, исчезло, исчезло, НИЧЕГО не ос-с-с-талось, ни ненависти, ни убийств, просто ничего, ржавь, ничего, НАВСЕГДА…

Руки Шаффы, твердые и сильные, поднимают ее. Она вырывается, пытается ударить его. Это не злоба и не страх. Она ни за что *не хочет* причинить ему боль. Она просто должна как-то выпустить то, что сейчас в ней, или она сойдет с ума. Впервые в жизни она понимает своего отца, вопя, отбиваясь, кусаясь и дергая себя за одежду и волосы, пытаясь ударить его головой. Шаффа быстро разворачивает ее и крепко обхватывает большой рукой, прижимая ее руки к бокам, чтобы она не поранила его или себя, выпуская свой гнев.

Вот что ощущал Джиджа, отстраненно замечает далекая, обелисково-парящая часть ее личности. *Вот что поднялось в нем, когда он понял, что мама лгала, и я лгала, и Уке лгал. Вот что заставило его выбросить меня из фургона. Вот почему он пришел в Найденную Луну тем утром со стеклянным кинжалом в руке.*

Это… Это Джиджа в ней заставляет ее метаться,

кричать и плакать. В этот момент беспредельной ярости она как никогда близка своему отцу. Шаффа держит ее, пока она не выдыхается. В конце концов она обмякает, дрожит, задыхается и тихонько стонет, вся в слезах и соплях. Когда становится понятно, что Нэссун больше не будет вырываться, Шаффа садится, подобрав ноги, и сажает Нэссун к себе на колени. Она приникает к нему, как некогда другая девочка, много лет назад и много миль отсюда, когда он попросил ее пройти ради него испытание, чтобы остаться жить.

Но Нэссун прошла испытание; даже прежний Шаффа согласился бы с этим. Несмотря на всю свою ярость, орогения Нэссун даже не дрогнула, и она даже не потянулась к серебру.

— Ш-ш-ш-ш, — успокаивает ее Шаффа. Он делал это все время, хотя сейчас он гладит ее по спине и большим пальцем стирает ее слезы. — Ш-ш-ш. Бедняжка. Как дурно с моей стороны. Когда лишь этим утром… — Он вздыхает. — Ш-ш-ш-ш, малышка. Отдохни.

Нэссун выжата досуха и опустошена, лишь горе и ярость несутся в ней как сель, снося все на своем пути горячей бурлящей жижей. Горе, и ярость, и еще одно последнее здоровое чувство.

— Ты единственный, кого я люблю, Шаффа, —

голос ее звучит сипло и устало. — И лишь из-за тебя я не с-стану. Но… но я…

Он целует ее в лоб.

— Закончи все, как тебе нужно, моя Нэссун.

— Я не хочу. — Ей приходится сглотнуть. — Я хочу, чтобы ты… чтобы жил!

Он тихо смеется.

— Ты все равно ребенок, несмотря на все, что тебе пришлось пережить. — Это ранит, но смысл его слов понятен. Она не сможет сохранить Шаффу живым и убить ненависть мира. Она должна выбрать тот или иной конец. Но Шаффа твердо повторяет: — Сделай так, как тебе надо.

Нэссун отодвигается, чтобы посмотреть на него. Он улыбается еще раз, глядя на нее ясным взглядом.

— Что?

Он нежно-нежно обнимает ее.

— Ты мое воздаяние, Нэссун. Ты — все те дети, которых я любил и защищал даже от самого себя. И если это тебя успокоит… — он целует ее в лоб, — то я буду твоим Стражем, пока мир не сгорит, малышка.

Это благословение, бальзам. Тошнота в конце концов отступает от Нэссун. В объятиях Шаффы, спокойная и покорная, она наконец засыпает

среди снов о мире пылающем и плавящемся и по-своему мирном.

* * *

— Сталь, — зовет она на следующее утро.

Сталь возникает перед ними посреди дороги, скрестив руки на груди с выражением легкого изумления на лице.

— Самый близкий путь в Сердечник относительно недалеко, — говорит он, когда она спрашивает о том, чего недостает в знаниях Шаффы. — Месяц пути или около того. Конечно… — Он многозначительно позволяет словам повиснуть в воздухе. Он уже предлагал Нэссун и Шаффе лично отнести их на ту сторону света, что, вероятно, способны сделать камнееды. Это избавило бы их от многих тягот и опасностей, но им пришлось бы довериться Стали, когда он понес бы их сквозь землю в странной, пугающей манере его сородичей.

— Нет, спасибо, — снова отвечает Нэссун. Она не спрашивает мнения Шаффы, хотя тот сидит, привалившись к скале, неподалеку. Ей незачем спрашивать его. То, что Сталь интересует только Нэссун, очевидно. Он запросто может спокойно забыть перенести Шаффу или потерять его по

пути в Сердечник. — Но не мог бы ты рассказать нам о месте, куда мы собираемся пойти? Шаффа не помнит.

Серый взгляд Стали переходит на Шаффу. Шаффа улыбается в ответ, обманчиво спокойный. Даже серебро в нем затихает, всего на мгновение. Может, Отец-Земля не любит и Сталь тоже.

— Это называлось *станцией*, — после секундного молчания объясняет Сталь. — Оно старое. Ты назвала бы его руинами мертвой цивилизации, хотя оно до сих пор невредимо, спрятанное среди настоящих руин. Давным-давно люди использовали эти станции или, скорее, транспорт этих станций, чтобы передвигаться на большие расстояния куда эффективнее, чем пешком. Сегодня же только мы, камнееды, и Стражи помним, что эти станции существуют. — Его улыбка, которая не менялась с момента его появления, неподвижная и ироничная. Похоже, что для Шаффы она почему-то что-то означает.

— Все мы платим за могущество, — говорит Шаффа. Голос его холоден и ровен, как когда он задумывает сделать что-то плохое.

— Да. — Сталь молчит на мгновение дольше, чем нужно. — И за этот метод транспортировки тоже придется заплатить.

— У нас нет ни денег, ни чего-нибудь на обмен, — встревоженно говорит Нэссун.

— К счастью, существуют и другие способы оплаты. — Сталь внезапно встает под другим углом, подняв лицо вверх. Нэссун следует за его взглядом, поворачивается и видит — Сапфир, чуть приблизившийся за ночь. Теперь он на полпути между ними и Джекити.

— Эта станция, — продолжает Сталь, — старше Пятых времен года. Она ровесница обелисков. Все уцелевшие артефакты этой цивилизации признают один и тот же источник энергии.

— То есть… — выдыхает Нэссун, — серебро?

— Ты так это называешь? Как поэтично.

Нэссун неуютно переминается с ноги на ногу.

— Я не знаю, как по-другому это называть.

— О, как изменился мир. — Нэссун сводит брови, но Сталь не объясняет своих загадочных слов. — Идите по дороге, пока не дойдете до Стариковской Рожи. Знаешь, где это?

Нэссун вспоминает, что видела такое на картах Антарктики целую жизнь назад, и еще хихикала. Она смотрит на Шаффу, который кивает и отвечает:

— Найдем.

— Тогда встретимся там. Развалины точно в

центре травяного леса, внутри внутреннего круга. Входите после рассвета. Не теряйте времени, добирайтесь до центра, вам не стоит оставаться в лесу, как стемнеет. — Сталь замолкает, перетекает в новую позу — на сей раз определенно задумчивую. Лицо его повернуто в сторону, пальцы касаются подбородка. — Я думал, это будет твоя мать.

Шаффа замирает. Нэссун изумлена прошедшей по ней вспышкой жара, потом холодом. Медленно проходя эту странную, сложную эмоцию, она говорит:

— Что ты имеешь в виду?

— Я ожидал, что это сделает она, только и всего. — Сталь не пожимает плечами, но что-то в его голосе предполагает равнодушие. — Я угрожал ее общине. Ее друзьям, людям, которые ей дороги сейчас. Я думал, они обратятся против нее, и тогда этот выбор будет для нее более приемлем.

Люди, которые ей дороги сейчас.

— Она больше не в Тиримо?

— Нет. Она присоединилась к другой общине.

— И они… не убили ее?

— Нет. Удивительно. — Глаза Стали встречаются с глазами Нэссун. — Она знает, где ты сейчас. Врата сказали ей. Но она не идет, по крайней

мере, пока. Прежде она хочет безопасно устроить своих друзей.

Нэссун сжимает челюсти.

— В любом случае меня больше нет в Джекити. И она не скоро задействует Врата, так что не сможет снова меня найти.

Сталь поворачивается к ней лицом, движение его слишком медленно и человечно, чтобы быть человеческим, хотя его ошеломление кажется искренним. Она терпеть не может, когда он движется медленно. От этого у нее мурашки по коже бегут.

— Воистину, ничто не длится вечно, — говорит он.

— То есть?

— Только то, что я недооценил тебя, малышка Нэссун. — Нэссун инстинктивно не нравится это обращение. Он снова принимает задумчивую позу, на сей раз быстро, к ее облегчению. — Думаю, лучше мне больше так не промахиваться.

С этими словами он исчезает. Нэссун, нахмурившись, смотрит на Шаффу, тот качает головой. Они надевают рюкзаки и направляются на запад.

* * *

2400: Восточные Экваториали (проверить, не была ли редкой сеть в этом районе, поскольку…), неизвестная община. Старинная местная песня рассказывает о сиделке, которая остановила внезапный взрыв и пирокластический поток, превратив его в лед. Один из ее пациентов подставил себя под арбалетный выстрел, чтобы защитить ее от толпы. Толпа дала ей уйти, она исчезла.

Проектные записки Ятра Инноватора Дибарс

Сил Анагист: Четыре

ВСЯ ЭНЕРГИЯ ЕСТЬ ОДНО И ТО ЖЕ, в разных состояниях и под разными названиями. Движение создает тепло, которое также и световая волна, которая, как звук, растягивает или ослабляет межатомные связи в кристалле, гудящем сильными или слабыми связями. В зеркальном резонансе со всем этим состоит магия, яркое излучение жизни и смерти.

Наша роль такова: сплести вместе эти несовместимые энергии. Чтобы ими манипулировать и подчинять их и сквозь призму нашего сознания создать ни на что не похожую силу, которой нельзя противостоять. Создать из какофонии симфонию. Инструмент — великая машина, называемая Глубинный движитель. Мы его настройщики.

Цель: Геоаркания. Геоаркания пытается создать энергетический цикл бесконечной эффективности. Если у нас получится, мир никогда больше не узнает нужды и раздора… или так нам говорят. Проводники мало что объясняют кроме необходимого для нашей роли. Этого достаточно, чтобы

понять, что мы — маленькие, незначительные *мы* — поможем направить человечество по новому пути к невообразимо яркому будущему. Может, мы и инструменты, но мы прекрасные инструменты для величайшей цели. В этом легко найти гордость.

Мы достаточно сильно настроены друг на друга, чтобы потеря Тетлевы на некоторое время стала проблемой. Когда мы объединяемся, формируя нашу начальную сеть, она не уравновешена. Тетлева был нашим контртенором, половиной длин волн спектра; без него ближе всех я, но мой природный резонанс чуть высоковат. В результате сеть слабее, чем должна бы быть. Наши питающие линии продолжают пытаться достичь несуществующего среднего диапазона Тетлевы.

Гэве в конце концов удается компенсировать потерю. Она проникает глубже, резонирует мощнее, и это затыкает дыру. Мы должны провести несколько дней, переделывая все связи сети, чтобы создать новую гармонию, но это несложно, просто затратно по времени. Нам не впервые приходится это делать.

Келенли соединяется с нашей сетью лишь временами. Это досадно, поскольку ее голос — глубокий, мощный и щекочущий в своей рез-

кости — совершенен. Лучше, чем у Тетлевы, с диапазоном более широким, чем у всех нас вместе взятых. Но проводники сказали, чтобы мы к ней не привыкали.

— Она вступит при настоящем запуске Движителя, — говорит один, когда я спрашиваю, — но только если сумеет обучить вас тому, что она делает. Проводник Галлат хочет ее только в качестве резерва в День Запуска.

На поверхности это кажется разумным.

Когда Келенли — часть нас, она возглавляет нас. Это просто естественно, поскольку ее присутствие намного больше нашего. Почему? Что-то в том, как она это делает? Что-то еще. Это… удерживание ноты. Постоянное гулкое горение в срединной точке ее уравновешенных линий, в их эпицентре, чего никто из нас не понимает. Такое же горение в каждом из нас, но наше слабое и прерывистое, периодически вспыхивающее, чтобы снова быстро затихнуть. Ее — горит ровно, ее топливо словно неограниченно.

Чем бы ни было это ровное горение ноты, проводники открыли, что оно прекрасно координируется с пожирающим хаосом оникса. Этот оникс — контрольный кабошон всего Планетарного Движителя, и, хотя есть и другие пути

запустить Движитель — более грубые, обходные варианты, включающие подсети или лунный камень, — в День Запуска нам непременно будут нужны точность и контроль оникса. Без этого наши шансы успешно запустить Геоарканию сильно снижаются… но пока ни у кого из нас недостает сил удерживать оникс дольше нескольких минут. Однако мы в священном трепете наблюдаем, как Келенли держит его целый час, затем действительно кажется невозмутимой, когда разъединяется с ним. Когда мы соединяемся с ониксом, он наказывает нас, лишая всего, что мы можем отдать, и оставляя нас в сне отключки много часов и даже дней, — но не ее. Его линии скорее ласкают, чем рвут ее. Ониксу она *нравится*. Это объяснение иррационально, но оно приходит на ум всем нам, так что мы начинаем так об этом думать. Теперь она должна научить нас стать более приятными ониксу, вместо нее.

Когда мы восстановили баланс и нас выпустили из проволочных кресел, вмещающих наши тела, пока наш мозг задействован, мы спотыкаемся и должны опираться на проводников, чтобы разойтись по нашим индивидуальным помещениям… когда все это сделано, она приходит нас навестить. Каждого лично, чтобы проводники

ничего не заподозрили. В наших встречах лицом к лицу мы говорим вслух всякую чушь, а в это время она обращается земноречью ко всем нам одновременно.

Она ощущается острее, чем мы, говорит она, потому, что она опытнее. Потому, что она жила вне комплекса зданий, окружающих местный фрагмент, составляющий весь наш мир после того, как мы были сделаны. Она посетила не только тот узел Сил Анагиста, в котором мы живем; она видела и прикасалась к большему количеству фрагментов, чем наш местный аметист. Она даже была в Нулевой Точке, где покоится лунный камень. Мы в восхищении.

— У меня есть контекст, — говорит она нам — точнее, мне. Она сидит на моей койке. Я распростерт лицом вниз на диване у окна, отвернувшись от нее. — Когда он будет у вас, вы тоже будете такими же острыми.

(Это что-то вроде нашего жаргона, использовать земнотермины, чтобы добавить смысла слышимым словам. На самом деле она просто говорит «я старше», в то время как толика затухания придает оттенок деформации времени. Она *метаморфична*, будучи трансформированной для того, чтобы выносить невыносимое давление.

Чтобы сделать этот рассказ проще, я транслирую его словами, за исключением тех моментов, когда не смогу.)

— Было бы хорошо, если бы мы были такими же острыми, как ты *сейчас*, — устало отвечаю я. Я не хнычу. Дни перебалансировки всегда трудны. — Дай нам этот контекст, оникс услышит, и у меня перестанет болеть голова.

Келенли вздыхает.

— В этих стенах нет ничего, обо что вы могли бы заострить себя. (Крошение возмущения, размалывается и быстро рассеивается. *Они держали вас в такой безопасности и скрытности.*) — Но я думаю, что есть способ, которым я помогла бы тебе и остальным сделать это, если я смогу вывести вас отсюда.

— Помочь мне… заостриться?

(Она успокаивает меня полирующим поглаживанием. *То, что вы так незаточены, — не доброта.*)

— Вам нужно больше узнать о самих себе. О том, что вы такое.

Я не понимаю, почему она считает, что я не понимаю, что я.

— Я орудие.

Она отвечает:

— Если ты орудие, разве не следует тебя довести до совершенства, насколько это возможно? — Голос ее спокоен. И все же подспудная, гневная дрожь всего окружающего — молекул, сжимающихся пластов у нас под ногами, диссонансный скрежещущий визг на пределе нашей способности сэссить — говорят мне, что Келенли невыносимо то, что я только что сказал. Я поворачиваю к ней голову и осознаю, насколько мой разум зачарован тем, что эта двойственность не проявляется на ее лице. Это другая черта, которой она схожа с нами. Мы давно научились не показывать боли, страха или печали в любом пространстве над землей или под небом. Проводники говорят нам, что мы созданы, чтобы быть подобными статуям — холодные, неподвижные, молчаливые. Мы не понимаем до конца, почему они уверены, что мы на самом деле такие; в конце концов, мы на ощупь такие же теплые, как они. Мы чувствуем эмоции, как, видимо, и они, хотя мы действительно менее склонны демонстрировать их на лице или в языке тела. Возможно, потому, что у нас есть земноречь? (Чего они, вроде бы, не замечают. Это хорошо. В земле мы можем быть самими собой.) Нам никогда не было понятно до конца, сделаны ли мы неправильно или они понимают

нас неправильно. И имеет ли это значение.

Келенли внешне спокойна, но внутри горит. Я смотрю на нее так долго, что она резко возвращается в себя и улавливает мою мысль. Она улыбается.

— Я думаю, вы похожи на меня.

Я обдумываю возможные смыслы этого.

— Не так, — говорю я по привычке. Мне приходилось порой объяснять это младшим проводникам или другому персоналу. Мы сделаны как статуи еще и в этом отношении — воплощение дизайна, которое сработало в этом случае, оставив нам способность испытывать страсть, но мы не заинтересованы и не можем давать потомства, если бы вдруг нас увлекло. Келенли тоже такая? Нет, проводники говорят, что она была сделана, чтобы отличаться от них только в одном. У нее есть наши мощные, сложные, гибкие сэссапины, которыми не обладает ни один человек в мире. Во всем остальном она как они.

— Как удачно, что я не говорила о сексе. — От нее исходит тягучий гул насмешливого изумления; это и беспокоит меня и делает приятно одновременно. Не знаю, почему. Не замечая моего внезапного смущения, Келенли встает на ноги.

— Я вернусь, — говорит она и уходит.

Она не возвращается несколько дней. Она, тем не менее, остается отдельной частью нашей последней сети, так что присутствует во время нашего бодрствования, приема пищи, испражнения, в наших рудиментарных снах, когда мы спим, в нашей гордости за себя и друг за друга. Это не ощущается как наблюдение, даже если она смотрит. Не могу говорить за остальных, но мне нравится, когда она рядом. Не все остальные любят Келенли. Гэва особенно против этого, что она передает нам во время нашего тайного разговора.

— Она появляется, как только мы утратили Тетлеву? Как раз под завершение проекта? Мы усердно трудились, чтобы стать тем, что мы есть. Когда все будет сделано, они будут благодарить ее?

— Она лишь замена, — говорю я, пытаясь быть гласом разума. — И хочет она того, чего и мы. Нам нужно сотрудничать.

— Это она так говорит. — Это Ремва, который считает себя умнее остальных. (Мы все созданы одинаково разумными. Ремва просто засранец.) — Проводники не допускали ее к нам не просто так. Она может быть бунтаркой.

Это глупость. Я уверен в этом, хотя не позво-

ляю себе высказать это земноречью. Мы часть великой машины. Все, что улучшает функционирование машины, имеет смысл; все, не относящееся к этой цели, — не имеет. Будь Келенли непослушной, Галлат отослал бы ее в терновую рощу вместе с Тетлевой. Это мы все понимаем. Гэва и Ремва просто упертые.

— Если она бунтарка, то это в свое время проявится, — твердо говорю я. Это не закончит, но хотя бы отложит спор.

Келенли возвращается на другой день. Проводники собирают нас вместе для объяснений.

— Келенли просила нас разрешить вам выйти на настроечную миссию, — говорит мужчина, который приходит для инструктажа. Он гораздо выше нас, даже выше Келенли и более хрупкий. Он любит одеваться в цвета, в совершенстве подходящие друг другу, и одежда его с узорными пуговицами. У него длинные черные волосы, кожа его бела, хотя не как у нас. Однако глаза у него наши — белые на белом. Белые, как лед. Мы никогда не видели никого из *них* с нашими глазами. Это проводник Галлат, глава проекта. Я думаю о Галлате как о фрагменте — чистом, алмазно-белом. Он прекрасно выточен, чисто огранен, уникально прекрасен и в то же время

безжалостно смертелен, если с ним не обращаться осторожно. Мы не позволяем себе думать о том факте, что именно он убил Тетлеву.

(Он не тот, о ком ты думаешь. Я хочу, чтобы Галлат выглядел, как он, так же, как хочу, чтобы ты была похожа на нее. Это риск ущербной памяти.)

— Настроечная… миссия, — медленно говорит Гэва, показывая, что не понимает.

Келенли открывает рот, чтобы заговорить, затем останавливается и поворачивается к Галлату. Тот искренне улыбается.

— Келенли демонстрирует показатели, которые мы надеемся получить от вас, и все же вы в целом недотягиваете, — говорит он. Мы напрягаемся, нам неуютно, мы остро сознаем критику, хотя он всего лишь пожимает плечами. — Я проконсультировался с ведущим биомагистром, и она утверждает, что в ваших соответствующих способностях нет значительного различия. У вас те же *способности*, что и у нее, но вы не показываете того же *мастерства*. Есть некоторые изменения, которые мы могли бы сделать, чтобы попытаться уладить это расхождение, короче, это тонкая настройка, но это риск, на который лучше не идти накануне запуска.

Мы мгновение реверберируем все вместе, всех

нас это радует.

— Она сказала, что пришла научить нас контексту, — очень осторожно осмеливаюсь сказать я. Галлат кивает мне в ответ.

— Она уверена, что решение во внешнем опыте. Повышенное воздействие стимулов, вызов вашей способности принимать решения, все такое. Это предложение имеет достоинство и пользу — оно минимально инвазивно — но из-за проекта мы не можем отправить вас всех вместе. Вдруг что-то случится? Вместо этого мы разделим вас на две группы. Поскольку Келенли лишь одна, это означает, что одна половина из вас отправится с ней сейчас, а вторая — в течение недели.

Снаружи. Мы идем наружу. Я отчаянно желаю оказаться в первой группе, но мы понимаем, что не надо показывать желаний перед проводниками. Инструменты не должны так очевидно желать покинуть свой ящик.

Вместо этого я говорю:

— Мы более чем успешно настроены друг на друга и без этой предполагаемой миссии. — Мой голос бесцветен. Голос статуи. — Моделирование показывает, что мы вполне способны надежно контролировать Движитель, как и ожидалось.

— И мы могли бы разбиться на шесть групп, а

не на две, — добавляет Ремва. По его дурацкому предложению я понимаю его рвение. — Разве каждая группа не будет иметь разного опыта? Несколько я понимаю… внешнее… нет способа контролировать стабильность внешнего воздействия. Если мы все равно должны оторваться от нашей подготовки ради этого, то разве не надо сделать это с минимализацией риска?

— Думаю, шесть групп будет неэффективно и неэкономично, — говорит Келенли, молча передавая нам свое одобрение и восхищение нашей игрой. Она смотрит на Галлата и пожимает плечами, не пытаясь делать вид, что ей все равно; кажется, ей просто скучно. — Мы точно так же могли бы сделать *одну* группу, как две или шесть. Мы можем распланировать маршрут, расположить вдоль него больше охраны, включая узловую полицию для наблюдения и поддержки. Честно говоря, многократные прогулки просто повысят шанс того, что недовольно настроенные граждане могут узнать маршрут и устроить… неприятности.

Все мы заинтригованы вероятностью неприятностей. Келени утихомиривает нашу возбужденную дрожь. Проводник Галлат морщится от ее слов — они попадают в цель.

— Вы пойдете, потому что в этом есть потенциал больших выгод, — говорит нам проводник Галлат. Он все еще улыбается, но теперь в его улыбке угроза. Он ведь еле заметно подчеркнул это слово — *пойдете*? Эти волнения звуковой речи так ничтожны. Но из этого я понимаю, что он не просто хочет, чтобы мы пошли, а еще и передумал посылать нас несколькими группами. Отчасти это благодаря тому, что предложение Келенли было весьма здраво, но в основном потому, что он раздражен нашим кажущимся нежеланием. Ах, Ремва пользуется своим вздорным характером как алмазным резцом, как всегда. *Блестящая работа*, пульсирую я. Он отвечает волнообразным «*спасибо*».

Мы отправляемся прямо в тот же день. Младшие проводники приносят мне одежду, подходящую для выхода. Я осторожно натягиваю толстую ткань и обувь, восхищаясь различием текстур, а затем сижу спокойно, пока младший проводник заплетает мои волосы в одну белую косу.

— Это необходимо? — спрашиваю я. Мне искренне интересно, поскольку проводники носят разные прически. Некоторые из них я не могу имитировать, поскольку мои волосы пышные и жесткие и не поддаются завивке или выпрям-

лению. Такие волосы только у нас. У них же — разнообразные текстуры.

— Может пригодиться, — говорит младший. — Вы в любом случае будете выделяться, но чем нормальнее вы будете выглядеть, тем лучше.

— Люди поймут, что мы часть Движителя, — говорю я, чуть выпрямляясь от гордости.

Его пальцы на миг замедляются. Не думаю, что он это замечает.

— Не совсем так… Скорее, они подумают, что вы что-то другое. Но не беспокойся, мы выставим по дороге охрану, чтобы не было проблем. Она будет малозаметна, но будет. Келенли утверждает, что вы не почувствуете себя защищенными, даже если и будет так.

— Скорее, они подумают, что мы что-то другое, — медленно, задумчиво повторяю я. Его пальцы вздрагивают, чуть сильнее, чем надо, дергая за пряди. Я не морщусь и не отдергиваюсь. Им спокойнее воспринимать нас как статуи, а статуи не должны ощущать боли.

— Ну, вероятность мала, но они должны знать, что вы не… То есть… — Он вздыхает. — О, Злая Смерть. Все так сложно. Не беспокойся об этом.

Проводники говорят так, когда делают ошибку. Я не детонирую остальным это прямо сразу,

поскольку мы свели общение вне санкционированных встреч к минимуму. Люди, не являющиеся настройщиками, могут лишь рудиментарно ощущать магию; они используют машины и инструменты, чтобы делать то, что для нас естественно. И все же они всегда в какой-то степени мониторят нас, потому мы не можем позволить им узнать, до какой степени мы способны общаться друг с другом и слышать их, когда им кажется, что мы не можем.

Вскоре я готов. После совещания с другими проводниками по лиане мой решает подкрасить мое лицо тенями и пудрой. Предполагается, что благодаря этому я буду выглядеть как они. На самом деле я становлюсь как белокожий, выкрашенный в коричневый цвет. Наверное, у меня был скептический вид, когда он показал мне меня в зеркале; мой проводник вздыхает и сетует, что он не художник.

Затем он приводит меня туда, где я бывал всего несколько раз, это место внутри здания, где я живу: вестибюль внизу лестницы. Здесь стены не белые; естественным зеленым и коричневым цветам самовосстанавливающейся целлюлозы было позволено цвести как есть. Кто-то засадил это место вьющейся земляникой, которая

наполовину в белых цветах, наполовину в зреющих красных ягодах, и это весьма мило. Мы вшестером стоим возле бассейна на полу, ожидая Келенли и стараясь не замечать остальной персонал здания, который входит и выходит, пялясь на нас: шесть коренастых людей ниже среднего роста с пышными белыми волосами и раскрашенными лицами, с губами, сложенными в оборонительно-приятную улыбку. Если тут и есть охрана, мы не можем отличить их от зевак. Когда Келенли подходит к нам, я в конце концов замечаю охранников. Ее охрана идет вместе с ней, не пытаясь скрываться, — это высокие коричневые женщина и мужчина, которые могли бы быть братом и сестрой. Я понимаю, что уже видел их в другие разы, когда к нам приходила Келенли — они болтались позади. Когда она подходит к нам, они отступают.

— Хорошо, вы готовы, — говорит она. Затем она кривится, касаясь щеки Душвы. Ее палец испачкан в пудре. — Правда?

Душва сконфуженно отводят взгляд. Им не нравилось, когда их заставляли подражать нашим создателям — ни в одежде, ни по полу, и уж точно не в этом.

— Это чтобы было лучше, — с несчастным ви-

дом бормочут они, возможно, пытаясь убедить себя.

— Это делает вас более подозрительными. Они все равно узнают, кто вы. — Она оборачивается и смотрит на одного из своих стражей, женщину. — Я уведу их смыть это дерьмо. Хочешь помочь? — Женщина просто молча смотрит на нее. Келенли смеется себе под нос. Смех кажется искренне веселым.

Она загоняет нас в нишу для личных потребностей. Стражи остаются снаружи, пока она плещет водой нам в лицо с чистой стороны бассейна уборной и стирает краску впитывающей салфеткой. Она напевает с закрытым ртом. Это означает, что она счастлива? Когда она берет меня за руку, чтобы стереть грим с моего лица, я смотрю ей в лицо, чтобы понять. Взгляд ее становится острым, когда она замечает это.

— Ты мыслитель, — говорит она. Я не уверен, что это должно значить.

— Все мы таковы, — отвечаю я. Я позволяю себе уточнить. *Мы должны.*

— Именно. Ты думаешь больше, чем обязан. — Похоже, коричневое пятнышко под линией моих волос особо упорное. Она трет его, кривится, снова трет, вздыхает, смачивает салфетку и вы-

тирает снова. Я продолжаю смотреть ей в лицо.

— Почему ты смеешься над их страхом?

Глупый вопрос. Надо было задать через землю, не вслух. Она перестает тереть мое лицо. Ремва бросает кроткий укоризненный взгляд на меня и идет к входу в нишу. Я слышу, как он просит охранницу спросить проводника, не угрожает ли нам солнечный свет без раскраски на лице. Охранница смеется и окликает товарища, чтобы тот передал вопрос, как будто это какая-то чушь. В момент, выигранный для нас этим разговором, Келенли заканчивает оттирать меня.

— А почему бы и *не* смеяться? — говорит она.

— Ты бы им больше нравилась, если бы не смеялась. — Я передаю нюанс: центровка, волновое сцепление, принятие, умиротворение, смягчение. Если она хочет, чтобы ее любили.

— Может, я этого не хочу. — Она пожимает плечами, отворачиваясь, чтобы еще раз смочить салфетку.

— Ты могла бы. Ты как они.

— Недостаточно как они.

— Больше, чем я. — Это очевидно. Она красива их красотой, нормальна их нормальностью. — Если бы ты попыталась…

Она смеется и надо мной. Это не жестокий смех,

инстинктивно понимаю я. Она жалеет. Но под этим смехом ее присутствие внезапно становится спокойным и потаенным, как находящийся под давлением камень за мгновение до того как превратиться во что-то еще. Снова гнев. Не на меня, но из-за моих слов тем не менее. Я, похоже, всегда заставляю ее гневаться.

Они боятся, потому что мы существуем, говорит она. *Мы ничем не провоцируем их страха, кроме как своим существованием. Мы ничем не сможем заслужить их одобрения, кроме как прекращением своего существования, — так что либо мы умрем, как они хотят, либо посмеемся над их трусостью и начнем жить, как мы хотим.*

Поначалу я думаю, что не понял всего, что она мне только что сказала. Но я ведь понял, не так ли? Нас некогда было шестнадцать, теперь всего шесть. Остальных допросили и списали из-за этого. Мы подчинялись без вопросов, и нас за это списывали. Мы торговались. Уступали. Помогали. Впадали в отчаяние. Мы пытались делать все, выполняли все, что они велели, и более, и все же нас осталось всего шестеро.

Значит, мы лучше остальных, говорю я себе, насупившись. Более умные, приспособляемые,

умелые. Ведь это имеет значение. Разве не так? Мы компоненты великой машины, вершина силанагистской биомагестрии. Если кого-то из нас приходится убирать из машины из-за дефекта…

Тетлева не был дефектным, резко вступает Ремва, как сброс горизонтального смещения. Я моргаю и гляжу на него. Он снова в нише, здесь, вместе с Бимнивой и Салевой; они смыли с себя раскраску водой из фонтана, пока Келенли трудилась надо мной, Гэвой и Душвой. Охранники, которых отвлек Ремва, по-прежнему пересмеиваются между собой над его словами. Он гневно смотрит на меня. Когда я хмурюсь, он повторяет: *Тетлева не был дефектным.*

Я выдвигаю подбородок.

Если Тетлева не был дефектным, значит, его списали ни за что.

Да. Ремва, который редко выглядит довольным даже в хороший день, в отвращении кривит губу. Из-за меня. Я так этим потрясен, что забываю делать безразличный вид. *Именно это она и хочет сказать. Все равно, что мы делаем. Проблема в них.*

Все равно, что мы делаем. Проблема в них.

Отчистив меня, Келенли берет мое лицо в руки.

— Тебе знакомо слово «наследие»?

Я слышал его и догадался о его смысле из контекста. Трудно вернуть мысли на прежний путь после злого ответа Ремвы. Мы с ним всегда недолюбливали друг друга, но… Я качаю головой и сосредотачиваюсь на том, о чем меня спросила Келенли.

— Наследие — это нечто отжившее, от чего ты не можешь полностью отделаться. Нечто уже не желанное, но все еще нужное.

Она криво улыбается, сначала мне, потом Ремве. Она слышала все, что он мне сказал.

— Сойдет. Запомни сегодня это слово.

Затем она встает. Мы все трое пристально смотрим на нее. Она не просто выше и темнее, но она больше двигается, больше дышит. *Она* больше. Мы преклоняемся перед тем, что она есть. Мы боимся того, что она из нас сделает.

— Идем, — говорит она, и мы следуем за ней в мир.

* * *

2613: В проливе Таср между Антарктической Полярной пустыней и Спокойствием взорвался огромный подводный вулкан. Селис Лидер Зенас, о которой прежде не было известно, что она ороген, вероятно, утихомирила вулкан, хотя не смогла избежать вызванного им цунами. Небо над Антарктикой потемнело на пять месяцев, но расчистилось как раз накануне того, как могла быть официально объявлена Зима. Сразу же после цунами муж Селис Лидер – глава общины, смещенный в результате внеочередных выборов, – попытался защитить свою годовалую дочь от толпы выживших и был убит. Вопрос неясный: некоторые свидетели утверждают, что толпа забила его камнями, другие говорят, что бывший глава общины был задушен Стражем. Осиротевшего ребенка Страж забрал в Уоррент.

Проектные заметки Ятра Инноватора Дибарс.

5
Тебя вспоминают

НАПАДЕНИЕ ПРОИСХОДИТ КАК ПО РАСПИСАНИЮ, ПЕРЕД РАССВЕТОМ. Все к нему готовы. Лагерь почти на трети пути через каменный лес, насколько сумела пройти Кастрима до наступления темноты, дальше было бы идти опасно. Вся группа должна пройти через лес до следующего заката — конечно, если все переживут ночь.

Ты неустанно рыщешь по лагерю, и не ты одна. Предполагается, что все Охотники спят, поскольку днем они разведывали местность и рыскали по окрестностям в поисках фуража и дичи. Ты видишь немало из них на ногах. Опоры должны бы спать посменно, но все они бодрствуют, как и немало народу из других каст. Ты замечаешь Хьярку, сидящую на груде вещей, голова ее опущена и глаза закрыты, но ноги подобраны для быстрого прыжка и в каждой руке по стеклянному кинжалу. Ее пальцы не разжимаются даже во сне.

При всем этом время для атаки выбрано глупо,

но лучшего не будет, так что бандиты, похоже, решили действовать как есть. Ты сэссишь это первая, резко разворачиваешься на пятке и поднимаешь тревогу в то же самое время, как твое сознание сужается и погружается в тот участок мозга, откуда ты можешь управлять вулканами. Эпицентр, глубокий и сильный, укоренился в земле по соседству. Ты следуешь за ним до середины его потенциального торуса, центра круга, как коршун, заметивший добычу. Правая сторона дороги. Двадцать футов вглубь каменного леса, вне зоны видимости среди поникшей растительности.

— Юкка!

Она тут же появляется оттуда, где сидела среди палаток.

— Да, я почуяла.

— Еще неактивный. — Ты имеешь в виду, что торус еще не начал вытягивать тепло движения из окружающей среды. Но этот эпицентр глубок, как стержневой корень. В этом регионе сейсмического потенциала немного — и правда, большая часть давления нижних пластов ушла на создание этого каменного леса. И все же тепла всегда хватит, если достаточно углубиться, а тут глубоко. Основательно. По-эпицентровски точно.

— Нам не обязательно сражаться, — внезапно кричит Юкка, обращаясь к лесу. Ты пугаешься, хотя и не должна бы. Тебя поражает, что она это всерьез, хотя уже должна была бы привыкнуть. Она идет вперед, напряженная, пригнув колени, словно готовая рвануться в лес, держа перед собой руки и шевеля пальцами.

Сейчас проще дотянуться до магии, хотя ты по-прежнему сначала фокусируешься на культе своей руки, по привычке. Для тебя никогда не кажется *естественным* использовать ее вместо орогении, но по крайней мере твое сознание быстро смещается. Юкка намного впереди тебя. Малые волны и арки серебра танцуют по земле вокруг нее, по большей части впереди, распространяясь и мерцая, когда она вытягивает их из земли и превращает их в часть себя. Та жалкая растительность, которую ты сэссишь в лесу, облегчает задачу; эти лесные лозы и изголодавшиеся по солнечному свету мхи действуют как провода, передавая и сплетая серебро в узоры, имеющие смысл. Предсказуемые. *Ищущие*… ах.

Ты подбираешься в тот же момент, что и Юкка. Да. Там. Над этим глубоко укорененным эпицентром, в центре торуса, который еще не начал ткаться, скорчилась фигурка, вытравленная

серебром. Впервые ты замечаешь, что серебро орогена ярче и не так сложно, как в растениях и насекомых вокруг. То же… ну, *количество,* если можно так сказать, если не *емкость* или *потенциал,* или *живость*, но схема иная. Серебро орогена концентрируется в относительно немногих ярких линиях, которые все выстраиваются в определенных направлениях. Они не мерцают, как и его торус. Он — это догадка, но ощущается так — прислушивается. Юкка, другой силуэт из четкого концентрированного серебра, удовлетворенно кивает. Она забирается на груду вещей в одной из телег, чтобы ее было лучше слышно.

— Я Юкка Рогга Кастрима, — кричит она. Ты догадываешься, что она указывает на тебя. — Она тоже рогга. И он. — Темелл. — И эти дети вон там. Мы не убиваем рогг. — Она замолкает. — Вы голодны? Мы мало чем можем поделиться. Незачем вам пытаться отнять это.

Эпицентр не двигается.

Но что-то другое нападает — с другой стороны каменного леса, это словно тонкие, настроенные агломерации серебра внезапно размываются хаотическим движением и устремляются к тебе. Другие налетчики — Злой Земля, ты так сосредоточилась на этом рогге, что даже не заметила

людей у себя за спиной. Теперь ты их слышишь, слышишь крики, ругань, топот ног по засыпанному пеплом песку. Опоры возле частокола кричат, предупреждая.

— Они нападают! — кричишь ты.

— Да неужто, — рявкает Юкка, выхватывая стеклянный кинжал.

Ты отступаешь в круг палаток, остро осознавая свою уязвимость — странно, глубоко и неприятно. Еще хуже от того, что ты все равно можешь сэссить, а твои инстинкты подталкивают тебя отвечать, когда ты видишь, где все же *могла бы* помочь. Группа нападающих рвется туда, где периметр слабо огорожен и защитников мало, и ты открываешь глаза, чтобы по-настоящему видеть, как они пытаются прорваться. Типичные неприкаянные бандиты — грязные, отощавшие, в грязных от пепла лохмотьях и более новой краденой одежде. Ты можешь уделать всех шестерых в мгновение ока одним точным торусом.

Но ты также ощущаешь… что? Насколько ты *скоординирована*. Серебро Юкки сконцентрировано, как у всех рогг, которых ты наблюдала, но у нее оно все еще слоистое, рваное, немного дерганое. Оно течет внутри нее во все стороны, когда она спрыгивает с телеги и кричит, чтобы пере-

бросили немногочисленных Опор ближе к этой группе налетчиков, и сама бежит на помощь. Твоя магия течет ровно и чисто, каждая линия в совершенстве соответствует в направлении и потоке другим линиям. Ты не знаешь, как вернуть это в прежнее состояние, даже если такое возможно. И ты инстинктивно понимаешь, что использование этого серебра, когда ты захочешь, скомпонует все частички твоего тела так же аккуратно, как каменщик складывает кирпичную стену. Ты станешь камнем.

Потому ты борешься с инстинктами и *прячешься*, как бы это ни раздражало. Есть и другие, припавшие к земле в кругу палаток — самые маленькие дети общины, горстка стариков, одна женщина на сносях, неспособная как следует двигаться, хотя у нее в руках заряженный арбалет, два Селекта с ножами, которых явно приставили охранять ее и детей.

Когда ты поднимаешь голову, чтобы наблюдать за схваткой, ты замечаешь нечто потрясающее. *Данель*, выхватив кол из ограды, работает им, прокладывая кровавый путь в рядах захватчиков. Она феноменальна, она вращает колом, бьет, блокирует и колет снова, крутя кол в руках между нападениями, словно дралась с неприкаянны-

ми миллион раз. Это не так, как бы действовал опытный Опора, это нечто большее. Она слишком хороша. Но этого следовало ожидать, не так ли? Реннанис поставил ее во главе армии не за красивые глаза.

Схватка быстро заканчивается. Двадцать-тридцать тщедушных неприкаянных против обученных, сытых, подготовленных общинников? Вот почему общины переживают Зимы и вот почему долгая неприкаянность — смертный приговор. Наверное, эти уж совсем отчаялись; на этой дороге за последние несколько месяцев не могло быть большого движения. О чем они думали?

Дело в их орогене, понимаешь ты. Они ждали, что он выиграет эту схватку для них. Но он по-прежнему неподвижен, как орогенистически, так и физически. Ты встаешь, проходишь мимо оставшихся островков схватки. Неловко напялив маску, ты сходишь с дороги и проскальзываешь между кольями частокола, заходя глубже в темноту каменного леса. Огонь костров не дает видеть в ночи, потому ты останавливаешься на миг, чтобы глаза привыкли. Кто знает, какие ловушки тут расставили неприкаянные; не надо было идти одной. И ты снова удивляешься, поскольку в

мгновение ока ты внезапно начинаешь видеть в серебре. Насекомые, лиственная подстилка, паутина, даже камни — все теперь мерцает дикими, жилковатыми узорами, их клетки и частички обрисованы кристаллической решеткой, которая связывает их.

И люди. Ты останавливаешься, замечая их, хорошо замаскированных на фоне серебряного цветения леса. Этот рогга по-прежнему остается на месте, выделяясь ярче на фоне более нежных линий. Но тут есть еще две маленькие фигурки, скорчившиеся в пещерке где-то в двадцати футах глубже в лесу. Два других тела, каким-то образом оказавшиеся высоко наверху зубчатых, изогнутых скал леса. Может, стоят на стреме? Никто из них особо не движется. Невозможно сказать, видели они тебя или нет, или они просто наблюдают за схваткой. Ты застываешь, испуганная неожиданным сдвигом в твоем сознании. Может, это побочный эффект овладения способностью видеть серебро в себе и обелисках? Может быть, сделав это раз, ты теперь видишь его повсюду? Или, может, сейчас это все галлюцинация, как послеобраз, когда опускаешь веки. В конце концов, Алебастр никогда не упоминал о таком зрении — но когда Алебастр пытался быть хорошим

учителем?

Ты чуть продвигаешься вперед на ощупь, вытянув руку перед собой, на случай если это какая-то иллюзия, но если так, она как минимум точная. Хотя странно ступать по серебряной решетке, через некоторое время ты привыкаешь. Определенная решетка того орогена и все еще удерживаемый торус недалеко, но чуть приподняты над землей. Может, на десять футов выше того места, где ты стоишь. Это отчасти становится понятно, когда местность резко поднимается, и твоя рука касается камня. Твое обычное зрение достаточно адаптировалось, чтобы ты смогла увидеть колонну, искривленную и, возможно, пригодную, чтобы по ней вскарабкаться, — по крайней мере если у тебя больше одной руки. Ты останавливаешься у подножия и говоришь:

— Эй!

Ответа нет. Ты улавливаешь дыхание: короткое неглубокое, сдерживаемое. Как будто кто-то пытается сделать так, чтобы не было слышно, как он дышит.

— Эй. — Прищурившись во мраке, ты, наконец, улавливаешь очертания какой-то структуры из сучьев, старых досок и хлама. Возможно, засидка. Сверху наверняка можно разглядеть дорогу.

Для среднего орогена вид значения не имеет, а необученный вообще не умеет направлять силу. Однако орогену Эпицентра необходима линия видимости, чтобы суметь заморозить полезные припасы или людей, защищающих их.

Что-то шевелится в засидке у тебя над головой. У кого-то перехватило дыхание? Ты пытаешься придумать, что сказать, но в голове у тебя вертится лишь один вопрос: что обученный в Эпицентре ороген делает среди неприкаянных? Наверное, был на задании, когда случился Разлом. Он без Стража — или был бы уже мертв — стало быть, пятиколечник или выше, или, возможно, трехчетырехколечник, потерявший своего более высокорангового напарника. Ты представляешь себя, если бы Разлом случился во время твоего пути в Аллию. Сознавать, что твой Страж должен прийти за тобой, но ставить на то, что он может списать тебя как мертвую… нет. На этом все предположения кончаются. Шаффа пришел бы за тобой. Шаффа *приходил* за тобой.

Но это было в междузимье. Стражи, по общему мнению, не присоединяются к общинам с наступлением Зимы, что означает, что они умирают — и действительно, единственным Стражем, которого ты видела после Разлома, была та, в

реннанитской армии Данель. Она погибла при нападении жуков-кипячей, которое устроила ты, и тебя это радует, поскольку она была одной из тех убийц с обнаженной кожей, а с ними все неправильно чаще обычного. Как бы то ни было, здесь еще один бывший черномундирник, возможно, испуганный и почти готовый убивать. Ты ведь знаешь, каково это, не так ли? Но этот еще не напал. Надо найти какой-то способ установить связь.

— Я помню, — говоришь ты. Это тихое бормотание. Словно ты не хочешь слышать даже себя. — Я помню тигли. Инструкторов, убивающих нас, чтобы спасти нас же. Они и тебя з-заставили сделать детей? — Корунд. Ты отмахиваешься от воспоминаний. — Они… дерьмо. — Рука, которую когда-то сломал Шаффа, твоя правая рука где-то там, что у Хоа считается желудком. Но ты все еще чувствуешь ее. Фантомные боли в фантомных костях. — Я знаю, они сломали тебя. Твою руку. Всех нас. Сломали нас, чтобы…

Ты очень четко слышишь тихий испуганный вздох из засидки.

Торус вырывается размазанной, молниеносной пружиной и вырывается наружу. Ты стоишь так близко, что тебя почти накрывает. Этот вздох,

однако, был достаточным предупреждением, и потому орогенистически ты готова, даже если бы не успела физически. Физически ты отшатываешься, и этого слишком для твоего ненадежного, однорукого баланса. Ты падаешь назад, с размаху садишься на задницу — но тебя с детства учили сохранять контроль на одном уровне, даже если ты теряешь его на другом, так что в то же самое мгновение ты изгибаешь свои сэссапины и просто выбиваешь его эпицентр из земли, выворачивая его. Ты намного сильнее, это легко. Ты реагируешь еще и магически, сгребая эти бьющиеся щупальца серебра, затронутые торусом, — и запоздало осознаешь, что орогения *влияет* на магию, но сама по себе *не* магия, на самом деле магия отшатывается от нее; *вот почему* ты не можешь творить высокоуровневую орогению без негативного влияния на твою способность разворачивать магию, как приятно понять это в конце концов! Как бы то ни было, ты втаптываешь бешеные нити магии обратно и тушишь все сразу, так что тебя лишь осыпает инеем. Холодно, но лишь коже. Жить будешь. Затем ты выпускаешь их — и орогения с магией вылетают прочь, как растянутая резинка.

Все в тебе словно *рокочет* в ответ в резонан-

се, и… о… о, нет — ты ощущаешь нарастание амплитуды этого резонанса в своих клетках, и они начинают выстраиваться… и сжиматься в камень.

Ты не можешь этого остановить. Но ты, однако, можешь это направить. В оставшееся тебе мгновение ты решаешь, какую часть тела ты можешь позволить себе потерять. Волосы! Нет, слишком много прядей, слишком многие далеко от живых фолликул; ты можешь это сделать, но это слишком долго, и половина твоего скальпа превратится в камень, когда ты закончишь. Пальцы ног? Тебе нужна способность ходить. Пальцы? У тебя осталась лишь одна рука, надо беречь ее как можно дольше. Груди. Ну, ты и так больше не планировала заводить детей. Этого достаточно, чтобы направить резонанс, это окаменение, в одну из них. Приходится провести его через железы под мышкой, но тебе удается удержать его над слоем мускулов; это может не дать повреждению повлиять на твое движение и дыхание. Ты выбираешь левую грудь, чтобы скомпенсировать отсутствие правой руки. Правая грудь тебе все равно нравилась больше. Симпатичнее. Когда все кончено, ты лежишь, по-прежнему живая, чрезвычайно остро ощущая дополнительный вес

на груди, слишком потрясенная, чтобы горевать. Пока.

Затем ты отталкиваешься от земли и садишься, неуклюже, кривясь, в то время как тот, в засидке, испускает нервный смешок и говорит:

— Ох, ржавь. Ох, Земля. Дамайя? Это и правда ты. Извини за торус, я просто… ты не представляешь, каково это. Я поверить не мог. Знаешь, что они сделали с Осколком?

Аркет, подсказывает память. «Матчиш», — говорит твой рот. Это Матчиш.

* * *

Матчиш совсем не тот, что был раньше. Во всяком случае, физически. У него нет ног ниже бедер. Один глаз, точнее, один зрячий глаз. Левый мутный от повреждения и движется не синхронно с другим. Левая сторона его головы — почти ничего не осталось от его красивых белокурых пепельных волос, которые ты помнишь, лишь подрезанный ножом ершик — представляет собой хаос красноватых шрамов, среди которых заросшее ухо. Шрамы избороздили его лоб и скулу и малость перетянули рот в эту сторону. Однако он проворно выбирается из засидки, передвигается на руках и тащит торс и культи ног

силой мышц рук. Он здорово справляется без ног — наверное, уже давно такой. Он добирается до тебя прежде, чем ты успеваешь встать на ноги.

— Это и правда ты. Я думал, я слышал, что у тебя только четыре кольца, неужели ты правда проткнула мой торус? Я шестиколечник. Шесть! Но так я и понял, знаешь ли, ты сэссишься все так же — спокойная снаружи и *бешеная до ржави* внутри, это действительно ты!

Остальные неприкаянные начинают спускаться со своих пиков и прочего. Ты напрягаешься при их приближении — сущие пугала, тощие, оборванные и вонючие, смотрят на тебя сквозь краденые или самодельные очки и поверх масок, которые раньше были какой-то одеждой. Однако, они не нападают. Они собираются и смотрят на вас с Матчишем. Ты неотрывно глядишь на него, пока он кругами обходит тебя, быстро перебирая по земле руками. Он одет в лохмотья неприкаянных, с длинными рукавами, многослойные, но ты видишь, насколько широки его плечи и накачаны мышцы под рваньем. Остальное тщедушно. Больно видеть его исхудалое лицо, но понятно, что его тело во время долгих голодных месяцев имело приоритет.

— Аркет, — говоришь ты, поскольку помнишь,

что он всегда предпочитал свое настоящее имя.

Он перестает кружить и мгновение сверлит тебя взглядом, наклонив голову набок. Может, так он лучше видит своим здоровым глазом. Выражение на его лице, однако, укоризненное. Он больше не Аркет, как и ты не Дамайя. Слишком многое изменилось. Значит, Матчиш.

— Ты вспомнила, — говорит он. В этот застывший момент, в это око урагана слов, ты видишь в нем того задумчивого, очаровательного мальчика, которого не забыла. Это уж слишком большое совпадение, чтобы переварить. Единственное, с чем может столкнуться странник… с братом, о существовании которого ты до этого момента успел забыть. Как там его звали? Огонь земной, ты уже и это забыла. Но ты, вероятно, не узнала бы его, даже если бы увидела. Твоими братьями и сестрами были гальки Эпицентра, по страданиям, если не по крови.

Ты мотаешь головой, чтобы сфокусироваться, и киваешь. Ты уже на ногах, смахиваешь с задницы мертвую листву и пепел, хотя неуклюже справляешься с тянущим весом груди.

— Я удивлена сама, что вспомнила. Ты наверняка произвел на меня впечатление.

Он криво улыбается. Только половина его лица

слушается как надо.

— Я забыл. Во всяком случае, очень старался.

Ты выдвигаешь челюсть, ожесточая себя.

— Извини.

Это бессмысленно. Он, наверное, даже не помнит, за что ты извиняешься. Он пожимает плечами.

— Не бери в голову.

— Не могу.

— Нет. — Он на миг отводит взгляд. — Я должен был потом поговорить с тобой. Не ненавидеть тебя так. Не должен был давать ей, им так изменить меня. Но я все это сделал, и теперь… все это не имеет значения. — Ты точно знаешь, о какой «ей» он говорит. После того инцидента с Осколком, травли, которая вскрыла сеть галек, пытающихся выжить, и еще большую сеть взрослых, эксплуатировавших их отчаяние… Ты помнишь. Матчиш, вернувшийся в казарму галек с обеими сломанными руками.

— Все лучше, чем поступили с Осколком, — бормочешь ты прежде, чем понимаешь, что сказала.

Однако он кивает без всякого удивления.

— Я однажды был на узловой станции. Это была не ее. Ржавь знает, о чем я тогда думал… Но я хотел обыскать все их. До Зимы. — Он испускает

рваный, горький смешок. — Она мне даже не нравилась. Просто мне надо было узнать.

Ты качаешь головой. Не то чтобы ты не понимаешь этого порыва, ты солгала бы, если бы сказала, что не думала об этом за те годы, как узнала правду. Обойти все станции. Найти какой-то способ восстановить их сэссапины и освободить. Или убить из милосердия; ах, ты была бы такой хорошей наставницей, если бы Эпицентр дал тебе шанс. Но, конечно же, ты ничего не сделала. И конечно же, Матчиш тоже не сделал ничего ради спасения узловиков. Только Алебастру это удалось.

Ты делаешь глубокий вдох.

— Я с ними, — говоришь ты, показывая головой на дорогу. — Ты слышал, что сказала наша глава. Мы принимаем орогенов.

Он чуть покачивается на культях и руках. В темноте его лицо трудно рассмотреть.

— Я могу сэссить ее. Она — *глава*?

— Да. И все в общине это знают. Они… эта община… — Ты набираешь в грудь воздуха. — *Мы.* Община, которая старается быть не как все. Орогены и глухачи. Не убивать друг друга.

Он смеется, что вызывает у него приступ кашля. Остальные тощие фигуры тоже хихикают, но

тебя беспокоит кашель Матчиша. Он сухой, надсадный, скрипучий — дурной звук. Он слишком много дышал без маски. Кашель громкий. И если по соседству нет Охотников, наблюдающих и, возможно, готовых перестрелять его и его людей, ты съешь свой рюкзак. Когда приступ заканчивается, он снова запрокидывает голову и смотрит на тебя единственным глазом с изумленным видом.

— Я занимаюсь тем же, — тянет он. Он подбородком показывает на своих. — Эти ржавнюки таскаются за мной, потому что я не собираюсь их сожрать. Они не лезут ко мне, потому что я их убью. Так что у нас мирное сосуществование.

Ты обводишь их взглядом и хмуришься. Трудно различить их лица.

— Однако на моих они не напали. — Или погибли бы.

— Не-а. Это был Олемшин. — Матчиш пожимает плечами, двигая всем телом. — Полусанзе. Ублюдок. Его вышвырнули из двух общин за «неумение держать себя в руках», сказал он. Из-за него нас всех перебили бы во время налетов, потому я сказал всем, кто хотел жить и мог терпеть меня, чтобы следовали за мной, и мы отделились. Эта сторона леса наша, та была их.

Два неприкаянных племени, а не одно. Людей

Матчиша, правда, вряд ли так назовешь — всего лишь горстка людей помимо него самого. Но он сказал: с ним пошли те, кто готов терпеть роггу. Просто таких оказалось немного. Матчиш отворачивается и снова наполовину взбирается в засидку, чтобы можно было одновременно сидеть и находиться на одном уровне с тобой. От усилий он снова заходится дребезжащим кашлем.

— Думаю, он ожидал, что я нападу на вас, — продолжает он, откашлявшись. — Обычно так мы и поступаем — я их морожу, затем его группа хватает, что может, прежде чем появляемся мы с моими, и нам хватает, чтобы протянуть еще немного. Но я просто офигел от того, что сказала ваша глава. — Он отводит взгляд, качает головой. — Олемшин, видимо, сорвался, когда увидел, что я не собираюсь вас морозить, ну и ладно. Я же говорил, что из-за него их всех перебьют.

— Да.

— Хорошая уборка. Что с твоей рукой? — Теперь он смотрит на тебя. Он не видит твоей левой груди, хотя ты чуть клонишься влево. Это больно, это давит на плоть.

— А что случилось с твоими ногами? — парируешь ты.

Он криво улыбается и не отвечает. Ты тоже.

— Стало быть, не убивать друг друга. — Матчиш качает головой. — И как, выходит?

— Пока да. Во всяком случае, мы *стараемся*.

— Не выйдет. — Матчиш снова передвигается и бросает на тебя еще один взгляд. — И сколько тебе стоило присоединиться к ним?

Ты не говоришь — *нисколько*, поскольку он не об этом спрашивает. Ты видишь, какую сделку заключил он здесь ради выживания: свои умения в обмен на ограниченную долю добычи и сомнительное убежище. Этот каменный лес, эта ловушка — его рук дело. Сколько народу он перебил ради своих бандитов?

А скольких убила ты ради Кастримы?

Это не одно и то же.

Сколько народу было в армии Реннаниса? Скольких ты приговорила к смерти — свариться живьем из-за насекомых? Сколько сейчас в верхней Кастриме новых пепельных курганов, из-под которых торчит рука или нога в ботинке?

Это, ржавь, не то же самое. Там было вы — или они.

Так и Матчиш пытается выжить — он или они.

Ты стискиваешь челюсти, чтобы заглушить этот внутренний спор. Не время.

— Мы не можем… — пытаешься ты заговорить

и мнешься. — Есть другие пути кроме убийства. Другие… Мы просто не должны быть… такими. — Слова Юкки, неловкие и сочащиеся ханжеством в твоих устах. Да и являются ли они теперь истиной? У Кастримы больше нет жеоды, чтобы заставлять сотрудничать орогенов и глухачей. Может, она развалится к утру. Может быть. Но пока ты заставляешь себя закончить. — Мы не должны быть тем, чем они сделали нас, Матчиш.

Он мотает головой, глядя на опавшие листья.

— Ты и это имя помнишь.

Ты облизываешь губы.

— Да. Я Иссун.

Он чуть заметно хмурится, возможно, потому, что это не «каменное» имя. Потому ты его и взяла. Но он, однако, не задает вопросов. Наконец он вздыхает.

— Ржавь, да ты посмотри на меня, Иссун. *Прислушайся* к камням в моей груди. Даже если ваша глава примет полуроггу, я долго не протяну. К тому же… — Поскольку он сидит, руки его свободны, и он показывает на другие фигуры-пугала.

— Ни одна община нас не примет, — говорит одна из маленьких фигурок. Ты думаешь, что это женский голос, но он такой сиплый и усталый, что не поймешь. — Даже не пытайся играть в

эти игры.

Ты неловко переминаешься с ноги на ногу. Женщина права — Юкка, может, и захочет взять неприкаянного роггу, но не остальных. Но ты же не можешь знать, как именно поступит Юкка.

— Я могу спросить.

Вокруг раздаются смешки, унылые, слабые и усталые. Еще несколько приступов надсадного кашля вдобавок к кашлю Матчиша. Эти люди изголодались почти до смерти, половина их больна. Бесполезно. И все же. Ты обращаешься к Матчишу:

— Если вы не пойдете с нами, умрете здесь.

— Люди Олемшина забрали большую часть припасов. Мы отнимем их. — Это предложение завершается паузой: открытие торгов по сделке. — И либо всех нас, либо никого.

— Решать главе, — говоришь ты, отказываясь связывать себя обязательствами. Но ты узнаешь торг, когда слышишь его. Его эпицентровская орогения в обмен на членство в общине для него и горстки его людей вместе с подмазкой в виде припасов разбойников. И он готов уйти, если Юкка не примет первоначальную ставку. Это беспокоит тебя. — Я тоже замолвлю слово за тебя, или как минимум за тебя тридцать лет назад.

Он чуть улыбается. Трудно не счесть его улыбку снисходительной. *Посмотри на себя, ты пытаешься сделать из мухи слона*. Возможно, ты судишь других по себе.

— Я также кое-что знаю о местности. Может пригодиться, поскольку вы явно куда-то направляетесь. — Он показывает подбородком на отблески костров на скалах ближе к дороге. — Вы ведь куда-то идете?

— В Реннанис.

— Суки. — Значит, армия Реннаниса наверняка проходила через эти места по дороге на юг.

Ты позволяешь себе улыбнуться.

— Дохлые суки.

— Ха. — Он прищуривает здоровый глаз. — Они смели все общины в округе. Вот почему нам так солоно пришлось — ни одного торгового каравана после реннанитов. Однако я *сэссил* что-то странное в том направлении, куда они ушли.

Он замолкает, потому что, конечно, понимает. Любой окольцованный рогга должен был сэссить активность Врат Обелисков, когда ты столь решительно закончила войну Реннаниса и Кастримы. Они могли не понимать, что именно сэссят, и если они не знают о магии, то не поймут всего в целом, даже если бы и знали о событии, но по

крайней мере уловили бы вихревой след.

— Это… была я, — говоришь ты. На удивление, в этом трудно сознаваться.

— Ржавь земная, Дама… Иссун. Но как?

Ты делаешь глубокий вдох. Протягиваешь ему руку. Твое прошлое продолжает не отпускать тебя. Ты никогда не сможешь забыть, откуда ты, потому что оно, ржавь, не *отпустит* тебя. Но, возможно, Юкка права. Ты можешь отбросить эти остатки былой себя и сделать вид, что все это больше не имеет значения… или принять их. Вернуть их себе ради того, что в них стоит вернуть, и стать в целом сильнее.

— Пошли поговорим с Юккой, — говоришь ты. — Если она примет тебя — и твоих людей, да, я понимаю, то я расскажу тебе все. — А если он не будет осторожен, ты перестанешь учить его, как это делать. В конце концов, он шестиколечник. Если тебе не удастся, кому-то другому придется принять эстафету. К твоему изумлению, он смотрит на твою руку, похоже, с настороженностью.

— Не уверен, что я захочу узнать *все*.

Это вызывает у тебя улыбку.

— Да уж.

Он криво усмехается.

— Да и тебе не захочется узнать всего, что слу-

чилось со мной.

Ты наклоняешь голову.

— Принято. Только хорошее.

Он ухмыляется. У него недостает зуба.

— Это будет слишком короткая история, чтобы сделать из нее хотя бы популярную лористскую байку. За такое никто не заплатит.

Но затем он перемещает вес и поднимает правую руку. Кожа на ней толстая как рог, хуже чем мозолистая, и грязная. После этого ты бессознательно вытираешь руку о штаны. Его люди хихикают, глядя на это. Затем ты ведешь его к Кастриме, к свету.

* * *

2470: Антарктика. Под городом Бендин начал открываться массивный провал (община вскоре погибла). Карстовые почвы, не сейсмика, но провал города вызвал волны, которые засекли орогены Антарктического Эпицентра. Из Эпицентра они каким-то образом передвинули весь город в более стабильное положение и спасли большую часть населения. В записях Эпицентра сообщается, что при этом погибли три старших орогена.

Проектные записки Ятра Инноватора Дибарс

6
Нэссун принимает свою судьбу

По стандартам путешествия в разгар Зимы месячный поход до руин, указанных Сталью, проходит без приключений. У Нэссун и Шаффы достаточно еды, чтобы прокормиться, или они ее собирают, хотя оба начинают терять вес. Плечо Нэссун заживает без последствий, хотя пару дней она температурит и страдает от слабости, и в эти дни Шаффа устраивает привалы чаще, чем делал бы в нормальной ситуации, думает она. На третий день лихорадка проходит, рана начинает зарастать корочкой, и они возобновляют прежний темп. По дороге они почти никого не встречают, хотя это и неудивительно — с начала Зимы прошло уже полтора года. Все неприкаянные к этому времени присоединились к шайкам грабителей, да и таких мало осталось — только самые злодеи или те, кто уже перешагнул границу между дикостью и людоедством. Большинство таких ушли на север, в Южное Срединье, где больше общин, чтобы грабить. Даже грабители не любят Антарктику.

Это почти одиночество во многом нравится Нэссун. Вокруг не бродят украдкой другие Стражи. Нет общинников с их иррациональными страхами, о которых всегда надо думать. Даже нет других детей-орогенов. Нэссун тоскует по ним, по их болтовне и дружбе, которой она радовалась такое короткое время, но под конец дня возмущалась, что Шаффа уделяет им столько внимания. Она достаточно взрослая, чтобы понимать, что с ее стороны слишком по-детски завидовать такому. (Ее родители тоже нянчились с Уке, но теперь с чудовищной ясностью видно, что большее внимание вовсе не означает фаворитизма.) Это не значит, что она не рада шансу забрать Шаффу себе целиком.

Днем они идут молча. По ночам спят, свернувшись рядом друг с другом в усиливающемся холоде. Они в безопасности, поскольку Нэссун надежно продемонстрировала, что при малейшем изменении в окружающем или услышав шаги по земле, она просыпается. Иногда не спит Шаффа; он пытается, но вместо этого лежит, еле заметно вздрагивая, то и дело затаивая дыхание, подавляя дрожь мускулов, чтобы не пробудить ее своей тихой агонией. Когда он засыпает, сон его прерывист и неглубок. Порой не спит и Нэссун,

молча страдая от сочувствия.

Потому она возобновляет попытки что-то с этим сделать. Этому она научилась в Найденной Луне, хотя и совсем немного: она порой позволяет маленькому сердечнику в его сэссапинах взять чуть-чуть ее серебра. Она не знает, почему это действует, но она вспоминает, как в Найденной Луне все Стражи брали у своих подопечных малую толику серебра и потом выдыхали, словно испытывали какое-то облегчение, давая сердечнику сожрать что-то другое. Однако Шаффа никогда не брал серебра ни у нее, ни у кого другого с того дня, как она сама предложила ему — в тот день, когда она поняла истинную природу этого куска металла у него в мозгу. Она думает, что, возможно, понимает, почему он перестал. В тот день что-то между ними изменилось, и он больше не может питаться ею, как какой-то паразит. Но именно потому сейчас Нэссун тайком подкармливает его магией. Потому что что-то изменилось между ними, и он не паразит, раз он ей нужен тоже и раз она дает то, что он не возьмет сам.

(Вскоре она узнает слово *симбиоз* и кивнет, довольная, что наконец знает, как это назвать. Но задолго до того она уже решит, что для этого

подойдет слово *семья*.)

Когда Нэссун отдает Шаффе свое серебро, хотя он и спит, его тело поглощает его так быстро, что ей приходится отдергивать руку, чтобы не потерять слишком много. Иначе она слишком устанет и не сможет на следующий день идти. Даже такого крохотного количества хватает, чтобы он заснул, — и день за днем Нэссун обнаруживает, что каким-то образом постепенно производит больше серебра. Это приятная перемена; теперь она лучше может облегчать его страдания, не утомляя себя. Каждый раз, как она видит, что Шаффа засыпает глубоким мирным сном, она чувствует гордость, хотя и знает, что это не так. Все равно. Она решила стать для Шаффы лучшей дочерью, чем была для Джиджи. Все будет лучше, до самого конца.

По вечерам, пока готовится ужин, Шаффа порой рассказывает истории. В них Юменес прошлого — место и чудесное, и странное, чуждое, как морское дно. (Всегда это Юменес прошлого. Недавний Юменес для него потерян вместе с воспоминаниями о прежнем Шаффе.) Нэссун трудно осознать саму идею Юменеса — миллионы людей, никто из них не фермер и не горняк, вообще никто из знакомых ей профессий. Многие

одержимы странными прихотями, политикой, и мировоззрения у них куда более сложные, чем кастовые или расовые. Лидеры, в том числе и элита лидерских семей Юменеса. Опоры в профсоюзах в зависимости от их связей и финансовой состоятельности. Инноваторы из древних семей, сражающиеся за право быть отправленными в Седьмой Университет, и Инноваторы, которые просто делали и ремонтировали безделушки в городских бараках. Странно осознавать, что многие странности Юменеса просто связаны с тем, что он слишком долго существовал. В нем были *действительно* старые семьи. Книги в библиотеках старше Тиримо. Организации, которые помнили и мстили за обиды, нанесенные три-четыре Зимы назад.

Шаффа также рассказывает ей об Эпицентре, но не много. Здесь у него еще одна дыра в памяти, глубокая и непомерная, как обелиск, — хотя Нэссун не может удержаться от попытки прощупать ее края. Эпицентр — место, где некогда жила ее мать, в конце концов, и, несмотря ни на что, оно очаровывает ее. Шаффа, правда, плохо помнит Иссун, даже когда Нэссун направляет его, задавая прямые вопросы. Он пытается отвечать Нэссун, но речь его прерывается, и на лице его, более

бледном, чем обычно, болезненное, тревожное выражение. Тогда она заставляет себя задавать эти вопросы медленно, через несколько часов или дней по одному, чтобы он успел в промежутках прийти в себя. Она узнает немногим больше, чем уже догадалась сама о своей матери, Эпицентре и жизни до Зимы. Тем не менее услышать это полезно.

Так проходят две мили — в воспоминаниях и боли вокруг них.

Обстановка в Антарктике ухудшается с каждым днем. Пеплопады уже постоянные, и пейзаж начинает превращаться в натюрморт из холмов, каменистых хребтов и умирающей растительности в серо-белых тонах. Нэссун начинает тосковать по солнцу. Как-то ночью они слышат визг — видимо, охотничий крик большой киркхуши — по счастью, далекий. Однажды днем они проходят мимо пруда, чья поверхность кажется зеркально-серой от плавающего пепла; вода под ним тревожно спокойна, с учетом того, что в озеро впадает быстрый ручей. Хотя у них во флягах мало воды, Нэссун смотрит на Шаффу, и тот молча, настороженно кивает. С виду опасности вроде нет, но… ладно. Выживание Зимой очень во многом зависит как от правильных

инстинктов, так и от правильных инструментов. Они обходят мертвую воду и остаются живыми. Вечером двадцать девятого дня они доходят до места, где имперская дорога внезапно выравнивается и сворачивает на юг. Нэссун сэссит, что края дороги идут по чему-то вроде края кратера. Они перебираются через гребень, окружающий этот круглый, необычно плоский регион, и дорога следует дальше по гребню дугой вокруг зоны старинного повреждения, продолжая направляться на запад, к другому краю. Однако в середине Нэссун, наконец, видит чудо.

Рожа Старика — сомма, кальдера внутри кальдеры. Этот необычен тем, что у него совершенная форма; судя по тому, что читала Нэссун, внешняя, более старая кальдера обычно сильно повреждена взрывом внутренней, более молодой. В этом случае внешняя не повреждена, это почти совершенная окружность, хотя и сильно выветренная временем и заросшая лесом; Нэссун не может на самом деле видеть ее под растительностью, но четко сэссит. Внутренняя кальдера более продолговата и так ярко блестит на расстоянии, что Нэссун догадывается о том, что случилось, даже без того, чтобы сэссить. Извержение было таким горячим, как минимум в одной точке, что

все геологическое формирование почти разрушило само себя. То, что осталось, превратилось в стекло, закалившись естественным способом настолько, что даже столетия не особо повредили его. Вулкан, породивший сомму, уже остыл, его древняя магматическая камера давно опустела, не осталось даже следа былого жара. Однако некогда Рожа была на самом деле потрясающим — и ужасающим — местом прорыва земной коры. Как и велел Сталь, они разбивают лагерь в паре миль от Рожи. В предрассветные часы Нэссун просыпается, услышав отдаленный стрекот, но Шаффа успокаивает ее.

— Я это уже не раз слышал, — говорит он тихо на фоне треска костра. Он настоял, чтобы взять эту стражу, так что Нэссун взяла стражу более раннюю. — Это что-то в местном лесу. Не похоже, чтобы оно шло сюда.

Она верит ему. Но никто из них этой ночью не спит. Утром они встают до рассвета и выходят на дорогу. В свете раннего утра Нэссун внимательно смотрит на обманчиво спокойный двойной кратер. Вблизи видно, что в стенах внутренней кальдеры есть проломы на равном расстоянии — кто-то проделал их, чтобы люди могли попадать внутрь. Дно внешней кальдеры, однако,

полностью заросло желто-зеленым колышущимся лесом травы, которая, похоже, задушила всю остальную растительность в этой зоне. В ней не сэссится даже звериных следов.

Но настоящий сюрприз находится под Рожей.

— Те руины, о которых рассказывал Сталь, — говорит она. — Они *подземные*.

Шаффа бросает на нее удивленный взгляд, но не протестует.

— В магматической камере?

— Может быть? — Нэссун тоже поначалу не может этому поверить, но серебро не лжет. Она замечает еще нечто странное, распространяя свою сэсуну на весь район. Серебро отражает пульсации топографии и леса здесь, как и везде. Но здесь серебро почему-то ярче и, кажется, течет более свободно от камня к камню и от растения к растению. Эти потоки смешиваются, чтобы стать более широкими, ошеломляющими потоками, которые сливаются как реки, пока руины не оказываются в озере сверкающего, бурлящего света. Она не может различить деталей, их слишком много — просто пустое пространство, и впечатление, что там строения. Они огромные, эти руины. Город, какого Нэссун никогда не сэссила.

Но этот бурный поток серебра она уже сэссила

прежде. Она не может удержаться от того, чтобы обернуться к сапфиру, который едва видим в нескольких милях отсюда. Они опередили его, но он по-прежнему следует за ними.

— Да, — говорит Шаффа. Он наблюдает за ней и не упускает ничего, пока она делает выводы. — Я не помню этого города, но знаю о других таких. В таких местах делали обелиски.

Она качает головой, пытаясь все это осознать.

— Что случилось с этим городом? Тут в свое время должно было быть много народу.

— Раскол.

Она коротко ахает. Конечно, она слышала об этом и верит так, как дети верят в большинство баек. Она вспоминает, что видела иллюстрации одного художника, рассказывающие об этом событии, в одной из ее книжек в яслях: молнии, падающие с неба камни, огонь, вырывающийся из-под земли, крохотные бегущие фигурки обреченных людей.

— Вот, значит, как это было? Большой вулкан?

— Так это было *здесь*. — Шаффа обводит взглядом колеблющийся лес. — В других местах иначе. Раскол вылился в сотню различных Зим, Нэссун, по всему миру, которые случились одновременно. Чудо, что от человечества вообще что-то

осталось.

Он говорит так… Это кажется невероятным, но Нэссун прикусывает губу.

— Где ты… ты это помнишь?

Он удивленно смотрит на Нэссун, а затем улыбается одновременно устало и криво.

— Не помню. Я думаю… я *подозреваю*, что родился позже, хотя доказать не могу. Но даже если бы я мог помнить Раскол, я уверен, что мне этого не хотелось бы. — Он вздыхает, затем качает головой. — Солнце взошло. Давай же повернемся лицом к будущему и оставим прошлое позади. — Нэссун кивает, и они сходят с тропы и входят в лес.

Это странные деревья с длинными, тонкими листьями, словно удлиненные травинки, и с узкими, гибкими стволами, растущими на расстоянии не более двух футов. В некоторых местах Шаффе приходится останавливаться и раздвигать два-три дерева, чтобы им можно было протиснуться. Однако это осложняет путь, и вскоре Нэссун выдыхается. Она останавливается, истекая потом, но Шаффа продолжает идти вперед.

— Шаффа, — окликает она, готовая просить о привале.

— Нет, — отвечает он, с кряхтеньем отодвигая

очередное дерево. — Вспомни, о чем предупреждал камнеед, малышка. Мы должны дойти до центра до заката. Сейчас видно, что нельзя терять ни мгновения.

Он прав. Нэссун сглатывает, начинает дышать глубже, чтобы двигаться лучше, и снова начинает протискиваться сквозь лес вместе с ним. Она вырабатывает ритм, работая вместе с ним. Она хорошо находит более легкие проходы, которые не требуют протискиванья, и он следует за ней. Когда эти участки заканчиваются, он толкает, пинает и ломает деревья, пока путь не расчищается, а она идет за ним. В эти краткие моменты передышки она переводит дыхание, но этого недостаточно. В боку у нее начинает колоть. Ей становится трудно видеть, поскольку листья деревьев выдергивают пряди из ее хвостиков, и от пота завитки волос распрямляются и падают на глаза. Ей отчаянно хочется передохнуть часок или около того. Попить. Что-нибудь съесть. Однако облака над головой начинают темнеть, и все труднее сказать, сколько светового дня им осталось.

— Я могу… — в какой-то момент пытается заговорить Нэссун, пытаясь придумать, как бы ей при помощи орогении или серебра или *чего-нибудь*

расчистить путь.

— Нет, — говорит Шаффа, каким-то образом почуяв, что она хочет сказать. Откуда-то он достал стеклянный кинжал. В этой ситуации он бесполезен, хотя каким-то образом все же применяет его, надсекая стволы травянистых деревьев, чтобы легче ломать их ногой. — Если ты заморозишь эти деревья, сквозь них будет только труднее проламываться, а от землетрясения магматическая камера может обрушиться.

— Тогда с-серебро…

— Нет. — Он останавливается лишь на мгновение, чтобы сурово посмотреть на нее. Она с большой досадой замечает, что он не стал дышать тяжелее, хотя на его лбу поблескивает легкая испарина. Железный сердечник наказывает его, но неохотно дает ему большую силу. — Рядом могут быть другие Стражи, Нэссун. Сейчас вряд ли, но вероятность есть.

Нэссун может лишь подыскивать другой вопрос, поскольку эта короткая пауза дает ей время перевести дух.

— Другие Стражи? — А, он же говорил, что во время Зимы все они куда-то уходят, и что эта *станция*, о которой говорил им Сталь, как раз способ уйти. — Ты что-то вспомнил?

— Увы, больше ничего. — Он чуть улыбается, со знанием дела, словно понимает, что она делает. — Только то, что так мы туда попадаем.

— Куда?

Улыбка его гаснет, лицо на краткий миг становится знакомо тревожно-пустым.

— В Уоррент.

Она запоздало вспоминает, что его полное имя *Шаффа Страж Уоррент*. Ей никогда не приходило в голову поинтересоваться, где находится община Уоррент. Но значит ли это, что путь в Уоррент идет сквозь какой-то погребенный мертвый город?

— П-почему…

Он качает головой, лицо его становится жестче.

— Кончай тянуть. Темнеет, не каждый ночной хищник будет ждать до ночи. — Он бросает взгляд на небо лишь чуть раздраженно, словно оно не угрожает их жизни.

Бесполезно жаловаться, что она валится с ног. Это Зима. Если она упадет, то умрет. Она заставляет себя идти в проделанный им проход и снова начинает искать лучший путь.

В конце концов они пробиваются, что хорошо, поскольку иначе это стало бы довольно простым

рассказом о том, что ты узнала, что твоя дочь мертва, и позволила бы остальному миру исчахнуть в скорби вместе с тобой.

Но все совсем не так. Внезапно на последнем участке травянистые деревья становятся реже и открывается гладко вырезанный проход во внутренней стене кальдеры. Стены возносятся высоко над головой, хотя издали они не казались такими высокими, а сам проход достаточно широк, чтобы могли пройти две телеги в ряд. Стены этих проходов покрыты упрямым мхом и какими-то древовидными лианами. Последние, к счастью, мертвы, иначе бы они заплели все и осложнили бы им продвижение. Они спешат вперед, ломая сухие сучья, а затем Нэссун и Шаффа вываливаются из прохода на широкую плиту из совершенно белого материала, не металла и не камня. Нэссун прежде видела нечто похожее, возле других развалин мертвой цивилизации, иногда этот материал светился в ночи. Эта конкретная плита занимает все пространство внутренней кальдеры.

Сталь сказал им, что развалины мертвой цивилизации здесь, в центре — но Нэссун видит впереди лишь изящный приподнятый завиток металла, встроенный вроде бы прямо в белый

материал. Она подбирается, как любой закаленный Зимой выживший при виде чего-то нового. Однако Шаффа идет к нему без раздумий. Он останавливается рядом с ним, и на мгновение на его лице возникает выражение, которое, как подозревает Нэссун, вызвано минутным противоречием между тем, что его тело делает что-то по привычке, но разум не может вспомнить, что именно — но затем он кладет руку на причудливый узор на кончике металла.

Из ниоткуда на камне вокруг него возникают плоские световые фигуры и линии. Нэссун ахает, но они не делают ничего, просто двигаются и зажигают по очереди остальные, распространяясь и загораясь, пока на камне под ногами у Шаффы не возникает грубый четырехугольник. Слышится тихое, едва заметное гудение, отчего Нэссун вздрагивает и дико озирается, но через мгновение белый материал перед Шаффой исчезает. Не отъезжает в сторону или открывается как дверь; он просто исчезает. Но это *и есть* дверь, внезапно осознает Нэссун.

— Вот мы и пришли, — бормочет Шаффа. Он сам немного удивлен.

За дверью находится туннель, который медленно изгибается, уходя вглубь земли, и теряется

в глубине. Узкие прямоугольные панели света окаймляют ступени с каждой стороны, освещая путь. Этот завиток металла — поручень, видит теперь она, переориентируя свое сознание, пока подходит к Шаффе. Это то, за что держатся, спускаясь в глубину. На дальнем краю травянистого леса, сквозь который они только что прошли, слышится высокий стрекот, который Нэссун тут же приписывает животному. Возможно, покрытому хитином. Более близкая и громкая версия звуков, которые они слышали прошлой ночью. Нэссун вздрагивает и смотрит на Шаффу.

— Думаю, какой-то кузнечик, — говорит он. Он, с напряженной челюстью, оглядывается на путь, который они только что прошли, хотя там ничто не движется — пока. — Или, может, цикады. Давай внутрь. Я прежде видел что-то вроде такого механизма. Он закроется, когда мы войдем.

Он знаком велит ей идти первой, чтобы он мог прикрывать тылы. Нэссун делает глубокий вдох и напоминает себе, что это необходимо, чтобы сделать мир таким, чтобы больше никому не было больно. Затем она трусит по лестнице. Световые панели зажигаются за пять-шесть ступеней впереди, когда она идет, и гаснут в трех ступенях у нее за спиной. Как только они спускаются

на несколько футов, белый материал, прикрывавший лестничный проем, снова возникает, отсекая стрекот из леса, как и говорил Шаффа.

Затем остается только свет, ступени и давно забытый город где-то внизу.

* * *

2699: Два эпицентровских черномундирника вызваны в общину Диджна (Квартент Уэр, Западное Побережье, близ моноклинали Киаш), когда гора Имхер начала показывать признаки извержения. Черномундирники сообщили чиновникам общины, что извержение неминуемо и, скорее всего, затронет весь кластер Киаш, включая Безумие (местное название супервулкана, инициировавшего Зиму Безумия; Имхер находится на той же горячей точке).

Выяснив, что им не хватит способностей заглушить Имхер, эти черномундирники – один трехколечник, второй, предположительно, семиколечник, хотя почему-то не носил колец – все же попытались, поскольку времени, чтобы прислать более высокорангового импер-

ского орогена, не оставалось.

Они успешно заглушили извержение на достаточно долгое время, чтобы успел прибыть имперский ороген-девятиколечник и заставил вулкан уснуть. (Трех– и семиколечник были найдены обугленными и замерзшими, взявшимися за руки.)

Проектные записки Ятра Инноватора Дибарс

Сил Анагист: Три

ИЗУМИТЕЛЬНО. ВСЕ ЭТО СТАНОВИТСЯ легче вспоминать по мере рассказа… или, возможно, я все еще человек, в конце концов.

* * *

Поначалу наша экскурсия — просто прогулка по городу. Долгие годы после того, как были сделаны, мы провели погруженными в сэсуну и ощущение энергии во всех ее формах. Прогулка наружу заставляет нас обратить внимание на наши меньшие, внешние чувства, и поначалу это просто всепоглощающе. Мы вздрагиваем от упругости тротуаров из прессованного волокна под подошвами, столь отличающихся от жесткого лакированного дерева наших жилищ. Мы чихаем, пытаясь вдыхать воздух, полный запахов мятых растений, химических вторичных продуктов и тысяч чужих выдохов. От первого чиха Душва пугается и разражается слезами. Мы зажимаем уши ладонями, безуспешно пытаясь заглушить множество говорящих голосов, стонущих стен, шуршащих листьев и гудящих вдалеке механиз-

мов. Бимнива пытается все это перекричать, и Келенли приходится остановиться и успокоить ее прежде, чем она снова попытается заговорить нормально. Я отшатываюсь и вскрикиваю от страха при виде птиц, сидящих в кустарнике поблизости, а я еще самый спокойный из нас.

Успокаивает нас в конце концов шанс увидеть во всей красе аметистовый фрагмент. Он потрясающий, пульсирует вместе с медленным потоком магии, возвышаясь над сердцем этого города-узла. Каждый узел Сил Анагиста уникальным образом подстроен под местный климат. Мы слышали об узлах в пустыне, где здания выращены из отвердевших гигантских кактусов; океанские узлы построены коралловыми организмами, запрограммированными на рост и смерть по приказу. (Жизнь в Сил Анагисте священна, но смерть порой необходима.) Наш узел — узел аметиста — был некогда древним лесом, так что не могу отделаться от ощущения некоего величия древних деревьев в этом огромном кристалле. Конечно, от этого он более царственный и могущественный, чем остальные фрагменты машины!

Это ощущение полностью иррационально, но я гляжу на лица моих сотоварищей-настройщиков, взирающих на аметистовый фрагмент, и

вижу в них ту же любовь. (Нам рассказывали, что в далекую старину мир был иным. Некогда города не просто были мертвыми, каменно-металлическими джунглями, которые не росли и не менялись, но еще они несли смерть, отравляя почву, и делали воду непригодной для питья и даже меняли погоду своим существованием. Сил Анагист лучше, но мы не ощущаем ничего, когда думаем о самом этом узле-городе. Он для нас ничто — здания, набитые людьми, которых мы не можем по-настоящему понять, занимающимися делами, которые должны иметь значение, но не имеют. Но фрагменты! Мы слышим их голоса. Мы поем их магическую песню. Этот аметист — часть нас, а мы — его.)

— Я намерена во время этого путешествия показать вам три вещи, — говорит Келенли, как только мы достаточно полюбовались на аметист, чтобы успокоиться. — Эти вещи проверены проводниками, если это для вас важно. — Она нарочно смотрит на Ремву, говоря эти слова, поскольку он больше всех выступал против прогулки. Ремва изображает усталый вздох. Они оба отлично играют на руку нашей бдительной охране. Затем Келенли снова ведет нас вперед. Ее и наше поведение так сильно контрастирует. Она

шагает легко, высоко подняв голову, не отвлекаясь ни на что неважное, источая уверенность и спокойствие. За ней мы, то и дело останавливаемся и бежим, суетимся, робкие и неуклюжие, отвлекаясь на все. Люди пялятся на нас, но мне кажется, что странной для них кажется на самом деле не наша белизна. Я думаю, мы выглядим как дураки.

Я всегда был гордым, и их насмешливое любопытство ранит, так что я выпрямляюсь и пытаюсь идти как Келенли, хотя это значит, что я пропущу множество чудес и потенциальных угроз вокруг. Гэва это тоже замечает и пытается подражать нам обоим. Ремва видит, что мы делаем, и вид у него раздраженный, он посылает небольшую дрожь вокруг: *Мы всегда будем для них странными.*

Я отвечаю сердитым басовым пульсирующим толчком. *Дело не в них.* Он вздыхает, но тоже начинает подражать мне. Остальные следуют нашему примеру. Мы дошли до самого южного квартента города-узла, где воздух благоухает слабым запахом серы. Келенли объясняет, что этот запах исходит от утилизирующих отходы растений, которые растут гуще здесь, где канализация выносит серые воды ближе к поверхности. Эти растения очищают воду и раскидывают густую

здоровую листву над улицами, чтобы охлаждать их, как и было задумано, — но даже лучшие генджинеры не могут заставить растения, питающиеся отходами, не припахивать тем, что они потребляют.

— Ты хочешь показать нам инфраструктуру переработки отходов? — спрашивает Келенли Ремва. — Я и так уже ощущаю себя более контекстуальным.

Келенли фыркает.

— Не совсем.

Она заворачивает за угол, и перед нами возникает мертвое здание. Мы стоим и смотрим во все глаза. Плющ ползет по стенам здания, сделанного из какой-то красной глины, спрессованной в кирпичи, и обвивает его мраморные колонны. Однако кроме плюща больше *ничего* живого в этом здании нет. Оно приземистое, низкое, похожее на прямоугольную коробку. Мы не сэссим никакого гидростатического давления, поддерживающего его стены; наверняка оно использует силу и химический крепеж, чтобы стоять прямо. Его окна просто из стекла и металла, и я не вижу нематоцист, растущих на их поверхностях. Как они могут обезопасить то, что внутри? Двери из мертвого дерева, полированного, красно-ко-

ричневого, с резными узорами в виде плюща; удивительно, но это мило. Ступени — тусклая рыжевато-белая песчаная взвесь. (Много столетий назад люди называли ее *цементом*.) Все сооружение ошеломляюще старомодно — но оно цело, функционально и поражает своей уникальностью.

— Так… симметрично, — чуть кривит губы Бимнива.

— Да, — говорит Келенли. Она остановилась перед зданием, чтобы мы могли рассмотреть его. — Однако некогда люди считали такое красивым. — Она идет вперед.

Ремва глядит ей вслед.

— Что, внутрь? Оно структурно устойчиво?

— Да. И да, мы идем внутрь. — Келенли останавливается и смотрит на него, возможно, удивленная тем, что его сдержанность хотя бы отчасти не игра. Я ощущаю через окружающее, как она касается его, успокаивает. Когда Ремва зол или испуган, он еще упрямее, так что это помогает; острые зубцы его нервозности начинают ослабевать. Но ей все равно приходится поддерживать игру из-за множества смотрящих на нас. — Хотя я полагаю, что ты можешь остаться снаружи, если хочешь.

Она бросает взгляд на своих двоих стражей, коричневых мужчину и женщину, стоящих рядом с ней. Они не отстали от нашей группы, как остальные стражи, которых мы то и дело украдкой видим на периферии. Женщина-страж хмуро отвечает ей:

— Ты сама понимаешь.

— Это была всего лишь мысль, — пожимает плечами Келенли и кивает на здание, обращаясь к Ремве. — Похоже, у вас нет выбора. Но я обещаю вам, что здание вам на головы не упадет.

Мы следуем за ней. Ремва чуть медленнее, но в конце концов заходит и он.

Как только мы переступаем порог, в воздухе перед нами возникает голопредупреждение. Нас не учили читать, и буквы этого предупреждения в любом случае выглядят странно, но затем из аудиосистемы дома слышится раскатистый голос: «Добро пожаловать в историю неврастении!»

Я понятия не имею, что это означает. Внутри здание пахнет… неправильно. Сухо и пыльно, воздух застоявшийся, словно здесь ничто не поглощает его диоксид углерода. Мы видим, что здесь есть и другие люди, в большом открытом фойе здания или на симметричной двойной витой лестнице, они дивятся на панели резного

дерева, тянущиеся вдоль каждой лестницы. Они не смотрят на нас, отвлеченные великой странностью нашего окружения. Но тут Ремва говорит:

— Что это?

Его тревога, передающаяся покалыванием по нашей сети, заставляет нас всех посмотреть на него. Он стоит нахмурившись и вертит головой из стороны в сторону.

— Что… — начинаю было я, но затем тоже — слышу? ловлю сэсуной?

— Я вам покажу, — говорит Келенли.

Она заводит нас глубже в коробку здания. Мы идем мимо демонстрационных кристаллов, в каждом из которых хранится непонятное — но явно старинное — оборудование. Я узнаю книгу, моток проволоки и чей-то бюст. Таблички возле каждого предмета, наверное, указывают их важность, наверное, но я не могу представить никакого объяснения, чтобы все это имело хоть какой-то смысл.

Затем Келенли выводит нас на широкий балкон со старомодными резными перилами. (Это особенно ужасает. Мы должны ради безопасности держаться за перила из мертвого дерева, не связанного с городской системой сигнализации или чем еще. Почему бы просто не вырастить

лозу, которая подхватит нас, если мы упадем? Древние времена были ужасны.) И вот мы стоим над огромной открытой камерой, глядя вниз на нечто, принадлежащее этому месту точно так же, как и мы. То есть вообще не принадлежащее.

Моя первая мысль — это очередной планетарный движитель, целый, не просто фрагмент или большая часть. Да, это высокий впечатляющий центральный кристалл; он растет из гнезда. Этот движитель так и не был активирован; большая часть его структур парит, еле заметно гудя, в нескольких футах над полом. Но это единственная часть движителя, которая имеет для меня смысл. Вокруг кристалла парят более длинные, заворачивающиеся внутрь структуры; весь дизайн в целом какой-то цветочный, напоминает стилизованную хризантему. Центральный кристалл светится бледным золотом, а вспомогательные переходят от зеленого у основания к белому на кончиках. Мило, но все равно странно. Но когда я смотрю на эту структуру не только глазами и касаюсь ее нервами, настроенными на пертурбации земли, я ахаю. Злая Смерть, решетка магии, созданная этой структурой, великолепна! Десятки серебристых, нитеподобных линий поддерживают друг друга; энергии всего спектра

и всех форм пересекаются и меняют состояние в кажущемся хаотическим, но полностью контролируемом порядке. Центральный кристалл то и дело мерцает, переходя между фазами потенциальностей, пока я смотрю на него. И он такой маленький! Я никогда не видел настолько хорошо сконструированного движителя. Даже Планетарный Движитель не так мощен или точен для его величины. Если бы он был построен так же эффективно, как этот маленький движитель, проводникам не понадобилось бы создавать нас. И все же эта структура не имеет смысла. В этот мини-движитель поступает недостаточно магии, чтобы производить всю ту энергию, которую я тут ощущаю. И я качаю головой, но теперь я слышу то, что слышал Ремва: тихий настойчивый звон. Множество тонов, сплетающихся, неотвязных, заставляющих шевелиться волосы на затылке… Я смотрю на Ремву, который кивает с напряженным лицом.

Магия этого движителя не имеет цели, которую я мог бы видеть, разве чтобы смотреть на него, слушать и восхищаться красотой. И каким-то образом — я вздрагиваю, понимая это инстинктивно, но сопротивляюсь, поскольку это противоречит всему, что я знаю о законах

физических и магических — *каким-то образом* эта структура выделяет больше энергии, чем потребляет.

Я, нахмурившись, смотрю на наблюдающую за нами Келенли.

— Такого не должно существовать, — говорю я. Только словами. Я не знаю, как еще выразить то, что я чувствую. Шок. Неверие? Почему-то страх. Планетарный Движитель — самое продвинутое творение геомагестрии, когда-либо созданное. Проводники постоянно твердили нам об этом все эти годы после нашего создания… и все же. Этот крохотный, невероятный движитель, полузабытый в пыльном музее, *более* совершенен. И, кажется, создан он был лишь ради красоты.

Почему это пугает меня?

— Но он существует, — говорит Келенли. Она опирается спиной на перила с лениво-насмешливым видом — но сквозь мягкое мерцание гармонии демонстрируемой структуры я ощущаю ее удар по окружающему. *Думай*, без слов говорит она. Она особенно смотрит на меня. Своего мыслителя.

Я окидываю взглядом остальных. И снова замечаю стражей Келенли. Они заняли позиции по обе стороны балкона, чтобы видеть и коридор,

по которому мы пришли, и выставочный зал. Оба выглядят скучающими. Келенли привела нас сюда. Заставила проводников согласиться на это. То есть мы должны увидеть в этом древнем движителе то, чего не видят стражи. Что?

Я делаю шаг вперед, кладу руки на деревянные перила и всматриваюсь в эту штуку, будто это поможет. Прийти к какому выводу? У нее такая же фундаментальная структура, как у других планетарных движителей. Только *назначение* другое — нет, нет. Слишком просто. Разница… философская. Оценочная. Планетарный Движитель — инструмент. Эта штука?

Это… *искусство*.

И тут я понимаю. Никто из Сил Анагиста не строил его. Я смотрю на Келенли. Я должен использовать слова, но проводники, которые услышат отчет стражей, не должны догадаться ни о чем.

– *Кто*?

Она улыбается, и все мое тело зудит от прилива чего-то, чему я не знаю названия. Я ее мыслитель, она довольна мной, и я никогда не бывал счастливее.

— Ты, — отвечает она, к моему полнейшему замешательству. Затем она отталкивается от пе-

рил. — Мне еще многое надо вам показать. Идем.

* * *

Зимой все меняется.

Табличка Первая, «О выживании», стих второй.

7
Ты строишь план на будущее

ЮККА ГОРАЗДО БОЛЕЕ СКЛОННА принять Матчиша и его людей, чем ты ожидала. Ее не радует, что у Матчиша развивается «пыльное легкое» — что подтверждает Лерна, после того как всех их обтерли губкой и он провел им первичный осмотр. Также ее не радует, что у четверых из его людей тоже серьезный диагноз, от свищей до полного отсутствия зубов, или то, что Лерна говорит, что их надо посадить на усиленный паек. Но, как говорит она на вашем импровизированном совещании, громко, чтобы все, кто слушает, услышали, она может потерпеть тех, у кого есть дополнительные припасы, знание местности и точность орогении, которая поможет уберечь их группу от нападений. И, добавляет она, Матчиш вечно жить не будет. Ее устроит, если он проживет достаточно, чтобы помочь общине.

Она не добавляет — *в отличие от Алебастра,* что милосердно — или хотя бы подозрительно не жестоко с ее стороны. Удивительно, что она уважает твое Горе, и, может быть, это признак

того, что она готова простить тебя. Хорошо будет снова иметь друга. Друзей. Снова.

Этого, конечно же, недостаточно. Нэссун жива, и ты более-менее оправилась после своей посткастримской комы, так что это превращается в ежедневную борьбу — помнить, почему ты осталась в Кастриме. Порой помогает вот что — перебрать все резоны для того, чтобы остаться. Во-первых, ради будущего Нэссун, чтобы у тебя было место, чтобы укрыть ее, когда ты снова ее найдешь. Вторая причина — тебе не сделать этого в одиночку, и ты не можешь по праву разрешить Тонки следовать за тобой, как бы она ни хотела. Твоя орогения подорвана; долгая дорога назад на юг станет смертным приговором вам обеим. Хоа вряд ли будет способен помочь тебе одеться или приготовить еду, или сделать что еще, для чего нужны обе руки. И Причина Номер Три, самая важная: ты больше не знаешь, куда идти. Хоа подтвердил, что Нэссун в пути и уходит от местоположения сапфира после того, как ты открыла Врата Обелисков. Слишком поздно было ее искать даже еще до того, как ты очнулась.

Но есть надежда. В предрассветные часы, когда Хоа забирает каменную ношу твоей левой груди, он тихо говорит:

— Думаю, я знаю, куда она идет. Если я прав, она скоро остановится. — Он говорит неуверенно. Нет, не так. Он встревожен. Ты сидишь на камне неподалеку от лагеря, восстанавливаясь после… удаления. Это было не так неприятно, как ты думала. Ты сняла слои одежды, чтобы обнажить окаменевшую грудь. Он положил на нее ладонь, и она отошла от твоего тела чисто, войдя в его руку. Ты спросила, почему он не поступил так с твоей рукой, и он сказал:

— Я делаю как удобнее для тебя. — Затем он подносит твою грудь к губам, и ты решила отвлечься на плоский, чуть загрубелый каменный рубец на месте твоей груди. Он чуть болит, но ты не уверена, боль ли это от ампутации или что-то более существенное.

(Он съедает грудь, которую больше всего любила Нэссун, в три глотка. Ты извращенно горда тем, что тебе довелось еще кого-то вскормить ею.)

Когда ты неловко возвращаешь на место сорочки и рубашки одной рукой — набивая чашку лифчика самой тонкой сорочкой, чтобы он не съехал, — ты пытаешься прояснить намек на ту тревогу, который услышала раньше в голосе Хоа.

— Ты что-то знаешь.

Поначалу Хоа не отвечает. Ты думаешь, что

надо напомнить ему, что вы партнеры, что ты стремишься поймать Луну и покончить с этим нескончаемым Пятым временем года, что он тебе *небезразличен,* что он не может скрывать от тебя таких вещей, но тут он, наконец, говорит:

— Я уверен, что Нэссун хочет открыть Врата Обелисков сама.

Ты реагируешь интуитивно и немедленно. Это чистый страх. Вероятно, ты не это должна чувствовать. Логика велит не верить в то, что десятилетняя девочка может решиться на подвиг, который ты едва осилила. Но почему-то, может, потому что ты помнишь, как твоя маленькая девочка звенела голубой гневной силой, и ты в тот же миг поняла, что она осознала обелиски лучше, чем ты когда-либо сможешь, ты без труда веришь в предположение Хоа — твоя малышка куда больше, чем ты думала.

— Это убьет ее, — выдыхаешь ты.

— Да, очень вероятно.

О, Земля.

— Но ты сможешь снова ее отследить? Ты потерял ее после Кастримы.

— Да, теперь она настроена на обелиск.

И снова эта странная заминка в его голосе. Почему? Почему его это так волнует… О! О, ржавый

горящий Земля! Ты понимаешь, и голос твой дрожит.

— То есть сейчас ее может «почуять» *любой камнеед*. Ты это хочешь сказать? — Опять всюду Кастрима. Рубиновласка и Масляный Мрамор и Уродина, чтоб тебе не видеть этих паразитов больше никогда. К счастью, Хоа убил большинство из них. — Твои сородичи заинтересованы в нас, верно? Когда мы начинаем использовать обелиски или когда мы близки к этому.

— Да. — Бесстрастно, единственное тихое слово, но теперь ты уже знаешь его.

— Огонь земной. Один из ваших *идет* за ней.

Ты не думала, что камнееды способны вздыхать, но уверена, что этот звук исходит из груди Хоа.

— Тот, кого ты называешь Серым Человеком.

Тебя пробирает холод. Но ведь ты уже догадалась на самом-то деле. В мире, как там, в последние времена было три орогена, сумевших связаться с обелисками? Алебастр, ты и Нэссун. Возможно, на краткое время Уке — и, может, тогда возле Тиримо рыскал камнеед. Эти ржавые ублюдки наверняка были страшно разочарованы, когда Уке погиб от руки отца, а не окаменел.

Ты стискиваешь зубы, во рту ощущается

желчь.

— Он манипулирует ею. — Чтобы она активировала Врата и превратилась в камень, чтобы ее можно было *сожрать*. — Вот что он пытался сделать в Кастриме — чтобы вынудить меня или Алебастра — ржавь побери — или Юкку, или любого из нас сделать что-нибудь сверх наших способностей, чтобы мы превратились в… — Ты кладешь руку на каменную отметину места, где прежде была твоя грудь.

— Всегда были те, кто использовал отчаяние и безнадежность как оружие. — Это сказано тихо, словно со стыдом. Внезапно ты гневаешься на саму себя, на свое бессилие. Понимание того, что ты — истинная цель собственного гнева, не останавливает тебя от того, чтобы наброситься на него.

— Сдается, *все вы* таковы!

Хоа меняет позу, глядит на тусклый красный горизонт, в задумчивых затененных линиях его фигуры-статуи сквозит ностальгия. Он не оборачивается, но ты слышишь обиду в его голосе.

— Я не лгал тебе.

— Нет, ты просто скрывал правду, а это все равно что гребаная ложь! — Ты трешь глаза. Пришлось снять очки, чтобы снова натянуть рубахи,

и глаза засыпало пеплом. — Ты знаешь, как… просто я не хочу ничего слышать прямо сейчас. Мне надо отдохнуть. — Ты встаешь на ноги. — Отнеси меня назад.

Он внезапно вытягивает руку в твоем направлении.

— Еще один момент, Иссун.

— Я сказала тебе…

— Пожалуйста. Ты должна это знать. — Он ждет, пока ты не успокаиваешься в гневном молчании. Затем он говорит: — Джиджа мертв.

Ты застываешь.

* * *

В этот момент я напоминаю себе, почему продолжаю рассматривать эту историю твоими глазами, а не моими: потому что внешне ты слишком хорошо маскируешься. Твое лицо стало непроницаемым, взгляд опущен. Но я знаю тебя. *Я знаю тебя*. Здесь — это в тебе.

* * *

Ты удивлена тем, что удивлена. Удивлена, не разгневана, не расстроена или печальна. Просто… удивлена. Но это потому, что первой твоей

мыслью после чувства облегчения было *Нэссун теперь в безопасности*, разве…

Разве не так?

И тут ты удивляешься своему страху. Ты не уверена, чего именно ты боишься, но во рту у тебя горечь.

— Как? — спрашиваешь ты.

— Нэссун, — отвечает Хоа.

Страх усиливается.

— Она не могла потерять контроль над своей орогенией, такого с ней не бывало с пятилетнего возраста…

— Это была не орогения. И это было преднамеренно.

Вот оно, наконец: предвестник сейсмического толчка масштаба Разлома внутри тебя. Тебе не сразу удается произнести:

— Она *убила* его? Нарочно?

— Да.

Ты замолкаешь, растерянная, встревоженная. Рука Хоа по-прежнему простерта к тебе. Предложение ответов. Ты не уверена, что хочешь знать, но… но ты все равно ее берешь. Возможно, ради успокоения. Ты не представляешь, что эта рука способна сомкнуться вокруг твоей собственной и пожать ее, чуть-чуть, так, что тебе от этого стано-

вится легче. Все же он ждет. Ты очень, очень рада его предупредительности.

— Он… где, — начинаешь ты, когда чувствуешь себя готовой. Ты не готова.

— Я могу туда попасть?

— Туда?

Ты уверена, что он понимает, что ты имеешь в виду. Он просто убеждается, что *ты* понимаешь, о чем просишь. Ты сглатываешь и пытаешься выразить это.

— Они были в Антарктике. Джиджа не таскал ее по дорогам постоянно. Она была где-то в безопасном месте, у нее было время, чтобы стать сильнее. — Гораздо сильнее. — Я могу задержать дыхание в земле, если ты… Отнеси меня туда, где она… — Но нет. На самом деле ты хочешь не туда. Хватит ходить вокруг да около. — Отнеси меня туда, где сейчас *Джиджа*. Где он… Умер.

Хоа не шевелится примерно с полминуты. Ты замечала в нем такое. Ему требуется разное время, чтобы ответить на речевые указатели. Иногда он почти перебивает тебя, отвечая, а иногда ты успеваешь подумать, что он тебя не слышал, прежде чем он, в конце концов, переходит к ответу. Ты не думаешь, что он размышляет в это время или что еще. Ты думаешь, что это ничего

для него не значит — секунда или десять, сейчас или позже. В конце концов он ответит.

В знак этого он, наконец, чуть размывается, хотя ты видишь замедленность окончания жеста, когда он накрывает твою руку своей и она оказывается между его твердыми ладонями. Давление обеих ладоней возрастает, пока его хватка не становится крепкой. Не неприятной, но все же.

— Закрой глаза.

Прежде он никогда такого не предлагал.

— Зачем?

Он несет тебя вниз. Так глубоко ты никогда не бывала, и на сей раз это не мгновение. Ты неминуемо ахаешь в какой-то момент и так обнаруживаешь, что тебе вовсе не надо задерживать дыхание. Когда тьма сгущается, ее озаряют вспышки красного, и затем мгновение ты скользишь сквозь расплавленные красные тона и оранжевые и ловишь самые мимолетные отблески шатких открытых пространств, где вдалеке что-то взрывается дождем полужидких пылающих клочьев — а потом вокруг тебя снова чернота, и ты стоишь на открытой земле под затянутым тонкими облаками небом.

— Вот почему, — говорит Хоа.

— Ржавое *дерьмо*! — Ты пытаешься вырвать

руку, но ничего не выходит. — Блин, Хоа!

Рука Хоа перестает прижимать твою, и тебе удается выскользнуть. Ты спотыкаешься, отлетая на несколько футов, затем ощупываешь себя в поисках повреждений. Ты в порядке — не сгорела, не раздавлена давлением, как должна была бы, не задохнулась, даже не взволнована. Не очень. Ты выпрямляешься и трешь лицо.

— Ладно. Следует запомнить, что камнееды ничего не говорят просто так. Никогда не хотела действительно увидеть Огонь Подземный.

Но ты здесь, на вершине холма, который сам возвышается на чем-то вроде плато. Это небо — твоя опорная точка. Здесь более позднее утро, чем там, откуда ты пришла, — чуть позже рассвета вместо предрассветных сумерек. Солнце видно, хотя и сквозь вуаль пепельных облаков. (Ты удивляешься тому, как ты истосковалась по солнцу.) Но то, что ты его видишь, означает, что ты куда дальше от Разлома, чем несколько мгновений назад. Ты бросаешь взгляд на запад, и слабое мерцание темно-синего обелиска вдалеке подтверждает твою догадку. Там около месяца назад, когда ты открыла Врата Обелисков, ты ощутила Нэссун.

(Туда. Она ушла туда. Но в той стороне тысячи

квадратных миль Спокойствия.)

Ты оборачиваешься и понимаешь, что стоишь среди горстки деревянных домиков на вершине холма, включая лабаз на опорах, несколько бараков и нечто вроде спален или школьных зданий. Все это окружено, однако, опрятной, совершенно ровной оградой из базальтовых колонн. То, что это работа орогена, который обуздал медленное извержение огромного вулкана у тебя под ногами, ясно как день. Но также ясно, что поселение пусто. Никого не видно, и дрожь шагов слышна дальше, за оградой.

Ты с любопытством подходишь к проему в базальтовой ограде, откуда вниз вьется тропинка, наполовину из утоптанной земли, наполовину из булыжника. У подножия холма видна деревня, занимающая остальную часть плато. Деревня может быть обычной общиной. Ты замечаешь дома различных очертаний, большинство с все еще зелеными огородами, несколькими пристройками, чем-то вроде бани, гончарного навеса. Люди ходят между домами, и никто не поднимает взгляда и не видит тебя, да и с чего бы им? День приятный — здесь, где солнце еще по большей части сияет. Им надо ухаживать за полями и — это маленькие гребные лодки привязаны к одной из дозорных

башенок? — ходить к морю. Этот поселок наверху, чем бы он ни был, неважен для них.

Ты отворачиваешься от деревни, и тут ты замечаешь тигель. Он на краю поселения, чуть приподнят над всем, хотя отсюда тебе его видно. Когда ты взбираешься по тропинке, чтобы заглянуть в тигель, отмеченный булыжниками и кирпичами, старая привычка заставляет тебя направить чувства в землю, чтобы найти ближайший помеченный камень. Недалеко, всего в пяти-шести футах внизу. Ты обшариваешь его поверхность и находишь слабые следы долота, возможно, молотка. ЧЕТЫРЕ. Слишком просто, в твое время камни помечали краской и цифрами, что делало их менее характерными. И все же камень достаточно мал, да, чтобы любому ниже четырехколечника было трудно найти и опознать его. Детали обучения неверны, но основа точная.

— Это не может быть Антарктический Эпицентр, — говоришь ты, садясь, чтобы потрогать пальцем один из камней круга. Всего лишь галька вместо прекрасной плиточной мозаики, которую ты помнишь, но все же идея та же.

Хоа по-прежнему стоит там, где вы вышли из земли, ладони в том же положении, когда он

держал твою руку — возможно, для обратного путешествия. Он не отвечает, но ты по большей части обращаешься к себе самой.

— Я всегда слышала, что Антарктический Эпицентр маленький, — продолжаешь ты. — Но это вообще ничто. Просто лагерь. — Здесь нет Сада Колец. Главного здания. И еще ты слышала, что Антарктический и Арктический Эпицентры прелестны, несмотря на их размер и удаленное положение. Это имеет смысл; красота Эпицентра официальна, санкционирована государством, орогенная, чтобы сама по себе быть показушной. Эта жалкая горстка хибар не соответствует идеологии. К тому же… — Он на вулкане. И слишком близко к этим глухачам внизу.

Эта деревня не Юменес, окруженный со всех сторон узловиками и дополнительной защитой наиболее сильных старших орогенов. Один взбрык перевозбудившейся гальки — и вся округа превратится в кратер.

— Это не Антарктический Эпицентр, — говорит Хоа. Его голос как всегда мягок, но сейчас он отвернулся, и потому он звучит еще мягче.

— Он дальше к западу, и его зачистили. Там больше нет живых орогенов.

Конечно. Ты в горе стискиваешь зубы.

— Значит, чья-то дань уважения. Какой-то уцелевший? — Ты инстинктивно находишь еще один маркер под землей — маленький круглый камешек примерно футах в пятнадцати внизу. На нем чернилами написано ДЕВЯТЬ. Ты без проблем читаешь. Качаешь головой, встаешь и поворачиваешься, чтобы дальше обследовать поселение.

Затем ты замираешь, когда из дверей одной из спален выходит, хромая, человек. Он тоже замирает, с удивлением глядя на тебя.

— Ты кто, ржавь тебя побери? — спрашивает он с заметным антарктическим тягучим выговором.

Твое сознание вонзается в землю — и ты тут же вырываешь его обратно. Глупо, ты забыла, что ли? Орогения тебя убьет, к тому же он не вооружен. Он очень молод, ему лет двадцать с небольшим, хотя он уже начинает лысеть. Хромота легкая, один из его башмаков на более высокой подошве — ага. Наверное, деревенский работяга, пришел осмотреть дома, которые могут снова когда-нибудь понадобиться.

— Э, привет, — неловко говоришь ты. Затем ты замолкаешь, не зная, что сказать дальше.

— Привет. — Он видит Хоа и вздрагивает, затем

смотрит в откровенном шоке человека, который слышал о камнеедах только из сказок лористов и не больно-то им верит. И лишь потом он вспоминает о твоем присутствии, чуть хмурится, заметив пепел в твоих волосах и на одежде, но понятно, что ты не очень его впечатляешь. — Скажи мне, что это статуя, — говорит он тебе. Затем нервно смеется. — Только ее не было, когда я поднялся на холм. Что же, видимо, привет?

Хоа не удосуживается ответить, хотя его глаза устремлены на мужчину, а не на тебя. Ты берешь себя в руки и шагаешь вперед.

— Прости, что потревожила, — говоришь ты. — Ты из этой общины?

Мужчина в конце концов переводит взгляд на тебя.

— А, да. А ты нет. — Вместо того чтобы проявить беспокойство, он моргает. — Ты очередной Страж?

Волоски на всем твоем теле встают дыбом. На миг тебе хочется выкрикнуть *нет*, затем разум берет свое. Ты улыбаешься. Они всегда улыбаются.

— Очередной?

Молодой человек меряет тебя взглядом с головы до ног, видимо, что-то заподозрив. Тебе все равно, пока он отвечает на твои вопросы и не

нападает на тебя.

— Да, — говорит он спустя мгновение. — Мы нашли двух мертвых после того, как дети ушли на тренировочную прогулку. — Губа его чуть заметно кривится. Ты не уверена, сомневается ли он в том, что дети пошли практиковаться, действительно ли его волнуют «двое мертвых» или у него просто губа кривится как обычно, когда люди говорят о роггах, поскольку очевидно, что эти самые дети должны быть роггами. Раз уж тут Стражи. — Главная сказала, что однажды тут могут появиться другие Стражи. Те трое, что были у нас, появились из ниоткуда, в конце концов, в разное время года. Ты, видать, припозднилась.

— А. — На удивление легко прикидываться Стражем. Просто улыбайся и не давай информации. — И когда эти остальные ушли на… тренировочную прогулку?

— Да с месяц уже. — Молодой человек переминается, успокаиваясь, и смотрит на сапфировый обелиск вдалеке. — Шаффа сказал, что они уйдут довольно далеко, чтобы нам не почувствовать афтершоков после того, что детишки будут делать. Думаю, это достаточно далеко.

Шаффа. Улыбка примерзает к твоему лицу. Ты невольно шипишь.

– *Шаффа.*

Молодой человек хмурится. Теперь он точно что-то подозревает.

— Да. Шаффа.

Невозможно. Он мертв.

— Высокий, черноволосый, льдистые глаза, странный акцент?

Молодой человек чуть расслабляется.

— О, так ты его знаешь?

— Да, и очень хорошо. — Так просто улыбаться. Труднее бороться с желанием заорать, вцепиться в Хоа, потребовать немедленно нырнуть в землю, сейчас, сейчас, сейчас, чтобы догнать их и спасти дочь. Труднее всего не повалиться на землю и не свернуться в комок, пытаясь вцепиться в несуществующую руку, — она *болит*; Злой Земля, она болит, словно ее сломали снова, фантомная боль настолько реальна, что твои глаза жжет от слез. Имперские орогены не теряют контроля. Ты уже двадцать лет как не черномундирница и, ржавь, постоянно теряешь контроль — но тем не менее старая выучка помогает тебе собраться. Нэссун, твоя девочка, в лапах чудовища. Тебе надо понять, как это вышло.

– *Очень* хорошо, — повторяешь ты. Никто не сочтет странным, что Страж повторяет слова. — Ты

не мог бы рассказать мне об одной из его подопечных? Девочка-срединница, смуглая и тоненькая, кудрявая, сероглазая…

— Да, Нэссун. Дочка Джиджи. — Теперь молодой человек полностью успокоился, не замечая, что ты еще больше напряжена. — Злой Земля, надеюсь, Шаффа убьет ее на этой прогулке.

Тебе угрозы нет, но твое сознание снова уходит глубоко прежде, чем ты вытаскиваешь его. Юкка права: тебе действительно надо прекратить инстинктивно пытаться *убить всех*. Ну, хотя бы твоя улыбка удержалась.

— О?

— Да. Я думаю, она сделала это… Ржавь, но мог и любой из них. Просто от этой девочки у меня сильнее всего холодок по спине шел.

Он сжимает челюсти и, наконец, замечает твою режущую улыбку. Но тот, кто знаком со Стражами, не станет задаваться вопросами по этому поводу. Он просто отводит взгляд.

— Сделала это? — спрашиваешь ты.

— О, я думал, ты знаешь. Пойдем, покажу.

Он поворачивается и хромает к северному концу поселка. Ты идешь следом, обменявшись взглядом с Хоа. Здесь еще один небольшой подъем, заканчивающийся плоской площадкой,

которая прежде использовалась для созерцания звезд или наблюдения за горизонтом; отсюда тебе видны окрестности, все еще поражающие обилием зелени под довольно недавним и тонким слоем белеющего пепла. Однако здесь ты видишь нечто странное — груду осколков. Поначалу ты думаешь, что это свалка для переработки стекла; Джиджа держал такую возле дома в Тиримо, и соседи приносили туда битое стекло и всякое такое, чтобы он делал из них рукоятки стеклянных ножей. Некоторые кажутся чем-то более высокого качества, чем стекло; может, кто-то бросил туда какие-то необработанные полудрагоценные камни. Все они разноцветные, песочного цвета, серые, немного голубого, но больше всего красного. Но их рисунок заставляет тебя остановиться, наклонить голову и попытаться охватить все это взглядом как целое. И тогда ты замечаешь, что цвета и расположение камней у ближайшего края кучи смутно напоминают мозаику. Ботинки, как если бы кто-то попытался сложить ботинки из гальки, а затем пнул их. Это было бы штанами, разве что среди них беловатые кости и…

Нет.

Огонь… под… земный.

Нет. Твоя Нэссун этого не делала, она не могла,

она…

Она сделала.

Молодой человек вздыхает, читая у тебя по лицу. Ты забыла об улыбке, но даже Страж был бы ошарашен таким.

— Мы тоже не сразу поняли, — говорит он. — Может, ты понимаешь?

Он с надеждой смотрит на тебя.

Ты просто качаешь головой, и он вздыхает.

— Ладно. Это было прямо перед тем, как они ушли. Раз утром мы услышали что-то вроде грома. Выходим, а обелиск — большой синий, что болтался здесь несколько недель, ты их знаешь, — исчез. Затем позже в тот же день опять такой же *чпок*, — он хлопает в ладоши, показывая звук. Тебе удается не подпрыгнуть. — И он вернулся. А потом Шаффа вдруг говорит нашей главной, что уводит детей. И никаких объяснений по поводу обелиска. Ни слова, что Нида и Умбра — это другие Стражи, которые тут заправляли вместе с Шаффой — мертвы. Голова Умбры проломлена. Нида… — Он мотает головой. На его лице чистое отвращение. — Ее *затылок*… Но Шаффа ничего не сказал. Просто увел детей. Многие из нас надеются, что он никогда не приведет их обратно.

Шаффа. Следует сосредоточиться на этом име-

ни. Это важно, а не то, что произошло… но ты не можешь оторвать взгляда от Джиджи. *Ржавь едкая, Джиджа. Джиджа.*

* * *

Жаль, что я уже не одет плотью ради тебя. Жаль, что я уже не настройщик, а иначе я мог бы поговорить с тобой температурой, давлением и реверберацией земли. Слова слишком большие и шершавые для такого разговора. В конце концов, Джиджа был тебе дорог в той мере, в которой дозволяли твои тайны. Ты думала, что он любит тебя, — он и любил в той мере, в которой дозволяли твои тайны. Только любовь и ненависть не взаимоисключающи, как я впервые понял давным-давно.

Мне жаль.

* * *

Ты заставляешь себя сказать:

— Шаффа не вернется. — Потому что тебе надо найти и убить его — но даже сквозь твой страх и ужас заявляет о себе рассудок. Это странное подражание Эпицентру, который не настоящий Эпицентр, куда он должен был бы привести Нэс-

сун. Эти дети, собранные вместе и не убитые. Нэссун, откровенно контролирующая обелиск, достаточно, чтобы сделать *вот это*… и все же Шаффа не убил ее. Чего-то ты тут не понимаешь.

— Расскажи мне побольше о нем, — говоришь ты, показывая подбородком на груду осколков драгоценных камней. Твоего бывшего мужа. Молодой человек пожимает плечами, громко шурша одеждой.

— А, да, ну… Его звали Джиджа Стойкость Джекити. — Поскольку молодой человек со вздохом смотрит на груду камней, ты не думаешь, что он сэссит, как ты вздрагиваешь при новом общинном имени. — Он пришел недавно, камнерез. У нас многовато народу, но нам был очень нужен хороший камнерез, так что когда он пришел, мы не взяли бы его только в том случае, если бы он был стар, болен или *откровенно* безумен. Понимаешь? — Он пожимает плечами. — Когда они пришли сюда, с девочкой все казалось в порядке. Даже не скажешь, что она одна из них, она была такая правильная и вежливая. Кто-то хорошо ее воспитал. — Ты снова улыбаешься. Совершенно натянутой улыбкой Стража. — Мы только знали, что из-за нее Джиджа сюда и пришел, понимаешь. Услышал слух, что рогги, что приходят сюда,

могут стать… не-роггами, наверное. К нам много кто с этим приходил.

Ты хмуришься и отводишь взгляд от Джиджи. Не-рогги?

— Не то чтобы такое хоть раз случилось. — Молодой человек вздыхает и переставляет трость, чтобы было удобнее. — И вряд ли бы мы приняли ребенка, который раньше был одним из них, верно? Что если такой ребенок вырастет и нарожает неправильных детей? Надо как-то вывести эту заразу. Как бы то ни было, эта девочка хорошо слушалась отца до прошлой недели. Соседи говорили, что он однажды ночью наорал на нее, и затем она перебралась сюда, к остальным. От этой перемены Джиджа, понимаешь, словно… *рассыпался*. Начал разговаривать сам с собой, что она ему больше не дочь. То и дело ругался вслух. Пинал стены и всякое такое, когда думал, что на него не смотрят. А девочка ушла. Не могу сказать, что осуждаю ее; в то время все вокруг него ходили на цыпочках. Тихим всегда достается, верно? Так что она все больше была с Шаффой. Как птенец, всегда рядом с ним, в его тени. Всегда как он замирал, брала его за руку. А он. — Молодой человек настороженно смотрит на тебя. — Не видел, чтобы вы когда-нибудь к кому-то привязывались.

Но она, похоже, была ему дороже всего на свете. Я слышал, что он чуть не убил Джиджу, когда тот на нее набросился.

Руку, которой больше нет, дергает болью, но на сей раз более робко, и не пульсирует как раньше. Потому что… ему же не пришлось ломать Нэссун руку, верно? Нет, нет, нет. Ты сама это сделала. А Уке — другая сломанная рука, но сделал это Джиджа. Шаффа *защищал* ее от Джиджи. Шаффа был нежен с ней, как пыталась ты. И теперь все у тебя внутри дрожит от вытекающей из этого мысли, и тебе нужна сила воли, разрушающая города, чтобы удержать это внутри,

но…

Но…

Насколько же ближе ей могла бы стать обусловленная, предсказуемая любовь Стража после бескорыстной любви родителей, предававшей ее снова и снова? Ты на миг закрываешь глаза, поскольку не думаешь, чтобы Стражи плакали.

Сделав над собой усилие, ты спрашиваешь:

— Что это за место?

Он удивленно смотрит на тебя, затем на Хоа у тебя за спиной.

— Это община Джекити, Страж. Хотя Шаффа и остальные… — он обводит рукой тебя и доми-

ки, — называли эту часть Найденной Луной.

Конечно. И конечно, Шаффа уже знал те тайны мира, за которые ты заплатила кровью и плотью. Ты молчишь, и молодой человек задумчиво рассматривает тебя.

— Я могу представить тебя нашей главе. Я знаю, что она будет рада Стражам. Хорошая помощь против налетчиков.

Ты снова смотришь на Джиджу. Видишь камень — полное подобие розового пальца. Он тебе знаком. Ты его целовала — это слишком, ты не можешь этого сделать, тебе нужно взять себя в руки и уйти отсюда, прежде чем ты окончательно сломаешься.

— Мне… мне надо… — Глубокий вдох, чтобы успокоиться, — немного времени, чтобы обдумать ситуацию. Не сходишь ли к вашей главе и не скажешь ли, что я вскоре приду засвидетельствовать мое почтение?

Молодой человек мгновение смотрит на тебя искоса, но ты уже знаешь, что неплохо, если ты кажешься малость того. Он привык, что Стражи не от мира сего. Может, из-за этого он кивает и неуклюже хромает назад.

— Могу я задать тебе вопрос?

Нет.

— Да?

Он прикусывает губу.

— Что творится? Это как… В последнее время все не так. То есть, да, это Зима, но даже она не такая. Стражи забирают рогг в Эпицентр. Рогги творят неслыханные вещи. — Он показывает на груду Джиджи. — Вся ржавь ползет на север. Даже эти штуки в небе, обелиски… Все это… Люди всякое говорят. Что, может, мир снова не станет нормальным. Больше никогда.

Ты смотришь на Джиджу, а думаешь об Алебастре. Непонятно почему.

— Нормальность для одного означает Разлом для другого. — У тебя лицо болит от улыбки. Улыбаться так, чтобы другие поверили, — искусство, и у тебя выходит ужасно. — Было бы хорошо, если бы у всех все было нормально, конечно же, но не все хотят такого. И теперь все мы горим.

Он смотрит на тебя долгим, полным смутного ужаса взглядом. Затем что-то бормочет и, наконец, уходит, обходя Хоа по широкой дуге. Наконец-то.

Ты садишься на корточки рядом с Джиджей. В таком виде он прекрасен, драгоценный и разноцветный. Он чудовищен. За разноцветьем ты видишь безумное разбегание во все стороны

нитей магии в нем. Это совершенно не то, что случилось с твоей рукой и грудью. Его разнесло и собрало случайным образом на микроскопическом уровне.

— Что я наделала? — говоришь ты. — Чем я сделала ее?

Краем глаза ты видишь пальцы ног Хоа.

— Ты сделала ее сильной, — предполагает он.

Ты качаешь головой. Нэссун и так была сильной.

— *И дала остаться живой.*

Ты снова закрываешь глаза. Это единственное, что должно иметь значение, — ты привела в этот мир трех детей, и лишь эта, драгоценная, последняя, все еще дышит. И все же.

Я сделала ее мной. Чтоб нас обоих Земля сожрал, я превратила ее в **меня**.

И, может, потому Нэссун все еще жива. Но глядя на то, что она сделала с Джиджей, ты понимаешь, что не сможешь отомстить ему за Уке, поскольку *твоя дочь сделала это за тебя*… и потому ты в ужасе от нее.

Это как — как то, чего ты не встречала за все это время, киркхуша с окровавленной и покрытой пеплом мордой. Джиджа задолжал тебе за твоего сына, но ты, в свою очередь, в долгу пе-

ред Нэссун. Ты *не* спасла ее от Джиджи. Тебя *не было рядом,* когда она нуждалась в тебе, здесь, буквально на краю мира. Как смеешь ты считать, что защитишь ее? Она нашла себе более сильных защитников — Серого Человека и Шаффу. Она нашла силу, чтобы защитить себя. Ты так ею гордишься. И ты не посмеешь никогда больше приблизиться к ней.

Тяжелая, жесткая рука Хоа ложится на твое здоровое плечо.

— Неразумно оставаться здесь.

Ты мотаешь головой. Пусть приходят люди этой общины. Пусть поймут, что ты не Страж. Пусть, наконец, заметят твое сходство с Нэссун. Пусть принесут свои арбалеты и пращи, и… рука Хоа сжимается на твоем плече, как прихватка. Ты знаешь, что сейчас будет, и все равно не пытаешься взять себя в руки, когда он втягивает тебя в землю, назад, на север. На сей раз ты нарочно не закрываешь глаз, и зрелище не беспокоит тебя. Огни под землей ничто по сравнению с тем, что ты сейчас чувствуешь, мать-неудачница.

Вы двое выходите из земли в тихом уголке лагеря, хотя находится он у небольшой рощицы, которую, судя по запаху, многие использовали как отхожее место. Когда Хоа отпускает тебя, ты

идешь было прочь, затем останавливаешься. В голове у тебя пусто.

— Не знаю, что делать.

Хоа молчит. Камнееды не снисходят до ненужных движений или слов, да и свои намерения Хоа уже объяснил. Ты представляешь, как Нэссун разговаривает с Серым Человеком, и тихо смеешься, поскольку он кажется более живым и разговорчивым, чем его сородичи. Хорошо. Для нее он хороший камнеед.

— Я не знаю, куда идти, — говоришь ты. Ты недавно спала в палатке Лерны, но это не о том. У тебя внутри сгусток пустоты. Кровоточащая дыра. — У меня ничего не осталось.

— У тебя есть община и сородичи, — говорит Хоа. — Как только вы придете в Реннанис, у тебя будет дом. У тебя есть твоя жизнь.

Действительно есть? *У мертвых нет желаний*, гласит предание камня. Ты думаешь о Тиримо, где ты не стала ждать, пока за тобой придет смерть, и потому уничтожила общину. Смерть всегда с тобой. Смерть — это *ты*.

Хоа говорит тебе в сгорбленную спину:

— Я не могу умереть.

Ты хмуришься, выбитая из состояния меланхолии этим кажущимся замечанием невпопад.

Затем ты понимаешь — Хоа говорит, что его ты не потеряешь никогда. Он не погибнет, как Алебастр. Тебя никогда не накроет боль от потери Хоа так, как с Корундом и Инноном, Алебастром или Уке, или даже как сейчас — от гибели Джиджи. Ты никак не можешь причинить вред Хоа.

— Тебя любить безопасно, — в ошеломленном понимании шепчешь ты.

— Да.

Удивительно, но узел молчания в твоей груди лопается. Немного, но да, помогает.

— Как ты это делаешь? — спрашиваешь ты. Это трудно представить. Не иметь возможности умереть, даже если ты хочешь, даже если все, что ты знаешь и что тебе дорого, слабеет и гибнет. Продолжать, невзирая ни на что. Как бы ты ни устал.

— Двигаюсь вперед, — говорит Хоа.

— Что?

— *Двигаться. Вперед.*

А затем он исчезает, уходит в землю. Он где-то рядом, если он тебе понадобится. Но сейчас он прав: ты ничего не можешь. Не можешь думать. Ты хочешь пить, есть, ты устала. В этом углу лагеря воняет. Культя ноет. Сердце ноет еще сильнее. Однако ты делаешь шаг к лагерю. И еще один.

И еще.

Вперед.

* * *

2490: Антарктика близ восточного берега; безымянная сельхозобщина в двенадцати милях от города Джекити. Неизвестное происшествие привело к превращению всех жителей общины в стекло. (?? Это так? Стекло, не лед? Найти дополнительные источники.) Позднее второй муж главы обнаружен живым в Джекити, оказался роггой. После допроса с пристрастием милицией общины сознался, что каким-то образом сделал это. Утверждал, что это был единственный способ остановить извержение вулкана Джекити, хотя никаких признаков извержения не наблюдалось. Допрос прервал камнеед, убивший семнадцать членов милиции и забравший роггу в землю. Оба исчезли.

Проектные записки Ятра Инноватора
Дибарс

8
Нэссун под землей

БЕЛАЯ ЛЕСТНИЦА НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ, ИЗГИБАЯСЬ, ИДЕТ ВНИЗ. Туннель узкий, вызывает клаустрофобию, но воздух почему-то не застойный. Оказаться не под пеплопадом и так достаточно непривычно, но Нэссун замечает, что тут и пыли-то немного. Правда, странно? Здесь все странно.

— Почему тут нет пыли? — спрашивает по дороге Нэссун. Поначалу она разговаривает шепотом, но постепенно немного отходит. Все же это руины мертвой цивилизации, а она наслушалась много лористских баек о том, насколько опасны могут быть такие места. — Почему свет еще работает? А дверь, через которую мы вошли, она почему все еще работает?

— Понятия не имею, малышка. — Теперь Шаффа идет первым — на случай опасности. Нэссун не может видеть его лица, и ей приходится угадывать его настроение по его широким плечам. (Ее раздражает, что она делает это — постоянно наблюдает за ним, отслеживая малейшие пере-

мены настроения или напряжение. Этому она тоже научилась от Джиджи. Она вряд ли сможет поделиться этим с Шаффой или с кем-то еще.) Она видит, что он устал, но в остальном в порядке. Возможно, доволен, что они добрались сюда. Настороже — мало ли что они могут встретить, но они оба такие. — Когда имеешь дело с руинами, иногда ответ просто «потому».

— Ты… ты что-то помнишь, Шаффа?

Пожимает плечами, но не так беззаботно, как обычно.

— Обрывками. Больше почему, чем потому.

— Тогда почему? Почему Стражи приходят сюда Зимой? Почему просто не остаются на месте и не помогают общинам, к которым присоединяются, как ты в Джекити?

Ступеньки чуть широковаты для шага Нэссун, даже хотя она держится более узкой внутренней стороны. Периодически ей приходится останавливаться и ставить обе ноги на ступеньку, чтобы отдохнуть, а затем рысцой догонять Шаффу. Он идет размеренно сам по себе, но внезапно, как раз когда она задает вопрос, они достигают лестничной площадки. К великому облегчению Нэссун, Шаффа, наконец, останавливается и показывает, что они могут сесть и отдохнуть. Она все еще в

поту после бешеного прорыва сквозь травяной лес, хотя сейчас, когда она идет медленнее, пот начинает высыхать. Первый глоток воды из ее фляги сладок, пол под ногами приятно холодный, пусть и жесткий. Ее резко клонит в сон. Ну да, снаружи *ночь*, там, наверху, где сейчас резвятся кузнечики или цикады.

Шаффа роется в рюкзаке и протягивает ей кусок вяленого мяса. Она вздыхает и принимается за трудоемкий процесс его пережевывания. Он улыбается ее угрюмости и, наверное, чтобы утешить ее, в конце концов отвечает на ее вопрос.

— Мы уходим во время Зимы, поскольку нам нечего предложить общинам, малышка. Я не могу иметь детей, во-первых, что делает меня неидеальным для приема в общину. Сколько бы я ни помогал выживанию общины, это кратковременная польза. — Он пожимает плечами. — А без орогенов, о которых надо заботиться, с нами, Стражами, через некоторое время становится… трудно сосуществовать.

Потому что эта штука у них в голове заставляет их постоянно хотеть магии, осознает она. Орогены производят достаточно серебра, чтобы делиться, но глухачи-то — нет. Что случается, когда Страж берет серебро у глухача? Может, по-

тому Стражи и уходят — чтобы никто и не узнал.

— Откуда ты знаешь, что у тебя не может быть детей? — пристает она. Может, это слишком личный вопрос, но он никогда не был против, чтобы она такие задавала. — Ты пробовал?

Он пьет из своей фляги. Когда он опускает ее, у него ошеломленный вид.

— Было бы точнее сказать — мне *не следует* их иметь, — говорит он. — Стражи имеют черты орогении.

— О. — Мать или отец Шаффы обязаны были быть орогенами! Или, может, бабка и дед? Как бы то ни было, орогения в нем проявляется не так, как в Нэссун. Его матери — она решает наобум, что это была его мать, — не нужно было натаскивать его, или учить его лгать, или ломать ему руку.

— Везунчик, — бормочет она.

Он подносит флягу к губам, когда вдруг снова застывает. Что-то скользит по его лицу. Она научилась особенно хорошо понимать это выражение его лица, несмотря на то, что оно такое редкое. Иногда он забывает вещи, которые хотел бы помнить, но прямо сейчас он вспоминает то, что хотел бы забыть.

— Не особо. — Он касается затылка. Эта яркая,

въевшаяся в нервы сеть жгучего света в нем все еще активна — делает ему больно, тянет его, пытается сломать. В центре этой паутины сердечник, который кто-то вставил в него. Впервые Нэссун думает о том, *как* это было сделано. Она думает о длинном уродливом шраме на его затылке, из-за чего он и отращивает волосы, как думает она. Она чуть вздрагивает, думая о смысле этого шрама.

— Я не… — Нэссун пытается отвлечься от образа кричащего от боли Шаффы, которого кто-то *режет*. — Я не понимаю Стражей. В смысле, других. Я не… Они чудовищны.

Она даже представить себе не может, чтобы Шаффа был как они. Он некоторое время не отвечает, пока они пережевывают свою пищу. Затем тихо говорит:

— Я не помню подробностей, имен и большинства лиц. Но чувство осталось, Нэссун. Я помню, что *любил* тех орогенов, которым я был Стражем, — или хотя бы верил, что люблю их. Я хотел, чтобы они были в безопасности, даже если это означало поступать с ними немного жестоко, чтобы предотвратить большую жестокость. Все лучше, чем геноцид.

Нэссун хмурится.

— Что такое геноцид?

Он снова улыбается, но с грустью.

— Если все орогены выслежены и убиты, если каждому ребенку-орогену, рожденному после этого, ломают шею, и все вроде меня, несущие след орогении, стерилизованы, и даже мнение о том, что орогены тоже люди, отвергается… вот это и есть геноцид. Убивать людей, чтобы исчезла сама *идея* о том, что они люди.

— Ох. — Нэссун снова мутит, непонятно почему. — Но это же…

Шаффа наклоняет голову, соглашаясь с ее невысказанным *Но так ведь и происходит*.

— Это задача Стражей, малышка. Мы не даем орогении исчезнуть — поскольку люди этого мира без нее не выживут. Орогены необходимы. И поскольку вы необходимы, вам нельзя предоставлять *выбор*. Вы должны быть инструментами — а инструменты не могут быть людьми. Стражи хранят инструмент… и до возможной степени, сохраняя полезность инструмента, убивают личность.

Нэссун смотрит на него в упор, ощущая движение в себе как внезапное девятибалльное землетрясение. Таков путь мира — но нет. То, что происходит с орогенами, не просто проис-

ходит. Эти вещи были *устроены* так, чтобы они происходили, и это сделали Стражи после долгих лет своей работы. Может, они нашептывали эти мысли в уши всем военным предводителям или Лидерам еще до Санзе. Может, они даже были здесь во времена Раскола — внедрялись в обездоленные, перепуганные группы выживших, чтобы подсказать им, кого винить в своих несчастьях, как их найти и что сделать с этими преступниками.

Все считают орогенов ужасными и могущественными, и таковы они и есть. Нэссун уверена, что сможет смести Антарктику, если пожелает, хотя, вероятно, ей понадобится для этого сапфир, чтобы в результате не погибнуть.

Но, несмотря на все свое могущество, она лишь маленькая девочка. Ей надо есть и спать, как всем остальным маленьким девочкам, быть среди людей, если она надеется *продолжать* есть и спать. Людям для жизни нужны другие люди. А если ей придется бороться за жизнь против всех во всех общинах? Против всех песен и сказок, и истории, и Стражей, и ополчения, и Имперского закона и самого предания камня? Против отца, который не смог примирить понятия *дочь* и *рогга*? Против собственного отчаяния, когда она

думает о неподъемной задаче просто попытаться быть счастливой?

Чем тут поможет орогения? Может, поможет продолжать дышать. Но дышать — не всегда означает жить, и, возможно… возможно, геноцид не всегда оставляет трупы.

И теперь она более чем когда-либо уверена, что Сталь был прав. Она поднимает взгляд на Шаффу.

— Пока мир не сгорит. — Он сказал ей это, когда она рассказала ему, что намерена сделать при помощи Врат Обелисков. Шаффа моргает, затем улыбается нежной, чудовищной улыбкой человека, который всегда знал, что любовь и жестокость — две стороны одной монеты. Он привлекает ее к себе и целует в лоб, и она крепко обнимает его, счастливая, что у нее есть хотя бы один родитель, который любит ее как полагается.

— Пока мир не сгорит, малышка, — шепчет он ей в волосы. — Конечно.

* * *

Утром они возобновляют спуск по винтовой лестнице. Первым знаком перемены становится появление других перил на той стороне лестничного проема. Они сделаны из странного

материала, яркого блестящего металла, совсем не тронутого патиной или тусклостью. Теперь перила с двух сторон, и лестница расширяется, чтобы два человека могли пройти рядом. Затем винтовая лестница начинает разворачиваться — все еще спускаясь под тем же углом, но все менее и менее загибаясь, пока, наконец, не уходит прямиком во тьму. Примерно после часа ходьбы туннель внезапно открывается, стены и потолок исчезают. Теперь они спускаются по тропе освещенных, соединенных лестниц, без какой-то подпоры висящих в воздухе. Такие лестницы невозможны, их ничто не держит, кроме перил и, видимо, друг друга, но пока Нэссун и Шаффа идут вниз, нет никакой вибрации или скрипа. Из чего бы ни были сделаны ступени, этот материал куда крепче простого камня.

Теперь они спускаются в огромную пещеру. В темноте невозможно увидеть, насколько она велика, хотя на потолке пещеры через неравные интервалы расположены холодные белые светящиеся круги, из которых падают косые столбы света. Свет не выхватывает ничего. Дно пещеры — огромное пустое пространство, полное случайно расположенных груд песка. Но теперь, когда они очутились в том, что Нэссун считала

пустой магматической камерой, она может сэссить более четко, и сразу же понимает, насколько ошибалась.

— Это не магматическая камера, — потрясенно говорит она Шаффе. — Она вообще не была пещерой, когда этот город был построен.

— Что?

Она качает головой.

— Она не была *закрыта*. Это должно быть… не знаю. То, что остается от вулкана, когда он извергается полностью.

— Кратер?

Она коротко кивает, в возбуждении от осознания.

— Тогда он был открыт. Люди построили город в кратере. Но потом было еще одно извержение, прямо в центре города. — Она показывает вперед, во тьму; лестница идет прямо к тому, что она сэссит как эпицентр этой древней катастрофы. Но так не может быть. Второе извержение, в зависимости от типа лавы, должно просто уничтожить город и заполнить старый кратер. Вместо этого каким-то образом вся лава поднялась *вверх и над* городом, раскинувшись как небо, и застыла, образовав пещеру. И город в кратере остался более-менее неповрежденным.

— Это невозможно, — хмурится Шаффа. — Даже самая вязкая лава так себя не ведет. Но… — Лицо его затуманивается. Он снова пытается рыться в изувеченной и урезанной памяти — или просто потускневшей с веками. Нэссун порывисто хватает его за руку, чтобы подбодрить его. Он бросает на нее взгляд, рассеянно улыбается и снова хмурится. — Но я думаю… ороген *мог бы* такое сделать. Но потребовался бы ороген редкой силы и, возможно, помощь обелиска. Десятиколечник. Как минимум.

Нэссун растерянно хмурится. Смысл сказанного, однако, подходит: кто-то это *сделал*. Нэссун поднимает взгляд к потолку пещеры и запоздало понимает, что то, что она считала странными сталактитами, — она ахает — на самом деле отпечатки зданий, которых больше нет! Да, вон сужающееся место, которое должно было быть шпилем; там изогнутая арка; здесь геометрическая странность из спиц и изгибов, кажущаяся странно живой, как пластинки на шляпке гриба. Но хотя эти ископаемые отпечатки покрывают весь потолок пещеры, застывшая лава останавливается в нескольких сотнях футов над землей. Нэссун осознает, что «туннель», которым они шли, — также остатки здания. Оглядываясь, она

видит, что внешняя часть туннеля выглядит как раковина, вроде тех, которые ее отец порой использовал для тонких работ, — более твердая и сделанная из того же странного белого материала, что и плита на поверхности. Это должно было быть верхушкой здания. Но в нескольких футах ниже, где кончается свод, кончается и здание, и его сменяет эта странная белая лестница. Это наверняка сделали через некоторое время после катастрофы, но как? И кто? И зачем?

Пытаясь понять, что она видит, Нэссун все более пристально рассматривает пол пещеры. Песок по большей части бледный, хотя есть отдельные участки более темного серого и коричневого. В нескольких местах из песка, как кости из полузарытой могилы, торчат скрученные полосы металла или огромных сломанных фрагментов чего-то большего — может, других зданий.

Но это неправильно, понимает Нэссун. Здесь недостаточно материала, чтобы это было остатками города. Она видела немного руин или городов, раз уж на то пошло, но она читала о них и слышала рассказы. Она полностью уверена, что в городах должно быть полно каменных зданий и деревянных хранилищ и, может быть, даже металлические ворота и мощеные улицы. *Этот*

город, собственно говоря, ничто. Просто металл и песок.

Нэссун опускает руки, которые неосознанно подняла, пока ее бестелесные ощущения вспыхивали и обшаривали окружающее. Она, конечно же, смотрит вниз, оценивая расстояние между лестницей, на которой она стоит, и песчаным полом пещеры, которая словно распахивает пасть и растягивается еще сильнее. Это заставляет ее шагнуть назад, поближе к Шаффе, который кладет ей руку на плечо.

— Этот город, — говорит Шаффа. Она удивленно смотрит на него. Он выглядит задумчивым. — У меня в голове крутится какое-то слово, но я не знаю, что оно означает. Название? Что-то, имеющее смысл на ином языке? — Он мотает головой. — Но если это тот город, о котором я думаю, то я слышал рассказы о его великолепии. Некогда, говорят, в нем жили миллиарды людей.

Это кажется невозможным.

— В одном городе? А насколько большим был Юменес?

— Несколько миллионов. — Он улыбается, когда у нее раскрывается рот, затем несколько серьезнеет. — Сейчас во всем Спокойствии не может быть столько. Когда мы утратили Экваториали,

мы потеряли большую часть человечества. И все же мир некогда был еще больше.

Этого не может быть. Кратер вулкана не настолько велик. И все же… Нэссун начинает тихонько сэссить под песком и мусором, ища доказательства невозможного. Песок куда глубже, чем она думала. Однако глубоко под его поверхностью она находит спрессованные длинные прямые линии. Дороги? Еще фундаменты, хотя они продолговатые, округлые и других странных форм: в виде песочных часов, толстых S-образных кривых и чашеобразных углублений. Ни единого угла. Она задумывается о загадочном составе этих фундаментов, а затем внезапно осознает, что у всего этого есть оттенок чего-то минерализованного, щелочного. О, это окаменелости! Значит, изначально они были… Нэссун ахает.

— Это дерево, — выпаливает она. Деревянные фундаменты зданий? Нет, это что-то *вроде* дерева, но еще немного похоже на полимер, который ее отец обычно делал, и еще немного на этот странный не-камень лестницы, на которой они стоят. Все дороги, которые она может сэссить, в чем-то сходны. — *Прах*. Все там внизу, Шаффа. Это не песок, это прах! Это *растения*, много-много, мертвые так давно, что они высохли и искрошились.

И… — Ее взгляд тянет снова вверх, к лавовому своду. Как все это должно было выглядеть? Вся пещера подсвечена красным. Слишком горячий для дыхания воздух. Здания продержались дольше, достаточно долго, чтобы лава вокруг них начала застывать. Но все люди в городе зажарились в первые часы после того, как город был погребен в пузыре огня. Вот что еще в песке: бесчисленное множество людей, сгоревших дотла и выкрошившихся.

— Интригующе, — говорит Шаффа. Он опирается на перила, не обращая внимания на расстояние до земли, и смотрит на пещеру. У Нэссун желудок подводит от страха за него. — Город, построенный на растениях. — Затем его взгляд становится жестким. — Но больше здесь ничего не растет.

Да. Нэссун тоже это заметила. Сейчас она уже достаточно попутешествовала и повидала много других пещер, чтобы понять, что это место должно было бы кишеть жизнью, вроде лишайников, летучих мышей и белых слепых насекомых. Она переключает сознание на мир серебра, ища тонкие линии, которые должны быть везде среди такого количества живого осадка. Она находит их, и много, но… Что-то странное. Эти линии сливаются и фокусируются, тонкие нити становятся

более широкими каналами — прямо как магия течет в орогене. Она никогда не видела такого в растениях, или животных, или плодородной почве прежде. Эти более концентрированные потоки сливаются и продолжают течь вперед — в том направлении, куда ведет лестница. Она следует за ними насколько может, они становятся толще, ярче… и где-то впереди резко останавливаются.

— Там что-то плохое, — говорит Нэссун, и волоски на ее теле становятся дыбом. Она резко прекращает сэссить. Почему-то ей не хочется сэссить то, что там впереди.

— Нэссун?

— Что-то *поедает* это место, — выдавливает она, затем удивляется, почему она так сказала. Но теперь, когда слова сказаны, они кажутся ей правильными. — Потому тут ничего не растет. Что-то забирает всю магию. Без нее все мертво.

Шаффа долго смотрит на нее. Нэссун видит, что одна его рука ложится на рукоять стеклянного клинка у бедра. Ей хочется рассмеяться. Того, что впереди, не заколешь. Но она не смеется, потому что это жестоко и потому, что она настолько испугана, что если начнет смеяться, то уже не остановится.

— Мы не обязаны идти вперед, — предлагает

Шаффа. Это деликатное и отчаянно необходимое заверение того, что он не перестанет ее уважать, если она от страха откажется от своей миссии. Однако это раздражает Нэссун. У нее есть гордость.

— Н-нет. Идем. — Она громко сглатывает. — Пожалуйста.

— Хорошо.

И они продолжают идти. Кто-то или что-то прорыло туннель в пыли, под и вокруг нее невозможной лестницей. Продолжая спускаться, они проходят мимо гор этого материала. Но сейчас Нэссун, однако, видит другой туннель впереди. Этот проложен в полу пещеры — наконец-то, — и вход в него чудовищно огромен. Концентрические арки, вырезанные из мрамора разных оттенков, теряются высоко вверху, когда лестница наконец достигает плоского каменного пола и переходит в него. Дальше туннель сужается; за ним лишь тьма. Пол на входе кажется полированным, выложенным плиткой, переходящих друг в друга синего, черного и темно-красного цветов. Это яркий и приятный цвет, отдых для глаз, насмотревшихся на белый и серый, и все же невероятно странный.

Каким-то образом пыли не натянуло в этот вход. Сквозь эту арку могли проходить десятки,

сотни людей в минуту. Однако сейчас там стоит лишь один, глядя на них из-под полосы розового мрамора, так контрастирующего с его бледными, бесцветными чертами. Сталь.

Он не двигается, когда Нэссун подходит к нему. (Шаффа тоже. Но медленнее и настороженнее.) Серый взгляд Стали прикован к предмету рядом с ним, который незнаком Нэссун, но ее мать его узнала бы — это шестигранное возвышение, поднимающееся из пола, как кристалл дымчатого кварца со срезанной верхушкой. Его поверхность чуть наклонна. Рука Стали протянута словно в жесте представления. *Для тебя.* Нэссун смотрит на срез. Тянется к нему и отдергивает руку, как только по его краю вспыхивает свет, прежде чем ее пальцы успевают коснуться наклонной поверхности. Яркие красные значки висят в воздухе над кристаллом, рисуя символы в пустом пространстве. Она понятия не имеет, что это значит, но цвет ее нервирует. Она смотрит на Сталь, который не шевелится и выглядит так, будто он так и стоял с того момента, как это место было построено.

— Что они говорят?

— То, что транспортное средство, о котором я тебе говорил, в настоящий момент в нерабочем

состоянии, — рокочет голос внутри Стали. — Тебе придется снабдить его энергией и перезагрузить прежде, чем мы сможем воспользоваться этой станцией.

— Пере… загрузить? — Она пытается понять, как погрузка чего-то связана с древними руинами, затем решает заняться той частью, которую поняла. — И как я дам энергию?

Внезапно Сталь меняет положение, повернувшись к арке, которая ведет дальше вглубь станции.

— Зайти внутрь и дать мощность у корня. Я останусь здесь и включу последовательность запуска, как только мощность будет достаточной.

— Что? Я не…

Его серые на сером глаза устремляются на нее.

— Поймешь, когда войдешь.

Нэссун прикусывает щеку изнутри, заглядывая в проход. Там действительно темно.

Рука Шаффы касается ее плеча.

— Я, конечно, пойду с тобой.

Конечно. Нэссун сглатывает и благодарно кивает. Затем они с Шаффой вступают во тьму. Но тьма держится недолго. Как это было на белой лестнице, маленькие панели света начинают загораться по стенам туннеля по мере их про-

движения. Они тусклые и желтоватые, словно старые, изношенные или… *усталые*. Почему-то в голове у Нэссун всплывает это слово. Света достаточно, чтобы высвечивать края плитки у них под ногами. Вдоль стен туннеля тянутся двери и ниши, и в одном месте Нэссун видит странное сооружение, торчащее из стены на высоте десяти футов. Похоже на… тележную раму? Без колес или ярма, и впечатление такое, что телега сделана из того же ровного материала, что и лестница, и еще кажется, что она едет по каким-то колеям в стене. Она явно сделана для перевозки людей; может, так люди, которые не могли или не хотели ходить, передвигались? Сейчас она неподвижная и темная, навеки прикованная к стене там, где возница ее оставил.

Они замечают особенный голубоватый свет, подсвечивающий туннель впереди, но это недостаточное предупреждение о том, что дорога внезапно свернет налево и они окажутся в другой пещере. Она намного меньше и не забита прахом, или, по крайней мере, его немного. Но в ней огромная колонна твердого иссиня-черного вулканического стекла.

Она огромная, неровная и невозможная. Нэссун смотрит, разинув рот, на эту *штуку*, заполня-

ющую почти всю пещеру от пола до потолка и уходящую дальше. Сразу же становится понятно, что это затвердевший, быстро застывший продукт чудовищного извержения. Так же несомненно, что это каким-то образом натекший в соседнюю пещеру материал лавового свода.

— Вижу, — говорит Шаффа. Хотя он и потрясен, его голос несколько смягчен восхищением. — Смотри. — Он показывает вниз. Это наконец помогает Нэссун найти фокусную точку, чтобы оценить перспективу, размер и расстояние. Эта штука огромна, поскольку теперь может видеть спускающиеся ярусы у ее основания, охватывающие ее восьмиугольниками. Их три. На самом внешнем стоят здания, думает она. Они сильно повреждены, наполовину обрушились внутрь, просто оболочки, но она сэссит сразу же, почему они все еще существуют, когда те, что в соседней пещере, рухнули. Жар, заполнивший эту пещеру, изменил что-то в конструкции этих зданий, и они стали жестче и сохранились. Тут еще был и какой-то толчок, тоже причинивший повреждения: все здания разорваны с одной и той же стороны, повернутой к гигантской стеклянной колонне. Судя по тому, что ей кажется трехэтажным зданием, она прикидывает, что колонна не так далеко

от них, как кажется; просто гораздо больше, чем она сначала оценивала. Величиной с… ох.

— Обелиск, — шепчет она. Затем она сэссит и понимает, что произошло, так же четко, как если бы сама была здесь.

Давным-давно из дна этой пещеры как диковинное растение торчал обелиск, одной вершиной в землю. В какой-то момент обелиск вырвался из ямы, поплыл, мерцая, как его собратья, над странной громадностью города — и тут что-то пошло очень, очень не так. Обелиск… упал. Там, где он ударился о землю, Нэссун почти слышит эхо сотрясения; он не просто упал, он *вошел в*нутрь, пробивая и прожигая себе путь, со всей мощью концентрированного серебра в его сердечнике. Нэссун не может отследить его путь более чем на милю вниз, но нет причины думать, что он просто не продолжал идти вниз. Куда, она не может догадаться. И следом за ним, прямо наверх из расплавленного тела земли буквально забил огненный фонтан, накрыв город.

Вокруг нет ничего, что было бы похоже на способ подать мощность на станцию. Однако Нэссун замечает, что освещение пещеры исходит из огромных пилонов голубого света у основания стеклянной колонны. Они составляют самый

нижний и ближний к колонне ярус. *Что-то* создает этот свет.

Шаффа тоже пришел к тому же выводу.

— Туннель кончается здесь, — говорит он, показывая на эти голубые пилоны у основания колонны. — Идти больше некуда кроме как к основанию этой громадины. Но ты уверена, что хочешь идти по следу того, кто это сделал?

Нэссун прикусывает нижнюю губу. Она не уверена. Здесь есть какая-то неправильность, которую она сэссит с лестницы, хотя и не может сказать, откуда она исходит. И все же…

— Сталь хочет, чтобы я увидела то, что находится внизу.

— А ты уверена, что хочешь делать то, чего желает он, Нэссун?

Не уверена. Стали нельзя доверять. Но она уже вступила на путь разрушения мира; чего бы там ни хотел Сталь, хуже не будет. Потому, когда Нэссун кивает, Шаффа просто покорно склоняет голову и протягивает ей руку, чтобы они могли вместе спуститься по дороге к пилонам.

Идти сквозь три яруса по ощущениям все равно что через кладбище, и потому Нэссун чувствует, что надо хранить почтительное молчание. Между зданиями она видит обугленные мостики, оплав-

ленные стеклянные желоба, в которых некогда росли растения, странные тумбы и структуры, о назначении которых она не догадалась бы, даже не будь они наполовину оплавлены. Она решает, что эта тумба — для привязи лошадей, а эта рама находится там, где дубильщики растягивали на просушку кожи. Подставлять знакомое на место незнакомого не очень получается, конечно же, поскольку в этом городе все ненормальное. Если жившие в нем люди ездили верхом, то уж не на лошадях. Если они делали посуду или инструменты, то уж не из глины и обсидиана, и мастера, делавшие такие вещи, явно не были простыми резчиками. Эти люди построили, а затем потеряли контроль над обелиском. Кто знает, какими чудесами и ужасами были полны их улицы.

В тревоге Нэссун тянется вверх, чтобы коснуться сапфира, просто чтобы убедиться, что она может сделать это сквозь тонны остывшей лавы и окаменевшего разрушающегося города. До него просто дотянуться, словно он здесь, и это приносит облегчение. Он легонько тянет ее — насколько нежно это может сделать обелиск, — и на миг она позволяет себе быть затянутой в его текучий водянистый свет. Это ее не пугает; Нэссун доверяет обелиску настолько, насколько

можно доверять неодушевленному предмету. Именно эта штука рассказала ей о Сердечнике, в конце концов, и теперь она ощущает еще одно послание в мерцающих промежутках его плотно сплетенных линий…

— Наверх, — выдает она, испугавшись сама себя.

Шаффа останавливается и смотрит на нее.

— Что?

Нэссун приходится помотать головой, чтобы привести мысли в порядок и вынырнуть из синевы.

— Ме… место, чтобы дать энергию. Оно наверху, как и сказал Сталь. За треком.

— Треком? — Шаффа оборачивается, глядя вниз на наклонный мостик. Впереди наверху второй уровень — гладкая однообразная равнина из этого белого не-камня. Люди, строившие обелиски, похоже, использовали этот материал во всех своих самых древних и самых прочных руинах.

— Сапфир… знает это место, — пытается объяснить она. Это корявое объяснение, все равно что пытаться объяснить глухачу, что такое орогения. — Не само это место, но что-то вроде него… — Она снова тянется к нему, без слов прося большего, и ее чуть не сбивает с ног синее мер-

цание образов, чувств, *воззрений*. Ее перспектива меняется. Она стоит в центре трех ярусов, уже не в пещере, а лицом к голубому горизонту, по которому, клубясь, несутся чудесные облачка, исчезают и вновь возрождаются. Ярусы вокруг нее кипят деятельностью — хотя все это сливается, и то, что ей удается поймать несколько мгновений покоя, не имеет смысла.

Странные транспортные средства вроде машины, которую она видела в туннеле, бегают по стенам зданий, следуя по трекам разноцветного света. Здания *покрыты* зеленью, лозами, у них травянистые крыши, и цветы обвивают косяки и стены. Люди — сотни людей — входят и выходят из домов, ходят взад и вперед по дорожкам в непрерывном мазке движения. Она не может видеть их лиц, но ловит всплеск черных волос, как у Шаффы, серьги с искусными узорами из завитков лоз, платье, обмотавшееся вокруг лодыжек, пальцы, сверкающие цветным лаком. И везде, *повсюду* серебро под движением и теплом, материал обелиска. Оно вьет паутину и течет, сливаясь не в ручейки, а в реки, и когда она смотрит вниз, она сэссит, что стоит в озере жидкого серебра, входящего в нее через стопы, — Нэссун чуть пошатывается, приходя в себя на сей раз,

и Шаффа крепко берет ее за плечи, чтобы она не упала.

— Нэссун.

— Все в порядке, — говорит она. Она не уверена, но все равно так говорит, поскольку не хочет его беспокоить. И поскольку это легче сказать, чем *Я думаю, что на минуту попала в обелиск*.

Шаффа обходит ее и садится перед ней на корточки, беря ее за плечи. Тревога на его лице почти — почти — стирает усталые складки, намек на помрачение и прочие признаки той борьбы, что нарастает в нем. Здесь, под землей, его боль усиливается. Он этого не говорит, но Нэссун не знает, почему она усиливается, однако видит это. Но.

— Не верь обелискам, малышка, — говорит он. То, что он это говорит, вовсе не кажется таким странным или неправильным, как должно бы. Нэссун порывисто обнимает Шаффу; он крепко прижимает ее к себе, ласково гладя по спине. — Мы немногим позволяли прогрессировать, — шепчет он ей на ухо. Нэссун моргает, вспоминая несчастную, безумную, смертоносную Ниду, которая однажды сказала то же самое. — Там, в Эпицентре. Мне позволили вспомнить, поскольку это важно. Те немногие, которые достигали статуса девяти– или десятиколечника…

они всегда могли чувствовать обелиски, и обелиски тоже чувствовали их. Их тянуло к ним так или иначе. Им чего-то недоставало, они ощущали себя неполными, и, чтобы получить это, им были нужны орогены. Но обелиски убивали их, моя Нэссун. — Он прижимается лицом к ее волосам. Она грязна, толком не мылась после Джекити, но его слова сметают такие мирские мысли. — Обелиски… я *помню*. Они изменят, переделают тебя, если смогут. Именно этого хотят эти ржавые камнееды.

На миг его руки твердеют, напоминая о былой силе, и это самое прекрасное чувство в мире. Она знает, что в такой момент он не дрогнет, всегда будет рядом, когда он ей нужен, никогда не превратится в просто сомневающееся живое существо. И она любит его больше жизни за эту силу.

— Да, Шаффа, — обещает она. — Я буду осторожна. Я не дам им победить.

Ему, думает она и понимает, что он тоже так думает. Она не даст *Стали* победить. Как минимум, сначала она получит то, что хочет.

Итак, они решились. Когда Нэссун выпрямляется, Шаффа кивает, прежде чем встать. Они снова идут вперед.

Самый внутренний ярус находится в синей, мрачной тени стеклянной колонны. Эти пилоны больше, чем казались издали, — раза в два выше Шаффы, в три-четыре раза шире, и теперь, когда Нэссун и Шаффа подошли поближе, слышно, что они тихонько гудят. Они стоят кругом вокруг того места, где прежде покоился обелиск, словно буфер, защищающий два внешних яруса. Как частокол, отгораживающий кипящую жизнь города от… этого.

Это: сначала Нэссун кажется, что это самый густой в мире терновник. Эти колючие лозы вьются и переплетаются на земле и поднимаются по внутренней поверхности пилонов, заполняя все доступное пространство между ними и стеклянной колонной. Затем она видит, что это не терновые лозы — листьев нет. И шипов. Просто витые, скрученные, подобные веревкам лианы чего-то, что выглядит древесным, но пахнет как плесень.

— Как странно, — говорит Шаффа. — Что-то живое в конце концов?

— М… может, они не живые? — Они действительно кажутся мертвыми, хотя выделяются тем, что в них до сих пор можно узнать растения, а не прах на земле. Нэссун тут не нравится — среди

этих уродливых лоз и в тени стеклянной колонны. Может, пилоны как раз и нужны для того, чтобы город не видел этих гротескных лоз? — И, может, они выросли тут после… всего.

Затем она моргает, замечая что-то новое в ближайшей лозе. Она отличается от остальных вокруг нее. Они-то явно мертвые, сморщенные и почерневшие, сломанные в некоторых местах. А эта выглядит так, словно может быть живой. Она жилистая и местами узловатая, с древесной с виду поверхностью, которая выглядит старой и грубой, но целой. Под ней пол устилает мусор — сероватые комки, пыль, обрывки сухой истлевшей ткани и даже истлевший кусок истрепанной веревки.

Вот с чем Нэссун боролась все время с тех пор, как вошла в пещеру стеклянной колонны; кое о чем она даже не хочет знать. Однако сейчас она закрывает глаза и тянется в лозу своим серебряным ощущением.

Поначалу это трудно. Клетки этой штуки — поскольку она *жива* — скорее клетки грибка, чем лозы, но есть и нечто искусственное и механическое в том, как она функционирует, — они спрессованы настолько плотно, что она даже не ожидает увидеть среди них серебро. Плотнее

материи человеческого тела. Структура этого вещества на самом деле почти кристаллическая, клетки выстроены маленькими аккуратными матрицами, которых она прежде никогда не видела в живом.

И теперь, когда Нэссун заглянула в промежутки вещества лозы, она видит, что там нет серебра вообще. Вместо этого… Она не знает, как это описать. Отрицательное пространство? То, где должно быть серебро, но его нет. Пространство, которое *может быть заполнено* серебром. И пока она осторожно его исследует, загипнотизированная, она начинает замечать, что оно притягивает ее сознание, все сильнее и сильнее, пока — Нэссун ахает и вырывается.

Ты поймешь, что делать, сказал Сталь. *Это должно быть очевидно*.

Шаффа, который присел, чтобы рассмотреть обрывок веревки, замирает и настороженно смотрит на нее.

— Что это было?

Она смотрит на него, но у нее нет слов, чтобы объяснить, что надо сделать. Таких слов не существует. Однако она знает, что нужно сделать ей. Нэссун делает шаг к живой лозе.

— Нэссун, — говорит Шаффа натянутым и пол-

ным внезапной тревоги голосом.

— Я должна, Шаффа, — говорит она. Она уже поднимает руки. Сюда уходит все серебро внешней пещеры, понимает теперь она; эти лозы ели ее. Почему? В самой древней и самой глубокой бездне структуры ее плоти есть понимание, почему. — Я должна, м-м-м, запитать систему.

И прежде, чем Шаффа успевает ее остановить, Нэссун обнимает обеими руками лозу.

Это не больно. В этом и есть западня. Ощущение, распространяющееся по ее телу, на самом деле приятное. Расслабляющее. Если бы она не могла чувствовать серебра или того, как лоза внезапно начинает вытягивать все серебро из пространства между ее клетками, она подумала бы, что лоза делает для нее нечто хорошее. На самом деле это убьет ее в мгновение ока. Однако у нее есть доступ к большему количеству серебра, чем ее собственное. Лениво, сквозь слабость, Нэссун тянется к сапфиру — и сапфир отвечает сразу же, легко.

Усилители, называл их Алебастр задолго до того, как родилась Нэссун. Ты назвала бы их *батареями*, как ты некогда объясняла Юкке.

Нэссун понимает лишь, что обелиски просто *двигатели*. Она видела, как работают двигате-

ли — простые помпово-турбинные устройства, которые регулировали гео– и гидродвигатели в Тиримо, и порой более сложные, как зерновые элеваторы. Ее знаниями о двигателях сейчас и наперсток не наполнишь, но даже десятилетке понятно: чтобы работать, двигателю нужно топливо.

И она течет с синевой, и сила сапфира течет в ней. Лоза в ее руках словно ахает от внезапного прилива, хотя это всего лишь ее воображение, она в этом уверена. Затем лоза гудит в ее руках, и она видит, как пустые, зияющие провалы ее матрицы заполняются и текут мерцающим серебряным светом, и что-то немедленно направляет этот свет куда-то еще…

Громкий треск раскатывается по пещере. За ним следуют другие, более слабые звуки, с ускоряющимся ритмом, поднимающиеся до низкого гула. В пещере внезапно светлеет, когда синие пилоны становятся белыми и загораются ярче, как и усталые желтые огни, по которым они шли по мозаичному туннелю. Нэссун вздрагивает даже в глубине сапфира, и в мгновение ока Шаффа отрывает ее от лозы. У него трясутся руки, которыми он прижимает ее к себе, он не говорит ничего, его облегчение просто ощутимо, когда он позволяет

Нэссун отбиваться от него. Она внезапно так опустошена, что лишь его объятия ее поддерживают. И в это время что-то приближается по треку. Это что-то призрачное, радужно-зеленое, как жук, изящное, гладкое и почти молчаливое. Оно появляется откуда-то из-за стеклянной колонны. Для Нэссун все это не имеет смысла. Тело этой штуки вроде как каплеобразное, хотя ее более узкий, острый конец асимметричен, кончик загибается высоко над землей, словно вороний клюв.

Она огромна, величиной с дом, и все же она парит в нескольких дюймах над дорожкой без всякой поддержки. Материал невозможно определить, хотя у него вроде бы есть… кожа? Да, вблизи Нэссун видит, что поверхность у этой штуки имеет морщинистую текстуру толстой, хорошо выделанной кожи. Тут и там она видит на ней странные, различной величины бугорки, каждый где-то размером с кулак, и очевидного предназначения у них нет. Эта штука размывается и мерцает. От плотности к прозрачности и обратно, прямо как обелиск.

— Очень хорошо, — говорит Сталь, внезапно возникающий перед ними с одной стороны этой штуки.

Нэссун слишком выжата, чтобы вздрогнуть,

хотя и приходит в себя. Руки Шаффы инстинктивно твердеют на ее плечах, затем расслабляются. Сталь игнорирует их обоих. Одна рука камнееда поднимается в сторону этой странной парящей штуки, как если бы горделивый художник показывал на свое последнее творение. Он говорит:

— Ты дала системе даже больше энергии, чем необходимо. Этот избыток, как ты видишь, ушел в освещение и прочие системы, вроде системы контроля окружающей среды. Бесполезное дело, но, думаю, беды не будет. Через несколько месяцев они ее выберут, поскольку источника дополнительной энергии нет.

Голос Шаффы очень тих и холоден.

— Это могло бы убить ее.

Сталь по-прежнему улыбается. Нэссун, в конце концов, начинает подозревать, что это попытка Стали пародировать улыбку Стражей.

— Да, не используй она обелиск. — В его тоне нет ни нотки сожаления. — Когда кто-то пытается зарядить систему, дело обычно кончается смертью. Орогены, способные проводить магию, могут, однако, это пережить — как и Стражи, которые, как правило, могут черпать из внешнего ресурса.

Магию? — в мимолетном смятении думает

Нэссун.

Но Шаффа цепенеет. Нэссун поначалу смущена его яростью, а затем понимает: обычные Стражи, не осквернённые, тянут серебро из земли и передают в лозы. Стражи вроде Умбры и Ниды, возможно, тоже могут это делать, хотя лишь если служат интересам Отца-Земли. Но Шаффа, несмотря на сердечник в голове, не может полагаться на серебро Земли и больше не может его брать по желанию. Если лоза и угрожала Нэссун, то лишь из-за неадекватности Шаффы. Или это имеет в виду Сталь. Нэссун недоверчиво смотрит на него, затем снова поворачивается к Шаффе. Она уже отчасти восстановила силы.

— Я знала, что могу, — говорит она. Шаффа по-прежнему в гневе смотрит на Сталь. Нэссун зажимает в кулаках его рубашку и заставляет посмотреть на нее. Он моргает и удивленно повинуется. — Я знала! И я не *позволила* бы тебе накачать лозы, Шаффа. Это из-за меня…

Голос ее прерывается, горло перехватывают слезы. Отчасти это просто нервы и утомление. Но все же прежде всего это чувство вины, которое таилось в ней и росло долгие месяцы и лишь теперь выплеснулось наружу, поскольку она слишком устала сдерживать его. *Это она виновата* в том,

что Шаффа потерял все: Найденную Луну, детей, которых опекал, компанию друзей-Стражей, надежную силу, которая должна была исходить из его сердечника, даже спокойный сон по ночам. Из-за нее он здесь, среди праха мертвого города, и вот почему они должны довериться машинерии даже более древней, чем Санзе и, наверное, все *Спокойствие,* и пойти в невозможное место, чтобы сделать невозможное дело.

Шаффа тут же все это понимает со своим долгим опытом охранителя детей. Он перестает хмуриться, качает головой и садится, чтобы быть лицом к лицу с ней.

— Нет, — говорит он. — Ты ни в чем не виновата, моя Нэссун. Чего бы это ни стоило мне и что бы ни пришлось заплатить в дальнейшем, всегда помни, что я… Что я…

Его лицо вздрагивает. На какое-то мгновение на нем возникает это размытое, ужасное смятение, угрожающее уничтожить даже тот момент, в который он хочет объявить ей о своей стойкости. Нэссун затаивает дыхание, сосредотачивается на нем в серебре и скалится, видя, что сердечник в нем снова ожил, злобно дергая его нервы и паучьими лапами щупая его мозг, даже сейчас пытаясь пришпорить его. *Нет*, с внезапной

яростью думает она. Она хватает его за плечи и встряхивает. Ей приходится делать это всем телом, поскольку он такой большой, но это заставляет его моргнуть и сфокусировать взгляд.

— Ты Шаффа, — говорит она. — Ты есть! И ты… ты *выбрал*. — Потому, что это важно. Именно таких деяний от людей вроде них боится мир. — Ты больше не мой Страж, ты… — она наконец осмеливается сказать это вслух. — Ты мой новый отец. Хорошо? И з… значит, что мы семья, и… и мы должны действовать вместе. Ведь так поступает семья, верно? Позволь мне иногда защищать *тебя*.

Шаффа неотрывно смотрит на нее, затем вздыхает и наклоняется поцеловать ее в лоб. Он не отстраняется после поцелуя, прижавшись носом к ее волосам; Нэссун с огромным усилием удерживается от слез. Когда он наконец заговаривает, эта ужасная размытость блекнет, как и болезненные складки вокруг его глаз.

— Хорошо, Нэссун. *Иногда* ты можешь защищать меня.

Уладив дело, она шмыгает носом и вытирает его рукавом, затем поворачивается к Стали. Он не изменил положения, так что она подходит к нему и останавливается прямо перед ним. Его взгляд

следует за ней, лениво-медленно.

— Не делай так больше. — Она почти ожидает, что он скажет, слишком заумным тоном — *Не делать чего?*

Вместо этого он говорит:

— Зря мы взяли его с собой.

Холод охватывает Нэссун, затем жар. Это угроза или предупреждение? В любом случае ей это не по нраву. Она так стискивает челюсти, что чуть не прикусывает язык, пытаясь заговорить.

— Мне плевать на твое мнение.

В ответ — молчание. Капитуляция? Согласие? Отказ спорить? Нэссун не знает. Ей хочется заорать на него: *Скажи, что ты больше не причинишь боли Шаффе!* Хотя кричать на взрослого неправильно. Но за последние полтора года ты узнала, что взрослые тоже люди, и иногда они ошибаются, и порой кому-то *надо* накричать на них. Но Нэссун устала, так что она возвращается к Шаффе, крепко берет его за руку и гневно смотрит на Сталь, ожидая, что он еще что-то скажет. Но он молчит. Хорошо.

Огромная зеленая штука вроде как идет волнами, и все они поворачиваются к ней. Что-то — Нэссун вздрагивает, одновременно от отвращения и восхищения. Что-то *вырастает* из

странных модулей на поверхности этой штуки. Каждое длиной в несколько футов, узкое, похожее на перо, истончающееся к кончику. Вмиг их становится несколько десятков, они качаются и сгибаются на неощутимом ветру. *Жгутики*, внезапно думает Нэссун, вспоминая картинку в старинной биомеcтрической книжке в яслях. Конечно. Почему бы людям, которые делали дома из растений, не сделать и повозки, выглядящие как бактерии?

Некоторые из жгутиков дрожат быстрее остальных, собираясь вместе на миг в точке на боку штуковины. Затем перышки втягиваются, распластываются по перламутровой поверхности, открывая мягкий квадрат двери. За ней Нэссун видит мягкий свет и удивительно уютные кресла, стоящие рядами. Они с комфортом поедут на ту сторону света.

Нэссун поднимает взгляд на Шаффу. Он кивает в ответ, играя желваками. Она не смотрит на Сталь, который не двигается и не пытается присоединиться к ним.

Затем они забираются внутрь, и жгутики заплетают дверь у них за спиной. Когда они садятся, большая повозка издает низкий раскатистый гудок и начинает движение.

*** * ***

Богатство ничто, когда падает пепел.

Табличка Третья, «Структуры», стих десятый

Сил Анагист: Два

ЭТО ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ, КОМПАКТНОЕ, но элегантное и с красивой обстановкой. Мы смотрим на его арки, книжные шкафы и деревянные балясины. На целлюлозных стенах растут лишь несколько растений, так что воздух внутри сухой и немного застоявшийся. Ощущение как в музее. Мы собираемся вместе в большой комнате в передней части дома, боясь пошевелиться, боясь коснуться чего-нибудь.

— Ты здесь живешь? — спрашивает Келенли один из нас.

— Иногда, — говорит она. Лицо ее бесстрастно, но что-то в ее голосе тревожит меня. — Следуйте за мной.

Она ведет нас через дом. Здесь чрезвычайно комфортно — каждая поверхность мягкая и пригодная для сидения, даже пол. Но меня поражает, что здесь нет ничего белого. Стены зеленые и в некоторых местах покрашены в густой, яркий винный цвет. В следующей комнате кровати накрыты голубой и золотой тканью контрастных текстур. Нет ничего жесткого и непокрытого, и я

прежде даже и не *думал*, что комната, в которой я живу, — тюремная камера, но сейчас мне в первый раз это приходит в голову.

Я думал о многих новых вещах в этот день, особенно во время нашего посещения этого дома. Мы гуляли целый день, у нас с непривычки ноют ноги, и по дороге на нас постоянно пялятся люди. Некоторые шепчутся. Один протянул руку, чтобы погладить мои волосы, и хихикнул, когда я запоздало отдернулся. В какой-то момент за нами увязался какой-то мужчина. Пожилой, с короткими седыми волосами почти такой же текстуры, как у нас. Он начал говорить злые слова. Некоторые я не знал («ньесские ублюдки» и «двуязычные», например). Некоторые я знал, но не понимал. («Ошибки» и «надо было вас всех извести», что не имеет смысла, поскольку нас сделали специально и очень тщательно.) Он обвинял нас во *лжи*, хотя никто из нас с ним не говорил, кричал, что мы лишь сделали вид, что ушли (куда-то). Он сказал, что его родители и родители его родителей учили его, что настоящие твари, настоящие враги, чудовища вроде нас — враги всех хороших людей, и что он уж постарается, чтобы мы больше не причинили зла никому. Затем он подошел ближе, поднимая

большие кулаки. Когда мы стали спотыкаться, глядя на него, растерянные настолько, что даже не понимали, что мы в опасности, некоторые из наших неприметных охранников внезапно стали более заметными и затащили мужчину в альков здания, где держали его, пока он орал и пытался добраться до нас. Келенли все это время продолжала вести нас вперед, с высоко поднятой головой, не глядя на мужчину. Мы шли следом, не понимая, что еще делать, и через некоторое время мужчина отстал, и звуки города заглушили его слова.

Позже Гэва, которую немного трясло, спросила Келенли, что не так было с этим злым человеком. Келенли тихо рассмеялась и сказала:

— Он силанагистанец. — Гэва растерянно затихла. Мы все послали ей короткие импульсы, что мы тоже растеряны и так же озадачены, и проблема не в ней. Это нормальная жизнь Сил Анагиста, понимаем мы, идя сквозь нее.

Нормальные люди на нормальных улицах. Нормальные прикосновения, от которых нам стыдно, мы напрягаемся или быстро пятимся. Нормальные дома с нормальной обстановкой. Нормальные взгляды, которые сразу отводят, или хмурые, или которые раздевают нас. Каждым

проблеском нормальности город показывает нам, насколько мы ненормальны. Прежде меня совершенно не смущало, что мы просто конструкции, созданные при помощи генджинерии мастерами-биомагестами и выросшие в капсулах с питательной слизью, выделенные уже полностью выросшими, чтобы нас не надо было выкармливать. До сих пор я… гордился тем, что я есть. Я был доволен. Но теперь я вижу, как на нас смотрят эти нормальные люди, и сердце мое ноет. Я не понимаю, почему.

Возможно, прогулка повредила меня.

Теперь Келенли ведет нас сквозь этот причудливый дом. Мы проходим в дверь и находим за домом огромный раскидистый сад. Вдоль ступеней и тропинок повсюду клумбы, аромат цветов привлекает нас. Это не те совершенные генджинированные клумбы возле дома с их скоординированными по цвету мигающими цветами; здесь растут дикие и, возможно, худшие цветы, их стебельки хаотичны по высоте, а лепестки часто совсем несовершенны. И все же… мне они нравятся. Покрывающий дорожки ковер лишайников заставляет рассматривать его пристальнее, потому мы общаемся короткими волновыми импульсами, пригибаясь и пытаясь

понять, почему он ощущается так пружинисто и приятно у нас под ногами. Ножницы, висящие на жерди, будят любопытство. Я борюсь с порывом срезать себе несколько прелестных пурпурных цветков, хотя Гэва пробует ножницы и затем сжимает несколько цветков в руке, крепко, яростно. Нам никогда не позволяли ничем обладать. Я исподтишка, неотвязно слежу за Келенли, наблюдающей за нашими играми. Интенсивность моего интереса немного смущает и пугает меня, хотя противиться я не могу. Мы всегда знали, что проводникам не удалось сделать нас лишенными эмоций, но мы… ладно. *Я* считал, что мы выше такой *интенсивности* чувств. Это я считал надменностью. И вот — мы тонем в чувствах и реакциях. Гэва съежилась в углу с ножницами, готовая защищать свои цветы до смерти. Душва нарезают круги, безумно смеясь — я не уверен, чему именно. Бимнива загнала в угол одного из наших охранников и засыпает его вопросами по поводу того, что мы видели по дороге сюда; у охранника затравленный вид, и он, похоже, надеется на спасение. Салева и Ремва заняты напряженным разговором, сидя на корточках возле маленького прудика, пытаясь понять, кто плавает в нем — рыбки или лягушки. Их разговор

полностью звуковой, земноречи совсем нет.

А я, дурак, смотрю на Келенли. Я хочу понять, что мы должны, по ее мнению, понять — как из того шедевра в музее, так и из нашей полуденной идиллии в саду. Ее лицо и сэссапины ничего не выдают, но это нормально. Я хочу просто посмотреть в ее лицо и окунуться в ее глубокое, мощное орогенистическое присутствие. Это нелепо. Вероятно, это неприятно для нее, хотя, если и так, она меня игнорирует. Я хочу, чтобы она просто посмотрела на меня. Я хочу говорить с ней. Я хочу быть *ее*.

Я решаю, что то, что я чувствую, — любовь. Даже если не так, идея достаточно нова, чтобы очаровать меня, так что я решаю следовать туда, куда меня ведет импульс. Через некоторое время Келенли встает и идет прочь оттуда, где мы восхищаемся садом. В центре сада стоит маленькое строение, вроде крохотного дома, но сделанного из кирпича, а не из целлюлозной растительной подложки большинства домов. Один решительный плющ растет на ближней его стене. Когда она открывает дверь этого дома, это замечаю только я. Когда она заходит внутрь, все остальные бросают делать то, что делали, и тоже встают, чтобы посмотреть на нее. Она останавливается,

весело изумленная — думаю я — нашим внезапным молчанием и тревогой. Затем она вздыхает и молча показывает головой — *Идем*.

Мы ползем за ней.

Внутри — мы осторожно протискиваемся за Келенли — тесно. В домике деревянный пол и кое-какая обстановка. Он почти пуст как наши камеры в нашем здании, но есть некоторые важные различия. Келенли садится в одно из кресел, и мы понимаем — это кресло *ее*. Это ее… камера? Нет. Здесь повсюду странности, предметы, дающие интригующие намеки на личность и прошлое Келенли. Книги на полках в углу означают, что ее научили читать. Щетка на краю раковины предполагает, что она сама причесывается, а судя по количеству волос на щетке, делает это нетерпеливо. Может, тот большой дом — место, где предполагается, что она живет, и, может, она действительно порой спит там. Однако этот маленький садовый домик… ее дом.

— Я выросла вместе с проводником Галлатом, — негромко говорит Келенли. (Мы расселись по креслам, кровати и на полу вокруг нее, жаждая ее мудрости.) — Меня воспитывали с ним в ходе эксперимента для испытания его контроля — как я контролирую вас. Он обычный человек, если не

считать капли нежелательного происхождения.

Я моргаю моими льдистыми глазами, думаю о глазах Галлата и внезапно понимаю много нового. Она улыбается, когда я разеваю рот. Но улыбка держится недолго.

— Они — родители Галлата, которых я считала своими — сначала не рассказывали мне, что я такое. Я ходила в школу, играла, делала все, что делает нормальная силанагистанская девочка, когда растет. Но они обращались со мной иначе. Долгое время я считала, что я сделала что-то такое. — Ее взгляд устремляется вдаль, тяжелый от застарелой горечи. — Я не могла понять, почему я такая плохая, что даже мои родители не могут полюбить меня.

Ремва садится, чтобы провести рукой по деревянным планкам пола. Я не знаю, зачем ему. Салева по-прежнему на улице, поскольку на ее вкус домик Келенли слишком тесен; она пошла посмотреть на крохотную пичужку, порхающую между цветами. Но она слушает сквозь нас, сквозь открытые двери дома. Всем нам нужно услышать, что говорит Келенли — голосом, вибрацией и ровным, тяжелым взглядом.

— Почему они обманывали тебя? — спрашивает Гэва.

— Целью эксперимента было узнать, смогу ли я быть человеком. — Келенли улыбается своим мыслям. Она сидит в кресле, подавшись вперед и облокотившись о колени, рассматривая свои руки. — Посмотреть, не смогу ли я стать хотя бы приличной, если уж не натуральной, если меня воспитать среди натуральных приличных людей. И потому все мои достижения считались успехами Сил Анагиста, а каждый мой провал или пример дурного поведения списывался на вырождение моего генетического кода.

Мы с Гэвой переглядываемся.

— С чего бы тебе быть недостойной? — спрашивает она в полном недоумении.

Келенли моргает, отрывается от раздумий, мгновение смотрит на нас, и в этот момент мы ощущаем пропасть между ней и нами. Она считает себя одной из нас, и так и есть. Но еще она считает себя личностью. Эти две концепции несочетаемы.

— Злая Смерть, — тихо, изумленно говорит она, эхом отвечая на наши мысли. — Вы и правда ничего не знаете?

Наши охранники заняли позиции наверху лестницы, спускающейся в сад, слишком далеко, чтобы услышать нас. Здесь место настолько

уединенное, насколько сегодня возможно. Почти наверняка тут есть прослушка, но Келенли, похоже, все равно, и нам тоже. Она поднимает колени и обнимает их, любопытно уязвимая для существа, чье присутствие в пластах глубокое и плотное, как у горы. Я протягиваю руку и бесстрашно касаюсь ее лодыжки, и она моргает, улыбается мне и накрывает мои пальцы ладонью. Еще много столетий спустя я не смогу понять своих ощущений.

Этот контакт словно бы придает Келенли сил. Ее улыбка гаснет, и она говорит:

— Тогда я вам расскажу.

Ремва все еще изучает деревянный пол. Он трет его пальцами и умудряется послать через молекулы его пыли: *А ты должна?* Я огорчен, поскольку это то, о чем должен был бы подумать я. Она с улыбкой качает головой. Нет, она не обязана.

Но тем не менее она рассказывает, через землю, чтобы мы поняли, что это правда.

* * *

Помнишь, что я рассказывал тебе: Спокойствие некогда было тремя странами, не одной. Они назывались, если это имеет значение, Мэкар, Кахьярар и Силир. Сил Анагист начинал как

часть Кахьярара, затем стал всем Кахьяраром, затем всем Мэкаром. Все стало Сил Анагистом.

Силир, лежавший на юге, некогда был маленькой никчемной землей, занятой множеством маленьких никчемных народов. Одна из таких групп называлась фньесс. Трудно произнести это правильно, потому силанагистанцы звали их ньесс. Эти два слова означают не одно и то же, но последнее прижилось.

Силанагистанцы захватили их землю. Ньессы сражались, но затем поступили как все живые существа под угрозой — рассеялись, разлетевшись во все концы, чтобы пустить корни и, возможно, выжить, где получится. Потомки ньессов стали частью *каждой* страны, *каждого* народа, слились с остальными и приняли местные обычаи. Им, тем не менее, удалось не забыть, кто они, продолжать говорить на своем собственном языке, хотя они свободно владели и другими языками.

Они сохранили и некоторые свои старинные обычаи — например, раздваивали языки при помощи соляной кислоты, зачем — это только им было ведомо. И хотя они утратили свой характерный облик, который выкристаллизовался во время их изоляции в их маленькой стране, многие доныне сохранили достаточно этих черт,

так что льдистые глаза и пепельные волосы — определенное клеймо.

Теперь ты понимаешь.

Но то, что делало ньессов действительно особенными, — это их магия.

Магия в мире повсюду. Всякий ее видит, чувствует, течет в ней. В Сил Анагисте магия растет на каждой клумбе, в каждом дереве и оплетенной лозой стене. Каждое домохозяйство или бизнес должны производить свою долю, которая потом передается в генджинированные лозы и насосы, чтобы стать источником энергии для глобальной цивилизации. В Сил Анагисте убийство незаконно, поскольку жизнь — ценный ресурс.

Ньессы этому не верили. Они утверждали, что магией нельзя владеть, не более чем жизнью — и так они впустую тратили и ту, и другую, строя (среди многого прочего) планетарные движители, которые ничего не делали. Они были просто… красивы. Или будили фантазию, или делались ради простой радости созидания. И все же это «искусство» работало эффективнее и мощнее, чем все, что удалось создать силанагистанцам.

Как все это началось? Ты должна понять, что корень всему этому — страх. Ньессы выглядели иначе, вели себя иначе, *были* иными — но ведь

любая группа отличается от другой. Одной разницы недостаточно, чтобы вызвать проблемы. Сил Анагист ассимилировал мир больше чем за столетие до того, как меня сделали; все города были Сил Анагистом. Все языки стали силанагистином. Но никто не испытывает большего страха или не является столь странным в своем страхе, как завоеватель. Они постоянно вызывают в воображении призраков, боясь, что их жертвы однажды воздадут им за сделанное с ними — даже если на самом деле их жертвы и не думали о таких мелочах и давно ушли вперед. Завоеватели живут в страхе перед тем днем, когда им покажут, что они не самые великие, а просто удачливые.

Потому, когда ньесская магия оказалась более эффективной, чем силанагистанская, хотя ньессы и не использовали ее как оружие…

Вот что рассказала нам Келенли. Возможно, это началось с шепотков, что из-за белых радужек ньессы плохо видят, и потому у них извращенные наклонности, а раздвоенный язык ньессов не может говорить правды. Сначала насмешки, культурная травля, но потом стало хуже. Ученым стало легко строить себе репутацию и карьеру на утверждении, что сэссапины ньессов каким-то образом фундаментально отличаются — более

чувствительные, более активные, менее контролируемые, менее цивилизованные — и в этом источник их магической особости. Именно это делало ньессов не таким человеческим видом, как все остальные. Сначала: не *настолько* людьми, как остальные. В конце: вовсе не людьми.

Как только ньессов не стало, конечно, стало понятно, что сказочных ньесских сэссапин не существует. Силанагистанские ученые и биомагестры имели в распоряжении много заключенных для изучения, но, как бы они ни пытались, никакого четкого отличия от обычных людей найти не смогли. Это было недопустимо, более чем недопустимо. В конце концов, если ньессы были просто обычными человеческими существами, то на чем основывались завоевания, педагогические трактовки и целые научные дисциплины? Даже сама по себе великая мечта, Геоаркания, выросла из положения, что силанагистанская магестрическая теория — включая презрительное отрицание ньесской эффективности как случайность физиологии — является высшей и непогрешимой.

Если ньессы были просто людьми, то мир, построенный на концепции их нечеловечности, распадется.

Потому… они создали нас.

Мы, тщательно сконструированные и измененные остатки ньессов, имеем сэссапины куда более сложные, чем у обычных людей. Келенли была сделана первой, но недостаточно отличалась. Помнишь, мы должны были стать не только орудием, но мифом. Потому нам, позднейшим созданиям, придали преувеличенные ньесские черты — широкие лица, маленькие рты, почти бесцветная кожа, волосы, не поддающиеся частому гребню, и маленький рост. Они лишили нашу лимбическую систему нейрохимикатов, а нашу жизнь — опыта, языка и знаний. И только теперь, когда мы были сделаны по образу и подобию их собственных страхов, они удовлетворились. Они сказали себе, что в нас они уловили квинтэссенцию и мощь того, чем на самом деле были ньессы, и поздравили себя с тем, что в конце концов извлекли пользу из своих старинных врагов.

Но мы не ньессы. Мы даже не великолепный символ интеллектуальных достижений, каким я нас считал. Сил Анагист построен на лжи, и мы ее продукт. *Они понятия не имеют, кто мы на самом деле.*

Значит, мы сами должны определить нашу судьбу и будущее.

* * *

Проходит несколько часов после окончания урока Келенли. Мы сидим у ее ног, ошеломленные, измененные и меняющиеся от ее слов. Становится поздно. Она встает.

— Я принесу нам еды и одеял, — говорит она. — На ночь вы останетесь здесь. Мы посетим третий и последний компонент вашей настроечной миссии завтра утром.

Мы никогда не спали вне наших камер. Это восхитительно. Гэва посылает импульсы удовлетворения в окружающую среду, а Ремва ровно жужжит от удовольствия. Душва и Бинимва то и дело выдают пики тревоги; будем ли мы в порядке, делая то, что человеческие существа делали всю их историю, — спать на новом месте? Они держатся вместе ради безопасности, хотя это на самом деле сейчас лишь усиливает их тревогу. Нам редко разрешают прикасаться друг к другу. Они гладят друг друга и постепенно успокаиваются.

Келенли немного смешит их страх.

— Все будет хорошо, хотя, полагаю, вы сами это поймете только утром, — говорит она. Затем она идет к двери, чтобы выйти. Я стою у двери,

глядя в окно на только что поднявшуюся Луну. Она касается меня, поскольку я у нее на пути. Я отхожу не сразу. Из-за ориентировки окна в моей камере я нечасто вижу Луну. Я хочу насладиться этой красотой, пока могу.

— Зачем ты привела нас сюда? — спрашиваю я Келенли, глядя в окно. — Зачем все это нам рассказывать?

Она отвечает не сразу. Я думаю, она тоже смотрит на Луну. Затем задумчивыми реверберациями земли она говорит: *Я изучила все, что смогла, о ньессах и их культуре. Мало что сохранилось, и мне пришлось отделять правду от лжи. Но среди них существовала… практика. Занятие. Были люди, чьей работой было заботиться об оглашении правды.*

Я растерянно хмурюсь.

— И… что? Ты решила продолжать традицию мертвого народа? — Слова. Я упрям. Она пожимает плечами.

— Почему бы и нет?

Я качаю головой. Я устал, раздавлен и, возможно, немного зол. Этот день перевернул с ног на голову мое самовосприятие. Я всю жизнь знал, что я орудие, да, не личность, но хотя бы символ могущества, разума и гордости. Теперь я понимаю,

что на самом деле я символ паранойи, жадности и ненависти. С этим трудно справиться.

— Оставим ньессов, — резко говорю я. — Они мертвы. Не вижу смысла в попытках запомнить их.

Я хочу, чтобы она разгневалась, но она лишь пожимает плечами.

— Выбор твой — как только узнаешь достаточно, чтобы сделать обоснованный выбор.

— А может, я не хочу знать. — Я опираюсь на стекло двери, оно холодное и не жалит пальцев.

— Ты хотел быть достаточно сильным, чтобы удерживать оникс.

Я издаю тихий смешок — я слишком устал, чтобы помнить, и решил делать вид, что ничего не чувствую. Надеюсь, наши наблюдатели не заметят. Я перехожу на земноречь и говорю кислотными, кипящими под давлением горечью, презрением, униженностью и разочарованием. *Что за дело?* — вот что это означает. *Геоаркания ложь*.

Она разбивает мою жалость к себе нежным, непреклонным горизонтальным смещением смеха.

— Ах, мой мыслитель, не ожидала от тебя мелодрамы.

— Что такое мело… — Я мотаю головой и замолкаю, устав от незнания. Да, я дуюсь.

Келенли вздыхает и касается моего плеча. Я вздрагиваю, непривычный к теплоте руки другого человека, но она не убирает руку, и это успокаивает меня.

— Подумай, — повторяет она. — Работает ли Планетарный Движитель? Твои сэссапины? Ты не то, чем тебя создавали, разве от этого ты перестаешь существовать?

— Я… этот вопрос не имеет смысла. — Но сейчас я просто упрямлюсь. Я понял ее. Я не то, чем меня сделали, я нечто иное. У меня есть сила, которой они не ожидают. Они сделали меня, но не *контролируют меня*, не до конца. Вот почему у меня есть эмоции, хотя они и пытались отнять их. Вот почему у нас есть земноречь… и, возможно, другие дары, о которых наши проводники не знают. Она гладит меня по плечу, довольная тем, что я обдумываю ее слова. Одно место на полу ее дома тянет меня — я так хорошо буду сегодня спать. Но я борюсь с усталостью и по-прежнему сфокусирован на ней, поскольку сейчас она мне нужна больше, чем сон.

— Ты считаешь себя одним из этих… правдоговорителей? — спрашиваю я.

— Лористом. Последним ньесским лористом, если у меня есть на это право. — Ее улыбка резко гаснет, и впервые я понимаю, какую бездну усталости, тягот и печалей скрывает она. — Лористы были воинами, рассказчиками, знатью. Они рассказывали свою правду в книгах и песнях и передавали ее через свои художественные движители. Я просто… говорю. Но я ощущаю, что у меня есть некое право на их мантию. *В конце концов, не все бойцы используют ножи.* — В земноречи не может быть ничего, кроме правды, — и порой даже больше правды, чем кто-то хочет поведать. Я чувствую… что-то такое в ее печали. Мрачную решимость. Трепет страха, как соляная кислота на языке. Решимость защитить… что-то. Это уходит слабеющей вибрацией прежде, чем я успеваю понять больше.

Она делает глубокий вдох и снова улыбается. Как же мало из ее улыбок настоящие.

— Чтобы управлять ониксом, — продолжает она, — тебе нужно понять ньессов. Проводники не понимают, что он лучше всего отвечает на определенный эмоциональный резонанс. И все, что я говорю, должно помочь.

Затем, наконец, она ласково отодвигает меня в сторону, чтобы пройти. Вопрос надо задать

сейчас.

— Так что случилось, — медленно говорю я, — с ньессами?

Она останавливается с коротким смешком, на сей раз искренним.

— Завтра узнаешь, — говорит она. — Мы пойдем посмотреть на них.

Я сбит с толку.

— К их могилам?

— Жизнь в Сил Анагисте священна, — бросает она через плечо. Она проходит в дверь, она идет, не останавливаясь и не оборачиваясь. — Ты не знал?

Она ушла.

Я чувствую, что должен понять этот ответ, — но в каком-то смысле я все еще невежественен. Келенли добра. Она позволяет мне сохранить невежество до конца ночи.

* * *

Адресат: Альма Инноватор Дибарс

Отправитель: Ятр Инноватор Дибарс

Альма, комитет не может урезать мне финансирование! Смотри, это просто собранные мной даты инцидентов. Просто глянь на последние десять!

2729
2714–2719: Удушливая
2699
2613
2583
2562
2530
2501
2490
2470
2400
2322–2329: Кислотная

Седьмой вообще интересует факт, что наша популярная концепция о частоте событий уровня Зимы совершенно неверна? Они не случаются каждые двести-триста лет. Скорее всего, тридцать-сорок! Если бы не рогги, мы бы тысячу раз вымерли. При помощи этих данных и прочих, собранных мной, я пытаюсь создать прогностическую модель для более интенсивных Зим. Здесь виден цикл, ритм. Разве нам не нужно заранее знать, будет ли следующая Зима длиннее и в чем-то тяжелее? Как нам подготовиться к будущему, если мы не признаем прошлого?

9
Пустыня, вкратце, и ты

ПУСТЫНИ ЗИМОЙ ХУЖЕ ПРОЧИХ МЕСТ. Тонки дает знать Юкке, что воду будет добывать легче — инноваторы Кастримы уже собрали несколько устройств, которые называют уловителями росы. Солнце тоже не помеха, благодаря облакам пепла — ты и не думала, что будешь им благодарна. Однако будет холодно, хотя днем не так сильно.

Возможно, даже будет снег.

Нет, опасность пустыни Зимой в том, что почти все животные и насекомые впадают в спячку глубоко под песком, где еще тепло. Есть те, кто утверждает, что нашли верный способ выкапывать спящих ящериц и прочее, но, как правило, все это вранье; те немногие общины, что живут по краям пустыни, ревниво хранят такие секреты. Растения на поверхности уже высохли или съедены тварями, готовящимися к спячке, так что наверху ничего не осталось, кроме песка и пепла. Совет Предания камня по поводу пустыни Зимой весьма прост: не ходи туда. Если ты не намерен сдохнуть с голоду.

Община два дня стоит лагерем на краю пустыни Мерц, готовясь к походу, хотя истина в том — как тебе доверилась Юкка, пока ты вместе с ней докуривала последнюю мелло, — сколько ни готовься, путешествие легче не станет. Люди будут умирать. Тебя среди таковых не будет — любопытно сознавать, что Хоа вмиг унесет тебя в Сердечник, если возникнет какая-то реальная опасность. Возможно, это шулерство. Только это не так. Ты собираешься помогать как можешь — и поскольку ты не умрешь, ты увидишь страдания многих других людей. Это меньшее, что ты можешь сделать сейчас, посвятив себя делу Кастримы. Выносить это зрелище и биться как огнь земной, чтобы не дать смерти взять больше ее законной доли.

А пока люди у костров трудятся в две смены, жаря насекомых, высушивая клубни, выпекая из последнего зерна галеты и засаливая мясо. Достаточно подкормившись, выжившие люди Матчиша оказались особенно полезными в смысле добывания еды, поскольку некоторые из них местные и помнят, где могут быть заброшенные фермы или не обчищенные до конца развалины после Разлома. Скорость будет иметь значение: выжить — значит, выиграть гонку между про-

стором Мерца и припасами Кастримы. Из-за этого Тонки — которая все больше выступает как спикер от Инноваторов, что ей ужасно не нравится, — наблюдает за быстрой и грязной разборкой фуражных повозок и переделкой их в новые, более легкие и более устойчивые к тряске, которые будет легче тянуть по пустынным пескам. Стойкости и Селекты перераспределяют оставшиеся припасы, чтобы потеря любой повозки, если ее придется бросить, не привела к какому-нибудь катастрофическому дефициту.

Последнюю ночь перед пустыней ты сидишь, ссутулившись, перед одним из кухонных костров, по-прежнему неуклюже пытаясь есть одной рукой, когда рядом с тобой кто-то садится. Это немного пугает тебя, и ты вздрагиваешь, роняя с тарелки кукурузный хлеб. Рука, поднимающая его, широкая, бронзовая и покрытая боевыми шрамами, с лоскутком желтого муарового шелка на запястье — теперь грязного и обтрепанного, но все же узнаваемого. Данель.

— Спасибо, — говоришь ты, надеясь, что она не воспользуется возможностью начать разговор.

— Говорят, что когда-то ты была в Эпицентре, — говорит она, подавая тебе хлеб. Значит, не повезло.

Тебя не должно удивлять, что люди Кастримы шепчутся о тебе. Ты решаешь не обращать внимания, подбирая хлебом очередную порцию похлебки. Сегодня она особенно хороша, приправлена для густоты кукурузной мукой, в ней много нежного соленого мяса, которого после каменного леса было много. Всем нужно поднабрать жирку по максимуму, чтобы подготовиться к пустыне. Ты не думаешь о мясе.

— Была, — говоришь ты, предостерегающе, как ты надеешься.

— И сколько колец?

Ты кривишься от отвращения, думая о том, как бы объяснить «неофициальные» кольца, данные тебе Алебастром, о том, насколько ты опередила даже эти, думая, как бы быть поскромнее… и, наконец, решаешь быть точной.

— Десять. — Иссун Десятиколечница, звали бы тебя теперь в Эпицентре, если бы старшие снизошли до признания твоего нынешнего имени и если бы Эпицентр еще существовал, если это имеет значение.

Данель понимающе присвистывает. Так странно встретиться с человеком, который это понимает и ценит.

— Говорят, — продолжает она, — что ты мо-

жешь многое делать при помощи обелисков. Так ты разбила нас в Кастриме. Я понятия не имела, что ты сможешь так накрутить жуков. Или поймать стольких камнеедов.

Ты делаешь вид, что тебе все равно, и сосредотачиваешься на хлебе. Он чуть сладковатый; повара пытаются извести сахар, чтобы освободить место для более питательных съестных припасов. Он очень вкусный.

— Говорят, — продолжает Данель, искоса наблюдая за тобой, — что какой-то рогга-десятиколечник расколол мир там, в Экваториалях.

Нет уж.

— Ороген.

— Что?

– *Ороген*. — Возможно, это мелочно. Из-за того, что Юкка настаивает на использовании слова «рогга» для названия функционал-касты, все глухачи бросаются этим словом, будто оно ничего не значит. Это не мелочно. Это имеет значение. — Не рогга.

Ты не унизишься до этого слова. Ты этого не заслуживаешь.

Несколько мгновений царит молчание.

— Ладно, — говорит Данель без намека на извинение или попытку подольститься. Она

просто принимает новые правила. Она также не пытается еще раз намекнуть на то, что именно ты устроила Разлом. — Но вопрос остается. Ты можешь делать то, чего не может большинство орогенов. Верно?

— Да. — Ты сдуваешь случайный пепел с печеной картофелины.

— Говорят, — продолжает Данель, упираясь ладонями в колени и подаваясь вперед, — что ты знаешь, как покончить с этой Зимой. Что ты скоро куда-то уйдешь и действительно попытаешься это сделать. И что когда ты соберешься, тебе понадобятся люди в помощь.

Что? Ты, нахмурившись, смотришь на свою картофелину.

— Ты предлагаешь себя?

— Возможно.

Ты пялишься на нее.

— Тебя же *только что* приняли в Опоры.

Данель смотрит на тебя еще несколько мгновений, выражение ее лица до сих пор непонятно. Ты не понимаешь, что она колеблется, пытаясь решить, открыть ли тебе нечто о себе, но потом она вздыхает и говорит:

— Я из касты Лористов на самом-то деле. Раньше звалась Данель Лорист Реннанис. Данель Опора

Кастрима никогда не будет звучать правильно.

Наверное, у тебя скептический вид, когда ты пытаешься представить себе ее с черными губами. Она закатывает глаза и отводит взгляд.

— Реннанису *не были нужны* лористы, так сказал глава. Ему были нужны солдаты. Всем известно, что лористы умеют хорошо сражаться, так что…

— Что?

Она вздыхает.

— Экваториальные лористы, в смысле. Те из нас, кто происходит из древних семей Лористов, обучаются рукопашному бою, военному делу и все такое. В результате мы более полезны Зимой и в деле защиты знаний.

Ты и не знала. Но…

Защищать *знание*?

На скулах Данель дрожат мускулы.

— Солдаты во время Зимы могут завоевать общину, но именно рассказчики помогли санзе пережить целых семь Зим.

— О. Верно.

Она с ощутимым усилием пытается не качать головой при виде провинциального невежества срединницы.

— Как бы то ни было, лучше быть генералом,

чем пушечным мясом, поскольку такой выбор поставили передо мной. Но я старалась не забывать, кто я на самом деле… — Внезапно на ее лице возникает тревога. — Понимаешь, я больше не могу вспомнить точной формулировки Третьей Таблички. Или предания об императоре Мутшати. Всего два года без рассказывания историй, и я их теряю. Не думала, что это случится так быстро.

Ты даже не знаешь, что на это сказать. У нее такой мрачный вид, что тебе почти хочется утешить ее. *О, все теперь будет хорошо, когда тебе не придется занимать мозги полной зачисткой Южного Срединья*, или что-то вроде этого. Но ты не уверена, что сможешь сказать это без фальши.

Данель решительно сжимает челюсти, пристально глядя на тебя.

— Однако я вижу, когда пишутся новые истории.

— Я… я ничего об этом не знаю.

Она пожимает плечами.

— Герой истории никогда этого не знает.

Герой? Ты коротко смеешься, почти истерично. Ты не можешь отделаться от мысли об Аллии, Тиримо, Миове, Реннанисе и Кастриме. Герои не призывают рои кошмарных жуков, чтобы те

сожрали его врагов. Герои не становятся чудовищами для своих дочерей.

— Я *не забуду*, кто я, — продолжает Данель. Она обняла колено рукой, невольно подавшись вперед. За последние дни она где-то умудрилась добыть кинжал и побрить виски. Это придает ей природно-поджарый, голодный вид. — Возможно, я последний оставшийся экваториальный лорист, так что пойти с тобой — мой долг. Записать историю того, что случится, — и, если я выживу, постараться, чтобы мир это узнал.

Это нелепо. Ты смотришь на нее.

— Ты даже не знаешь, куда мы идем.

— Сдается, сначала нам надо уладить вопрос «*иду ли я*», но мы можем его пропустить, если хочешь.

— Я не доверяю тебе, — говоришь ты скорее от злости.

— Да и я тебе. Но нам не обязательно любить друг друга, чтобы работать вместе. — Ее собственная тарелка пуста; она поднимает ее и машет одному из ребятишек, которые сегодня моют посуду. — Но у меня нет и причины убивать тебя. Пока.

Плохо, что Данель сказала это, — она помнит, что натравила безрубашечную Стражницу на

тебя, и вовсе не испытывает сожаления за это. Да, была война и да, потом ты уничтожила ее армию, но…

— Таким, как ты, причина не нужна!

— Боюсь, ты понятия не имеешь о «таких, как я». — Она не злится, ее утверждение лишь констатация факта. — Но если тебе нужны причины, то вот еще одна: Реннанис полное дерьмо. Да, там есть вода, еда и кров; ваша предводительница права, что ведет вас туда, если правда, что сейчас город пуст. Это лучше неприкаянности или строительства заново где-то еще без припасов. Но в остальном это дерьмо. Я лучше на дороге останусь.

— Чушь собачья, — говоришь ты, сдвигая брови. — Ни одна община не плоха настолько.

Данель только горестно фыркает. Это беспокоит тебя.

— Просто подумай об этом, — говорит она наконец и встает, чтобы уйти.

* * *

— Я согласен, чтобы Данель пошла с нами, — говорит Лерна тем же вечером, когда ты рассказываешь ему об этом разговоре. — Она хороший боец. Знает дорогу. И она права — у нее нет при-

чин предавать нас.

Ты полусонная после секса. После того, как это, наконец, случилось, ты в каком-то упадке. Твои чувства к Лерне никогда не будут ни сильными, ни свободными от вины. Ты всегда будешь ощущать себя слишком старой для него. Но ладно. Он просил тебя показать изувеченную грудь, и ты показала, думая, что с этим его интерес к тебе закончится. Песчаная заплатка жесткая и грубая на гладкой коричневой коже твоего торса — как ссадина, но другого цвета и текстуры. Его руки осторожны, пока он осматривает этот участок и констатирует, что корочка достаточно прочная и дальнейшей перевязки не требуется. Ты сказала ему, что тебе не больно. Ты не сказала ему, что боишься, что больше *ничего* не сможешь почувствовать. Что ты меняешься, становишься жестче во многих смыслах, превращаешься всего лишь в то самое оружие, в которое все пытаются тебя превратить. Ты не сказала «*Может, тебе лучше остаться с неразделенной любовью*».

Но хотя ты ничего из этого не сказала, после осмотра он посмотрел на тебя и ответил:

— Ты по-прежнему красива.

Наверное, ты нуждалась в таких словах больше, чем понимала. И вот вам.

И ты медленно переваривaешь его слова, поскольку он помог тебе ощущать себя расслабленной, безвольной, снова человеком, и лишь через добрых десять секунд ты выдаешь:

— С *нами*?

Он просто смотрит на тебя.

— Вот срань, — говоришь ты и снова закрываешь глаза рукой.

На другой день Кастрима вступает в пустыню.

* * *

Для тебя наступает время великих тягот.

Все времена года тяжелы, *пятое — Смерть, всем госпожа*, но нынешнее особое. Личное. Тысяча человек пытается пересечь пустыню, смертоносную, даже когда с неба не льет кислотный дождь. Это групповой форсированный марш по виадуку, шаткому и дырявому настолько, что в такую дыру может провалиться лошадь. Виадуки построены сейсмоустойчивыми, но есть предел, и Разлом определенно его превысил. Юкка решила рискнуть, поскольку даже по поврежденному виадуку идти быстрее, чем по пустынному песку, но он берет свое. Каждый ороген в общине должен быть настороже, поскольку все сильнее микротолчка может привести к катастрофе. Од-

нажды Пенти, слишком усталая, чтобы обращать внимание на собственные инстинкты, ступает на совершенно нестабильный участок треснувшего асфальта. Другой ребенок-ронга успевает оттащить ее, когда большой кусок просто проваливается сквозь каркас дороги. Остальные не столь осторожны и не столь удачливы.

Кислотного дождя не ожидали. Предание Камня не рассказывает о том, как Зима может повлиять на погоду, поскольку такие вещи непредсказуемы даже в лучшие времена. То, что случилось, все же не совсем внезапно. Севернее, на экваторе, Разлом накачивает жар и выбрасывает в воздух. Влажные тропические ветра с моря бьются об эту порождающую облака, накачивающую энергию стену, которая превращает их в бури. Ты помнишь, что беспокоилась насчет снега. Нет. Это бесконечный нудный дождь. (Он не настолько кислотный, как обычно. В Зиму Перевернутой Почвы — задолго до Санзе, ты не могла бы узнать о ней — выпал дождь, от которого со зверей сползал мех, а с апельсинов — кожура. По сравнению с ним нынешний дождь ничто, он разбавлен водой. Как уксус. Выживете.)

Юкка гонит вас по виадуку жестоко. На первый день лагерь разбивают хорошо за полночь, и

Лерна не приходит в палатку после того, как вы устало ставите ее. Он обрабатывает с полдесятка людей, стерших себе ноги или подвернувших щиколотки, еще у двух стариков проблемы с дыханием, а еще есть беременная женщина. С тремя последними все нормально, говорит он тебе, когда в конце концов забирается в твой спальный мешок незадолго до рассвета; гончарка Онтраг выживет, за беременной ухаживает родня и половина Селектов. А вот раны вызывают опасения.

— Я должен сказать Юкке, — говорит он, пока ты заталкиваешь ему в рот промокший от дождя хлеб и кислую колбасу, затем прикрываешь ему рот и заставляешь лежать спокойно. Он жует и глотает еду, почти не замечая. — Такими темпами мы идти не можем. Мы начнем терять людей, если не…

— Она знает, — говоришь ты ему. Ты говоришь ласково, как можешь, но все же он замолкает. Он смотрит на тебя, пока ты не ложишься рядом с ним — неловко, с одной-то рукой, но успешно. Постепенно усталость побеждает его страдания, и он засыпает.

Однажды днем ты идешь с Юккой. Она устанавливает скорость, как должен хороший руководитель общины, не гоня никого жестче, чем себя. На

полуденном привале она снимает один ботинок, и ты видишь, что ее ноги в кровавых мозолях. Ты смотришь на нее, сдвинув брови, и взгляд твой настолько красноречив, что она вздыхает.

— Никогда не пыталась добыть себе ботинки получше, — говорит она. — Эти слишком свободные. Всегда казалось, что у меня будет время.

— Если у тебя загниют ноги, — начинаешь ты, но она закатывает глаза и показывает на груду груза посреди лагеря.

Ты бросаешь туда недоумевающий взгляд, хочешь продолжить свои укоры, но потом замолкаешь. Подумай. Еще раз посмотри туда. Если каждая телега везет ящик соленого хлеба и еще ящик колбасы, и если во всех этих бочках маринованные овощи, а в этих зерно и бобы…

Эта груда такая маленькая. Так мало для тысячи человек, у которых впереди несколько недель перехода через Мерц. Ты затыкаешься. Она все же добывает запасные носки у кого-то, это помогает.

Тебя поражает, как ты так хорошо переносишь путь. Ты *не здорова* в полном смысле слова. Твой менструальный цикл прекратился, но, возможно, это еще не менопауза. Когда ты раздеваешься, чтобы вымыться в корыте, что бесполезно под постоянным дождем, но привычка есть привычка,

ты замечаешь, что твои ребра выпирают из-под обвисшей кожи. Это лишь отчасти из-за хождения — отчасти еще из-за того, что ты постоянно забываешь есть. К концу дня ты устаешь, но ощущаешь это как бы со стороны. Когда ты касаешься Лерны — не ради секса, у тебя просто сил нет, ради тепла, если свернуться у него под боком, ты сохранишь калории — это приятное ощущение, хотя тоже отстраненное. Ты словно паришь над собой, смотришь, как он вздыхает, как кто-то еще зевает. Словно это происходит с кем-то другим.

Так было и с Алебастром, вспоминаешь ты. Отстраненность от плоти, по мере того, как она перестает быть плотью. Ты решаешь больше есть при любой возможности. Через три недели пути, как и ожидалось, виадук сворачивает на запад. Здесь Кастрима должна спуститься на землю, чтобы общаться с пустынным ландшафтом плотнее и один на один. В чем-то это проще, поскольку как минимум поверхность не грозит провалиться прямо под ногами.

С другой стороны, по песку идти труднее, чем по асфальту. Все идут медленнее. Матчиш отрабатывает еду, вытягивая больше воды из самых верхних слоев песка и пепла и замораживая его на несколько дюймов, чтобы укрепить его под

ногами идущих. Поскольку он делает это постоянно, это его изматывает, так что он оставляет это для самых трудных участков. Он пытается научить Темелла этому трюку, но Темелл простой дичок, он не обладает необходимой точностью. (Ты когда-то могла это делать. Ты не позволяешь себе об этом думать.)

Вперед высылают следопытов, чтобы попытаться найти лучший путь. Все они возвращаются и говорят одно: повсюду ржавые песок-пепел-грязь. Лучшей дороги нет. Трое остались позади на виадуке, неспособные идти дальше из-за вывихов или переломов. Ты их не знаешь. Теоретически они могут догнать вас, если выздоровеют, но ты не понимаешь, как можно выздороветь без еды или крова. Здесь, внизу, еще хуже — с полдесятка сломанных лодыжек, одна сломанная нога, одна сорванная спина среди тянущих телеги, и все это в первый же день. Через некоторое время Лерна перестает навещать больных, если только они не просят о помощи. Большинство не просят. Он ничего не может тут поделать, и все это знают.

Как-то в холодный день гончар Онтраг садится на землю и говорит, что она больше не может. Юкка ругается с ней, чего ты не ожидала. Онтраг передала свое искусство двум более молодым

членам общины. Она лишняя, она давно пережила свой детородный возраст; по законам Старой Санзе и постулатам Предания Камня тут выбор прост. Но в конце концов Онтраг приказывает Юкке заткнуться и идти прочь.

Это тревожный звонок.

— Не могу я так больше, — говорит позже Юкка, когда Онтраг исчезает из виду позади. Она топает вперед, как всегда ровным размашистым шагом, но голова ее опущена, пряди мокрых пепельных волос закрывают ее лицо. — Не могу. Это неправильно. Так не должно быть. Просто не должно — быть Кастримой это больше, чем быть, ржавь, *полезным*, Земля побери, она *учила* меня в яслях, она знает *истории*, я, ржавь, просто *не могу*.

Хьярка Лидер Кастрима, которую с детских лет учили убивать меньшинство, чтобы большинство выжило, лишь касается ее плеча и говорит:

— Ты делаешь, что должна.

Юкка не говорит ничего следующие несколько миль, но, может, потому, что сказать нечего.

Первыми кончаются овощи. Затем мясо. Хлеб Юкка пытается растянуть как можно дольше, но люди просто не могут идти с такой скоростью без ничего. Ей придется давать каждому как минимум галету в день. Этого недостаточно, но лучше

чем ничего — пока, в конце концов, ничего не остается. И вы все равно продолжаете идти.

Поскольку ничего больше не остается, люди начинают терять надежду. По ту сторону пустыни, говорит всем Данель у костра как-то ночью, есть еще один имперский тракт, по которому можно идти. По которому легко дойти до самого Реннаниса. Это регион речной дельты, с хорошей землей, некогда житница Экваториалей. Вокруг любой общины полно заброшенных ферм. Армия Данель хорошо фуражировала там по пути на юг. Если сможете пройти через пустыню, там будет еда.

Если сможете пройти через пустыню.

Ты знаешь, чем это кончится. Не так ли? Как ты можешь сидеть здесь и слушать эти байки, если знаешь? Но порой большее значение имеет *ход* игры, а не ее конец.

Вот и конец: около одиннадцати сотен душ вступили в пустыню, и чуть более восьми сотен и пятидесяти достигают Имперского тракта.

На несколько дней община, по сути, разбредается. Отчаявшиеся люди более не желают ждать, пока Охотники должным порядком добудут пропитание, они, шатаясь, копаются в земле, добывая полусгнившие клубни, горькие кореш-

ки и едва съедобные древесные корни. Земля вокруг неухоженная, безлесная, полупустынная, полуплодородная, население давно вырезано реннанитами. Чтобы не потерять слишком многих, Юкка приказывает разбить лагерь на старой ферме с несколькими еще уцелевшими амбарами. Стены, за исключением основных структур, продержались не так хорошо, но и не упали. Ей были нужны крыши, поскольку на краю пустыни все еще идет дождь, хотя не такой сильный и с перерывами. Хотя бы в сухом месте поспать, и то хорошо.

Юкка дает три дня. За это время люди возвращаются назад по двое-трое, некоторые приносят пищу, которой делятся с теми, кто слишком слаб для фуражировки. Охотники, которые сочли нужным вернуться, приносят рыбу с берега относительно близкой реки. Один из них находит вещь, которая спасает вас, вещь, которая кажется жизнью после той смерти, что тянется за вами: захоронку какого-то фермера, кукурузную муку, запечатанную в глиняных горшках и спрятанную под половицами разрушенного дома. Вам не с чем ее смешать, нет ни молока, ни яиц, одна кислая вода, но Предание Камня гласит: еда — то, что питает. В эту ночь община пирует

жареной мучной кашицей. Один горшок треснул и кишит мучными червями, но что за дело! Дополнительный белок. Многие не вернулись. Это Зима. Все меняется. По истечении третьего дня Юкка объявляет, что все, кто еще остался в лагере — Кастрима; тот, кто не вернулся, нынче неприкаянный и пепел с ними.

Это проще, чем гадать, как они могли умереть или кто их мог убить. Что осталось от группы, сворачивают лагерь. Вы идете на север.

* * *

Не слишком ли быстро я закончил? Возможно, трагедии не следует подытоживать так резко. Я хотел быть милосердным, не жестоким. Тебе пришлось жить среди жестокости… но удаленность и отстраненность лечат. Иногда.

Я мог бы забрать тебя из пустыни. Ты не должна была страдать вместе с ними. И все же… они стали частью тебя, люди этой общины. Твоими друзьями. Тебе надо было позаботиться о них.

Страдание — твое лекарство, по крайней мере, сейчас.

Чтобы ты не считала меня бесчеловечным, камнем, я помогал, как мог. Некоторые из зверей, лежащих в спячке под песком, способны

охотиться на людей — ты знала это? Некоторые проснулись после того, как вы прошли, но я удержал их. Одна из деревянных тележных осей почти растворилась от дождя и начала прогибаться, хотя никто из вас не заметил этого. Я трансмутировал дерево — окаменил, если ты предпочитаешь думать так — так что оно продержится. Именно я сдвинул побитую молью тряпку на той заброшенной ферме, чтобы ваш Охотник нашел муку. Онтраг, которая не говорила Юкке об усиливающейся боли в боку и груди, а также одышке, недолго прожила после того, как община оставила ее. Я вернулся к ней в ту ночь, когда она умерла, и отвел ту боль, которую она чувствовала. (Ты слышала ту песню. Сурьма пела ее для Алебастра однажды. И я спою ее для тебя, если…)

Она не была одна под конец.

Утешает ли это тебя? Надеюсь. Я все еще человек, я же говорил тебе. Твое мнение имеет для меня значение.

Кастрима выжила, это тоже имеет значение. Ты выжила. По крайней мере, сейчас.

И в конце концов, чуть позже, вы достигаете южной границы территории Реннаниса.

* * *

Честь – для времени безопасности, выживание – в час угрозы. Необходимость – единственный закон.

Табличка Третья, «Структуры», стих четвертый

10
Нэссун, сквозь огонь

ВСЕ ЭТО ПРОИСХОДИТ В ЗЕМЛЕ. Мне — знать и делиться с тобой. Ей — страдать. Извини.

Внутри отливающей перламутром повозки стены украшены изящным рисунком лоз, сделанным чем-то, похожим с виду на золото. Нэссун не уверена, является ли этот металл чисто декоративным или имеет какое-то предназначение. Твердые гладкие сиденья пастельных цветов сделаны в виде створок раковин мидий, которые она ела когда-то в Найденной Луне, и имеют удивительно мягкую обивку. Они прикреплены к полу, обнаруживает Нэссун, и все же их можно крутить из стороны в сторону и откидывать спинку. Она понятия не имеет, из чего они сделаны.

К ее изумлению, когда они устраиваются, в воздухе звучит голос. Женский, вежливый, отстраненный и каким-то образом успокаивающий. Язык… непонятен и совершенно незнаком. Однако произношение слогов такое же, как в санзе-мэте, и что-то в ритмике предложений, порядке слов соответствует ожиданиям Нэссун.

Она подозревает, что часть первого предложения — приветствие. Она думает, что слово, повторяющееся в промежутках между произнесенными тоном приказа отрывками, может быть смягчающим, чем-то вроде *пожалуйста*. Остальное, однако, полностью чуждо.

Голос звучит лишь короткое время, затем замолкает. Нэссун бросает взгляд на Шаффу и с удивлением видит, что он хмурится, глаза сосредоточенно сузились — хотя это отчасти от напряжения в его челюстях и еле заметной бледности вокруг губ. Серебро снова терзает его, и сейчас сильно. И все же он поднимает на нее взгляд с чем-то вроде удивления.

— Я *помню* этот язык, — говорит он.

— Эти странные слова? Что они говорят?

— Что эта… — Он кривится. — Штука. Она называется трансмаль. Объявление говорит, что она покидает этот город и начинает переход в Сердечник через две минуты и прибудет туда через шесть часов. Говорится еще что-то о другом транспорте, других маршрутах, обратных поездках в разные… узлы? Не помню, что это значит. И она надеется, что нам понравится поездка. — Он натянуто улыбается.

— О. — Довольная, Нэссун немного ерзает в

своем кресле. Шесть часов для путешествия на ту сторону планеты? Так чего удивляться, ведь эти люди построили обелиски.

Делать вроде бы нечего, кроме как устроиться поудобнее. Нэссун осторожно снимает свой рюкзак и вешает на спинку кресла. При этом она замечает, что весь пол вроде как зарос лишайниками, хотя это не может быть от природы или случайно — они цветут приятными регулярными узорами. Она тянется к полу и обнаруживает, что он мягкий, как ковер.

Шаффа более беспокоен, он расхаживает по уютному пространству этого самого… трансмаля… и то и дело касается его золотых прожилок. Он расхаживает медленно, методично, но это нехарактерно для него, и Нэссун тоже начинает беспокоиться.

— Я бывал здесь, — бормочет он.

— Что? — Она слышала его слова. Она просто озадачена.

— В этом трансмале. Возможно, сидел в этом же самом кресле. Я был здесь, я чувствую. И этот язык — не помню даже, чтобы я слышал его, и все же. — Внезапно он оскаливает зубы и запускает пальцы в волосы. — Знакомо, но нет, нет… контекста! Смысла! Что-то в этом путешествии не

так. Что-то не так, *и я не помню, что именно*.

Сколько Нэссун знает Шаффу, в нем всегда был надлом, но сейчас впервые он *показался* ей травмированным. Он говорит быстрее, слова налетают друг на друга. В том, как его глаза мечутся по интерьеру трансмаля, есть некая странность, заставляющая Нэссун думать, что он видит то, чего здесь нет.

Стараясь скрыть тревогу, она хлопает рукой по раковине-креслу рядом с ней.

— Оно достаточно мягкое, чтобы в нем поспать, Шаффа.

Это слишком очевидное предложение, но он оборачивается к ней, и на мгновение затравленное напряженное выражение его лица смягчается.

— Ты всегда так волнуешься за меня, малышка. — Но, как она и надеялась, это гасит его беспокойство, и он садится.

Как только он это делает — Нэссун подскакивает — снова слышится голос. Он задает вопрос. Шаффа сдвигает брови и медленно переводит:

— Она — я думаю, это голос *трансмаля*. Она сейчас обращается конкретно к нам. Это не просто объявление.

Нэссун ерзает, внезапно ей становится не так

уютно внутри этой штуки.

— Она говорит. Она живая?

— Я не уверен, что различие между живым существом и неживым предметом имело значение для тех, кто создал это место. И все же… — Он медлит, затем повышает голос, чтобы неуверенно произнести странные слова. Голос отвечает снова, повторяя нечто, что Нэссун уже слышала прежде. Она не уверена, где эти слова начинаются или кончаются, но слоги те же самые. — Оно говорит, что мы приближаемся к точке перехода. Оно спрашивает, готовы ли мы… к испытанию? — Он раздраженно мотает головой. — Чтобы что-то увидеть. Найти слова в нашем языке труднее, чем понять, что она сказала.

Нэссун вся нервно дергается. Она забирается в кресло с ногами, глупо боясь сделать больно этой живой штуке. Она не уверена, о чем хочет спросить.

— Нам будет больно? — *Трансмалю будет больно*, имеет она в виду, но не может отделаться и от мысли, что *будет больно им*.

Голос заговаривает снова, прежде чем Шаффа успевает перевести вопрос Нэссун.

— Нет, — отвечает он.

Нэссун подпрыгивает от испуга, ее орогения

дергается так, что она заслужила бы окрик от Иссун.

— Это ты сказала нет? — в панике говорит она, окидывая взглядом стены трансмаля. Вдруг это совпадение?

— Избыток биомагестрического сырья позволяет… — голос снова переходит на старый язык, но Нэссун уверена, что даже не представляла, что может услышать эти странно произносимые слова на санзе-мэте, — обработку, — завершает она. Голос звучит успокаивающе, но кажется, что он исходит из стен, и Нэссун беспокоит, что ей не на чем сосредоточить взгляд, нет лица, на которое можно было бы посмотреть, слушая его. Как вообще можно говорить без рта, без горла? Она представляет, что жгутики на внешней стороне повозки каким-то образом трутся друг о друга, как лапки насекомого, и у нее мороз по коже идет.

Голос продолжает:

— Перевод. — Какие-то слова. — Лингвистическое смещение. — Это звучит как санзе-мэт, но она не понимает, что это значит. Следом звучат еще несколько слов, пять непонятных.

Нэссун смотрит на Шаффу, который тоже тревожно хмурится.

— Как мне ответить на то, что она спрашивала

раньше? — шепчет она. — Как мне сказать, что я хочу увидеть то, о чем она говорит?

В ответ, хотя Нэссун не намеревалась задавать этот вопрос напрямую трансмалю, ровная стена перед ними внезапно идет круглыми черными пятнами, словно ее поверхность внезапно покрывает мерзкая плесень. Они растут и быстро сливаются, пока половина стены не становится полной чернотой. Словно они смотрят сквозь окно в чрево города, но снаружи трансмаля не на что смотреть, там лишь одна чернота.

Затем на нижнем краю окна — а это действительно окно, осознает она — появляется свет; вся передняя часть трансмаля становится прозрачной. Свет прямоугольных панелей, как те, что обрамляли лестницу с поверхности, становится ярче и уходит вперед во тьму, и Нэссун может видеть стены с арочным перекрытием вокруг них. Очередной туннель, на сей раз способный вместить только трансмаль, извивается в темных скальных стенах, на удивление грубо вырубленных для строителей обелисков, так приверженных к совершенной гладкости. Трансмаль ровно бежит по туннелю, хотя и не быстро. Его толкают жгутики? Или что-то другое, чего Нэссун не способна представить? Она одновременно

восхищена и немного утомлена, если такое возможно. Кажется невероятным, что нечто, двигающееся так медленно, может доставить их на другую сторону света за шесть часов. Если все эти шесть часов будут такими — езда по ровной белой колее сквозь скальный черный туннель, и нечем отвлечься кроме тревоги Шаффы и бестелесного голоса, время растянется намного дольше.

И тут туннель выпрямляется и впереди Нэссун впервые видит дыру.

Она небольшая. Тем не менее в ней есть нечто впечатляющее. Она находится в центре сводчатой пещеры, окруженная большим количеством световых панелей, вделанных в пол. Когда трансмаль приближается, их белый цвет меняется на ярко-красный, и Нэссун решает, что это очередное предупреждение. Внизу в дыре — зияющая тьма. Она инстинктивно пытается сэссить ее размеры — но не может. Окружность — да, всего двадцать футов. Совершенно круглая. Глубина же… она хмурится, выбирается из кресла, сосредотачивается. В ее мозгу мерцает сапфир, предлагая свою силу, но она противится; здесь слишком много того, что отвечает на серебро, на *магию*, причем непонятным ей образом. И в любом случае она ороген. Сэссить глубину дыры было бы просто…

но эта дыра тянется глубоко, гораздо дальше ее предела чувствительности.

Колея трансмаля уходит прямо в дыру, через край.

Так должно быть или нет? Их цель — Сердечник. И все же Нэссун невольно ощущает прилив тревоги, настолько мощный, что он может перерасти в панику.

— Шаффа! — Он немедленно протягивает ей руку. Она крепко сжимает ее, не боясь причинить ему боль. Его сила, которую он использовал лишь для ее защиты и никогда для угрозы, сейчас отчаянно необходима ей для уверенности.

— Я такое уже делал, — говорит он, но как-то неуверенно. — И выжил.

Но ты не помнишь, как, думает она, ощущая ужас, для которого у нее нет слова.

(Это слово *предчувствие*.)

Затем край уже здесь, и трансмаль ныряет вперед. Нэссун ахает и вцепляется в подлокотники кресла — но, удивительно, головокружения нет. Трансмаль не набирает скорости; его движение на миг замирает, и Нэссун улавливает краем глаза жгутики в размытом движении по краям окна, каким-то образом изменяющие траекторию трансмаля от движения *вперед* на *вниз*.

Что-то еще приспосабливается к этой перемене, так что Нэссун и Шаффа не валятся вперед из кресел. Нэссун обнаруживает, что ее спина прижата к спинке кресла крепко, как и прежде, хотя это невозможно.

Тем временем тихий шум внутри трансмаля, который до сих пор был слишком тихим, почти подсознательным, внезапно начинает усиливаться. Незримые механизмы дрожат быстрее в безошибочном ритме разгона. Когда трансмаль заканчивает опрокидывание, окно снова заполняет чернота, но на сей раз Нэссун знает, что это зияющая тьма дыры. Впереди больше ничего нет. Только движение вниз.

— Запуск, — говорит голос внутри трансмаля.

Нэссун ахает и сильнее вцепляется в руку Шаффы, когда ее вжимает в спинку кресла при движении. Однако не так сильно, как *должно бы*, поскольку все чувства говорят ей, что они должны были бы рвануть вперед на чудовищной скорости, куда быстрее бегущей лошади.

Во тьму.

Поначалу тьма абсолютна, хотя когда они летят сквозь туннель, порой мимо проносится размытое кольцо света. Скорость продолжает нарастать — кольца пролетают так быстро, что превра-

щаются во вспышки. Проходит три вспышки прежде, чем Нэссун начинает понимать, что она видит и сэссит, и лишь тогда она смотрит на кольцо, когда они пролетают мимо — это *окна*. Они встроены в стены туннеля и подсвечены. Здесь жилое пространство, по крайней мере первые несколько миль. Затем кольца заканчиваются, и некоторое время в туннеле просто темно. Нэссун сэссит приближающуюся перемену за мгновение до того, как в туннеле внезапно становится светло. Они видят новый, красноватый свет, разнообразящий скальные стены туннеля. Ах да; они забрались достаточно глубоко, чтобы камень начал плавиться и пылать красным. Этот новый свет окрашивает внутреннюю часть трансмаля кровью, и золотая филигрань на ее стенах горит пламенем. Поначалу вид впереди непонятен, просто красное среди серого, коричневого и черного, но Нэссун инстинктивно понимает, что именно она видит. Они вошли в мантию, и сквозь ее страх в конце концов начинает просачиваться восхищение.

— Это астеносфера, — бормочет она. Шаффа хмуро смотрит на нее, но то, что она может дать название тому, что видит, успокаивает ее страх. У названий есть сила. Она закусывает губу, затем

отпускает, наконец, руку Шаффы, чтобы встать и подойти к переднему окну. Ближе становится понятно, что то, что она видит, — вроде иллюзии — крохотные разноцветные алмазики поднимаются из внутренней кожи трансмаля, формируя мозаику живых образов. Как это работает? Она понятия не имеет.

Она завороженно касается их рукой. Внутренняя кожа трансмаля не испускает тепла, хотя она знает, что они уже на том уровне под землей, где человеческая плоть должна сгореть в мгновение ока. Когда она касается изображения на переднем экране, оно еле заметно идет рябью вокруг ее пальца, как вода. Положив всю ладонь на вихрь коричнево-красного цвета, она не может сдержать улыбки. Всего в нескольких футах, по ту сторону кожи трансмаля, горящая земля. Она *касается* горящей земли за тонкой стенкой.

Она поднимает вторую руку, прижимается щекой к ровным пластинам. Здесь, в странном устройстве мертвой цивилизации, она часть земли, возможно, больше, чем все орогены до нее. Она *ее*, она *в ней, она* в ней. Когда Нэссун оглядывается через плечо на Шаффу, тот улыбается, несмотря на морщинки страдания вокруг его глаз. Это непохоже на его обычную улыбку.

— Что? — спрашивает она.

— Семьи Лидеров Юменеса верили, что орогены некогда правили миром, — говорит он. — И их долг в том, чтобы не дать вам никогда забрать такую власть. Поскольку вы стали бы чудовищами, правящими миром, сделали бы с простыми людьми то, что сделали с вами, если шанс подвернется. Не думаю, чтобы они были правы хоть в чем-то — и все же. — Он показывает на нее, освещенную пламенем земли. — *Посмотри* на себя, малышка. Если ты и чудовище, которым они вас представляют… то ты прекрасное чудовище.

Нэссун так любит его.

Именно потому она отбрасывает иллюзию могущества и возвращается в кресло рядом с ним. Но подойдя ближе, она видит, насколько он напряжен внутри.

— У тебя очень болит голова.

Его улыбка гаснет.

— Терпимо.

Она в тревоге кладет руки ему на плечи. Десятки раз по ночам она облегчала его страдания, так что это просто — но на сей раз, когда она направляет в него серебро, жгучее полыхание нитей между его клетками не ослабевает. Они вспыхивают *ярче*, так резко, что Шаффа напряга-

ется и отталкивает ее, встает и снова начинает расхаживать. Улыбка приклеилась к его губам, больше похожая на гримасу. Он неустанно ходит взад-вперед, но Нэссун видит, что эндорфины улыбки не помогают.

Почему эти нити загорелись ярче? Нэссун пытается понять, анализируя себя. Ее серебро не изменилось никак; оно течет как обычно, четкими привычными руслами. Она обращает свое серебряное зрение на Шаффу и запоздало замечает нечто ошеломляющее.

Этот трансмаль *сделан* из серебра, и не просто из его четких нитей. Он окружен серебром, пронизан им. Она видит волну серебра, лентами обтекающую ее и Шаффу, начиная от носа повозки и замыкая их позади. Это капсула из магии, внезапно понимает она, вот что отводит жар и толкает трансмаль на давлении и скашивает линии силы внутри него так, что гравитация толкает его под пол, а не тянет к центру земли. Стены — только рама; что-то в их структуре облегчает течение серебра, соединение и формирование решеток. Золотая филигрань помогает стабилизировать водоворот энергий перед повозкой — или так думает Нэссун, поскольку не может понять все способы, при помощи которых все

эти *магические* механизмы работают вместе. Это просто слишком сложно. Это как лететь в обелиске. Или как быть унесенной ветром. Она понятия не имела, насколько восхитительным может быть серебро.

Но есть нечто кроме чуда стен трансмаля. Что-то вне его.

Поначалу Нэссун не уверена, что именно она ощущает. Еще огни? Нет. Она все видит не так.

Это серебро, то же, что течет между ее клетками. Это *единая нить* серебра — и она громадна, она вьется между мягкими горячими камнями и в кипящей под высоким давлением воде. Единственная нить серебра… и она длиннее всего туннеля, который они уже проехали. Она не может найти ее концов. Она шире окружности трансмаля. Но в остальном она чистая и сфокусированная, как все нити внутри самой Нэссун. Такая же, просто… огромная.

И тут Нэссун *понимает*, она *понимает* так внезапно и резко, что у нее распахиваются глаза и она отшатывается, налетая на другое кресло, и чуть не падает прежде, чем успевает ухватиться за него. Шаффа издает глухой беспомощный стон и поворачивается в попытке ответить на ее тревогу — но серебро в его теле вспыхивает так ярко,

что он складывается пополам, обхватив голову и постанывая. Он слишком страдает, чтобы исполнить свой долг Стража или позаботиться о ней, поскольку серебро в его теле раскалилось так, что горит ярко, как эта гигантская нить в магме. Магия, так называет серебро Сталь. Эта штука под орогенией, которую создают живые или некогда живые вещи. Это серебро внутри Отца-Земли извивается между подобными горам фрагментами его вещества точно так же, как между клетками живого дышащего существа. И именно потому *планета* — живое дышащее существо; она теперь знает это с четкостью инстинкта. Все эти истории о том, что Отец-Земля живой — правдивы.

Но если мантия — тело Отца-Земли, почему его серебро становится ярче?

Нет. О, нет.

— Шаффа, — шепчет Нэссун. Он хрипит; он упал на колено, часто дыша и держась за голову. Она хочет подойти к нему, утешить его, помочь ему, но она стоит где стоит, задыхаясь от паники, внезапно осознав, что сейчас будет. Но она не хочет мириться с этим.

— Ш… Шаффа, пожалуйста, эта штука у тебя в голове, тот кусок железа, ты называл его сердечником, Шаффа, — голос ее срывается. Она не

может успокоить дыхание. Страх почти пережал ей глотку. Нет. Нет. Она не понимала, но теперь она понимает и не знает, как это остановить. — *Шаффа, откуда взялся этот сердечник у тебя в голове*?

Трансмаль снова говорит приветственным голосом, а затем продолжает, оскорбительный в своей отстраненной приятности.

— …чудо, единственно доступное, — что-то непонятное, — …маршрутом. Этот трансмаль, — что-то непонятное, — …сердце, освещенное, — опять непонятное, — …ради вашего удовольствия.

Шаффа не отвечает. Но Нэссун сэссит сейчас ответ на свой вопрос. Она может *чувствовать* его как едва заметный резонанс тонкого серебра, текущего в ее теле, — но это слабый резонанс, резонанс *ее* серебра, порожденный ее собственной плотью. Серебро в Шаффе и всех Стражах порождено сердечником, который вживлен в их сэссапины. Она иногда изучает этот сердечник, насколько это возможно, пока Шаффа спит, и кормит его своей магией. Это железо, но не похожее ни на какое другое, которое она сэссила. Странно плотное. Странно полное энергии, хотя часть ее — магия, которую он накачивает в него

из… откуда-то. Странно живое.

И когда вся правая сторона трансмаля растворяется, позволяя пассажирам посмотреть на редко видимые чудеса необузданного сердца мира, оно уже полыхает перед ней: подземное серебряное солнце, настолько яркое, что ей приходится зажмуриться, такое тяжелое, что у нее ноют сэссапины от его ощущения, с настолько мощной магией, что по сравнению с ним устойчивая связь с сапфиром кажется дрожащей и слабой. Это сердце Земли, источник сердечников, и перед ней мир собственной персоной, поглощающий смотровое окно и растущий по мере приближения.

Он не похож на камень, еле думает Нэссун, охваченная паникой. Может, это просто колыхание расплавленного металла и магии вокруг трансмаля, но чудовищность перед ее глазами словно бы мерцает, когда она пытается сфокусироваться на ней. В нем есть некая прочность; когда они приближаются, Нэссун замечает аномалии, усеивающие сверкающую сферу, крохотные по контрасту — даже когда она понимает, что это обелиски. Несколько десятков, вонзенных в сердце мира как иглы в подушечку. Но они — ничто. Ничто.

И Нэссун ничто. Ничто по сравнению с этим.

Зря ты берешь его с собой, сказал Сталь о Шаффе.

Паника разрывается с треском. Нэссун бежит к Шаффе, тот бьется в конвульсиях на полу. Он не кричит, но рот его открыт, и льдистые глаза выкатились, и все его конечности, когда она пытается уложить его на спину, сведены судорогой. Одной рукой он бьет ее в ключицу, отшвыривает назад, боль ужасная, но Нэссун едва замечает ее, подползая к нему снова. Она хватает его руку обеими руками и пытается удержать ее, поскольку он тянется к голове, сложив пальцы когтями, *раздирая* ногтями свой скальп и лицо…

– *Шаффа, нет*! — кричит она. Но он не слышит ее.

И тут трансмаль темнеет изнутри.

Она продолжает двигаться, хотя медленнее. Они на самом деле прошли сквозь полутвердую массу ядра, и теперь трансмаль стремится к поверхности — потому что, конечно же, люди, построившие обелиски, наслаждались бы своей способностью пронзать планету ради развлечения. Она ощущает горение серебра, бурлящее солнце вокруг себя. Однако за ее спиной смотровое окно внезапно тускнеет. Что-то прямо рядом с трансмалем давит на ее магическую оболочку.

Медленно, с извивающимся в молчаливой агонии Шаффой у нее на коленях, Нэссун поворачивается лицом к ядру Земли.

И там, в святилище его сердца, Злой Земля замечает ее.

Когда Земля говорит, это не совсем слова. Это то, что ты уже знаешь, но Нэссун только узнает в тот момент. Она сэссит значение, слышит вибрации слуховыми косточками, пропускает дрожь сквозь кожу, эти ощущения вызывают слезы у нее на глазах. Это как тонуть в энергии, чувствах и эмоциях. Это *больно*. Не забывай — Земля хочет убить ее.

Но помни и то, что Нэссун тоже хочет убить Землю.

И Земля говорит микротолчками, которые поднимают цунами где-то в южном полушарии:

Привет, маленький враг.

(Это приблизительно, сама понимаешь. Это все, что может выдержать ее маленький мозг.)

И когда Шаффа кашляет и бьется в конвульсиях, Нэссун вцепляется в его перекрученное болью тело и смотрит в ржавую тьму стены. Она больше не боится — ярость сделала ее стальной. Она настолько дочь своей матери…

— Отпусти его, — рычит она. — *Сейчас же.*

В сердце мира металл, расплавленный, но все же сжатый до твердости. В нем есть некая пластичность. Поверхность красной тьмы начинает идти волнами и меняется на глазах у Нэссун. На миг возникает нечто, чего она не может разобрать. Знакомые очертания. *Лицо*. Это лишь намек, глаза и рот, тень носа — но затем на миг эти глаза становятся определенными, губы — подчеркнутыми и проработанными, под глазами появляется родинка, глаза *открываются*.

Лицо незнакомо. Просто лицо… там, где его быть не должно. И пока Нэссун смотрит на него, зарождающийся ужас медленно вытесняет ее гнев, она видит другое лицо — и другое, их все больше возникает сразу, заполняя обзор. Каждое, всплывая из глубины, вытесняет другое. Их десятки. Сотни. Это с обвислыми щеками и усталое, это распухшее как от слез, это разинуло рот от немого крика, как Шаффа. Некоторые смотрят на нее умоляюще, говоря слова, которые она не поняла бы, даже если смогла бы услышать.

Но все они идут изумленной волной от более мощного присутствия. *Он мой.* Это не голос. Если Земля говорит, то не словами. Как бы то ни было.

Нэссун поджимает губы и тянется к серебру Шаффы, безжалостно обрывая щупальца,

вплавляющиеся в его тело, насколько может, прямо вокруг сердечника. Это не действует так, как обычно, когда она использует серебро для хирургии. Серебряные нити в Шаффе восстанавливаются практически сразу же и пульсируют намного сильнее. Каждый раз Шаффа вздрагивает. Она причиняет ему боль. Она делает все хуже. Выбора нет. Она обвивает собственные нити вокруг сердечника, чтобы проделать операцию, которую он не разрешил ей сделать несколько месяцев назад. Если это сократит его жизнь, то он хотя бы не будет страдать оставшееся ему время.

Но еще одна волна насмешливого изумления заставляет трансмаль содрогнуться, и вспышка серебра проходит сквозь Шаффу, сбрасывая ее ничтожные нити. Операция провалилась. Сердечник сидит так же прочно, как всегда между долями его сэссапин, как паразит, которым и является.

Нэссун мотает головой и оглядывается в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы помочь. На миг ее отвлекает кипение и перемещение лиц в ржавой мгле. Кто эти люди? Почему они здесь, бурлят в сердце Земли?

Обязательство, отвечает Земля маленькими волнами жара и сокрушительным давлением.

Нэссун стискивает зубы, сражаясь с весом его презрения. *Украденное или взятое взаймы должно быть компенсировано.*

И Нэссун ничего не остается, кроме как понять и это тоже, здесь, в объятиях Земли, когда смысл сказанного гудит в ее костях. Серебро — магия — идет от жизни. Те, кто построил обелиски, пытался обуздать магию, и им удалось, ого как удалось! Они использовали ее для создания невообразимых чудес. Но потом они возжелали больше магии, чем имела их собственная жизнь или накопилось за эпохи жизни и смерти на поверхности Земли. И когда они увидели, сколько магии плещется прямо под поверхностью, только протяни руку…

До них могло и не дойти, что столько магии, столько *жизни* может быть знаком… сознательности. Земля не говорит словами, в конце концов, и, возможно, понимает Нэссун, увидев весь мир целиком при сохранении детской невинности, эти строители великой сети обелисков не привыкли чтить жизнь, отличную от их жизни. На самом деле в этом они не слишком отличались от тех, кто управлял Эпицентрами, от налетчиков или ее отца. И там, где следовало увидеть другое живое существо, они видели лишь очередной

предмет для использования. Где следовало попросить или оставить в покое, они насиловали.

За некоторые преступления нет соразмерного наказания — только расплата. И за каждую частицу жизни, вытянутую из-под кожи Земли, он затянул миллион человеческих останков в свое сердце. Тела гниют в почве, в конце концов — а почва покоится на тектонических плитах, а плиты, в конце концов, уходят в огонь под земной корой, бесконечно перемещаясь сквозь мантию… и в себе самом Земля пожирает все, чем они были. Это честно, обосновывает он — холодно, с гневом, который до сих пор дрожью поднимается из глубин, чтобы разрывать трещинами кожу мира и запускать Зиму за Зимой. Это правильно. Не Земля начал этот цикл боевых действий, не он похитил Луну, не он бурил чужую кожу и отрывал куски все еще живой плоти, чтобы использовать как трофей и инструмент, он не строил замысла погрузить человечество в бесконечный кошмар. Не он начал эту войну, но он, ржавь, *возьмет то. Что ему. Принадлежит*.

О. Разве Нэссун не понимает? Она крепче стискивает рубаху Шаффы, дрожа, когда ее ненависть колеблется. Разве она не может понять? Мир столько отнял у нее. Когда-то у нее был брат. И

отец, и мать, которую она понимает, но лучше бы нет. И дом, и мечты. Люди Спокойствия с тех пор лишили ее детства и надежды на настоящее будущее, и она так зла, что не может думать ни о чем, кроме ЭТО НАДО ОСТАНОВИТЬ и Я ЭТО ОСТАНОВЛЮ –

— так разве она сама не резонирует вместе с гневом Отца-Земли?

Да.

Земля ее пожри, да.

Шаффа затих у нее на коленях. Под одной его ногой мокро — он обмочился. Глаза его все еще открыты, он часто и неглубоко дышит. Натянутые мускулы до сих пор подергиваются. Все ломается, если пытка затянется слишком долго. Разум выносит невыносимое, уходя из тела. Нэссун десять лет, стоящих сотни, но она повидала достаточно мирового зла, чтобы понимать это. Ее Шаффа. Ушел.

И может никогда, никогда не вернуться назад.

Трансмаль несется вперед.

Окно снова начинает светлеть, когда повозка выходит из ядра. Снова загорается приятный внутренний свет. Теперь пальцы Нэссун чуть держат одежду Шаффы. Она смотрит назад, на вращающуюся массу ядра, пока материал боко-

вой части снова не становится непрозрачным. Переднее окно тоже держится, но и оно начинает темнеть. Они вошли в другой туннель, шире первого, с твердыми черными стенами, каким-то образом не пропускающими бурный жар внешней коры и мантии. Теперь Нэссун чувствует, что трансмаль идет вверх, от ядра. Назад к поверхности, но на сей раз на другой стороне планеты.

Нэссун шепчет — себе, поскольку Шаффа ушел:

— Это надо остановить. Я остановлю. — Она закрывает глаза. И мокрые ресницы слипаются. — Я обещаю.

Она не знает, кому обещает. Но это и не имеет значения.

Вскоре после этого трансмаль достигает Сердечника.

Сил Анагист: Один

ОНИ ЗАБИРАЮТ КЕЛЕНЛИ УТРОМ.

Это неожиданно, по крайней мере для нас. И это не из-за нас на самом-то деле, как мы быстро понимаем. Первым приезжает проводник Галлат, хотя я вижу еще несколько других высокопоставленных проводников, разговаривающих в доме над садом. Он не выглядит недовольным, когда вызывает Келенли наружу и разговаривает с ней тихо, но настойчиво. Мы все встаем и виновато вибрируем, хотя не сделали ничего плохого, лишь провели ночь на жестком полу, прислушиваясь к странным звукам чужого дыхания и случайных движений. Я наблюдаю за Келенли, опасаясь за нее, желая защитить ее, хотя это ощущение только зарождается, я не знаю, какая ей грозит опасность. Она стоит, выпрямившись во весь рост, как одна из них, разговаривая с Галлатом. Я сэсуной чувствую ее напряжение, как золу разлома, готовую соскользнуть. Они стоят снаружи маленького садового домика, в пятнадцати футах от нас, но я слышу, как Галлат на миг повышает голос.

— И сколько еще ты намерена заниматься этой дурью? Спать в сарае?

Келенли спокойно отвечает:

— А в чем проблема?

Галлат — самый высокопоставленный из проводников. И самый жестокий. Мы не думаем, что он преднамеренно такой. Он, похоже, просто не понимает, что к нам вообще можно относиться жестоко. Мы настройщики машины, мы сами должны быть настроены ради блага проекта. То, что этот процесс иногда приводит к страданиям или страху быть списанным в терновую рощу… несущественно. Мы гадали, есть ли чувства у самого Галлата. Я вижу сейчас, что есть, когда он отходит с лицом, просто идущим кругами, как вода от камня, от обиды после попавших в цель слов Келенли.

— Я был добр с тобой. — Голос его дрожит.

— И я благодарна тебе. — Голос Келенли не дрогнул, как и мускулы на ее лице. Она впервые выглядит и говорит как одна из нас. И как мы часто это делаем, она ведет с ним разговор, который совершенно не связан с исходящими из их уст словами. Я проверяю — в окружающем ничего нет, кроме угасающих вибраций их голосов.

И все же.

Галлат в упор смотрит на нее. Затем боль и гнев уходят с его лица, сменяясь усталостью. Он отворачивается и резко бросает:

— Ты нужна мне в лабе сегодня. В подсетке опять флуктуации.

Лицо Келенли в конце концов оживает, брови сдвигаются.

— Мне сказали — три дня.

— Геоаркания имеет преимущество перед твоими планами на выходные, Келенли. — Он смотрит на маленький дом, где сгрудились я с остальными, и перехватывает мой взгляд. Я не отвожу взгляда по большей части потому, что так зачарован его страданием, что даже и не вспоминаю, что это надо делать. На миг он кажется смущенным, затем раздраженным. Он говорит ей с обычным нетерпеливым видом: — Биомагестрия способна лишь давать удаленные сканы снаружи комплекса, но они утверждают, что действительно засекли некоторую интересную очистку потока в сети настройщиков. Что бы ты с ними ни делала, это явно не пустая трата времени. Так что я отведу их туда, куда ты планировала сегодня. После можешь вернуться в комплекс.

Она смотрит на нас. На меня. *Мой мыслитель*.

— Это должна быть довольно простая прогул-

ка, — говорит она ему, глядя на меня. — Им надо увидеть местный фрагмент двигателя.

— Аметист? — изумленно смотрит на нее Галлат. — Так они живут в его тени. Постоянно видят его. Как это может помочь?

— Они не видели его гнезда. Им надо полностью понять процесс его роста — более чем теоретически. — Она тут же отворачивается от меня и идет к большому дому. — Просто покажи им, потом можешь подбросить их до комплекса, и все.

Я отлично понимаю, почему Келенли говорит с ним небрежным тоном и почему она не прощается перед тем, как уйти. Точно так же и мы, когда нам приходится наблюдать или сэссить, когда наказывают кого-то из нашей сети, делаем вид, что нам все равно. (*Тетлева. Твоя песня бесцветна, но не молчалива. Откуда ты поешь?*) Это снимает наказание с остальных и не дает проводникам сосредоточить свой гнев еще на ком-то. Однако понимать это и ничего не чувствовать, когда она уходит, — две разные вещи.

Проводник Галлат после этого в ужасном настроении. Он велит нам собираться, чтобы идти. Нам нечего собирать, хотя некоторым из нас нужно устранить из себя отходы прежде, чем мы двинемся, и всем нам нужна вода и пища.

Он позволяет тем, кому нужно, воспользоваться маленьким туалетом Келенли или кучей листьев на заднем дворе (я в их числе, очень странно сидеть на корточках, но это весьма полезный опыт), затем приказывает забыть о голоде и жажде и идти за ним, и мы идем. Он ведет нас очень быстро, хотя ноги у нас короче, чем у него, и ноют со вчерашнего дня. Мы с облегчением видим вызванный им трансмаль, поскольку можем сесть, и нас отвезут к центру города.

Остальные проводники едут с нами и Галлатом. Они говорят с ним, игнорируя нас, он отвечает резко и односложно. Они спрашивают его по большей части о Келенли — всегда ли она так уперта, не думает ли он, что это непредвиденный генджинирингговый дефект, почему он вообще разрешает ей влиять на проект, когда она фактически только старомодный прототип.

— Потому что до сих пор она ни разу не ошибалась в своих предположениях, — резко отвечает он после третьего такого вопроса. — Именно по этой причине мы, в конце концов, и разработали настройщиков. Без них Планетарному Движителю понадобится еще семьдесят лет рихтовки, прежде чем мы хотя бы сможем попытаться провести первый опытный пуск. Когда сенсоры

машины способны точно сказать тебе, что не так и как заставить все в целом работать эффективно, глупо не прислушаться.

Это вроде успокаивает их, и они оставляют его в покое и снова начинают переговариваться — но друг с другом, не с ним. Я сижу рядом с проводником Галлатом. Я замечаю, как в нем растет напряжение от брезгливости остальных проводников, и гнев расходится от его кожи, как остаточное тепло от нагретого солнцем камня после наступления ночи. В отношениях проводников всегда есть странная динамика. Мы, как можем, догадываемся, хотя до конца не понимаем. Сейчас, однако, благодаря объяснениям Келенли я вспоминаю, что у Галлата *нежелательное происхождение*. Нас-то сделали такими, а он просто родился с бледной кожей и льдистыми глазами — чертами, свойственными ньессам. Он не ньесс — ньессов больше нет. Есть другие, силанагистанские расы с бледной кожей. Однако по его глазам можно предположить, что в истории его семьи — дальней истории, иначе ему не позволили бы обучаться или получать медицинское обслуживание и занимать его нынешнее престижное положение — кто-то заделал ребенка с ньессом. Или нет. Это может быть случайной

мутацией или случайной пигментацией. Но, похоже, никто это таковым не считает.

Вот почему, хотя Галлат работает усерднее и проводит больше времени в комплексе, чем кто бы то ни было, остальные проводники обращаются с ним так, будто он ниже, чем на самом деле. Если бы он сам не обращался с нами точно так же, я бы его пожалел. А сейчас я боюсь его. Всегда боялся. Но ради Келенли я решил быть отважным.

— Почему ты сердишься на нее? — спрашиваю я. Мой голос тих, и его трудно расслышать на фоне гудения метаболического цикла трансмаля. Несколько других проводников замечают мои слова. Но им все равно. Я хорошо выбрал время.

Галлат вздрагивает, затем смотрит на меня так, будто прежде никогда не видел.

— Что?

— Келенли. — Я встречаюсь с ним взглядом, хотя мы усвоили, что проводники такого не любят. Они считают визуальный контакт вызовом. Но также они отмахиваются от нас легче, когда мы на них не смотрим, а сейчас я не хочу, чтобы от меня отмахивались. Я хочу, чтобы он *прочувствовал* этот разговор, даже если его слабые, примитивные сэссапины не могут передать ему, что мои ревность и обида подняли температуру

водоносного слоя города на два градуса.

Он зло смотрит на меня. Я отвечаю бесстрастным взглядом. Я чувствую напряжение в сети. Остальные, которые, конечно же, заметили то, что проигнорировали проводники, внезапно пугаются за меня… но я почти не ощущаю их тревоги, внезапно осознав наше отличие. Галлат прав: мы *действительно* меняемся, становимся сложнее, наше влияние на окружающую среду усиливается в результате того, что показала нам Келенли. Это усовершенствование? Я еще не уверен. Пока мы растеряны. А прежде были по большей части единообразны. Ремва и Гэва злы на меня, за то что я пошел на такой риск, прежде не согласовав его со всеми — и эта безответственность, полагаю, мой собственный симптом изменения. Бимнива и Салева иррационально злы на Келенли из-за того, что она странным образом влияет на меня. Душве все мы надоели, и они просто хотят домой. Под гневом Гэвы чувствуется страх за меня, но она и жалеет меня, поскольку я думаю, что она понимает, что мое безрассудство — симптом чего-то другого. Я решил, что я влюблен, но любовь — это болезненная горячая точка, кипящая под моей поверхностью там, где некогда была стабильность, и мне это

не нравится. В конце концов, я некогда был создан как самый лучший инструмент, который когда-либо создавала великая цивилизация. Теперь же я узнал, что я ошибка, сляпанная кое-как чокнутыми ворами, напуганными собственной серостью. Я не знаю, как реагировать, *кроме как* безрассудно.

Но никто из них не сердится на Галлата за то, что он слишком опасен, чтобы даже просто разговаривать с ним. В этом есть что-то очень неправильное. Наконец Галлат говорит:

— С чего ты взял, что я сердит на Келенли? — Я открываю было рот, чтобы сказать о напряженности его тела, его голосовом напряжении, выражении его лица, и он раздраженно фыркает. — Не бери в голову. Я знаю, как вы обрабатываете информацию. — Он вздыхает. — И, полагаю, ты прав.

Я определенно прав, но я понимаю, что не следует напоминать ему о том, чего он знать не хочет.

— Ты хочешь, чтобы она жила у тебя дома. — Я не был уверен, что это дом Галлата до разговора нынче утром. Но я должен был бы догадаться — дом пах как он. Все мы не очень разбираемся в остальных чувствах, кроме сэсуны.

— Это *ее* дом, — резко отвечает он. — Она выросла здесь, как и я. — Келенли рассказывала мне об этом. Она воспитывалась вместе с Галлатом, думала, что она нормальная, пока кто-то в конце концов не рассказал ей, почему родители ее не любят. — Она была частью проекта. — Он напряженно кивает с горько искривленным ртом. — И я тоже. Человеческий ребенок был необходимым для контроля, а у меня были… полезные характеристики для сравнения. Я считал ее сестрой, пока нам обоим не исполнилось по пятнадцать лет. Тогда нам рассказали.

Так долго. И все же Келенли должна была заподозрить, что она иная. Серебряное мерцание магии вокруг нас течет в нас как вода. Все могут его сэссить, но мы настройщики. Мы ею живем. Она живет в нас. Она никогда не могла даже подумать о себе как о нормальной.

Однако Галлат был совершенно ошарашен. Возможно, его мировоззрение так же перевернулось, как теперь мое. Возможно, он барахтался — барахтается — точно так же, пытаясь примирить свои чувства с реальностью. Я ощущаю внезапную симпатию к нему.

— Я никогда не обращался с ней плохо. — Голос Галлата стал тихим, и я не уверен, что он все еще

говорит со мной. Он скрестил руки и закинул ногу за ногу, упорно глядя сквозь одно из окон трансмаля невидящим взглядом. — Никогда не обращался с ней как с… — Внезапно он моргает и бросает угрюмый взгляд на меня. Я хочу кивнуть, чтобы показать, что понимаю, но какой-то инстинкт удерживает меня. Я просто смотрю на него в ответ. Он расслабляется. Я не понимаю, почему.

Он не хочет, чтобы ты услышал от него «как с вами», — сигналит Ремва, раздраженно гудя на мою тупость. — *И он не хочет, чтобы ты понял, что это значит, если он так скажет. Он убеждает себя, что он не такой, как те, кто сделал тяжелее его собственную жизнь. Это ложь, но она ему нужна, и ему нужно поддерживать эту ложь. Ей не следовало говорить нам, что мы ньессы.*

Мы не *ньессы*, отвечаю я гравитационными импульсами. По большей части я раздражен тем, что ему пришлось это подчеркивать. Поведение Галлата очевидно теперь, когда Ремва объяснил.

Для них мы ньессы. Гэва посылает простой микротолчок, чьи реверберации она гасит, так что мы сэссим потом только холодное молчание. Мы перестаем спорить, поскольку она права.

Галлат продолжает, не зная о нашем кризисе идентичности:

— Я дал ей столько свободы, сколько мог. Все знают, что она такое, но мы дали ей те же привилегии, как и любой нормальной женщине. Конечно, есть ограничения, запреты, но обоснованные. Я не мог показать себя небрежным, если… — Он осекается, погружаясь в собственные мысли. Мускулы на его скулах разочарованно подергиваются. — Она ведет себя так, словно не может этого понять. Словно проблема *во мне*, а не в мире. Я пытаюсь помочь ей! — И он испускает тяжелый вздох разочарования.

Однако мы услышали достаточно. Позже, переваривая все это, я скажу остальным — *Она хочет быть личностью*.

Она хочет невозможного, скажут Душва. *Галлат считает, что лучше она будет принадлежать ему, чем Сил Анагисту. Но чтобы стать личностью, она должна перестать быть… принадлежащей. Кому бы то ни было.*

Тогда Сил Анагист должен перестать быть Сил Анагистом, печально добавит Гэва. Да. Все они будут правы, мои друзья-настройщики… но это не значит, что стремление Келенли неправильно. Или что нечто невозможно лишь потому,

что это очень, очень трудно.

Трансмаль останавливается в той части города, которая, на удивление, кажется знакомой. Я видел этот район только раз и все же узнаю схему улиц и виноцветы на одной зеленой стене. Качество света, падающего сквозь аметист, и садящееся солнце пробуждают во мне чувства тоски и облегчения, которые, как я однажды узнаю, называются тоской по дому. Остальные проводники выходят и направляются назад, в комплекс. Галлат подзывает нас. Он все еще зол и хочет поскорее все закончить. Мы следуем за ним медленно, поскольку наши ноги короче и мышцы ноют, пока он, наконец, не замечает, что мы и наши охранники отстаем на десять футов. Он останавливается, чтобы мы его догнали, но челюсть его выставлена, и пальцы одной из сложенных рук выбивают короткий ритм.

— Быстрее, — говорит он. — Я хочу вечером начать пусковые испытания.

Мы понимаем, что жаловаться бесполезно. Отвлечься часто бывает полезно. Гэва говорит:

— Что мы спешим увидеть?

Галлат нетерпеливо качает головой, но отвечает. Как и планировала Гэва, он идет медленнее, чтобы говорить с нами, что позволяет и нам за-

медлить шаг. Мы отчаянно переводим дыхание.

— Гнезда, в которых были выращены эти фрагменты. Вам рассказывали основы. Сейчас каждый фрагмент служит блоком питания для какого-либо узла Сил Анагиста — берет магию, катализирует ее, часть возвращает городу и сохраняет избыток. Естественно, пока двигатель не активирован.

Он внезапно останавливается, отвлекаясь на наше окружение. Мы достигли запретной зоны вокруг основания фрагмента — трехъярусного парка с несколькими административными зданиями и остановкой на маршруте трансмаля (как нам сказали), который раз в неделю ходит в Сердечник. Все очень утилитарно и слегка нудно.

И все же над нами, заполняя небо почти насколько хватает взгляда, возвышается аметистовый фрагмент. Несмотря на нетерпеливость Галлата, все мы останавливаемся и в благоговении смотрим вверх. Мы живем в его цветной тени, и мы созданы для того, чтобы удовлетворять его нужды и контролировать его выходную мощность. Он — мы, мы — он. И все же редко нам удается видеть его вот так, напрямую. Все окна наших камер выходят на другую сторону. (Связь, гармония, видимость и волнообразная эффектив-

ность; проводники не хотят рисковать случайной активацией.) Это величественное сооружение, думаю я, как по своему физическому состоянию, так и по суперпозиции магии. В последнем своем состоянии он пылает, его кристаллическая решетка почти полностью заряжена аккумулированной магией, которую мы вскоре используем для запуска Геоаркании. Когда мы переключим мировые энергетические системы с обелисков, ограниченных циклом запас-генерация, на неограниченные потоки внутри земли, и когда Сердечник полностью выйдет в сеть для их регулирования, и когда мир окончательно достигнет мечты величайших лидеров и мыслителей Сил Анагиста…

…что же. Тогда я и все остальные больше не будем нужны. Мы столько слышали о том, что случится, как только мир освободится от дефицита и нужды. Люди будут жить вечно. Путешествовать к другим планетам за пределами нашей звезды. Проводники заверили нас, что нас не убьют. На самом деле, нас будут славить как вершину магестрии и живое воплощение того, чего может достичь человечество. Это ли не цель, к которой следует стремиться — достичь поклонения? Разве нам не следует гордиться?

Но впервые я подумал о той жизни, какой хотел бы для себя, будь у меня выбор. Я подумал о доме, в котором живет Галлат: огромном, красивом, холодном. Я думаю о домике Келенли в саду, маленьком и окруженном маленькой растущей магией. Я думаю о жизни с Келенли.

Сидеть у ее ног каждый вечер, говорить с ней сколько хочу, на любом знакомом мне языке без страха. Я думаю о ее улыбке, лишенной горечи, и эта мысль дарит мне невероятное блаженство. Затем я чувствую стыд, словно не имею права воображать такое.

— Пустая трата времени, — бормочет Галлат, глядя на обелиск. Я вздрагиваю, но он не замечает. — Ладно. Вот он. Понятия не имею, почему Келенли хотела, чтобы вы это видели, но теперь вы видите.

Мы восхищаемся, как приказано.

— Мы можем… подойти ближе? — спрашивает Гэва. Некоторые из нас стонут сквозь землю; наши ноги болят, мы голодны. Но она отвечает в отчаянии: *Пока мы здесь, мы можем получить из этого максимум.*

Словно соглашаясь, Галлат вздыхает и трогается вперед, вниз по наклонной дороге к основанию аметиста, где тот прочно сидит в гнезде с момен-

та первого введения питательной среды. Я видел верхушку аметистового фрагмента, теряющуюся среди летящих облаков и порой обрамленную белым светом Луны, но эта часть для меня нова. Вокруг ее основания трансформаторные пилоны — это я знаю из обучения, — которые отводят часть магии из генерирующего горна аметистового сердечника. Эта магия — крохотная фракция невообразимого объема, который способен производить Планетарный Движитель — распределяется по бесчисленным контурам в дома, здания, машинерию, зарядные станции трансмалей по всему городу-узлу. Так же во всех городах-узлах Сил Анагиста по всему миру — всего двести пятьдесят шесть фрагментов. Внезапно мое внимание привлекает странное ощущение — самая странная вещь, какую я когда-либо сэссил. Что-то расплывчатое… что-то вблизи генерирует силу, которая… Я качаю головой и останавливаюсь.

— Что это? — спрашиваю я прежде, чем подумать, разумно ли говорить снова, когда Галлат в дурном настроении. Он останавливается, хмуро смотрит на меня, затем, похоже, понимает смятение на моем лице.

— О, думаю, ты достаточно близко стоишь, что-

бы засечь это здесь. Это просто отклик сточной линии.

— А что такое *сточная линия*? — спрашивает Ремва, когда я сломал лед. Это заставляет Галлата смотреть на него чуть с большим раздражением. Все мы напряжены.

— Злая Смерть, — выдыхает наконец Галлат. — Легче показать, чем рассказать. Пошли.

Он быстро идет вперед, и на сей раз никто из нас не смеет жаловаться, хотя мы передвигаем наши несчастные ноги на низком сахаре крови и некотором обезвоживании. Следом за Галлатом мы достигаем самого нижнего яруса, пересекаем трек трансмаля и проходим между двумя громадными гудящими пилонами.

И… мы уничтожены.

За пилонами, объясняет нам проводник Галлат, не скрывая нетерпения, находится система запуска и транслирующая система фрагмента. Он пускается в подробное техническое описание, которое мы впитываем, но не то чтобы слушаем. Наша сеть, почти постоянная система связей, при помощи которой мы вшестером общаемся и получаем взаимные рокочущие предупреждения или поддерживаем друг друга песней утешения, полностью умолкла и застыла. Это шок. Это ужас.

Суть объяснения Галлата такова: когда фрагменты были выращены десятки лет назад, они не могли сами начать генерировать магию. Неживые, неорганические предметы вроде кристаллов инертны в отношении магии. Потому, чтобы помочь фрагментам начать генеративный цикл, в качестве катализатора необходимо использовать сырую магию. Каждому мотору нужен стартёр. Возьмем сточные линии: они выглядят как лозы, толстые и шишковатые, перекрученные и извивающиеся, чтобы сформировать жизнеподобные заросли вокруг основания фрагмента. И в ловушке лоз…

Мы пойдем посмотреть на них, сказала мне Келенли, когда я спросил, где ньессы.

Они все еще живы, с первого взгляда понимаю я. Хотя они неподвижно лежат, распростершись, среди зарослей (поверх лоз, обвитые ими, пронзенные ими там, где лозы проросли сквозь плоть), невозможно не сэссить нежные нити серебра, мечущиеся среди клеток вот этой руки или танцующие вдоль волосков вот этой спины. Некоторые из них, как мы видим, дышат, хотя это движение такое медленное. Многие в лохмотьях, истлевших за годы, некоторые наги. Их волосы и ногти не отросли, и их тела не производят от-

ходов, которые мы могли бы видеть. Они также не чувствуют боли, инстинктивно ощущаю я; это хотя бы милосердно. Это потому, что сточные линии забирают всю магию жизни из их тел, кроме единственной струйки, которая необходима для поддержания в них жизни. Держать их живыми для производства большей жизни.

Это и есть терновая роща. Давно, когда нас только что извлекли из автоклавов, когда мы еще учились использовать язык, встроенный в наши мозги во время фазы роста, один из проводников рассказал нам историю о том, куда нас отправят, если мы по какой-то причине станем неспособны работать.

Тогда нас было четырнадцать. Нас отправят в отставку, сказала она, туда, где мы будем продолжать косвенно помогать проекту.

— Там спокойно, — сказала проводник. Я хорошо это помню. Она улыбалась, говоря это. — Увидите.

Жертвы терновой рощи провели здесь много лет. Десятилетий. Взгляд охватывает сотни их, и еще тысячи, невидимые в зарослях, расположенных по всей окружности основания аметиста. Миллионы, если помножить на двести пятьдесят шесть. Мы не можем видеть Тетлеву или прочих,

но мы знаем, что и они тоже где-то здесь. Все еще живые — и не живые.

Галлат заканчивает, пока мы молча смотрим на все это.

— Потому после запуска системы, как только генеративный цикл установлен, возникает лишь периодическая необходимость в перезапуске. — Он вздыхает, устав от собственного голоса. Мы молча смотрим. — Сточные линии запасают магию на всякий возможный случай. В День Пуска каждый сливной резервуар должен иметь запас примерно в тридцать семь ламмотиров, что в три раза… — Он осекается. Вздыхает. Чешет переносицу. — Бессмысленно. Она играет с тобой, дурак. — Словно он не видит того, что видим мы. Словно эти запасенные, превращенные в компоненты жизни ничего для него не значат. — Довольно. Пора возвращаться в комплекс.

И мы возвращаемся домой.

И наконец, начинаем составлять план.

* * *

Брось их наземь, уложи
Сделай их землей для ржи!
Заглуши их, затопчи,

Прыгай, топай и скачи!
Пусть кричат – а ты не слышь!
Так злодеев победишь!

Детская досанзийская считалка, популярная в квартентах Юменес, Халтоли, Нианон и Эуэх, происхождение неизвестно. Существует множество вариантов. Это, видимо, основной текст.

11
Ты почти дома

ОХРАНА НА УЗЛОВОЙ СТАНЦИИ, похоже, действительно думает, что может справиться с вами, когда ты и прочие кастримиты появляетесь из пеплопада. Ты полагаешь, что многие из вас *действительно* выглядят как большая, чем обычно, банда с учетом вашей засыпанной пеплом и изъеденной кислотой одежды и исхудалого вида. У Юкки даже нет времени, чтобы послать Данель попробовать договориться прежде, чем они начинают палить из арбалетов. Они никудышные стрелки, в чем вам везет; но закон средних чисел на их стороне, в чем вам не везет. Три кастримита падают под стрелами прежде, чем ты понимаешь, что Юкка понятия не имеет, как использовать торус в качестве щита, — но после ты вспоминаешь, что и ты тоже не можешь этого сделать без последствий. Ты кричишь Матчишу, и он делает это с алмазной точностью, превратив стрелы в снег с ошметками дерева, примерно так же, как ты в Тиримо в тот последний день.

Он не так искусен, как ты тогда. Часть торуса

остается вокруг него; он просто растягивает и переформирует его передний край, образуя барьер между Кастримой и большими шлаковыми воротами узловой станции.

К счастью, перед ним никого нет (после того как ты крикнула, чтобы все убрались с дороги). Затем последним выбросом перенаправленной кинетической энергии он разбивает ворота и замораживает арбалетчиков прежде, чем распустить торус. Затем, пока Опоры Кастримы бросаются вперед, чтобы взяться за дело, ты идешь к Матчишу, который распростерся на полу телеги, тяжело дыша.

— Грязновато, — говоришь ты, поймав его руку и прижав к себе, поскольку ты не можешь взять ее в ладони. Ты ощущаешь холод его кожи сквозь слои одежды. — Надо было заякорить торус как минимум в десяти футах.

Он ворчит, закрывает глаза. Выносливость у него источилась просто в ржавь, но, вероятно, он слишком ослаб от голода, а с орогенией это не очень-то сочетается.

— Мне не приходилось делать ничего затейливей, чем людей морозить, да и то пару лет назад. — Затем он сердито смотрит на тебя. — Ты-то сама, вижу, помочь не удосужилась.

Ты устало улыбаешься.

— Потому, что я знаю, что ты справишься. — Затем ты соскребаешь лед с дна телеги, чтобы тебе было где посидеть, пока сражение не закончится. Когда все кончено, ты гладишь заснувшего Матчиша и идешь искать Юкку. Она прямо за воротами внутри вместе с Эсни и парой Опор, и все они с изумлением смотрят на маленький загон. Там *коза* — равнодушно смотрит на всех и жует свое сено. Ты не видела коз с самого Тиримо.

Но главное — прежде всего.

— Постарайтесь, чтобы они не убили доктора или докторов, — говоришь ты Юкке и Эсни. — Они, вероятно, забаррикадировались с узловиком. Лерна не знает, как ухаживать за ним, здесь нужно особое умение. — Ты на миг замолкаешь. — Если ты еще придерживаешься этого плана.

Юкка кивает и смотрит на Эсни, которая кивает и бросает взгляд на другую женщину, которая зыркает на молодого человека, который бросается в здание узла.

— Каков шанс, что доктор убьет узловика? — спрашивает Эсни. — Ради милосердия.

Ты подавляешь желание сказать: *Милосердие для людей*. Такой образ мысли должен исчезнуть,

даже если ты думаешь так в своем озлоблении.

— Невелик. Объясните ему сквозь дверь, что вы не намерены убивать тех, кто сдается, если думаешь, что это поможет. — Эсни посылает с этим другого гонца.

— Конечно, я все еще придерживаюсь плана, — говорит Юкка. Она трет лицо, размазывая пепел. Под этим пеплом еще пепел, и въелся он глубоко. Ты уж и забыла, каков у нее природный цвет лица, и не можешь сказать, красит ли она глаза по-прежнему. — В смысле, большинство из нас могут справиться с толчками контролируемым образом, теперь даже дети, но… — Она смотрит на небо. — Ладно. Тут *вот это*. — Ты следуешь за ее взглядом, но уже знаешь, что увидишь. Ты пыталась не видеть этого. Все пытались.

Разлом.

По эту сторону Мерца неба не существует. Дальше к югу пепел, который выбрасывает Разлом, успевает подняться в атмосферу и немного рассеяться, формируя рябые облака, царящие в небе, к чему ты привыкла за последние пару лет. Но здесь… Здесь ты пытаешься поднять глаза, но прежде чем ты вообще добираешься до неба, твой взгляд захватывает нечто вроде медленно кипящей черно-красной стены вдоль всего ви-

димого северного горизонта. То, что ты видишь, при извержении вулкана называлось бы столбом извержения, но Разлом — не какой-то одинокий выброс. Это тысячи вулканов, поставленных впритык непрерывной линией подземных огней и хаоса от одного побережья Спокойствия до другого. Тонки пытается заставить всех называть то, что ты видишь, правильным термином: *пиро-кучево-дождевое облако*, гигантское грозовое облако из пепла, огня и молний. Ты уже слышала, как люди использовали другой термин — просто *Стена*. Ты думаешь, что это название и приживется. А вообще ты подозреваешь, что если через пару поколений кто-то останется жив, чтобы дать название этой Зиме, то это будет что-то вроде Зима Стены.

Ты слышишь слабый, но вездесущий рокот в земле. Низкий бесконечный рык в твоем среднем ухе. Разлом — не просто землетрясение, это продолжающееся, динамическое расхождение двух тектонических плит по новой линии тектонического нарушения. Афтершоки первоначального разлома не прекратятся в течение долгих лет. Твои сэссапины в эти дни просто звенят, веля тебе крепиться или бежать, зудят от необходимости *сделать хоть что-нибудь* с сейсмической угро-

зой. Ты все понимаешь, но в этом-то и проблема: все орогены Кастримы сэссят то же, что и ты. Ощущают тот же зудящий позыв что-то сделать. И если они не многоколечники с отточенной в Эпицентре точностью, способные обуздать других многоколечников, прежде чем активировать древнюю сеть артефактов мертвой цивилизации, это *сделать что-нибудь* убьет их.

Так что Юкка свыкается с истиной, которую ты поняла с тех пор, как проснулась с каменной рукой: чтобы выжить в Реннанисе, Кастриме понадобятся узловики. Придется позаботиться о них. И когда эти узловики умрут, Кастриме придется найти кого-то на замену. Вот об этом пока никто не говорит. Первостепенное прежде всего. Через некоторое время Юкка вздыхает и бросает взгляд на открытую дверь здания.

— Похоже, бой окончен.

— Похоже, — говоришь ты. Молчание затягивается. На ее скулах играют желваки. Ты добавляешь: — Я пойду с тобой.

Она смотрит на тебя.

— Ты не обязана. — Ты рассказывала ей о том, как впервые увидела узловика. Она слышит этот все еще живой ужас в твоем голосе.

Нет уж. Алебастр показал тебе путь, и ты боль-

ше не увиливаешь от долга, возложенного им на тебя. Ты повернешь голову узловика, покажешь Юкке шрам на затылке, объяснишь процесс поражения. Тебе нужно будет показать ей, как провода минимизируют пролежни. Поскольку если она собирается сделать этот выбор, она в точности должна знать, какую цену ей — и Кастриме — придется платить.

Ты сделаешь это — заставишь ее все это увидеть, заставишь себя еще раз на это посмотреть, поскольку это *вся* правда о том, что есть орогены. Спокойствие боится вас не просто так, это правда. Но оно должно по той же причине и уважать вас. Но они выбрали только одно. Юкка прежде других должна услышать все.

Она стискивает челюсти, но кивает. Эсни с любопытством смотрит на вас обеих, но затем пожимает плечами, когда вы с Юккой идете в узел вдвоем.

* * *

Узел представляет собой полностью забитый склад, который, как вы понимаете, предназначен служить дополнительным хранилищем для самой общины. Припасов больше, чем даже голодная, неприкаянная Кастрима способна съесть,

и здесь есть все, в чем все так отчаянно нуждаются, — сушеные красные и желтые фрукты и консервированная зелень. Юкка не дает людям устроить нежданный пир по случаю — вам попрежнему необходимо сохранять хранилища Земля знает сколько — но не мешает основной части общины прийти в почти праздничное настроение, когда все устраиваются на ночь с почти полными животами впервые за много месяцев.

Юкка ставит охрану на входе в комнату узловика.

— Никому не надо видеть это дерьмо, — заявляет она, и по ее словам ты подозреваешь, чтобы у кого-нибудь из глухачей общины не зародилось идей — как и по поводу склада. Она приставляет тройную охрану к козе. Среди Инноваторов есть девушка из сельскохозяйственной общины, которой поручается узнать, как доить козу. Она справляется. Беременная женщина, потерявшая в пустыне одного из своих домашних партнеров, получает первую долю молока. Это может оказаться бесполезным. Голод и беременность плохо сочетаются, и она говорит, что ребенок уже несколько дней не шевелится. Вероятно, лучше потерять его сейчас, если уж на то пошло, здесь, когда Лерна добыл антибиотики и можно

простерилизовать инструменты и спасти как минимум жизнь матери. И все же ты смотришь, как она берет маленький горшочек молока, когда ей его дают, и выпивает до дна, хотя и кривится от вкуса. Рот ее тверд. Это шанс. Это то, что имеет значение.

Также Юкка ставит наблюдателей у душа узловой станции. Это не то чтобы охрана, но они нужны, поскольку многие кастримиты родом из простецких срединных общин и не знают, как работает внутренний водопровод. К тому же, некоторые часами стоят под горячим душем, рыдая, пока пепел и въевшийся в кожу пустынный песок сползают с их высохшей от кислоты кожи. Теперь после десяти минут наблюдатели тихонько выпроваживают людей оттуда и направляют к скамейкам вдоль стен комнаты, где они могут выплакаться, пока остальные в свою очередь моются.

Ты принимаешь душ и не чувствуешь ничего, кроме чистоты. Когда ты садишься в уголке столовой узла, откуда вынесли мебель, чтобы несколько сотен людей могли поспать без пепла, — ты садишься на спальник, привалившись к шлакоблочной стене, и погружаешься в размышления. Невозможно не заметить гору,

скрывающуюся в камне прямо за тобой. Ты не зовешь его, поскольку остальные кастримиты настороженно относятся к Хоа. Он единственный камнеед в округе, а они помнят, что камнееды не нейтральная безобидная сторона. Но ты тянешься назад и похлопываешь по стене рукой. Гора чуть шевелится, и ты что-то ощущаешь — жесткий тычок — в крестец. Послание получено, и ответ прислан. Удивительно, как приятно ощущается этот момент личного контакта.

Тебе нужно ощущать снова, думаешь ты, наблюдая за двумя десятками маленьких сцен, разыгрываемых перед тобой. Вот две женщины спорят о том, кто из них получит последнюю долю сушеных фруктов в их общинном пайке. Двое мужчин, прямо позади них, украдкой перешептываются, в то время как один передает другому мягкую губку — вроде тех, которыми экваториалы подтираются. Всем нравятся эти маленькие моменты роскоши, когда судьба их дает. Темелл, мужчина, который теперь учит детей-орогенов общины, лежит, обложенный ими, похрапывая на своем спальнике. Один мальчик свернулся у него под животом, а нога Пенти в носке лежит у него на шее. Напротив через комнату Тонки стоит рядом с Хьяркой — или, скорее, Хьярка держит

ее за руки и пытается вовлечь во что-то вроде медленного танца, а Тонки стоит неподвижно и выкатывает глаза, пытаясь не улыбаться.

Ты не знаешь точно, где Юкка. Зная ее, ты предполагаешь, что, возможно, она проводит ночь под навесом или в палатке снаружи, но надеешься, что на сей раз она позволила одному из ее любовников остаться с ней. У нее целое стойло сменяющих друг друга молодых мужчин и женщин, некоторые из них проводят время и с другими партнерами, и несколько одиночек, которые не против, чтобы Юкка использовала их порой для снятия стресса. Юкке сейчас это нужно. Кастрима должна позаботиться о своей предводительнице. Это нужно Кастриме, тебе, и как раз когда ты об этом думаешь, из ниоткуда появляется Лерна и садится рядом с тобой.

— Пришлось прикончить Чету, — спокойно говорит он. Чета, насколько ты знаешь, одна из трех Опор, подстреленных реннанитами, — по иронии судьбы, она сама бывшая реннанитка, зачисленная в армию вместе с Данель. — Остальные двое, вероятно, выживут, но болт пробил Чете живот. Смерть была бы медленной и ужасной. Хотя здесь полно обезболивающих. — Он вздыхает и трет глаза. — Ты видела… это… в проволочном кресле.

Ты киваешь, медлишь, затем касаешься его руки. Он не особо потрясен, как ты с облегчением понимаешь, но порой любому нужны маленькие утешения. Напоминание, что он не один и что не все безнадежно. Потому ты говоришь:

— Если мне удастся закрыть Разлом, может, вам и не понадобятся узловики. — Ты не уверена в этом, но надеешься.

Он легонько сжимает твою руку. Замечательно осознавать, что он никогда не является инициатором ваших контактов. Он ждет твоей инициативы, а затем отвечает на твой жест с той же или меньшей интенсивностью, что и ты. Он уважает твои границы, острые и на волосок от срыва. Ты все эти годы и не подозревала, что он настолько наблюдателен, — но сейчас-то должна была догадаться. Он много лет назад понял, что ты ороген, просто наблюдая за тобой. Иннону, думаешь ты, он не понравился бы. Словно услышав твои мысли, Лерна смотрит на тебя беспокойным взглядом.

— Я думал кое о чем тебе не рассказывать, — говорит он. — Или, скорее, не указывать на то, чего ты, вероятно, предпочитаешь не замечать.

— Ничего себе вступление.

Он еле заметно улыбается, затем вздыхает и

смотрит на ваши сжатые руки, и улыбка его гаснет. Этот момент тонкий; напряжение растет в тебе, поскольку это так непохоже на него. Наконец он вздыхает.

— Когда в последний раз у тебя была менструация?

— Как… — ты осекаешься.

Срань.

Срань.

Ты молчишь, и Лерна вздыхает, прислонившись головой к стене. Ты пытаешься придумывать объяснения. Голод. Чрезвычайная физическая нагрузка. Тебе сорок четыре года — так ты думаешь. Ты не можешь припомнить, какой сейчас месяц. Шансы ниже, чем были у Кастримы на выживание в пустыне. Но… у тебя всю жизнь были сильные и регулярные месячные, прерываясь лишь в трех случаях. Трех *важных* случаях. Именно потому Эпицентр и решил размножить тебя. Приличная орогения и хорошие бедра срединницы.

Ты знала. Лерна прав. На каком-то уровне ты замечала. А затем решила не замечать, поскольку — Лерна рядом с тобой какое-то время молчит, глядя как община отдыхает, и рука его безвольна в твоей. Очень тихо он говорит:

— Я верно понимаю, что тебе нужно завершить твое дело в Сердечнике к определенному времени?

Тон его слишком формален. Ты вздыхаешь, закрываешь глаза.

— Да.

— Скоро?

Хоа сказал тебе, что *перигей* — когда Луна ближе всего — наступит через несколько дней. После этого она пройдет мимо Земли, наберет скорость и снова улетит к далеким звездам или где еще была все это время. Если не поймать ее тогда, то никогда.

— Да, — говоришь ты. Ты устала. Ты… обижена. — Очень скоро.

Ты не обсуждала этого и, вероятно, должна это сделать ради ваших отношений. У тебя никогда не было необходимости это обсуждать, поскольку и говорить было нечего. Лерна говорит:

— Использование всех обелисков однажды сделало это с твоей рукой.

Ты невольно смотришь на культю.

— Да. — Ты знаешь, в какую сторону пойдет этот разговор, потому решаешь перейти сразу к завершению. — Именно ты спрашивал меня, что я собираюсь сделать с Зимой.

Он вздыхает.

— Я был зол.

— Но прав. — Его рука чуть вздрагивает поверх твоей.

— Что если я попрошу тебя не делать этого?

Ты не смеешься. Иначе смех был бы злым, а он этого не заслуживает. Вместо этого ты вздыхаешь и укладываешься, толкая его, пока он не делает то же самое. Он чуть короче тебя, так что ты обнимаешь его со спины. От этого ты, конечно же, утыкаешься носом в его седые волосы, но он тоже побывал в душе, так что ты не против. У него хороший запах. Здоровый.

— Ты не просил, — говоришь ты ему в затылок.

— А если бы попросил? — Это сказано устало и бесцветно. Он не попросил бы. Ты целуешь его в шею.

— Я бы сказала «ладно», и нас стало бы трое, и мы оставались бы вместе, пока не умерли бы от пепельного легкого. — Он снова берет тебя за руку. На сей раз инициатива не твоя, но тебе все равно.

— Пообещай, — говорит он.

Он не дожидается твоего ответа и засыпает.

* * *

Через четыре дня вы добираетесь до Реннаниса.

Хорошая новость в том, что пеплопад больше вас не допекает. Разлом слишком близко, и Стена выбрасывает более легкие частицы наверх; больше вам не придется об этом беспокоиться. Но вместо этого возникают периодические выбросы воспламеняющегося материала — лапиллей, крохотных кусочков вулканического материала, слишком крупных, чтобы их вдохнуть, но горящих на лету. Данель говорит, что реннаниты называют это искропадом, он по большей части не опасен, хотя надо держать в стратегических точках канистры с водой, на случай если какая-то искра что-то подожжет.

Но более зрелищной является пляска молний над горизонтом города, так близко к Стене. Инноваторов это восхищает. Тонки говорит, что существует множество способов использовать надежные молнии. (Ты пялишься на нее, словно это сказала не Тонки.) Однако ни одна молния не попадает в землю — только в высокие здания, которые все снабжены громоотводами прежними жителями города. Это безопасно. Просто надо

привыкнуть.

Реннанис не совсем таков, как вы ожидали. О, это огромный город, весь в экваториальном стиле, со все еще функционирующей гидросистемой, и фильтрованная вода бежит в гладких, высоких обсидиановых стенах, на которых вырезаны внушающие ужас изображения того, что ждет врагов города. Его здания не столь красивы или впечатляющи, как в Юменесе, но ведь Юменес был величайшим из экваториальных городов, а Реннанис едва дотягивает до этого титула. «Всего полмиллиона жителей», вспоминаешь ты чью-то насмешку из прошлой жизни. Но две жизни назад ты родилась в жалкой деревушке Северного Срединья, и для той Дамайи, что еще осталась в тебе, Реннанис по-прежнему великолепен. Вас меньше тысячи на многотысячный город. Юкка приказывает всем занять небольшой комплекс зданий неподалеку от зеленых зон города. (В нем таких шестнадцать.) Бывшие жители удобно пометили городские здания цветовым кодом на основе их структурной прочности, поскольку город пережил Разлом не без потерь. Дома, помеченные зеленым крестиком, считались безопасными. Желтый означает повреждения, которые могут вызвать обрушение, особенно в

случае очередного сильного толчка. Красные заметно повреждены и опасны, хотя вы видите признаки, что в них тоже жили — вероятно, те, кто предпочел иметь хоть какое-то убежище, чем стоять под пеплом. Здесь более чем достаточно зеленых домов для Кастримы, так что каждое хозяйство получает жилье с обстановкой, крепкое, с функционирующими гидро– и геосистемами.

По городу бегает несколько одичавших стай расплодившихся кур и коз. Урожай на зеленых зонах, однако, погиб без полива и ухода за месяцы между тем, как ты убила реннанитов, и приходом Кастримы. Несмотря на это, среди запасов семян достаточно одуванчика и других стойких, способных выносить недостаток солнечного света съедобных растений, включая исключительно экваториальные массовые продукты вроде таро. Городские склады переполнены долгим хлебом, сыром, жирной острой колбасой, зерном и фруктами, еще больше трав и листьев, залитых маслом. Некоторые свежее прочих — их доставила в город грабительская армия. И всего этого больше, чем люди Кастримы способны съесть, даже если будут пировать каждый вечер в течение десяти лет.

Это замечательно. Но есть несколько нюансов.

Первый — что управлять системой очистки воды Реннаниса сложнее, чем все ожидали. Она работает автоматически и пока не сломалась, но никто не знает, как управляться с этой машинерией, если вдруг такое случится. Юкка приказывает Инноваторам в этом разобраться или создать работающую альтернативу, если оборудование выйдет из строя. Тонки в высшей степени раздражена:

— Я шесть лет отучилась в Седьмом, чтобы дерьмо фильтровать? — Но, несмотря на жалобы, она берется за дело.

Второй нюанс в том, что Кастрима никоим образом не сможет охранять периметр городских стен. Город просто слишком велик, а вас слишком мало. Пока вас защищает тот факт, что никто не пойдет на север, если не припрет.

Если кто, однако, придет как завоеватель, между общиной и ими не будет ничего, кроме стены.

У этой проблемы решения нет. Даже орогены в военном отношении могут сделать не больше этого, поскольку здесь, в тени Разлома, орогения опасна. Армия Данель представляла собой лишнее население Реннаниса, и теперь она кормит кипячей в юго-восточном Срединье — не сказать, что тебе хочется, чтобы они оказались здесь

и обошлись с вами как с незваными гостями, каковыми вы и являетесь. Юкка приказывает Селектам повысить уровень воспроизводства, но даже если они привлекут всех здоровых членов общины к делу, у Кастримы не будет достаточно людей для защиты общины в течение нескольких поколений. Делать нечего кроме как защищать любыми способами хотя бы часть города, ныне занятую общиной.

— А если придет другая армия, — слышишь ты, как бормочет Юкка, — мы просто пригласим их внутрь и дадим каждому по комнате. Это должно успокоить их.

Третий нюанс — и самый весомый экзистенциально, если не логистически — следующий: Кастриме приходится жить среди трупов побежденных. Статуи повсюду. Стоят на кухнях, моя посуду. Лежат в постелях, просевших или сломавшихся под их каменным весом. Поднимаются по ступеням на парапеты, чтобы сменить других на страже. Сидят в общих столовых, попивая давно высохший чай. Они в своем роде красивы с их гривами из дымчатого кварца и гладкой яшмовой кожей и одеждами из турмалина, бирюзы, граната или цитрина. На их лицах улыбки, закаченные глаза или усталая зевота — поскольку ударная

волна Врат Обелисков, преобразившая их, была милосердно мгновенной. Они даже испугаться не успели.

В первый день все обходят статуи по дуге. Пытаются не сидеть на их линии прямого взгляда. Иначе было бы… непочтительно. И все же Кастрима испытала как войну, которую эти люди развязали, так и жизнь беженцев в результате этой войны — и выжила. Точно таким же неуважением к мертвым Кастримы было бы позволить чувству вины затмить эту истину. Так что через день-два люди начинают просто… *принимать* эти статуи. А что еще сделаешь?

Однако что-то в этом тревожит тебя.

Как-то ночью ты бродишь по городу. Неподалеку от вашего комплекса есть здание с желтым крестиком. Оно красивое, с фасадом, покрытым резными мотивами лоз и цветов, некоторые выложены блестящей золотой фольгой. Фольга ловит свет и чуть мерцает по мере твоего приближения, углы отражения смещаются, создавая иллюзию живой, шевелящейся растительности. Это здание старше большинства других в Ренанисе. Оно нравится тебе, хотя ты и не знаешь почему. Ты поднимаешься на крышу, находя по пути только привычные комнаты, населенные

статуями. Двери не заперты и распахнуты; возможно, кто-то стоял на крыше, когда случился Разлом. Ты, конечно же, проверяешь, на месте ли громоотвод, прежде чем шагнуть через порог; это же одно из самых высоких зданий в городе, хотя в нем всего шесть или семь этажей. (*Всего семь*, хмыкает Сиенит. *Целых семь?* — изумляется Дамайя. *Да, всего*, рявкаешь ты на обеих, чтобы заткнулись.) Здесь не только громоотвод, здесь еще и пустая водонапорная башня, так что пока ты не касаешься металлических поверхностей и не стоишь в непосредственной близости к громоотводу, ты, вероятно, не погибнешь.

Вероятно.

И там, лицом к грозовой стене Разлома, словно его поставили здесь смотреть на север еще тогда, когда цветочные мотивы были новыми, ждет Хоа.

— Здесь не так много статуй, как должно было бы быть, — говоришь ты, вставая рядом с ним.

Ты не можешь не проследить за взглядом Хоа. Отсюда ты все равно не можешь видеть самого Разлома; похоже, что между городом и этим чудовищем лежит мертвый дождевой лес и какие-то холмы. Однако Стена достаточно омерзительна. И, возможно, один экзистенциальный ужас

встречать лицом к лицу легче, чем другой, но ты помнишь, как использовала Врата Обелисков против этих людей, скрутив магию между их клетками и превратив мельчайшие их частички из углерода в кремний. Данель рассказывала тебе, каким перенаселенным был Реннанис — настолько, что ради выживания пришлось высылать завоевательные армии. Однако теперь город не перенаселен статуями. Есть признаки, что некогда, однако, был: есть статуи, погруженные в разговор с собеседниками, которых вроде недостает; только двое сидят за столом, накрытым на шестерых. В одном более крупном здании с зеленым крестиком в постели лежит обнаженная статуя с открытым ртом, навеки торчащим пенисом, поднятыми вверх бедрами и руками, словно бы охватывающими чьи-то ноги. Но он один. Чья-то жестокая, отвратительная шутка.

— Мои сородичи неразборчивы в пище, — говорит Хоа.

Да, именно это ты и боялась услышать.

— И, похоже, ржавски голодны? Здесь было много народу. Большинства не хватает.

— Мы тоже бережем избыточный ресурс на потом, Иссун.

Ты трешь лицо оставшейся рукой, пытаясь *не*

представлять огромную кладовую камнеедов, набитую яркими разноцветными статуями. У тебя не получается.

— Злой Земля. Так чего же ты возишься со мной? Я… не такая *легкая* добыча, как эти.

— Моим младшим сородичам надо стать крепче. Мне — нет. — Интонация Хоа чуть заметно меняется. Ты уже знаешь его — это презрение. Он гордое создание (даже сам он это признает). — Они плохо сделаны, слабы, чуть лучше тварей. Мы были так одиноки все эти годы и поначалу понятия не имели, что делать. Эти голодные — результат нашей неловкости.

Ты колеблешься, не понимая, действительно ли тебе хочется узнать… но ты уже несколько лет как перестала быть трусихой. Так что ты ожесточаешься, поворачиваешься к нему и говоришь:

— И сейчас вы делаете очередного. Не так ли? Из меня. Ведь если это для вас не вопрос еды, значит, это… воспроизводство. — Чудовищное воспроизводство, если оно зависит от смерти человеческого существа в результате окаменения. И в этом должно быть нечто большее, чем просто превращение людей в камень. Ты вспоминаешь о киркхуше в дорожном доме, о Джидже, о женщине в Кастриме, которую ты убила. Ты думаешь

о том, как ты ударила ее, *размазала* магией за не то чтобы преступление — она заставила тебя заново пережить смерть Уке. Но в конце жизни Алебастр был не тем же самым, что ты сделала из этой женщины. Она была сверкающей, разноцветной коллекцией драгоценных камней. Он был уродливым комком коричневого камня — и все же этот коричневый камень был тонко сделан, точно обработан, *тщательно*, в то время как женщина под красивой поверхностью представляла собой беспорядочную мешанину.

Хоа молчит, что само по себе является ответом. И тут ты, наконец, вспоминаешь. Сурьма, через несколько мгновений после того, как ты закрыла Врата Обелисков, но прежде, чем ты впала в постмагический травматический сон. Рядом с ней другой камнеед, странный в своей белизне, тревожащий своей знакомостью. О, Злой Земля, ты не хочешь этого знать, но…

— Сурьма использовала этот… — Слишком маленький комок коричневого камня. — Использовала *Алебастра*. Как сырье для… о, ржавь, чтобы сделать другого камнееда. И она сделала его похожим на *него*. — Ты снова ненавидишь Сурьму.

— Он сам выбрал внешность. Мы все выби-

раем.

Это выбивает твою ярость из нарастающей спирали. Твой желудок сжимается, на сей раз не от отвращения.

— То есть… значит… — Тебе приходится сделать глубокий вдох. — Значит, это *он*? Алебастр. Он… он…

Ты не можешь заставить себя вымолвить это слово.

Мгновение, и Хоа стоит лицом к тебе с сочувственным выражением лица, но еще почему-то предостерегающим.

— Решетка не всегда формируется совершенной, Иссун, — говорит он ласковым тоном. — Но если даже и так, всегда есть… потеря данных.

Ты понятия не имеешь, что это значит, и все же тебя трясет. Почему? Ты знаешь, почему. Ты повышаешь голос.

— Хоа, если это Алебастр, если я смогу поговорить с ним…

— Нет.

— *Ржавь, почему нет?*

— Во-первых, потому что это должен быть его выбор. — Голос более жесткий. Укоризненный. Ты вздрагиваешь. — Что еще важнее — мы вначале хрупки, как все новые создания. У нас уходят

столетия, у тех, кто *личность*, на то, чтобы… остыть. Даже слабейшее давление — вроде тебя, требующее, чтобы он подстроился под твои нужды, а не под свои, — может повлиять на окончательное формирование его личности.

Ты неожиданно для себя делаешь шаг назад — ты не понимала, что стоишь так близко к нему. А затем ты горбишься. Алебастр жив — и не жив.

Похож ли камнеед Алебастр хоть немного на того человека из плоти крови, которого ты знала? Имеет ли это значение теперь, когда он так сильно преобразился?

— Я вновь потеряла его, — шепчешь ты.

Поначалу кажется, что Хоа не движется, но затем по твоему боку проходит порыв воздуха, и внезапно твердая рука касается внутренней части твоей, мягкой.

— Он будет жить вечно, — говорит Хоа так тихо, насколько способен его гулкий голос. — Пока существует Земля, часть того, кем он был, будет жить тоже. Это для тебя все еще существует опасность погибнуть. — Он замолкает. — Но если ты решишь не заканчивать того, что мы начали, я пойму.

Ты поднимаешь взгляд и тут, может, во второй или третий раз думаешь, что понимаешь его.

Он знает, что ты беременна. Может, он узнал об этом раньше тебя, хотя что это значит для него, ты понятия не имеешь. Он знает и подоплеку твоих мыслей об Алебастре и говорит… что ты не одна. Что неправда, что у тебя ничего нет. У тебя есть Хоа, Юкка, Тонки и, может быть, Хьярка — *друзья*, которые видели тебя во всей чудовищности рогги и, несмотря на это, приняли тебя. И у тебя есть Лерна — спокойно-требовательный, упорный Лерна, который не сдается, не терпит твоих оправданий и не притворяется, что любовь устраняет страдания. Он отец очередного твоего ребенка, который, вероятно, будет красивым. Пока все твои дети были красивы. Красивы и могущественны. Ты закрываешь глаза, чтобы не сожалеть.

Но из-за этого в твои уши вторгается шум города, и ты вздрагиваешь, услышав принесенный ветром с самого низа смех. Вероятно, от одного из общинных костров. И это напоминает тебе о том, что у тебя есть еще и *Кастрима*, если ты этого хочешь. Эта нелепая община из неприятных людей, которых невозможно представить вместе, за которую ты сражалась и которая, пусть и неохотно, сражалась за тебя. Твой рот растягивается в улыбке.

— Нет, — говоришь ты. — Я сделаю то, что нужно.

Хоа рассматривает тебя.

— Ты уверена.

Конечно. Ничего не изменилось. Мир сломался, и ты можешь его починить — это обязали тебя сделать Алебастр и Лерна. Кастрима — дополнительная причина сделать это, не менее. И ты перестала трусить и отправилась искать Нэссун. Даже если она тебя ненавидит. Даже если тебе придется одной столкнуться с ужасным миром. Даже если ты самая плохая мать на свете… ты сделала что могла.

И, возможно, это значит, что сейчас ты делаешь выбор между своими детьми — у кого лучший шанс на выживание. Но это ничем не отличается от того, что приходилось делать матерям с начала мира: жертвовать настоящим ради надежды на лучшее будущее. Если жертва сейчас тяжелее, чем прежде… что же. Да будет так. В конце концов, это тоже работа матери, и ты десятиколечница. Ты об этом позаботишься.

— Так чего мы ждем? — спрашиваешь ты.

— Лишь тебя, — отвечает Хоа.

— Верно. Сколько у нас времени?

— Перигей через два дня. Я могу доставить тебя

в Сердечник за день.

— Хорошо. — Ты делаешь глубокий вдох. — Мне надо попрощаться.

С полнейшей легкой небрежностью Хоа говорит:

— Я могу взять остальных с нами.

О.

Ты же хочешь этого, не так ли? Ты не хочешь быть одной в конце. Хочешь чувствовать за спиной непоколебимое присутствие Лерны. Тонки взбесится, если не получит шанса увидеть Сердечник, если ты оставишь ее. Хьярка будет в ярости, если ты возьмешь Тонки без нее. Данель хочет создать хронику преображения мира, чтобы затмить доводы экваториальных лористов.

Юкка же…

— Нет. — Ты мрачнеешь и вздыхаешь. — Снова становлюсь эгоисткой. Кастрима нуждается в Юкке. И все они и так настрадались.

Хоа просто смотрит на тебя. Как, ржавь, ему удается передавать такие эмоции каменным лицом? Даже если это холодный скепсис по поводу всего твоего самоедства. Ты издаешь смешок — и он ржавый. Был немного.

— Я думаю, — медленно говорит Хоа, — что если ты кого-то любишь, то не тебе выбирать, как

тебя будут любить в ответ.

Сколько же слоев в пласте этого утверждения.

Ну что же. Ладно. Это не о тебе.

Все меняется Зимой — и часть тебя устала, наконец, от повести об одинокой, жаждущей мести женщине. Может, Нэссун — не единственная, ради кого тебе нужен дом. И, может быть, даже тебе не стоит пытаться изменить мир в одиночку.

— Ну так пойдем, спросим их, — говоришь ты. — А потом отправимся искать мою маленькую девочку.

* * *

Кому: Ятру Инноватору Дибарс.

От: Альмы Инноватора Дибарс.

Меня просили сообщить тебе о прекращении финансирования. Ты должен вернуться в Университет немедленно с минимальными возможными издержками.

И поскольку я тебя знаю, старый друг, позволь добавить следующее. Ты веришь в логику. Ты думаешь, что наши высокочтимые коллеги не подвержены предвзятости или политике перед лицом неумолимых фактов. Именно поэтому тебя никогда на милю не подпустят к Комитету по выделению фондов, несмотря на все твои титулы.

Нас финансирует Старая Санзе. Семьи столь древние, что в их библиотеках есть книги старше всех Университетов — и они не позволят нам к ним прикоснуться. Как думаешь, почему эти семьи такие древние, Ятр? Почему Санзе продержалась так долго? Вовсе не из-за Предания Камня.

Нельзя просто так прийти к таким людям и просить денег на исследовательский проект, который делает из рогг героев! Просто нельзя. Их же кондратий хватит, а когда они придут в себя, они тебе голову оторвут. Они уничтожат тебя так же, как любую угрозу их состоянию и наследию. Да, я знаю, ты думаешь, что делаешь совершенно иное, но это так.

И если этого недостаточно, вот факт, который должен быть достаточно логичным даже для тебя: Стражи начинают задавать вопросы. Не знаю, почему. Никто не знает, что движет этими чудовищами. Но именно потому я проголосовал вместе с большинством Комитета, даже если теперь ты меня возненавидишь. Я хочу, чтобы ты остался в живых, старина, а не валялся в переулке со стеклянным кинжалом в сердце. Извини.

Доброго пути домой.

12
Нэссун, не одна

СЕРДЕЧНИК МОЛЧИТ.

Нэссун замечает это, когда трансмаль, в котором они пронзили планету, выныривает на соответствующей станции на другой стороне света. Она расположена в одном из странных наклонных зданий, окружающих массивную дыру в центре Сердечника. Она зовет на помощь, зовет хоть кого-нибудь, плачет, когда дверь трансмаля открывается и она тащит обмякшее, не реагирующее тело Шаффы по молчаливым коридорам и затем по молчаливым улицам.

Он большой и тяжелый, так что хотя она так и эдак пытается применить магию, чтобы тащить его, ничего не выходит — магия не предназначена для чего-то такого грубого и локализованного, да и концентрация в этот момент у нее плохая. Она отволакивает его всего на квартал или около того, прежде чем тоже падает от изможденния.

* * *

Какой-то ржавый день какого-то ржавого года.

Нашел эти книги, пустые. Материал, из которого они сделаны, — не бумага. Толще. Согнуть нелегко. Наверное, хорошая вещь, иначе уже стала бы пылью. Сохранить мои слова для вечности! Ха! Это дольше, чем продержится мой ржавый разум.

Не знаю, что написать. Иннон рассмеялся бы и сказал — пиши о сексе. Ладно, итак: я сегодня онанировал впервые с того момента, как С утянула меня сюда. Подумал о нем в процессе и не смог закончить. Может, я слишком стар? Так сказала бы Сиен. Она была бы в бешенстве, что я все еще могу ее обрюхатить.

Забыть, как пахло от Иннона. Здесь все пахнет морем, но не так, как море возле Миова. Другая вода? Иннон пах как здешняя вода. Каждый раз, как дует ветер, я теряю частичку его. Сердечник. Как же я ненавижу это место.

* * *

Сердечник не совсем чтобы руины. Он не раз-

рушен и не безлюден.

Этот город на поверхности открытого, бесконечного океана представляется какой-то аномалией из зданий — не слишком высоких как по сравнению с погибшим Юменесом, так и еще раньше погибшим Сил Анагистом. Сердечник, однако, уникален как для бывшей, так и для нынешней культур. Здания Сердечника построены прочно, из нержавеющего металла, странных полимеров и прочих материалов, способных противостоять частым ураганным соленым ветрам, преобладающим в этой части мира. Те немногие растения, что растут здесь в парках, созданных давным-давно, — уже давно не милые декоративные тепличные создания, любимые строителями Сердечника. Деревья Сердечника — гибридизированные одичавшие потомки первоначального ландшафтного дизайна — огромные, древовидные, скрученные ветром. Они давно вырвались из прежних ухоженных клумб и резервуаров и теперь расползлись по тротуарам из прессованного волокна. В отличие от архитектуры Сил Анагиста, здесь много более острых углов, чтобы минимизировать сопротивление зданий ветру.

Но в этом городе есть большее, чем можно увидеть глазами.

Сердечник стоит на вершине огромного подводного щитового вулкана, и первые несколько миль дыры, просверленной в его центре, действительно окружены вырезанным в его массиве комплексом с жилыми помещениями, лабораториями и фабриками. Эти подземные строения, первоначально предназначенные для геомагестов и генджинеров Сердечника, давно уже переоборудованы для совершенно другой цели — поскольку эта изнанка Сердечника — Уоррент, где между Зимами живут Стражи и создают новых.

Мы поговорим об этом позже.

Наверху в Сердечнике день клонится к вечеру, над городом небо с редкими облаками в ошеломляюще-яркой синеве. (Зимы, начинающиеся в Спокойствии, редко сильно влияют на погоду в этом полушарии, или если и влияют, то спустя несколько месяцев или лет.) Как и должно быть в яркий день, на улицах вокруг Нэссун много народу. Она плачет и с трудом тащит Шаффу, но они не пытаются ей помочь. Они по большей части вообще не двигаются, поскольку это камнееды с розовыми мраморными губами, сияющими слюдяными глазами и косами из золотистого пирита или прозрачного кварца. Они стоят на ступенях

зданий, которые не знали человеческих ног уже десятки тысяч лет.

Они сидят на каменных или металлических парапетах, которые начали уже деформироваться под их чудовищным весом в течение десятилетий. Одна сидит, подняв колени и свесив руки, привалившись к дереву, чьи корни оплели ее; мох покрывает ее плечи и волосы. Она смотрит на Нэссун, и лишь глаза ее двигаются, что может отражать заинтересованность.

Все они смотрят, но ничего не делают, когда это быстрое, шумное человеческое дитя всхлипывает на соленом ветру, пока не садится от усталости и просто сидит, все еще стискивая в кулаках рубашку Шаффы.

* * *

Другой день, тот же (?) год

Ничего не писать об Инноне или Кору. С нынешнего момента это табу.

Сиен. Я все еще могу чувствовать ее — не сэсить, чувствовать. Здесь есть обелиск, думаю, это шпинель. Когда я коннн контачу с ним, я словно бы чувствую все, с чем они связаны. Аметист следует за Сиен. Интересно, знает ли она.

Сурьма говорит — Сиен добралась до материка

и стррр странствует.

Вот почему я ощущаю, будто я брожу, наверное? Она все, что осталось, но она — блин…

Это место нелепо. Сррма права, что есть способ запустить Врата Обелисков без контрольного каба? (Оникс. Слишком мощный, не могу рисковать, запустит настройку слишком быстро, и кто тогда сделает втрую ппытку зменить?) Но ржавяки пстроившие его сунули все в эту тупую дырру. С рассказала кое-что. Великий проект, чтоб меня. Но налицо куда хуже. Весь этот ржавый город — место преступления. Поболтался вокруг и нашел здоровые трубы, что тянутся по дну океана. ги *ГИГАНТСКИЕ, готовые качать что-то из дыры на континент. Магию, говорит Сурьма, им что, правда столько было надо????? Больше чем у Врат!*

Просил Русьму сегодня отнести меня в дыру, она сказала — нет. Так что же в той дыре? Что в той дыре.

* * *

Перед закатом появляется еще один камнеед. Здесь, среди изящно одетых, разноцветных своих сородичей, он выделяется еще сильнее своим серым цветом и обнаженной грудью: Сталь. Он

несколько минут стоит над Нэссун, возможно, ожидая, что она поднимет взгляд и заметит его, но нет. Наконец, он говорит:

— Океанский ветер к ночи может стать холодным.

Молчание. Она то отпускает рубашку Шаффы, то снова наматывает ее на кулаки, не то чтобы конвульсивно. Она просто устала. Она держала его с самого центра Земли.

Через некоторое время солнце еще чуть ниже спускается к горизонту, и Сталь говорит:

— В двух кварталах отсюда в одном здании есть пригодное для жилья помещение. Запасенная там пища должна до сих пор быть съедобной.

— Где? — говорит Нэссун. У нее сиплый голос. Ей нужна вода. В ее фляге и у Шаффы есть немного, но она еще не открывала ни одну. Сталь меняет позу, показывая. Нэссун поднимает голову и видит неестественно прямую улицу, вымощенную вплоть до горизонта. Она устало встает, покрепче хватается за одежду Шаффы и снова тащит его.

* * *

Кто в дыре, что в дыре, куда идет дыра, как я задырявился!

Она принесла сегодня еду получше, поскольку

я недостаточно ем. Такая особенная еда, ссссвежедоставленная с того конца света. Попытаюсь высушить семена и посадить их. Не забыть насскрессстти помидор, чтоб бросить С.

Язык книг выглядит почти как санзе-мэт. Одинаковые буквы?

Предшественник? Некоторые слова я почти узнаю. Некоторые древний этурпик, некоторые хладдак, немного раннединастический регво. Жаль, нет тут Шинаша. Он наорал бы на меня, что я хожу ногами по книгам, древним как вечность. Его всегда так легко было дразнить. Тоскую по нему.

Тоскую по всем, даже по людям этого ржавого Эпицентра (!) Тоскую по голосам из ржавых ртов. СИЕНИТ могла заставить меня есть, ты, булыжник говорящий. СИЕНИТ было насрать на меня, не только на то, могу ли я починить этот мир, на который насрать мне. СИЕНИТ должна была быть здесь, рядом со мной, я бы все за это отдал (вычеркнуто).

Нет. Она должна забыть меня и Ин (вычеркнуто) и Миов. Найти какого-нибудь унылого дурака, с которым действительно захочет спать. Вести скучную жизнь. Она заслуживает это.

* * *

Когда Нэссун добирается до нужного здания, опускается ночь. Сталь меняет положение, оказываясь перед странным асимметричным строением в форме клина, чей верхний край направлен против ветра. Наклонная крыша здания с подветренной стороны покрыта неопрятными спутанными зарослями.

На крыше полно почвы, больше, чем могло бы нанести ветром за столетия. Эти заросли разбиты по плану, хотя и не ухожены. И все же Нэссун видит, что кто-то вырубал дорожку в саду. Недавно; эти растения тоже разрослись, из упавших плодов и расщепленных неухоженных лоз пробиваются ростки, но с учетом относительно немногочисленных сорняков и довольно аккуратных рядов, этот сад заброшен всего год-два. Зима тянется уже почти два года.

Позже. Дверь здания сама отъезжает в сторону перед Нэссун. И закрывается тоже сама, как только она затаскивает Шаффу внутрь. Сталь перемещается внутрь, показывая вверх по лестнице. Она подтаскивает Шаффу к основанию лестницы и падает рядом, трясясь от усталости, неспособная идти дальше.

Улегшись на грудь Шаффы как на подушку, она думает, что его сердце еще сильное. Закрыв глаза, она почти представляет, как он обнимает ее, а не как на самом деле. Это жалкое утешение, но достаточное, чтобы она уснула без сновидений.

* * *

Другая сторона мира на той стороне дыры. Разве не…

* * *

Утром Нэссун затаскивает Шаффу по ступеням наверх. Помещение, по счастью, на втором этаже, с дверью прямо на лестничную площадку. Внутри все странно на вид, но знакомо. Вот диван, хотя у него спинка на одном конце, а не вдоль него. Вот кресла, одно соединено с каким-то большим наклонным столом. Наверное, для рисования. Постель в соседней комнате страннее всего — большая широкая полусфера с ярким разноцветным матрасом без простыней или подушек. Когда Нэссун осторожно ложится, постель становится плоской и потрясающе удобно подстраивается под ее тело. Она еще и теплая — активно нагревается под ней, пока тупая боль

после сна на холодной лестнице не уходит. Очарованная вопреки себе, Нэссун исследует постель и в шоке осознает, что та *полна* магии и окутывает ее. Нити серебра струятся по ее телу, определяя ее дискомфорт прикосновением к нервам и леча ее синяки и царапины; другие нити взбивают частички постели, пока трение не нагревает их; еще больше нитей обшаривают ее кожу в поисках малейшего шелушения и пыли и стирают их прочь. Примерно так она делает, когда при помощи серебра режет или лечит, но каким-то образом автоматически. Она не может представить, кому понадобилось делать постель, способную на магию. Она не может представить, зачем это. Не может понять, как кому-то удалось убедить все это серебро делать такие хорошие вещи, но ведь это и происходит. Немудрено, что строителям обелисков требовалось столько серебра, если они использовали его вместо изнашивающихся простыней или душа, или для периодического исцеления.

Нэссун обнаруживает, что Шаффа обмарался. Ей становится стыдно от того, что она снимает с него одежду и моет его, используя тянучие тряпки, которые нашла в ванной, но хуже было бы оставить его в собственном дерьме. Глаза его

снова открыты, хотя он не шевелится, пока она трудится. Они открываются днем и закрываются ночью, но хотя Нэссун и говорит с Шаффой (умоляет очнуться, помочь ей, говорит, что он ей нужен), он не отвечает.

Она затаскивает его в постель, подкладывая тряпки ему под обнаженные ягодицы. Она льет струйкой ему в рот воду из фляг, и когда она кончается, она опасливо пытается добыть еще воды из этого странного насоса на кухне. На нем ни рычага, ни ручек, но когда она ставит флягу под кран, льется вода. Она аккуратная девочка. Сначала она использует порошок из своего рюкзака, чтобы сделать чашку сафе из этой воды, проверяя ее на отраву. Сафе растворяется, но остается мутным и белым, так что она пьет его сама, а потом приносит воды Шаффе. Тот пьет охотно, что, вероятно, означает, что он на самом деле хочет пить. Она дает ему размоченного изюма, он жует и глотает, хотя медленно и без особого энтузиазма. Она плохо заботилась о нем. Она решает, что теперь будет усерднее, и выходит наружу в сад, чтобы набрать плодов для них обоих.

* * *

Сиенит назвала мне дату. Шесть лет. Уже шесть лет? Немудрено, что она так сердита. Велела мне провалиться в дыру, поскольку это было так давно. Она не хочет снова меня видеть. Такая жестокая. Я извинился. Все это моя вина. Моя вина. Моя Луна. Повернуть сегодня запасной ключ. (Линия зрения, линия силы, три на три на три? Кубическое строение как у хорошей кристаллической решетки.) Этот ключ открывает Врата. Опасно приводить столько обелисков в Юменес, тут Стражи повсюду. У меня не будет времени, они схватят меня. Лучше сделать запасной ключ из орогенов, и кого я могу использовать? Достаточно сильных. Не Сиен, она почти, но недостаточно. Не Иннон. Кору да, но я не могу его найти. В любом случае он младенец, это неправильно.

Дети. Много детей. Узловики? Узловики!

Нет. Они достаточно настрадались. Лучше старших Эпицентра.

Или узловиков.

Почему я должен делать это здесь? Заткни дыру. Сделай здесь тор… Накрой Юменес. Эпицентр. Большинство Стражей.

Кончай подзуживать, женщина. Скажи Иннону оттрахать тебя или что еще.

Ты всегда такой раздражительный, если тебя не уложить. Я прыгну в дыру завтра.

* * *

Это становится рутиной.

Утром она обрабатывает и кормит Шаффу, затем днем выходит исследовать город и искать нужные им вещи. Больше не приходится ни мыть Шаффу, ни убирать за ним; постель, что потрясает ее, и об этом заботится. Так что Нэссун может проводить время, разговаривая с ним и прося его очнуться, говоря ему, что не знает, что делать.

Сталь снова исчезает. Ей все равно.

Периодически появляются другие камнееды, или она, по крайней мере, чувствует их присутствие. Она спит на диванчике и однажды утром просыпается и обнаруживает, что накрыта одеялом. Оно простое, серое, но теплое, и она благодарна за это. Когда она начинает разрывать одну из своих колбасок, чтобы выковырять из нее сало, чтобы сделать потом свечей — свечи в ее дорожном рюкзаке заканчиваются, — она обнаруживает на лестнице камнееда, у которого палец согнут, будто он подзывает ее. Когда она

идет за ним, он останавливается перед панелью, покрытой любопытными символами. Камнеед показывает на один из них. Нэссун касается его, и он вспыхивает серебром, разгорается золотом и рассылает вопрошающие нити по ее коже. Камнеед говорит что-то на языке, которого Нэссун не понимает, и исчезает. Но когда она возвращается к себе, там теплее, и мягкий белый свет льется сверху. Касаясь квадратов на стенах, можно выключить свет.

Однажды днем она заходит домой и видит камнееда, сидящего рядом с грудой предметов, словно бы принесенных из хранилища припасов: холщовые мешки с корнеплодами, грибами и сушеными фруктами, большим кругом острого белого сыра, кожаными мешками, набитыми вяленым мясом, сумками с рисом и бобами и драгоценной маленькой коробочкой соли. Камнеед исчезает, когда Нэссун подходит к груде, так что она даже поблагодарить его не успевает. Ей приходится со всего смахнуть пепел прежде, чем переложить. Нэссун догадывается, что эта квартира, как и сад, наверняка недавно использовались. Повсюду следы чужой жизни — слишком большие для нее штаны в ящиках, рядом мужское исподнее. (Однажды все это заменяется одеждой,

пригодной для Нэссун. Очередной камнеед? Или, возможно, магия этого помещения куда сложнее, чем она думала.) В одной из комнат кучей свалены книги, многие местные, из Сердечника — она начинает узнавать особенный, чистый, не совсем натуральный вид вещей Сердечника. Однако несколько нормальных — с обложками из потрескавшейся кожи и страницами, все еще воняющими химикатами и чернилами. Некоторые на языке, который она читать не может. Какой-то побережный.

Одна, однако, сделана из материала Сердечника, но ее пустые страницы заполнены рукописным текстом на санзе-мэте. Нэссун открывает ее, садится и начинает читать.

* * *

УШЕЛ
В ДЫРУ
НЕ
не хорони меня
пожалуйста, Сиен, я люблю тебя, прости, храни меня, прикрой мне спину, и я прикрою твою, нет никого сильнее тебя, мне так жаль, что тебя не было рядом, прошу НЕ НАДО

* * *

Сердечник — город мертвой жизни.

Нэссун начинает терять ход времени. Камнееды порой заговаривают с ней, но большинство не знают ее языка, а она не так много слышала их речей, чтобы ухватить смысл. Она порой наблюдает за ними и с изумлением узнает, что некоторые выполняют какие-то задачи. Она смотрит на малахитово-зеленую женщину среди наклонных от ветра деревьев и запоздало понимает, что та держит ветку вверх и чуть вбок, чтобы та росла определенным образом. Все деревья, наклоненные ветром, тем не менее какие-то чересчур театральные, искусственные в своей раскидистости и изгибах, были сформированы именно так. Это должно занимать годы.

И близ одного края города, вдоль по одной из этих странных спицеобразных сооружений, уходящих в воду от его края, — не пирсов, просто каких-то прямых бессмысленных кусков металла — еще один камнеед стоит каждый день с вытянутой рукой. Нэссун однажды оказывается рядом, когда камнеед размывается, слышится плеск и его рука внезапно вздымается, держа за хвост огромную извивающуюся рыбину длиной с него

самого. Его мраморная кожа сверкает от влаги. Нэссун никуда особо не торопится, потому она садится посмотреть. Через некоторое время некое океанское млекопитающее — Нэссун читала о таких существах, похожих на рыбу, но дышащих воздухом, — подкрадывается к краю города. Оно серое, цилиндрическое, у него пасть полна острых зубов, но они маленькие. Когда оно выталкивает себя из воды, Нэссун видит, что оно очень старое, и что-то в неуверенных движениях его головы говорит ей, что оно слепое. На передней части головы у него старые шрамы — что-то сильно повредило голову твари. Тварь толкает носом камнееда, который, конечно же, не шевелится, а затем дергает рыбу в его руке, отрывая куски и заглатывая их, пока камнеед не выпускает хвост. Закончив, тварь издает сложный, высокий звук вроде… чириканья? Или смеха. Затем она соскальзывает в воду и уплывает.

Камнеед мерцает и поворачивается к Нэссун. Та, полная любопытства, встает, чтобы подойти и поговорить с ним. Но к тому времени он исчезает.

Вот что она осознает: здесь, среди этих людей, есть жизнь. Не такая, которую знает она или выбрала бы, но все же жизнь. Это дает ей утешение,

поскольку рядом больше нет Шаффы, который сказал бы ей, что она хорошая и в безопасности. Это осознание и молчание дают ей время для печали. До этого момента она не понимала, что ей надо поплакать.

* * *

Я решил.

Это неправильно. Все неправильно. Кое-что настолько сломано, что восстановлению не подлежит. Остается лишь добить до конца, вымести мусор и начать заново. Сурьма согласна. Некоторые другие КЕ тоже. Некоторые нет. Ржавь с ними. Они сломали мне жизнь, чтобы сделать из меня свое оружие, им я и стану. Это мой *выбор. Мое решение. Мы сделаем это в Юменесе. Решение, записанное в камне.*

Я спрашивал сегодня о Сиен. Не знаю, почему мне еще не все равно. Сурьма, однако, продолжает хранить таблички. (Для меня?) Сиенит живет в какой-то дыре в Южном Срединье, я забыл название, изображает учителя. Изображает счастливую глухачку. Замужем, с двумя новыми детьми. Как вам это. Не уверен насчет дочери, но сына тянет к аквамарину. Забавно. Немудрено, что Эпицентр спарил тебя со мной.

И ведь, несмотря ни на что, мы родили красивого ребенка, не так ли? Моего мальчика.

Я не дам им найти твоего мальчика, Сиен. Я не дам им забрать его, выжечь ему мозги и сунуть в проволочное кресло. Я не дам им найти и твою девочку, если она одна из нас, и даже если у нее потенциал Стража. Когда я закончу, Эпицентров не останется. Последствия будут нерадостными, но они будут плохими для всех — богатых и бедных, экваториалов и неприкаянных, санзе и арктов, достанется всем. Каждое *время года — Зима для нас. Это апокалипсис, который никогда не кончится. Они могли бы выбрать другой тип равенства. Мы все могли бы жить хорошо и безопасно вместе, выживать вместе, но они не захотели. Теперь в безопасности не будет никто. Может, хоть это заставит их в конце концов понять, что именно надо менять.*

Затем я закрою его и притяну Луну назад. (Я не должен окаменеть от первичной корректировки траектории. Если только не просчитаюсь (зачеркнуто). Не должен.) В конце концов, ржавь, в этом я хорошо смыслю.

Потом… дальше твой черед, Сиен. Сделай мир лучше. Я знаю, я говорил тебе, что это невозможно, что мир нельзя сделать лучше, но я ошибался.

Я ломаю его потому, что я был неправ. Начни его заново, ты была права, измени его. Сделай его лучше для детей, которые остались у тебя. Сделай мир таким, в котором Корунд был бы счастлив. Сделай мир таким, в котором люди вроде нас с тобой, Иннон и наш милый мальчик, наш прекрасный мальчик, могли бы жить как они есть.

Сурьма сказала, что я мог бы увидеть этот мир. Да уж. Ржавь. Я прокрастинирую. Она ждет. Сегодня возвращаюсь в Юменес.

Ради тебя, Иннон. Ради тебя, Кору. Ради тебя, Сиен.

* * *

Ночь. Нэссун может видеть Луну.

Она была в ужасе, когда в первую ночь, выглянув наружу, она увидела странную бледную белизну, заливавшую улицы и деревья города, а затем подняла голову и увидела в небе огромный белый шар. Он для нее огромен — больше солнца, намного больше звезд, за ним тянется слабый люминесцентный след — она не знает, что это испаряющийся лед, наросший на поверхности Луны за время ее блужданий. Истинным чудом является *белизна*. Она очень мало знает о Луне —

только то, что рассказывал Шаффа. Это спутник, сказал он, потерянное дитя Отца-Земли, чей лик отражает солнце. Потому она ожидала, что он будет желтым. Ее тревожит, что она так ошиблась.

Ее это тревожит даже больше, чем *дыра* в этой штуке, почти в самом центре: огромная, зияющая тьма, подобная булавочному зрачку. Она сейчас слишком мала, чтобы точно сказать, но Нэссун думает, что если долго смотреть туда, то через эту дырку можно увидеть звезды по ту сторону Луны.

Каким-то образом все складывается. Что бы ни случилось века назад, то, из-за чего была утрачена Луна, определенно было катаклизмом на многих уровнях. Если Земля пережил Раскол, то нормально, что и на лике Луны шрамы. Нэссун потирает большим пальцем ладонь, где в прошлой жизни мать сломала ей кость.

И все же, пока она стоит в саду на крыше, всматриваясь в Луну, она начинает казаться ей прекрасной. Это льдистое око, и у нее нет причины думать о нем плохо. Как о серебре, когда оно кружится и сплетается внутри чего-то вроде раковины улитки. Это заставляет ее подумать о Шаффе — что он по-своему охраняет ее, — и от этого ей не так одиноко.

Через некоторое время Нэссун обнаруживает, что может использовать обелиски, чтобы привыкнуть к Луне. Сапфир остался на той стороне мира, но здесь, над океаном, есть и другие, подплывающие в ответ на призыв, и она перехватывает и укрощает каждый по очереди. Обелиски помогают ей ощущать (не сэссить), что Луна скоро окажется в ближайшей точке. Если она ее упустит, та уйдет и начнет быстро уменьшаться, пока совсем не исчезнет с небес. Или она может открыть Врата, притянуть ее и все изменить. Жестокость выбора: статус-кво или спокойствие небытия. Выбор кажется ей ясным… за исключением одного момента.

Раз ночью, когда Нэссун сидит, неотрывно глядя на огромную белую сферу, она говорит вслух:

— Это было нарочно, ведь так? Ты не сказал мне, что случится с Шаффой. Чтобы избавиться от него.

Гора, которая таится неподалеку, еле заметно смещается и становится позади нее.

— Я ведь пытался предупредить тебя.

Она поворачивается к нему. При виде ее лица он издает короткий смешок, который звучит самоуничижительно. Смех замирает, когда она говорит:

— Если он умрет, я возненавижу тебя сильнее, чем ненавижу мир.

Это война на износ, начинает она понимать, и она проиграет. За те недели (?) или месяцы (?) с тех пор, как они пришли в Сердечник, Шаффа заметно сдал, кожа его приобрела нездоровую бледность, волосы потускнели и стали ломкими. Люди не предназначены для того, чтобы лежать неподвижно, моргая, но не думая, целыми неделями. Утром того дня ей пришлось подстричь его. Постель очищала его волосы от грязи, но они стали жирными и спутались — за день до того, когда она с трудом переворачивала его на живот, одна прядь обмоталась вокруг его руки, перекрыв кровообращение, а она и не заметила. (Она накрывает его простыней, хотя постель теплая и этого не нужно. Ей неприятно, что он обнажен и унижен.) Этим утром, когда она, наконец, заметила проблему, рука стала бледной и чуть сероватой. Она освободила ее, растерла, надеясь вернуть ей цвет, но выглядит она все равно плохо. Она не знает, что будет делать, если с его рукой действительно что-то случилось. Она ведь так всего его может потерять, медленно, но верно, он будет умирать по кусочкам, поскольку ей было почти девять, когда началась Зима, и

сейчас ей всего лишь почти одиннадцать, а в яслях ее не учили ухаживать за инвалидами.

— Если он выживет, — отвечает своим бесцветным голосом Сталь, — у него не будет ни мгновения без страданий. — Он замолкает, глядя ей в лицо, пока его слова эхом отдаются в Нэссун, полной отрицания. В ней нарастает тошнотворный страх, что Сталь прав.

Нэссун встает на ноги.

— Мне надо знать, как вылечить его.

— Ты не можешь.

Она сжимает кулаки. Впервые за долгое, как столетия, время часть ее ищет пласты вокруг. Это означает, что щитовой вулкан под Сердечником… но когда она орогенистически «хватает» его, она с неким изумлением обнаруживает, что он каким-то образом *заякорен*. Это отвлекает ее на миг, пока она переключает свое сознание на серебро, — и тут она обнаруживает плотные, мерцающие столпы магии, вогнанные в основание вулкана и пришпиливающие его к месту. Он все еще активен, но никогда не взорвется из-за этих столпов. Он стабилен как плита, несмотря на дыру в его центре, пробуравленную до сердца Земли.

Она отмахивается от этого как от не имеющего

отношения к делу и, в конце концов, произносит вслух ту мысль, которая сформировалась у нее в голове за дни, прожитые в городе каменных людей.

— Если… если я превращу его в камнееда, он будет жить. И ему больше не будет больно. Верно? — Сталь не отвечает. В затянувшемся молчании Нэссун закусывает губу. — И ты должен рассказать мне, как… как сделать его таким, как ты. Готова поспорить, я смогу это сделать при помощи Врат. Я с ними все смогу. За исключением…

За исключением. Врата Обелисков не делают мелочей. Как Нэссун чувствует, сэссит, *знает*, что Врата на время сделают ее всемогущей, так же она знает и то, что не сможет использовать их для превращения лишь одного человека. Если она сделает Шаффу камнеедом… то все люди на планете изменятся точно так же. Все общины, все банды неприкаянных, каждый голодный странник: десять тысяч мертвых городов вместо одного. Все они станут как Сердечник.

Но так ли это ужасно? Если все камнееды, то не будет ни орогенов, ни глухачей. Ни обреченных на смерть детей, ни убивающих их отцов. Зимы могут приходить и уходить, это не будет иметь

значения. Больше никто не умрет от голода. Весь мир будет спокойным, как Сердечник… это ли не милосердие?

Лицо Стали, поднятое к Луне, хотя глаза его оставались устремлены на Нэссун, медленно поворачивается к ней. Ее всегда нервирует от того, как он медленно движется.

— Знаешь, каково жить вечно?

Нэссун моргает, хмурится. Она ожидала противостояния.

— Что?

Лунный свет превратил Сталь в создание из резких теней, белого и чернильно-черного в темноте сада.

— Я спросил, — говорит он почти приятным голосом, — знаешь ли ты, каково это — жить вечно. Как я. Как твой Шаффа. Ты знаешь, сколько ему лет? Тебе это *небезразлично*?

— Я… — Готовая сказать «да», Нэссун вдруг колеблется. Нет. Она никогда и не думала об этом. — Я… я не…

— По моим прикидкам, — продолжает Сталь, — Стражи, как правило, живут три-четыре тысячи лет. Ты можешь себе представить такой срок? Подумай о двух последних годах. О твоей жизни с начала Пятого времени года. Представь еще один

год. Не можешь, правда? Здесь, в Сердечнике, каждый день тянется как год или так говорили мне твои сородичи. Теперь сложи все эти три года вместе и умножь *на тысячу*. — Он подчеркивает это резко, чеканно. Нэссун невольно подпрыгивает. Но в то же время невольно… думает. Она ощущает себя старой, уставшей от жизни почти одиннадцатилеткой. Столько случилось с тех пор, как она пришла домой и увидела своего братика мертвым на полу. Она теперь совсем другая, едва ли вообще Нэссун; иногда ее удивляет, что ее до сих пор зовут *Нэссун*. Как она изменится через три года? Десять? Двадцать?

Сталь молчит, пока не замечает перемены в ее лице, — возможно, это свидетельство того, что она слушает его. Затем он говорит:

— Однако у меня есть причина быть уверенным, что твой Шаффа намного, намного старше, чем остальные Стражи. Он не из первого поколения — они давно вымерли. Не выдержали. Но он один из самых ранних. Эти языки, понимаешь ли; по ним всегда поймешь. Они никогда их не забывают, даже если забывают данное при рождении имя.

Нэссун вспоминает, что Шаффа знал язык подземной повозки. Странно думать, что Шаффа

родился в то время, когда на этом языке еще говорили. Значит, ему… она даже представить не может. Старая Санзе, как предполагается, насчитывает семь Зим, с учетом нынешней — восемь. Почти три тысячи лет. Цикл возвращения и ухода Луны намного старше, и Шаффа это тоже помнит, так что… да. Он очень, очень стар. Она хмурится.

— Редко встретишь одного из них, кто реально может протянуть так долго, — продолжает Сталь. Он говорит легко, тоном беседы, как мог бы говорить о старых соседях Нэссун в Джекити. — Сама видишь, как мучает его Сердечник. Они устают, становятся небрежны, и затем Земля начинает их отравлять, пожирая их волю. Как только это начинается, после этого они долго не живут. Земля использует их — или их собратья Стражи их используют, пока они не переживают свою полезность, и та или иная сторона их убивает. То, что твой Шаффа протянул так долго, свидетельствует о его силе. Или, может, о чем-то еще. Остальных убивает, понимаешь ли, потеря того, что обычным людям нужно для счастья. Представь, каково это, Нэссун. Видеть, как все, кого ты знаешь и кто тебе небезразличен, умирают. Видеть, как гибнет твой дом, и искать новый — и все это повторяется снова и снова. Представь, что ты никогда

не осмелишься сблизиться с другим человеком. Никогда не сможешь иметь друзей, поскольку ты переживешь их. Ты одинока, Нэссун?

Она забыла о своем гневе.

— Да, — признает она прежде, чем успевает подумать, что надо промолчать.

— Представь вечное одиночество. — На его губах она видит еле заметную улыбку. Она там уже давно. — Представь, что ты вечно живешь в Сердечнике, что тебе не с кем поговорить, кроме меня — когда я снисхожу до ответа. Как думаешь, каково это, Нэссун?

— Ужасно, — отвечает Нэссун. Уже спокойно.

— Так что вот моя теория: я уверен, что твой Шаффа выжил благодаря тому, что любил своих подопечных. Ты и прочие вроде тебя скрашивали его одиночество. Он действительно любит тебя, не сомневайся в этом. — Нэссун проглатывает тупую боль. — Но он нуждается в тебе. Ты делаешь его счастливым. Ты помогаешь ему оставаться *человеком*, иначе время давно превратило бы его в нечто другое.

Затем Сталь снова перемещается. Это движение нечеловеческое из-за его равномерности, осознает, наконец, Нэссун. Люди быстры на большие движения, но медленны на тонкую регулиров-

ку. А Сталь делает все одинаково размеренно. Следить за его движениями — все равно что видеть, как плавится статуя. Но тут он замирает с протянутыми руками, словно говорит: *Взгляни на меня*.

— Мне сорок тысяч лет, — говорит Сталь. — Плюс-минус пара тысячелетий.

Нэссун пялится на него. Его слова подобны той чепухе, что нес трансмаль — почти разборчиво, но на самом деле нет. Нереально.

Так все же *каково* это?

— Ты умрешь, когда откроешь Врата, — говорит Сталь, дав Нэссун момент переварить все, что он сказал. — Или если нет, то когда-нибудь позже. И что бы ты ни сделала, Шаффа потеряет тебя. Он потеряет единственное, что позволяет ему оставаться человеком, несмотря на все усилия Земли пожрать его волю. Он не найдет больше никого, чтобы любить, — здесь не найдет. И он не сможет вернуться в Спокойствие, если только не рискнет отправиться снова по маршруту через Чрево Земли. Так что если он каким-то образом исцелится или если ты превратишь его в одного из нас, у него не останется выбора кроме как продолжать жить в одиночестве, бесконечно тоскуя по тому, чего он больше никогда не будет

иметь. — Руки Стали медленно опускаются. — Ты понятия не имеешь, каково это.

И затем внезапно, ошеломляюще, он оказывается прямо перед Нэссун. Без размытости, без предупреждения, просто миг — и он *здесь*, стоит согнувшись в поясе, чтобы его лицо оказалось прямо перед ее лицом, так близко, что она ощущает дуновение воздуха и даже чует запах глины и даже видит, что радужки его глаз в серых слоистых полосках.

– **ЗАТО Я ЗНАЮ**, — кричит он.

Нэссун отшатывается и вскрикивает. Однако между двумя мгновениями Сталь оказывается в прежнем положении — прямой, с руками по бокам, с улыбкой на губах.

— Так что подумай хорошенько, — говорит Сталь. Голос его снова легок, будто ничего не произошло. — Подумай не только с детским эгоизмом, малышка Нэссун. И спроси себя: даже если бы я мог помочь тебе спасти эту марионетку, садиста, мешок с дерьмом, который сейчас прикидывается твоим приемным отцом, зачем мне это? Даже мой враг не заслуживает такой участи. Никто не заслуживает.

Нэссун по-прежнему трясет. Она отважно выпаливает:

— Ш… Шаффа может захотеть жить.

— Может. Но *должен* ли? Должен ли кто-либо жить вечно? Вот в чем вопрос.

Она ощущает несуществующий вес бесконечных лет и неявно чувствует стыд от того, что она еще дитя. Но в душе она доброе дитя, и ей невозможно слушать историю Стали, не чувствуя чего-то другого, чем ее обычная злость на него. Она неловко отводит взгляд.

— Я… мне жаль.

— Мне тоже. — Наступает момент молчания. Нэссун медленно собирается с духом. Когда она снова фокусируется на нем, Сталь уже не улыбается.

— Как только ты откроешь Врата, я не смогу остановить тебя, — говорит он. — Да, я манипулировал тобой, но окончательный выбор — за тобой. Но все же подумай. Пока Земля не умрет, я жив, Нэссун. Таково наше наказание: мы стали его частью, связаны с его судьбой. Земля не забывает ни того, кто пырнул его в спину… ни тех, кто вложил нам в руку этот кинжал.

Нэссун моргает при слове *нам*. Но она теряет эту мысль среди ощущения собственного ничтожества и осознания, что для Шаффы нет исцеления. До нынешнего момента какая-то часть ее души

лелеяла иррациональную надежду, что Сталь, как взрослый, знает все ответы, включая исцеление. Теперь она знает, что ее надежда была глупой. Детской. Она *и есть* дитя. А единственный взрослый, на которого она могла положиться, умрет нагим, в страданиях, беспомощный, неспособный даже попрощаться.

Это слишком невыносимо. Она садится на корточки, одной рукой обхватывает колени, другой — голову, чтобы Сталь не видел, что она *плачет*, даже если точно будет знать, что происходит.

Он тихо смеется в ответ. Удивительно, но смех не кажется жестоким.

— Ты ничего не достигнешь, оставив любого из нас жить, — говорит он, — разве что жестокости. Выведи нас, сломленных чудовищ, из нашего ничтожества, Нэссун. Землю, Шаффу, меня… всех нас.

Затем он исчезает, оставив Нэссун в одиночестве под белой растущей Луной.

Сил Анагист: ноль

МОМЕНТ НАСТОЯЩЕГО, ПРЕЖДЕ ЧЕМ Я СНОВА ЗАГОВОРЮ О ПРОШЛОМ. Среди горячих, дымящихся теней и невыносимого давления в месте, которому нет названия, я открываю глаза. Я больше не одинок.

Из камня выходит еще один мой сородич. Ее лицо угловато, холодно, благородно и изящно, каким и следует быть лицу статуи. Она сбросила остальное, но сохранила бледность своего прежнего цвета; я замечаю это наконец, спустя десятки тысяч лет. Все эти воспоминания заставляют меня ностальгировать.

В знак этого я говорю вслух:

— Гэва.

Она еле заметно меняется, настолько, насколько мы можем приблизиться к выражению… узнавания? Удивления? Мы некогда были братьями и сестрами. Друзьями. Потом соперниками, врагами, чужаками, легендами. Под конец — осторожными союзниками. Я осознаю, что размышляю о том, чем мы были, но не обо всем. Все я забыл, как и она.

— Так меня звали? — спрашивает она.

— Почти.

— Хм-м. А тебя…

— Хоува.

— А. Конечно.

— Предпочитаешь Сурьму?

Еще одно еле заметное движение, эквивалент пожатия плечами.

— У меня нет предпочтений.

Как и у меня, думаю я, но это ложь. Я бы никогда не дал тебе моего нового имени, Хоа, если бы не уважение к памяти старого имени. Но я грежу.

— Она настроена на изменения, — говорю я.

Гэва, Сурьма, кем бы и чем бы на сейчас ни была, отвечает:

— Я заметила. — Она замолкает. — Ты сожалеешь о том, что сделал?

Глупый вопрос. Все мы сожалеем о том дне, по-разному и по разным причинам. Но я отвечаю:

— Нет.

Я ожидаю ответа, но полагаю, что на самом деле говорить больше не о чем. Она с тихим шорохом встраивается в камень. Устраивается поуютнее. Она намерена ждать здесь вместе со мной. Я рад. Кое-что лучше встречать не в одиночку.

* * *

Некоторые вещи о себе Алебастр никогда тебе не рассказывал.

Я знаю это потому, что изучал его; в конце концов, он часть тебя. Но не каждому учителю нужен любой протеже, чтобы знать обо всех его запинках на пути к мастерству. Зачем? Никто из нас не пришел к этому внезапно. Есть стадии процесса предательства тебя твоим обществом. Человека ханжески вышвыривают из зоны комфорта, потому что он иной, подвергают необъяснимо или недопустимо дурному обращению. Потом наступает время смятения — отучения от того, что считал истиной. Погружения в новую истину. А затем — время принятия решения.

Некоторые смиряются с судьбой. Проглатывают гордыню, забывают настоящую истину, принимают свою ложную оценку — решают считать себя ничтожеством. В конце концов, если все общество угнетает тебя, значит, ты явно этого заслуживаешь. Даже если и нет, отбиваться слишком болезненно, невозможно. В конце концов, так они получают какой-то мимолетный момент покоя.

Альтернатива — требовать невозможного. Они

шепчут, рыдают, кричат: что сделано с ними — неправильно, несправедливо. Они *не* низшие. Они такого не заслужили. Так что это *общество* должно измениться. Так тоже можно достичь мира — но не прежде конфликта.

Никто не достигает этого момента без пары фальстартов.

Когда Алебастр был юношей, он любил легко и небрежно. О, он даже тогда был гневлив, конечно же. Даже дети замечают, когда с ними обходятся несправедливо. Однако на время он решил смириться. Он встретил мужчину, ученого, во время миссии, на которую его отправил Эпицентр. Интерес Алебастра был похотлив — этот ученый был довольно красив и с очаровательной робостью отвечал на заигрывания Алебастра. Если бы ученый не был занят раскопками того, что оказалось хранилищем древних знаний, больше было бы не о чем рассказывать. Алебастр любил бы его и бросил бы, возможно, с сожалением, но скорее всего без.

Вместо этого ученый показал Алебастру свои находки. Алебастр рассказывал тебе, что в Предании Камня изначально было больше трех табличек. К тому же нынешняя Третья Табличка была переписана Санзе. Она была действительно

написана заново; ее переписывали несколько раз еще до того. Понимаешь ли, в изначальной табличке говорилось о Сил Анагисте и о том, как была потеряна Луна. Это знание по многим причинам вновь и вновь признавали неприемлемым в течение тысячелетий. Никому не хотелось признавать того факта, что мир стал таким, каков он есть, из-за надменного, самовлюбленного народа, пытавшегося взять на поводок эту ржавую планету. И никто не был готов признать, что решением всего этого было просто позволить орогенам спокойно жить и делать то, ради чего они были рождены.

Это знание просто сокрушило Алебастра. Он удрал. Это было слишком для него, знание обо всем том, что случилось прежде. Что он — отпрыск угнетаемого народа; что и его предки в свою очередь были таковыми же; что *мир, который он знает, не может функционировать, не угнетая кого-либо*. В то время он не видел конца этому кругу, не видел пути, как потребовать от общества невозможного. Потому он сломался и убежал.

Его Страж нашла его, конечно же, в трех кварталах от того места, где он должен был находиться. Он не понимал, куда ему идти. Вместо того

чтобы сломать ему руку — с высококолечниками вроде Алебастра у них другая техника, — Страж Лешет повела его в таверну и купила ему выпивки. Он, надравшись, выплакался и признался ей, что больше не может воспринимать мир таким, какой он есть. Он пытался сдаться. Пытался принять ложь, но *это было неправильно*.

Лешет утешила его и отвезла назад, в Эпицентр, и Алебастру дали год на восстановление. Чтобы снова принять правила и отведенную ему роль. Я уверен, что в тот год он был удовлетворен; в это, во всяком случае, верит Сурьма, а она лучше всех знала его в то время. Он смирился, делал то, чего от него ожидали, зачал троих детей и даже вызвался быть наставником для младших высококолечников. Однако ему не довелось им побывать, поскольку Стражи уже решили, что Алебастр не должен увильнуть от наказания за бегство. Когда он встретил и полюбил десятиколечницу Гессонит… я уже говорил, что для высококолечников у них другие методы.

Я тоже однажды убегал. В каком-то смысле.

* * *

Это следующий день после нашего возвращения с настроечной миссии Келенли, и я иной.

Я смотрю сквозь нематодное окно на сад в пурпурном освещении, и он уже не кажется мне красивым. Мерцание белых звездчаток говорит мне, что их сделал какой-то генджинер, встроил их в энергетическую сеть города так, чтобы они подпитывались магией. А как еще заставить их подмигивать? Я вижу изящное плетение лоз на окружающих зданиях и знаю, что где-то какой-то биомагест заносит в таблицу, сколько ламмотиров магии можно собрать с этой красоты. Жизнь в Сил Анагисте священна — священна, рентабельна и *полезна*.

Я думаю об этом, и настроение у меня премерзкое. Входит одна из младших проводников. Ее зовут проводник Стахнин, и обычно она мне нравится. Она еще молода, чтобы перенять привычки более опытных проводников. Но теперь я смотрю на нее глазами, которые мне открыла Келенли, и замечаю в ней нечто новое. Резкость черт, маленький рот. Да, это не так очевидно, как льдистые глаза проводника Галлата, но передо мной еще один силанагистанец, чьи предки явно не поняли всей цели геноцида.

— Как чувствуешь себя сегодня, Хоува? — спрашивает она, улыбаясь и глядя в свой планшет. — Готов к медицинской проверке?

— Я чувствую себя склонным к прогулке, — говорю я. — Выйдем в сад.

Стахнин замирает и, моргая, смотрит на меня.

— Хоува, ты же знаешь, что это невозможно.

Я заметил, что наша охрана почти не смотрит за нами. Сенсоры мониторят наши жизненные показатели, камеры следят за нашими перемещениями, микрофоны записывают наши звуки. Некоторые сенсоры отслеживают применение нами магии — и ничто из них, ни один не может замерить даже десятой доли того, что мы делаем. Я обиделся бы, если бы мне только что не показали, насколько для них важно то, чтобы мы были низшими. Низших существ ведь не следует мониторить, верно? Создания силанагистанской магестрии никак не могут иметь способностей, превосходящих ее.

Немыслимо! Нелепо! Не глупи.

Отлично, я *оскорблен*. И больше у меня нет терпения к вежливой снисходительности Стахнин.

Потому я нахожу линии магии, идущие к камерам, и спутываю их с линиями магии, идущими к их собственным инфокристаллам, и увязываю их. Теперь камеры будут показывать только то, что сняли в последние несколько часов, — по большей части это я, сижу у окна и размышляю. Я

делаю то же самое с аудиооборудованием, убрав последний разговор между мной и Стахнин. Я делаю все это малейшим усилием воли, поскольку я был создан, чтобы влиять на машины размером с небоскреб, так что камеры — ерунда. Я использую больше магии, чтобы связаться с остальными и рассказать им какую-нибудь шутку.

Остальные, однако, сэссят то, что я делаю. Бинимва ловит мой настрой и тут же предупреждает остальных — поскольку я, как правило, послушный. Я до последнего времени верил в Геоарканию. Возмущается обычно Ремва. Но прямо сейчас Ремва холодно молчит, переваривая то, что мы узнали. Гэва тоже тиха — она в отчаянии, пытается понять, как потребовать невозможного. Душва утешают друг друга, обнимаясь, а Салева слишком много спит. Предупреждение Бинимвы воспринимает усталый, отчаявшийся, поглощенный собой слух, и оно проходит мимо.

Тем временем улыбка Стахнин начинает угасать, поскольку только сейчас она поняла, что я серьезно. Она меняет позу, упирая руки в боки.

— Хоува, это не смешно. Как понимаю, у тебя есть шанс погулять в другой раз…

Я нашел наиболее эффективный способ ее заткнуть.

— Проводник Галлат знает, что ты считаешь его привлекательным?

Стахнин замирает, округлив глаза. У нее карие глаза, но ей нравятся льдистые. Я видел, как она смотрит на Галлата, хотя прежде мне было все равно. Да и сейчас тоже. Но я представляю, что считать ньесса привлекательным — табу в Сил Анагисте, и ни Галлат, ни Стахнин не могут себе позволить быть обвиненными в таком извращении. Галлат вышвырнет Стахнин при первом упоминании — даже моем. Я переключаюсь на нее. Она чуть пятится, хмурясь от моей прямоты. Мы не отстаиваем себя, мы конструкты. Инструменты. Мое поведение аномально настолько, что она должна будет донести, но не это так обеспокоило ее.

— Никто не слышал моих слов, — говорю я очень ласково. — Никто не видел того, что случилось в этой комнате прямо сейчас. Расслабься.

Ее нижняя губа чуть-чуть дрожит прежде, чем она заговаривает. Мне неприятно, совсем чуть-чуть, из-за того, что я ее так расстроил. Она говорит:

— Ты не уйдешь далеко. В-витаминное голодание… ты и остальные были так сделаны. Без особой пищи — которую мы вам готовим — ты

умрешь через несколько дней.

Только теперь до меня доходит, что Стахнин думает, будто я намерен сбежать. То, что только что сказала мне эта проводник, — не непреодолимое препятствие. Довольно просто украсть еду и взять с собой, хотя когда она кончится, я умру. Моя жизнь в любом случае будет краткой. Но по-настоящему меня беспокоит то, что идти-то мне некуда. Весь мир — Сил Анагист.

— Сад, — повторяю я наконец. Это будет моим великим приключением. Моим побегом. Я подумываю рассмеяться, но привычка казаться бесстрастным сдерживает меня. Честно говоря, я и не хочу никуда идти. Я просто хочу ощущать себя так, словно имею хоть какой-то контроль над собственной жизнью, пусть на несколько мгновений.

— Я хочу на пять минут выйти в сад. И все.

Стахнин переминается с ноги на ногу, и вид у нее откровенно жалкий.

— Я могу из-за этого потерять мое положение, особенно если увидит кто-то из старших проводников. Меня могут *посадить*.

— Возможно, у тебя будет миленькое окно с видом на сад, — говорю я. Она морщится.

И затем, поскольку я не оставил ей выбора,

она ведет меня из камеры вниз по лестнице и наружу.

С этого ракурса сад пурпурных цветов выглядит странно, нахожу я, и совсем иначе пахнет звездчатка вблизи. Это странный запах — удивительно сладкий, почти сахарный, с привкусом ферментации там, где старые цветы завяли или высохли и скрошились. Стахнин суетится, слишком много осматривается, в то время как я медленно иду, жалея, что не могу обойтись без нее. Но что есть, то есть: я не могу гулять по комплексу в одиночку. Если охрана и другие проводники нас увидят, они решат, что у Стахнин есть официальное поручение, и не спросят меня… если только она успокоится.

Но затем я резко останавливаюсь за танцующим паучьим деревом. Стахнин тоже останавливается, хмурится и откровенно интересуется, что происходит, — и тут она видит то же, что и я, и замирает.

Впереди из комплекса выходит Келенли и останавливается между двумя кудрявыми кустами, под аркой из белых роз. За ней выходит проводник Галлат. Она стоит, скрестив руки на груди. Он кричит ей что-то в спину. Мы не настолько близко, чтобы я мог расслышать его слова, хотя

злоба его очевидна. Однако их тела читаются ясно, как слои.

— О нет, — бормочет Стахнин. — Нет, нет, нет. Нам надо…

— Тихо, — шепчу я. Я хочу сказать — *утихни*, но она так или иначе успокаивается, так что я хотя бы могу их видеть.

И мы стоим и наблюдаем, как ссорятся Галлат и Келенли. Я совсем не слышу его голоса, и мне приходит в голову, что она *не может* повышать на него голос — это небезопасно. Когда он хватает ее за руку и поворачивает к себе, она автоматически прикрывает рукой живот. Всего лишь на миг. Галлат тут же отпускает ее, похоже, удивленный ее реакцией и собственной яростью, и она мягко убирает руку. Спор возобновляется, и на сей раз Галлат протягивает руки, словно что-то предлагает. В его позе есть мольба, но я замечаю, насколько напряжена его спина. Он просит — но думает, что не должен. Я вижу, что когда это не помогает, он прибегает к другой тактике.

Я закрываю глаза — они заболели, когда я, наконец, понял. Келенли одна из нас во всем, что имеет значение, и всегда была такой.

Она медленно выпрямляется. Наклоняет голову, делая вид неохотной капитуляции, что-то

отвечает. Это неправда. По земле проходит эхо ее гнева, страха и нежелания. И все же спина Галлата несколько теряет напряженность. Он улыбается, жестикулирует шире. Снова подходит к ней, берет за руки, нежно говорит с ней. Я изумляюсь тому, как она эффективно погасила его гнев. Он словно и не видит, как она отводит глаза, когда он говорит, или как она не отвечает взаимностью, когда он привлекает ее к себе. Она улыбается в ответ на что-то, но даже с пятидесяти футов я вижу, что это игра. Ведь и он должен видеть? Но я начинаю понимать, что люди верят в то, во что хотят верить, а не в то, что есть на самом деле, что можно увидеть, потрогать и сэссить.

Успокоенный, он поворачивается, чтобы уйти — по счастью, не по той тропинке, на которой затаились мы со Стахнин. Его поведение изменилось полностью — настроение его явно улучшилось. Я ведь должен радоваться, не так ли? Галлат возглавляет проект. Если он счастлив, то и нам безопаснее.

Келенли стоит, глядя ему вслед. Затем она поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Стахнин сдавленно ахает, но она дура. Конечно же, Келенли не донесет. Зачем ей? Она вела свою игру не ради Галлата.

Затем она тоже покидает сад следом за Галлатом.

Это был последний урок. Думаю, тот, что был мне нужнее всего. Я сказал Стахнин отвести меня в мою камеру, и она чуть не стонет от облегчения. Вернувшись и расплетя магию следящего оборудования, я отсылаю Стахнин, ласково напоминая ей не быть глупой, и ложусь на койку, чтобы обдумать новое знание. Оно засело во мне, как уголек, заставляя все вокруг обугливаться и дымиться.

* * *

И тут, через несколько ночей после возвращения с настроечной миссии Келенли, уголек зажигает пламя во всех нас.

Мы впервые после путешествия собираемся вместе. Мы сплетаем наше присутствие в слое холодного угля, что, наверное, хорошо, поскольку Ремва посылает сквозь нас всех шипение, подобное шороху песка в трещинах. Это звучит/дает ощущение/сэсуну сточных линий, терновой рощи. Это также эхо статической пустоты в нашей сети, где некогда были Тетлева — а также Энтива и Арва.

Вот что ждет всех нас, как только мы дадим им Геоарканию, говорит он.

Гэва отвечает: *Да*.

Он снова шипит. Я никогда не сэссил его таким разгневанным. За дни после нашей прогулки он все больше распалялся гневом. Но ведь и все мы тоже — и теперь пришла пора потребовать невозможного. *Мы не должны дать им ничего*, заявляет он, и я ощущаю, как его решимость крепнет, становится жестокой.

Нет. Мы должны вернуть им то, что они забрали.

Неестественные третьестепенные обертонные импульсы впечатления и действия идут волной по нашей сети: наконец-то план. Способ создать невозможное, если мы не можем его потребовать. Верный выброс нужной энергии в нужный момент после того, как фрагменты будут запущены, но до того, как Движитель будет исчерпан. Вся запасенная во фрагментах магия — десятилетий, цивилизаций, миллионов жизней — хлынет обратно в систему Сил Анагиста. Сначала она выжжет терновые рощи и их горестный урожай, дав, наконец, мертвым покой. Затем магия пройдет сквозь нас, самые уязвимые компоненты великой машины. Когда это случится, мы умрем, но лучше смерть, чем то, что они нам предназначили, так что мы удовлетворены.

Как только мы погибнем, магия Планетарного Движителя свободно хлынет во все контуры города и выжжет их так, что уже не восстановить. Все узлы Сил Анагиста отключатся — трансмали встанут, если у них нет резервных генераторов, свет погаснет, машинерия остановится, все бесчисленные удобства современной магестрии исчезнут из обстановки, утвари и косметики. Труды поколений ради Геоаркании будут утрачены. Кристаллические фрагменты Движителя станут лишь очень большими камнями, разбитыми, выгоревшими и бесполезными.

Мы не будем жестокими как они. Мы можем запрограммировать фрагменты на падение подальше от наиболее населенных районов. Мы — чудовища, созданные ими, и даже больше чем чудовища, но мы будем такими, какими хотим быть в момент нашей смерти.

Так мы достигли соглашения?

Да. Ремва, в ярости.

Да. Гэва, в печали.

Да. Бинимва, в смирении.

Да. Салева, в праведном гневе.

Да. Душва, устало.

И я, свинцово тяжело, говорю:

Да.

Мы согласились.

И лишь в душе я думаю — *нет*, видя глазами разума лицо Келенли. Но порой, когда мир жесток, любовь должна быть еще более жестокой.

* * *

День Пуска.

Нам принесли пищу — белок с ломтиком свежего сладкого фрукта и напиток, считающийся популярным деликатесом, как нам сказали: сеф, идущий веселенькими разводами цвета при добавлении туда разных витаминов. Особое питье для особого дня. У него известковый вкус. Он мне не нравится. Настает время ехать в Нулевую Точку.

Здесь вкратце описание работы Планетарного Движителя.

Сначала мы разбудим фрагменты, сидевшие в своих гнездах десятилетиями, прокачивая жизненную энергию через все узлы Сил Анагиста — и запасая часть ее для дальнейшего использования, включая ту, что принудительно подавалась в них из терновых рощ. Сейчас они достигли оптимума по запасу и генерированию, и каждый стал самодостаточным арканным двигателем сам по себе. Теперь, когда мы призовем их, фрагменты выйдут

из своих гнезд. Мы объединим их мощь в стабильную сеть и, после отражения ее от рефлектора, который усилит и еще больше сконцентрирует магию, направим ее в оникс. Оникс направит энергию прямо в ядро Земли, вызвав переполнение, которое оникс потом направит в голодные контуры Сил Анагиста. По сути, Земля станет тоже огромным планетарным движителем, генератором, когда ее ядро будет выдавать магии больше, чем в него накачивается. С этого момента система станет самоподдерживающейся.

Сил Анагист вечно будет питаться жизнью самой планеты.

(Невежество — не то слово для всего этого. Верно, никто в те дни не думал о Земле как о живом существе — но мы-то *должны* были догадаться. Магия — побочный продукт жизни. И раз в Земле есть магия… Мы все должны были догадаться.)

Все, что мы до того делали, было практикой. Мы никогда не смогли бы активировать весь Планетарный Движитель тут, на Земле — слишком много осложнений, включая отклонения углов, скорости распространения и сопротивления, кривизну полушарий. Планеты так неудобно округлы. В конце концов, наша *мишень — Земля*; линии зрения, линии силы и притяжения. Если

мы останемся на планете, все, на что мы сможем реально повлиять, — это Луна. Потому Нулевая Точка никогда не была на Земле.

Итак, в предрассветные часы нас отводят в особый вид трансмаля, несомненно генджинированного из какого-то кузнечика или вроде того. У него алмазные крылья и громадные углепластовые ноги, дымящиеся сжатой запасенной энергией. Когда проводники загоняют нас на борт трансмаля, я вижу другие трансмали наготове. Похоже, с нами летит большая группа, чтобы узреть, наконец, завершение великого проекта. Я сижу там, где мне сказано, все мы пристегнуты, поскольку толчок трансмаля порой может пересиливать геомагестрическую энергию… Хм-м-м. Достаточно сказать, что старт может быть несколько тревожным. Это ничто по сравнению с погружением в живой, бурлящий фрагмент, но я полагаю, что люди считают его большим и диким. Мы все шестеро сидим, спокойные, холодные и целеустремленные, а они болтают вокруг нас, а трансмаль прыжком срывается к Луне.

На Луне находится лунный камень — массивный радужно-белый кабошон, встроенный в тонкую серую почву. Это крупнейший из фрагментов, здоровенный, как целый узел Сил

Анагиста, его гнездо — вся Луна. По его краям расположен комплекс зданий, каждое загерметизировано от безвоздушной тьмы, так что не слишком отличается от тех, которые мы только что покинули. Просто они на Луне. Это Нулевая Точка, где будет вершиться история.

Нас заводят внутрь, где постоянный персонал Нулевой Точки выстроился вдоль стен и смотрит на нас с гордым восхищением, как восхищаются точными инструментами. Нас ведут к креслам, которые выглядят точно так же, как те, которые мы ежедневно использовали для практики, — хотя на сей раз нас отводят каждого в отдельную комнату. К каждой комнате примыкает смотровая комната проводника с прозрачным кристаллическим окном. Я привык быть под наблюдением во время работы — но не привык, чтобы меня заводили в саму смотровую комнату, как впервые происходит сегодня.

Там я стою, маленький и просто одетый среди высоких, богато и замысловато одетых людей, и мой дискомфорт просто ощутим. Галлат представляет меня — «Хоува, наш лучший настройщик». Это лишь подтверждает, что либо проводники действительно понятия не имеют, как мы функционируем, либо Галлат нервничает и хочет

хоть что-то сказать. Может, и то, и другое. Душва смеются каскадом микротолчков — пласты Луны тонкие, пыльные и мертвые, но не сильно отличаются от Земли — пока я стою и произношу приветствия, чего от меня и ждут. Может, Галлат это имеет в виду — я настройщик, который лучше всего изображает, что ему есть дело до ерунды, которую несет проводник.

Однако, когда представления и бессодержательные разговоры закончены и я сосредотачиваюсь на том, чтобы говорить нужные слова в нужное время, кое-что привлекает мое внимание. Я оборачиваюсь и замечаю колонну стазиса в задней части комнаты. Она тихо гудит и мерцает собственной планетарной энергией, генерируя поле, которое поддерживает стабильность чего-то внутри. И над ее срезанной кристаллической поверхностью парит…

В комнате находится женщина выше всех ростом и одетая изысканнее прочих. Она прослеживает мой взгляд и обращается к Галлату.

— Они знают о тестовом бурении?

Галлат вздрагивает и смотрит на меня, затем на колонну стазиса.

— Нет, — говорит он. Он не называет женщину ни по имени, ни по титулу, но тон его очень

почтителен. — Им рассказали только то, что необходимо.

— Мне кажется, контекст необходим даже таким, как вы. — Галлат ощетинивается, поскольку его свалили в одну кучу с нами, но ничего не отвечает. У женщины насмешливо-изумленный вид. Она наклоняется, чтобы наши глаза были на одном уровне, хотя я *не настолько* ниже ее. — Ты хотел бы узнать, что это за артефакт, настройщик?

Я немедленно наполняюсь ненавистью к ней.

— Да, прошу вас, — говорю я.

Она берет меня за руку прежде, чем Галлат успевает остановить ее. Я не испытываю дискомфорта. У нее сухая кожа. Она подводит меня к колонне стазиса, так что я теперь могу как следует рассмотреть ту штуку, что парит над ней.

Сначала мне кажется, что это всего лишь сферический кусочек железа, висящий в нескольких дюймах над поверхностью колонны стазиса и освещенный ее белым светом. Это *и есть* всего лишь кусок железа, его поверхность покрыта косыми круговыми линиями. Фрагмент метеора? Нет. Я осознаю, что сфера вращается — медленно. На слегка наклонной оси север-юг. Я смотрю на знаки предостережения вокруг края колонны

и вижу маркеры чрезвычайно высокой температуры и давления и предостережения против нарушения поля стазиса. Внутри, как указывают маркеры, воссоздана природная среда объекта. Никто не станет такого делать ради какого-то куска железа. Я смаргиваю, перестраиваю восприятие с сэсунального на магическое и быстро возвращаюсь, когда вспыхивает и проходит сквозь меня обжигающе-белый свет. Эта железная сфера *полна* магии — концентрированных, трескучих перекрывающихся нитей, некоторые из них протягиваются за пределы сферы наружу и… еще дальше. Я не могу отследить нити, утекающие за пределы комнаты; они уходят за границы моей досягаемости. Я могу видеть, как они тянутся к небу — по какой-то причине. И в пульсации нитей я читаю… я хмурюсь.

— Он в гневе, — говорю я. И он мне знаком. Где я прежде видел магию, подобную этой?

Женщина непонимающе моргает. Галлат стонет про себя.

— Хоува…

— Нет, — говорит женщина, поднимая руку. Она снова сверлит меня взглядом, теперь настойчивым и любопытным. — Что ты сказал, маленький настройщик?

Я поворачиваюсь к ней. Она явно важная персона. Возможно, мне следует бояться, но я не боюсь.

— Эта штука в гневе, — говорю я. — В *ярости*. Она не хочет быть здесь. Ведь вы ее взяли откуда-то из другого места?

Остальные в комнате заметили наш разговор. Не все они проводники, но все смотрят на женщину и на меня с ощутимым недовольством и смятением. Галлат затаил дыхание.

— Да, — говорит она мне наконец. — Мы совершили тестовое бурение в одном из антарктических узлов. Затем запустили туда зонды, взявшие этот образец из самой глубины ядра. Это образец самого сердца планеты. — Она горделиво улыбается. — Именно богатство магии в ядре обеспечит нам Геоарканию. Именно в результате этого теста мы построили Сердечник, фрагменты и тебя.

Я вновь смотрю на железную сферу и дивлюсь тому, что она стоит так близко к ней. *Оно в гневе*, снова думаю я, не понимая, почему мне пришли на ум именно эти слова. *Оно сделает то, что должно.*

Кто? Кто сделает что?

Я мотаю головой, необъяснимо раздраженный, затем поворачиваюсь к Галлату.

— Не пора ли нам начать?

Женщина с удовольствием смеется. Галлат зло смотрит на меня, но чуть расслабляется, когда становится очевидно, что женщина приятно удивлена. И все же он говорит:

— Да, Хоува, думаю, пора. Если ты не против… (Он обращается к женщине по какому-то титулу и имени. Я со временем забуду оба. Через сорок тысяч лет я буду помнить только ее смех и то, что для нее Галлат был таким же, как мы, и как беспечно она стоит возле железной сферы, исходящей чистой злобой — и магией, достаточной для уничтожения всех до единого зданий Нулевой Точки.

И я запомню, как и я тоже отмахнулся от всех предзнаменований грядущего.)

Галлат уводит меня в комнату с проволочным креслом, где мне приказывают в него забраться. Мои конечности пристегнуты, чего я никогда не осознавал, поскольку, когда я был в аметисте, я едва чувствовал свое тело, что уж говорить о том, чтобы шевелиться. Мои губы покалывает от сефа, что означает, что туда добавили стимулятор. Он не был мне нужен.

Я тянусь к другим и обнаруживаю их твердыми как гранит в своей решимости. Да. На смотровой

стене передо мной появляются изображения голубой сферы Земли, всех пяти кресел остальных настройщиков и картинка Сердечника с ониксом, висящим наготове над ним. Остальные настройщики смотрят на меня со своих изображений. Подходит Галлат и напоказ проверяет контактные точки проволочного кресла, которые должны посылать данные биомагестрическому отделу.

— Сегодня оникс держишь ты, Хоува.

Я слышу, как еле заметно вздрогнула в другом здании Нулевой Точки Гэва. Мы сегодня настроены друг на друга.

— Оникс держит Келенли, — говорю я.

— Уже нет. — Галлат не поднимает головы, пока говорит, без нужды проверяя мои ремни. И я вспоминаю, как он точно таким же движением привлекал к себе Келенли в саду. А, теперь я понимаю. Все это потому, что он боялся потерять ее… из-за нас. Боялся сделать ее лишь очередным инструментом в глазах начальства. Позволят ли они ему сохранить ее, когда получат Геоарканию? Или он боится, что и ее тоже бросят в терновую рощу? Должен бояться. Зачем же еще так сильно менять конфигурацию в самый важный день истории человечества?

Словно подтверждая мою догадку, он говорит:

— Биомагестрия говорит, что ты сейчас показываешь гораздо большую, чем требуется, совместимость для поддержания связи в течение нужного времени.

Он смотрит на меня, надеясь, что я не буду протестовать. Внезапно я осознаю, что *могу* это сделать. При таком внимании к каждому решению Галлата сегодня важные люди заметят, если я буду настаивать на том, что новая конфигурация — плохая идея. Всего лишь повысив голос, я могу отнять Келенли у Галлата. Я могу уничтожить его, как он уничтожил Тетлеву.

Но это глупая, бесполезная мысль, потому что как я могу испытать свою силу на *нем*, не сделав больно *ей*? Я и так причиню ей достаточно страданий, когда мы обратим мощность Планетарного Движителя на него самого. Она должна пережить начальный спазм магии; даже если она в контакте с любым устройством потока, у нее хватит мастерства, чтобы отвести обратное воздействие. Потом она станет просто еще одной выжившей, равной с остальными в страданиях. Никто не будет знать, что она такое на самом деле — она или ее ребенок, если он станет как она. Как мы. Мы освободим ее… чтобы она боролась

за существование вместе с остальными. Но ведь это лучше, чем иллюзия безопасности в золотой клетке, не так ли?

Лучше, чем все, что ты дал бы ей, думаю я о Галлате.

— Хорошо, — говорю я. Он чуть расслабляется.

Галлат покидает мою комнату и возвращается в смотровую вместе с прочими проводниками. Я один. Я никогда не одинок, остальные со мной. Поступает сигнал начинать, когда само мгновение словно затаило дыхание. Мы готовы.

Сначала сеть.

Поскольку мы настроены друг на друга, модулировать серебряные потоки и снимать сопротивление легко и приятно. Ремва работает регулятором, но едва ли нужно обуздывать кого-то из нас, чтобы мы резонировали выше или ниже или тянули с одинаковой скоростью — мы настроены друг на друга. Мы все этого хотим.

Над нами, но в пределах нашей достижимости Земля тоже, кажется, гудит. Почти как нечто живое. Мы путешествовали в Сердечник и обратно в начале нашего обучения; мы путешествовали сквозь мантию и видели массивные потоки магии, которая по природе пенится и поднимается вверх из железно-никелевого сердца планеты.

Отрегулировать краном эту бездонную купель будет величайшим достижением человечества. Однажды эта мысль будила во мне гордость. Теперь я делюсь этим со всеми остальными, и *камнетрепетное слюдянистое мерцание* горестного смешка проходит волнами сквозь всех нас. Они никогда не считали нас людьми, но сегодня мы докажем, что мы больше, чем инструмент. Даже если мы не относимся к человеческому виду, мы *люди*. Они больше никогда не смогут этого отрицать.

Хватит глупостей.

Сначала сеть, затем надо собрать фрагменты Движителя. Мы тянемся к аметисту, поскольку он ближе всего на земном шаре. Хотя мы за целый мир от него, мы знаем, что он тянет низкую ровную ноту, его накопитель пылает, переполненный энергией, пока мы погружаемся вверх в его бурное течение. Он уже закончил выкачивать остатки из терновой рощи у его корней, становясь замкнутой системой; теперь он ощущается почти живым. Когда мы уговариваем его перейти из покоя в звучную активность, он начинает пульсировать, а затем, в конце концов, мерцать по схеме, имитирующей жизнь, как включение нейромедиаторов или сокращение кишечника.

Он живой? Я впервые задаюсь этим вопросом, вызванным уроками Келенли. Это вопрос состояния высокого уровня энергий, но он неразрывно связан с вопросом подобного состояния высокого уровня магии, взятой из тел людей, которые некогда смеялись, гневались, пели… Осталось ли в аметисте что-нибудь от их личностей?

Если так… одобрили бы ньессы то, что мы, их карикатурные дети, намереваемся сделать?

Я больше не могу тратить времени на такие мысли. Решение принято.

Мы распространяем этот цикл запуска на макроуровне на всю сеть. Мы сэссим без сэссапин. Мы *ощущаем* изменение. Мы чувствуем его костями — поскольку мы часть этого двигателя, компоненты величайшего чуда человечества. На Земле, в сердце каждого узла Сил Анагиста по городу эхом катится звук сирен, и на сигнальных пилонах красным горит предостережение, видное издалека, пока фрагменты один за другим начинают монотонно петь, и мерцать, и выходить из гнезд. Мое дыхание учащается, когда я, в резонансе с остальными, чувствую поначалу отделение кристалла от более грубого камня, тягу, когда мы вспыхиваем и начинаем пульсировать вместе с изменением состояний магии и

начинаем подниматься…

(Здесь возникает заминка, короткая и едва заметная в этот опьяняющий момент, хотя и пылающая в линзах памяти. Некоторые фрагменты причиняют нам боль, небольшую, выходя из гнезд. Мы ощущаем царапанье металла, которого быть не должно, скрежет игл по нашей кристаллической коже. Мы ощущаем дуновение ржавчины. Это краткая боль и забывается быстро, как и любой укол иглы. Только потом мы это вспомним и будем скорбеть.)

…подниматься, и гудеть, и вращаться. Я делаю глубокий вдох, когда гнезда и городские пейзажи вокруг них уходят вниз. Сил Анагист переключается на резервные энергетические системы; их должно хватить до момента включения Геоаркании. Но эти мирские вопросы сейчас не важны. Я теку, лечу, *падаю* вверх в стремительный свет — пурпурный, индиговый, лиловый или золотой — шпинель, топаз, гранат и сапфир — сколько их, такие яркие! Такие живые от нарастающей мощности. (Такие *живые*, снова думаю я, и от этой мысли по сети проходит дрожь, поскольку об этом подумали и Гэва, и Душва, и Ремва, который направляет нас к цели треском, подобным разлому: *Идиоты, мы погибнем, если вы не сфоку-*

сируетесь! Потому я отпускаю эту мысль.)

И — ах, да, в центре экрана, в центре нашего сознания, как пылающее око, взирающее на добычу, — оникс. Расположенный так, как в последний раз попросила его Келенли, над Сердечником.

Я не нервничаю, говорю себе я, устремляясь к нему.

Оникс не похож на остальные фрагменты. Даже лунный камень по сравнению с ним спокоен — в конце концов, он всего лишь зеркало. Но оникс могуч, пугающ, темнее темного, непостижим. Если остальные фрагменты надо найти и активно привлечь, этот вцепляется в мое сознание, как только я приближаюсь, пытаясь втянуть меня глубже в свои грозные конвекционные потоки серебра. Когда я прежде связывался с ним, оникс отверг меня, как и всех остальных по очереди. Лучшие магесты Сил Анагиста не могли понять, почему — но теперь, когда я предлагаю себя, и оникс выбирает меня, я внезапно осознаю, почему так. *Оникс живой.* То, что при контакте с другими фрагментами было всего лишь вопросом, здесь становится ответом: он *сэссит* меня. Он изучает меня, касается меня своим присутствием, которое внезапно оказывается неоспоримым.

И в тот самый момент, когда я понимаю это, и у меня есть достаточно времени, чтобы со страхом подумать — что все эти личности думают обо мне, своем жалком потомке, сделанном из сплава их генов с ненавистью их губителей…

…я постигаю, наконец, тайну магестрии, которую даже ньессы скорее просто принимали, чем понимали. В конце концов, это магия, не наука. В ней всегда будут моменты, которых никто не поймет. Но теперь я знаю: вложи достаточно магии в нечто неживое, и оно станет живым. Вложи достаточно жизней в матрицу памяти, и она сохранит нечто вроде коллективного разума. Они *помнят* ужас и зверства всем, что осталось от них — своими душами, если хочешь.

И оникс поддается мне сейчас, поскольку в конце концов понимает, что я тоже знал боль. Мои глаза открылись, и я увидел собственные эксплуатацию и унижение. Конечно, я испуган и зол, и уязвлен, но оникс не презирает меня за эти чувства. Однако он ищет чего-то еще, чего-то большего и, наконец, находит это в маленьком горящем узле в моем сердце — решимость. Я посвятил себя созданию из всех этих неправильностей чего-то правильного.

Это то, чего желает оникс. *Справедливости.*

И поскольку я хочу того же — я открываю свои плотские глаза.

— Я связался с контрольным кабошоном, — отчитываюсь я проводникам.

— Подтверждаю, — говорит Галлат, глядя на экран, где отдел биомагестрии мониторит наши нейроарканные связи. Наблюдатели начинают аплодировать, и внезапно я ощущаю презрение к ним. Их неуклюжие инструменты и их слабые, примитивные сэссапины, наконец, сказали им то, что для нас очевидно, как дыхание. Планетарный Движитель успешно запущен. Теперь, когда запущены все фрагменты, каждый поднимается, гудит и мерцает над всеми двумястами пятьюдесятью шестью городами-узлами и сейсмическими энергетическими точками, мы начинаем цикл ускорения. Между фрагментами сначала загораются бледные поточные буферы, затем мы повторно запускаем цикл более глубоких драгоценнокаменных тонов генераторов. Оникс отмечает начало цикла одиночным, тяжелым звуковым ударом, от которого рябью идет Полушарный океан.

Кожа моя натянута, сердце колотится. Где-то в ином пространстве я стискиваю кулаки. *Мы* сделали это, наперекор ничтожному разделению

шести тел и двухсот пятидесяти шести рук и ног и одного огромного черного пульсирующего сердца. Мой рот открывается (наши рты открываются), когда оникс настраивается совершенным образом для направления бесконечно кипящей земной магии туда, где глубоко-глубоко внизу лежит ее обнаженное сердце. Ради этого момента мы были созданы.

Теперь, должны мы сказать. Здесь и сейчас, *осуществить связь*, и мы замкнем потоки сырой магии планеты в бесконечный цикл служения человечеству. Поскольку вот для чего на самом деле создали нас силанагистанцы: для подтверждения своей философии. Жизнь священна в Сил Анагисте — как и должно быть, ибо город сжигает жизнь как топливо ради своей славы. Ньессы были не первым народом, которые он перемолол своей пастью, просто это пример последнего и наиболее жестокого истребления множества жизней.

Но для общества, построенного на угнетении, нет большей угрозы, чем если не останется ни единого угнетаемого. И теперь, если ничего не сделать, Сил Анагисту придется вновь найти способ разделить свой народ на подгруппы и измыслить причину для конфликтов между ними.

Магии, получаемой из растений и генджинированной фауны, недостаточно; *кто-то* обязан страдать, если остальные упиваются роскошью.

Лучше пусть страдает Земля, считает Сил Анагист. Лучше поработить огромный неодушевленный объект, который не чувствует боли и не будет сопротивляться. Лучше Геоаркания. Но это обоснование все равно порочно, поскольку Сил Анагист сам по себе нежизнеспособен. Он паразит — его жажда магии растет с каждой каплей, которую он глотает. Сердце Земли не бесконечно. В конце концов, через пятьдесят тысяч лет оно тоже иссякнет. И все погибнет.

Все, что мы делаем, бесполезно, и Геоаркания — ложь. И если мы поможем Сил Анагисту и дальше идти по этому пути, нам придется сказать — *То, что сделали с нами, справедливо и неизбежно.*

Нет.

Что же, вместо этого мы сказали — *Сейчас*. Здесь, сейчас, соединение: бледные фрагменты с темными, все фрагменты с ониксом, а оникс… опять с Сил Анагистом. Мы полностью отделяем лунный камень от контура. Теперь вся мощность, запасенная во фрагментах, хлынет в город, и когда Планетарный Движитель умрет, умрет и Сил Анагист.

Все начинается и заканчивается задолго до того, как инструменты проводников успевают хотя бы зарегистрировать проблему. Поскольку остальные соединены со мной, наша нота замолкает, когда мы затихаем и ждем, когда нас захлестнет обратная петля отдачи. Я чувствую себя удовлетворенным. Хорошо будет умереть не в одиночку.

* * *

Но. *Но.*

Вспомни — не мы одни решили сражаться в этот день. Это я пойму лишь позже, когда посещу руины Сил Анагиста и загляну в пустые гнезда и увижу железные иглы, торчащие из их стен. Что это враг, я пойму лишь после того, как буду унижен и переделан у его ног… но объясню я сейчас, чтобы ты могла научиться на моих страданиях.

Не так давно я рассказывал тебе о войне между Землей и жизнью на его поверхности. Вот тебе часть вражеской психологии: Земля не видит разницы между нами. Ороген, глухач, силанагистанец, ньесс, будущее, прошлое — для него человечество есть человечество. И даже если другие руководили моим рождением и развитием, даже если Геоаркания была мечтой Сил Анагиста

задолго до того, как мои проводники родились на свет, даже если я всего лишь исполнял приказы, даже если мы шестеро решили нанести ответный удар… Земле плевать. Мы все виновны. Все соучастники преступления — попытки поработить сам мир.

Теперь, признав нас всех виновными, Земля подписал приговор. Здесь, по крайней мере, он хоть отчасти учел намерения и хорошее поведение.

Вот что я помню, что сложил по кусочкам позже и во что я верю. Но помни — никогда не забывай — что это было лишь началом войны.

* * *

Мы ощущаем это нарушение поначалу как какой-то призрак в машине.

Присутствие рядом, *внутри* нас, настойчивое, неотступное и чудовищное. Он выбивает оникс из моей хватки прежде, чем я понимаю, что творится, и затыкает наши испуганные сигналы *Что?* и *Что-то не так* и *Как это случилось?* ударной волной земноречи, столь же ошеломляющей для нас, как однажды станет для тебя Разлом.

Привет, маленькие враги.

В смотровой камере проводников наконец-то

взвывают сирены. Мы замерли в своих проволочных креслах, беззвучно крича и получая ответ чего-то вне нашего понимания, так что биомагестры замечают проблему лишь тогда, когда девять процентов Планетарного Движителя — двадцать семь фрагментов — уходят из сети. Я не вижу, как ахает и обменивается смертельно испуганным взглядом с остальными проводниками и их уважаемыми гостями проводник Галлат; это предположение, я ничего о нем не знаю. Я представляю, что в какой-то момент он поворачивается к консоли и блюет своим ланчем. Я также не вижу, как у него за спиной железная сфера пульсирует, разбухает и раскалывается, разрушая поле стазиса и осыпая всю комнату горячими, острыми как иглы железными осколками. Я *слышу* крики, когда железные осколки прожигают себе путь по венам и артериям, и зловещую тишину потом, но в тот момент у меня свои проблемы.

Ремва, самый сообразительный, выводит нас из шока, осознавая, что *кто-то еще контролирует Движитель*. Нет времени гадать, кто и почему. Гэва понимает, как, и бешено сигнализирует: двадцать семь «оффлайн» фрагментов все еще активны. На самом деле они образовали что-то

вроде подсети — дополнительный ключ. Именно так это иное присутствие сумело сбить контроль оникса. Теперь все фрагменты, которые генерируют и удерживают объем мощности Планетарного Движителя, — под чужим враждебным контролем.

В сердце я гордое существо — это непереносимо. Оникс был отдан *мне* — и потому я снова перехватываю его и восстанавливаю связи, составляющие Движитель, немедленно устраняя чужой контроль. Салева гасит ударные волны магии, вызванные этим грубым нарушением, чтобы они не отрикошетили в Движитель и не запустили резонанс, который — ну, мы на самом деле не знаем, что сделает этот резонанс, но это будет плохо. Я держусь, несмотря на реверберации, в реальном мире я оскалил зубы, слушая, как мои братья и сестры кричат, рычат вместе со мной или ахают среди афтершоков этой первой волны.

Все в смятении. Во владениях плоти и крови свет в наших камерах погас, по краям комнаты горят лишь аварийные щиты. Постоянно воют сирены, и повсюду в Нулевой Точке я слышу, как трещит и щелкает оборудование от запущенной нами в систему перегрузки. Вопящие в смотровой

камере проводники не могут нам помочь — да и могли бы, не помогли бы. Я на самом деле не понимаю, что творится. Я знаю только, что это битва, полная ежеминутного хаоса, как всегда в бою, и с того момента я ничего четко не помню…

Это странное нечто, напавшее на нас, сильно тянет Планетарный Движитель, снова пытаясь вырвать его из-под нашего контроля. Я кричу в бессловесной *гейзерокипящей магмагремящей ярости. Уходи!* Я в бешенстве. *Отстань от нас!*

Вы это начали, шипит оно в пласте, снова делая попытку. Однако, когда попытка проваливается, оно рычит в досаде — и затем вместо этого запирается внутри этих двадцати семи фрагментов, которые таинственным образом вышли из сети. Душва ощущают намерение этой враждебной сущности и пытаются выхватить один из двадцати семи, но фрагменты выскальзывают из их хватки, словно смазанные маслом. Фигурально выражаясь, это довольно верно — что-то загрязнило эти фрагменты, запятнав их так, что их практически невозможно схватить. Мы могли бы сделать это общими усилиями, поймав каждого по очереди, — но времени нет. И до тех пор враг держит двадцать семь.

Тупик. Мы по-прежнему держим оникс. Мы

держим оставшиеся двести двадцать девять фрагментов, готовые послать обратный импульс, который уничтожит Сил Анагист — и нас. Но мы отложили этот момент, поскольку не можем оставить ситуацию как есть. Откуда взялась эта сущность, столь злобная и феноменально могучая? Что она сделает с обелисками, которыми завладела? Несколько долгих мгновений висит молчание. Я не могу говорить за остальных, но я, по крайней мере, начал было думать, что атак больше не будет. Я всегда был таким дурнем…

Из тишины приходит насмешливо-изумленный, злобный вызов нашего врага, скрежещущий магией, железом и камнем.

Жгите ради меня, говорит Отец-Земля.

* * *

То, что было потом, мне приходится домысливать даже после всех этих веков поиска ответов.

Я не могу рассказать больше ничего, поскольку в какие-то мгновения все почти одномоментно, ошеломляюще и опустошительно. Земля меняется лишь постепенно, до тех пор, пока не перестает. И когда он наносит ответный удар, бьет он решительно. Вот подоплека. Это первое пробное бурение, инициировавшее проект Гео-

аркании, также привлекло внимание Земли к попыткам человечества взять его под контроль.

Последующие десятилетия он изучал врага и начал понимать, что хочет сделать. Металл был его инструментом и союзником — потому никогда не доверяй металлу. Он послал свои осколки на поверхность, чтобы исследовать фрагменты в гнездах — здесь жизнь была по крайней мере запасена в кристаллах, понятных неорганической сущности так, как не была понятна плоть. Лишь постепенно он научился брать под контроль отдельные человеческие жизни, хотя ради этого требовалось посредничество сердечника. Иначе мы такие маленькие твари, которых трудно отловить. Жалкие паразиты, если не считать нашей опасной тенденции иногда становиться опасно значительными. Обелиски, однако, были более полезными инструментами. Их легко обратить против нас, как любое оружие, которое держат небрежно.

Выжигание.

Помнишь Аллию? Умножь все это на двести пятьдесят шесть. Представь Спокойствие, продырявленное во всех узлах и сейсмически активных точках, и океан тоже — прорыв сотни горячих точек и газовых мешков, и нефтяных пластов, и

дестабилизацию всей системы тектонических плит. Для такой катастрофы нет слова. Вся поверхность планеты превратилась бы в жидкость, океаны выкипели бы, и все от мантии и выше стало бы стерильным. Миру, нам и всем существам, которые могли бы развиться в будущем, чтобы причинить боль Земле, пришел бы конец. Но сам Земля был бы в порядке.

Мы могли бы это остановить. Если бы захотели.

Не скажу, что у нас не возникло соблазна, когда перед нами встал выбор между разрушением цивилизации или всей жизни на планете. Участь Сил Анагиста была предрешена. Нельзя ошибиться — мы были намерены исполнить его приговор. Различие между тем, что намеревался сделать Земля и мы — лишь в масштабе. Но *по чьему* сценарию погибнет мир? Мы, настройщики, будем мертвы, так что это мало меня волновало в тот момент. Нет смысла задавать такой вопрос тем, кому нечего терять.

Только *мне* было что терять. В эти мгновения вечности я подумал о Келенли и ее ребенке.

Потому так и вышло, что моя воля получила приоритет в сети. Если у тебя есть сомнения, то сейчас я скажу откровенно: *это я* решил, как

кончится мир.

Это я взял контроль над Планетарным Движителем. Мы не могли остановить Выжигания, но мы могли ввести задержку в последовательность и направить в другую сторону самый мощный выброс энергии. После вмешательства Земли мощность стала слишком нестабильна, чтобы просто хлынуть назад в Сил Анагист, как мы изначально планировали; это за нас сделал Земля. Но такую кинетическую силу надо куда-то истратить. Не на планете, если я намеревался дать человечеству шанс выжить, — но здесь, где ждали наготове Луна и лунный камень.

Я торопился. Не было времени передумывать. Силе нельзя было *отразиться* от лунного камня, как предполагалось; это лишь усилило бы мощность Выжигания. Вместо этого я, рыча, сгреб остальных и заставил их помочь мне — они и не отказывались, просто действовали медленно — и мы разбили лунный кабошон.

В следующее мгновение мощь ударила по расколотому камню, не смогла отразиться и начала прогрызать себе путь сквозь Луну. Даже при таком смягчении удара сила его была сама по себе опустошительной. Более чем достаточной, чтобы вышвырнуть Луну с орбиты.

Отдача от такого злоупотребления Движителем должна была бы просто убить нас, но Земля все еще был здесь, призраком в машине. Пока мы извивались в предсмертных конвульсиях, а Нулевая Точка рассыпалась вокруг нас, он снова перехватил контроль.

Я сказал уже, что он считал нас виновными в попытке покушения на него — но каким-то образом, возможно, после долгих лет изучения, он понял, что мы — орудие в руках других, а не вершители собственных желаний. Не забывай и о том, что Земля не до конца понимает нас. Он считает человечество краткоживущими слабыми тварями, загадочно отдельными от вещества и сознания планеты, от которой зависит их жизнь, которые не понимают, какую пытаются причинить боль, — вероятно, *потому*, что они так кратки, хрупки и отстранены. И потому он избрал для нас то, что казалось ему наказанием со смыслом: он сделал нас частью себя. Я вопил в моем проволочном кресле, когда на меня волна за волной накатывала алхимия, превращая мою плоть в сырую, живую, затвердевшую магию, выглядевшую как камень.

Нам досталось не самое худшее — это Земля приберег для тех, кто обидел его сильнее всего. Он

использовал фрагменты-сердечники для прямого контроля над самыми опасными паразитами — но это сработало не так, как он задумывал. Человеческую волю труднее понять, чем человеческую плоть. Они не должны были продолжать существовать.

Я не буду описывать шок и смятение, охватившие меня в эти первые часы после моего изменения. Я никогда не смогу ответить на вопрос, как я вернулся с Луны на Землю; помню лишь кошмар бесконечного падения и горения, возможно, это был бред. Я не буду просить тебя представить, каково это вдруг оказаться в одиночестве, без голоса, после того, как целую жизнь пел для других таких как я. Таково было правосудие. Я принимаю его; я признаю свои преступления. Я искал искупления за них. Но…

Ладно. Что сделано, то сделано.

В эти последние моменты перед трансформацией мы успели отменить приказ о Выжигании двумстам и двадцати девяти фрагментам. Некоторые раскололись от напряжения. Остальные погибнут за последующие тысячелетия, их матрица была разрушена непостижимыми магическими силами. Большинство перешли в режим сна, продолжая тысячелетиями парить над ми-

ром, которому больше не нужна их сила, — пока, по воле случая, одна из хрупких тварей внизу не пошлет смутного, нецеленаправленного запроса о допуске.

Мы не могли остановить двадцать семь, захваченных Землей. Но нам, однако, удалось ввести задержку в их командную структуру: сто лет. Сказки ошибаются лишь в одном — в периодизации, понимаешь ли. Через сто лет после того, как дитя Отца-Земли было отнято у него, двадцать семь обелисков прожгли путь к сердцу земли, оставив огненные раны по всей коре планеты. Это не было тем очищением, которое задумал Земля, но все же это стало первым и самым страшным Пятым временем года — вы называете его Расколом. Человечество выжило потому, что для Зимы сотня лет — ничто, и ничто даже для человеческой истории, но для переживших падение Сил Анагиста это было достаточным сроком для подготовки.

Луна, роняя кровь обломков из раны в сердце, исчезла через несколько дней.

И…

Я никогда больше не увидел ни Келенли, ни ее ребенка. Я никогда не искал их, стыдясь себя, того чудовища, которым я стал. Но она выжила.

То и дело я слышал скрежет и рокот ее каменного голоса и нескольких рожденных ею детей. Они не были совсем одиноки — при помощи остатков своей магестрической технологии уцелевшие силанагистанцы вывели еще несколько настройщиков и использовали их для строительства убежищ на случай чрезвычайной ситуации, систем предупреждения и защиты. Однако эти настройщики со временем умирали, когда кончалась их полезность или когда остальные обвиняли их в гневе Земли. Только дети Келенли, которые не показывали себя, чья сила не была видна простым взглядом, продолжали существовать. От ньессов остались только потомки Келенли — лористы, бродящие от поселения к поселению, предупреждающие о грядущей катастрофе и учащие остальных сотрудничать, приспосабливаться и помнить.

Но, однако, все получилось. Ты жива. Это ведь тоже моих рук дело, не так ли? Я делал лучшее, что мог. Помогал чем и когда мог. И теперь, любовь моя, у нас есть второй шанс.

Пришла тебе пора снова покончить с миром.

* * *

2501: Тектонический сдвиг в направлении Минималь-Максималь: массивный.

Ударная волна прошла по половине Северного Срединья и Арктике, но остановилась на внешнем рубеже экваториальной узловой системы. На другой год цены на продовольствие резко возросли, но голод предотвращен.

Проектные записки Ятра Инноватора Дибарс

13
Нэссун и Иссун, на темной стороне мира

ЭТО ЗАКАТ ТОГО ДНЯ, КОГДА НЭССУН РЕШАЕТ ИЗМЕНИТЬ МИР. Она весь день пролежала, свернувшись комочком, рядом с Шаффой, подложив под голову его старую, все еще в хлопьях пепла, одежду, вдыхая его запах и желая невозможного. Наконец, она встает и очень осторожно скармливает ему остатки приготовленного ею варева из овощей. Еще она дает ему много воды. Даже после того, как она затащит Луну на встречный курс, до столкновения с Землей останется еще несколько дней. Она не хочет, чтобы Шаффа в это время слишком страдал, поскольку ее не окажется рядом, чтобы помочь ему.

(В душе она такая хорошая девочка. Не сердись на нее. Она может делать выбор лишь в пределах ее невеликого опыта, и не ее вина, что этот опыт по большей части был ужасен. Вместо этого подивись, насколько легко она умеет любить, насколько полно. Любви достаточно, чтобы изменить мир! Она узнала *откуда-то,* как любить

вот так.)

Промокая тканью пролитое варево с его губ, она тянется вверх и начинает активировать свою сеть. Здесь, в Сердечнике, она может делать это даже и без оникса, но запуск займет время.

— «Заповедь, начертанная в камне», — серьезно говорит она Шаффе. Его глаза снова открыты. Он моргает, вероятно, реагируя на звук, хотя она понимает, что это бессознательно.

Эти слова она прочла в странной рукописной книге — той, в которой она нашла, как использовать малую сеть обелисков как «резервный ключ», чтобы подорвать власть оникса над Вратами. Человек, написавший эту книгу, был, вероятно, сумасшедшим, судя по тому, что он, похоже, любил мать Нэссун много лет назад. Это странно и неправильно, но почему-то не удивляет. Каким бы огромным ни был мир, Нэссун начинает понимать, что он еще и тесен. Одна и та же история ходит по кругу. То же начало, тот же конец. Те же вечно повторяемые ошибки.

— Некоторые вещи *слишком* сломаны, чтобы их исправить, Шаффа. — Необъяснимо, но она думает о Джидже. Эта боль заставляет ее на миг замолчать. — Я… я не могла придумать ничего лучше. Но я хотя бы сумела остановить эту

плохую вещь.

С этими словами она встает, чтобы уйти.

Она не видит, как лицо Шаффы поворачивается, словно Луна, уходя в тень, чтобы посмотреть ей вслед.

* * *

Когда ты решаешь изменить мир, стоит рассвет. Ты все еще спишь в спальнике, который Лерна принес на крышу здания, помеченного желтым крестиком. Ты провела ночь под водонапорной башней, слушая постоянный грохот Разлома и треск случайных молний.

Возможно, вам следовало еще раз заняться сексом, но ты не думала об этом, а он не предлагал, так что ладно. У тебя и так уже из-за этого проблемы. Нечего полагаться только на средний возраст и голодовку в деле контроля за рождаемостью.

Он смотрит, как ты встаешь и потягиваешься, и восхищение в его взгляде так и остается для тебя смущающим и непонятным до конца. Из-за этого ты чувствуешь себя лучшим человеком, чем ты есть на самом деле. И это снова заставляет тебя бесконечно сожалеть о том, что ты не можешь ждать до рождения ребенка. Ровная, упорная доброта Лерны — то, что должно каким-то образом

уцелеть в этом мире. Увы.

Ты не заслуживаешь такого восхищения. Но намерена заслужить.

Ты спускаешься вниз по лестнице и останавливаешься. Прошлым вечером, кроме Лерны, ты дала знать Тонки, Хьярке и Юкке, что пора — ты уйдешь утром после завтрака. Вопрос о том, смогут ли они пойти с тобой или нет, остается открытым. Если сами вызовутся — одно дело, но спрашивать ты не будешь. Что же за человек ты будешь, если начнешь силой толкать их навстречу такой опасности? В нынешней ситуации им и так достанется, как и всему человечеству.

Ты не рассчитывала найти всех их в вестибюле здания с желтым крестом. *Все они* свертывают спальники, и зевают, и жарят колбаски, громко жалуясь, что кто-то допил весь ржавый чай. Здесь и Хоа, в позиции, чтобы увидеть тебя при спуске с лестницы. На его каменных губах довольно надменная улыбка, но это тебя не удивляет. Здесь Данель и Матчиш, первая встала и делает какую-то боевую разминку в углу, в то время как второй режет очередную порцию картошки, чтобы пожарить на сковородке, — и да, он развел костер в вестибюле, потому что неприкаянные порой такое вытворяют. Некоторые окна выби-

ты, дым вытягивает наружу. Ты удивлена также присутствием Хьярки и Тонки — они все еще спят, свернувшись друг у друга под боком на груде мехов.

Но ты совершенно, абсолютно не ожидала, что войдет Юкка, с прежней своей порывистостью и опять с безупречным макияжем на глазах. Она окидывает взглядом вестибюль, тебя вместе с остальными и прикладывает ладонь к губам.

— Не вовремя застала?

— Тебе нельзя, — вырывается у тебя. Говорить трудно, в горле стоит комок. Особенно Юкке, ты напряженно смотришь на нее. Злой Земля, она снова в своей меховой безрукавке. Ты думала, та осталась в Нижней Кастриме. — Тебе нельзя. Община же…

Юкка театрально закатывает накрашенные глаза.

— Ну и тебе, мать твою. Но ты права, я не иду. Просто пришла проводить, как и всех, кто идет с тобой. Мне и правда надо было приказать прикончить вас, но раз уж вы сами выметаетесь, то полагаю, этот маленький технический момент мы пропустим.

— Что, нам нельзя будет вернуться? — ахает Тонки. Она в конце концов садится, хотя явно

кривовато и с головой сильно набок. Хьярка, бормоча ругательства за то, что ее разбудили, встает и протягивает ей тарелку картошки, которой уже целую кучу успел нажарить Матчиш.

Юкка смотрит на нее.

— Вам? Вы отправляетесь в огромные, прекрасно сохранившиеся развалины города строителей обелисков. Я больше никогда вас не увижу. Но я, конечно же, предполагаю, что вы могли бы вернуться, если Хьярке удастся привести вас в чувство. Мне как минимум нужна *она*.

Матчиш зевает, достаточно громко, чтобы привлечь внимание всех. Он обнажен, и ты видишь, что в конце концов он стал выглядеть лучше — хотя он по-прежнему обтянутый кожей скелет, но половина общины так выглядит сейчас. Однако он кашляет меньше, и волосы стали лучше, хотя пока лишь смешно торчат — пепельные волосы должны еще отрасти и стать достаточно тяжелыми, чтобы лежать как следует. Впервые ты видишь культи его ног открытыми и запоздало понимаешь, что шрамы слишком аккуратны, чтобы быть оставленными каким-то неприкаянным налетчиком с ножовкой. Тут целая история, видно. Ты говоришь:

— Не дури.

Матчиш смотрит с кроткой досадой.

— Я не иду, нет. Но *мог* бы.

— Нет, ржавь, не мог бы, — рявкает Юкка. — Я уже сказала тебе, что нам здесь нужен эпицентровский рогга.

Он вздыхает.

— Отлично. Но хотя бы проводить-то я вас могу. Хватит вопросов, давайте к столу. — Он тянется за своей одеждой и начинает ее натягивать. Ты послушно идешь к костру, чтобы поесть чего-нибудь. Утренней тошноты пока нет. Ну хоть в этом повезло.

Пока ты ешь, ты рассматриваешь всех и ощущаешь себя ошарашенной, хотя и немного расстроенной. Конечно, трогательно, что они пришли вот так попрощаться с тобой. Ты счастлива, ты даже не прикидываешься. Когда ты еще таким образом уходила откуда-либо — открыто, по-доброму, в атмосфере веселья?

Это… ты даже не знаешь, что это за чувство. Хорошо? Ты не знаешь, что с этим делать.

Но ты все же надеешься, что большинство из них останется. А то Хоа придется тянуть целый, ржавь, караван сквозь землю.

Но глянув на Данель, ты удивленно моргаешь. Она снова остригла волосы, похоже, не любит

длинные. Волосы по вискам только что сбриты и… черная помада на губах. Земля знает, где она ее взяла, может, сама сделала из угля и жира. Но внезапно становится трудно воспринимать ее как Опору-генерала, кем она и была. Не была. Каким-то образом понимание того, что ты идешь навстречу судьбе, и экваториалка-лористка намерена записать все это для будущего, все меняет. Теперь это не просто караван. Это, ржавь, великий поход.

Эта мысль вызывает у тебя смешок, и все замирают и смотрят на тебя.

— Ничего, — говоришь ты, отмахиваясь и отставляя в сторону пустую тарелку. — Просто… блин. Пошли, кто идет.

Кто-то принес Лерне его рюкзак, который он спокойно надевает, глядя на тебя. Тонки ругается и бросается собираться, пока Хьярка терпеливо ей помогает. Данель тряпкой стирает пот с лица.

Ты идешь к Хоа, который изобразил на лице кривую изумленную усмешку, и становишься рядом, сокрушаясь по поводу бардака.

— Сможешь нести столько народу?

— Пока они остаются в контакте со мной или с тем, кто касается меня.

— Извини. Я такого не ожидала.

— Да неужели?

Ты смотришь на него, но тут Тонки — все еще жующая что-то, надевая рюкзак здоровой рукой, — хватается за его поднятую руку и замирает на миг, изумленно-нагло рассматривая ее. Но это лишь мгновение.

— Так как это должно сработать? — Юкка расхаживает по комнате, скрестив руки на груди, и смотрит на всех. Она взвинчена значительно больше, чем обычно. — Вы добираетесь дотуда, хватаете Луну, ставите ее на место, и что потом? Увидим ли мы какой-то знак перемен?

— Разлом остынет, — говоришь ты. — В краткосрочной перспективе это мало что изменит, поскольку в воздухе и так уже много пепла. Этой Зиме придется дойти до конца, и она будет плохой, несмотря ни на что. Луна даже может ухудшить ситуацию. — Ты сэссишь, что она уже тянет мир к себе; да, ты вполне уверена, что она ухудшит ситуацию. Однако Юкка кивает. Она тоже сэссит ее. Но это долгосрочная проблема, которую ты сама вообразить не можешь. — Если я, однако, смогу это сделать, вернуть Луну… — ты беспомощно пожимаешь плечами и смотришь на Хоа.

— Это дает простор для переговоров, — гулко

говорит он. Все замирают и смотрят на него. По тому, как они вздрагивают, ты можешь сказать, кто привык к камнеедам, а кто нет. — И, возможно, приведет к перемирию.

Юкка кривится.

— «Возможно»? Значит, мы прошли через все это, а ты даже не можешь быть уверенным, что это покончит с Зимами? Злой Земля…

— Нет, — признаешься ты. — Но *эту* Зиму мы остановим. — В этом ты уверена. Хотя бы ради этого стоит.

Юкка сдается, но продолжает ругаться себе под нос. Так ты узнаешь, что она тоже хочет пойти — но ты счастлива, что она вроде как отговаривает себя от этого. Она нужна Кастриме. А тебе нужно знать, что Кастрима останется здесь, когда тебя не будет.

Наконец, все готовы. Ты берешься своей левой рукой за правую руку Хоа. У тебя нет другой руки для Лерны, так что он обнимает тебя за талию.

Когда ты смотришь на него, он кивает — решительно, спокойно. По другую сторону Хоа становятся Тонки, Хьярка и Данель, взявшиеся за руки.

— Будет хлопок, да? — спрашивает Хьярка. Она одна из всех откровенно нервничает. Данель

источает спокойствие, примирившись, наконец, с собой. Тонки так возбуждена, что не может перестать улыбаться. Лерна просто опирается на тебя, твердый как скала, как всегда.

— Вероятно! — отвечает, чуть подпрыгивая, Тонки.

— Все это кажется феерически дурной идеей, — говорит Юкка. Она привалилась к стене комнаты, скрестив руки и глядя, как собирается группа. — Исси *должна* идти, в смысле, но остальные… — Она качает головой.

— А ты пошла бы, не будь ты предводительницей? — спрашивает Лерна. Он спокоен. Он всегда кладет последний свой камень вот так, спокойно и из ниоткуда.

Она зло хмыкает и смотрит на него. Затем бросает на тебя взгляд, опасливый и, возможно, чуть сконфуженный, затем вздыхает и отталкивается от стены. Но ты замечаешь. У тебя снова комок в горле.

— Эй, — говоришь ты прежде, чем она успевает уйти. — Юк.

Она ожигает тебя взглядом.

– *Ненавижу* это ржавое прозвище.

Ты игнорируешь ее слова.

— Ты некоторое время назад говорила, что у

тебя есть запас середиса. Мы хотели его выпить после того, как я разбила армию Реннаниса. Помнишь?

Юкка моргает, затем на ее лице медленно расплывается улыбка.

— Ты была в коме или вроде того. Я сама все уговорила.

Ты сверлишь ее взглядом, удивленная своей искренней досадой. Она смеется тебе в лицо. Вот тебе и сердечное прощание.

Но… ладно. Все равно хорошо.

— Закройте глаза, — говорит Хоа.

— Он не шутит, — предостерегаешь ты. Но сама ты глаз не закрываешь, когда мир становится темным и странным. Ты не ощущаешь страха. Ты не одна.

* * *

Ночь. Нэссун стоит там, где, по ее мнению, находятся городские зеленые зоны Сердечника. Это не так, город был построен задолго до Зим и не нуждался в таком. Это просто какое-то место возле чудовищной дыры в сердце Сердечника. Вокруг дыры находятся странно покосившиеся здания, как пилоны, которые она видела в Сил Анагисте, — но эти громадные, на много этажей выше и

на много кварталов шире все вместе. Она узнала, что когда подходит слишком близко к зданиям, у которых нет ни окон, ни дверей, они испускают предостережение из красных слов и символов в несколько футов высотой, которые загораются в воздухе над городом. Но хуже низкий, гулкий вой сирен, эхом катящийся по улицам, — негромкий, но настойчивый, от него дребезжат и зудят зубы.

(Несмотря на все это она заглянула в дыру. Она громадная по сравнению с той, что они видели в подземном городе — во много раз больше в окружности, такая здоровущая, что ей пришлось бы обходить ее несколько часов. Но невзирая на всю свою огромность, она свидетельство достижений джинерии, утраченной человечеством, Нэссун никак не может заставить себя восхищаться ею. Эта дыра никого не накормит, не даст укрытия от пепла или нападения. Она даже не пугает ее — хотя это бессмысленно. После ее путешествия по подземному городу в сердце мира, после потери Шаффы ее больше ничто никогда не испугает.)

Точка, которую нашла Нэссун, — кольцеобразный участок земли сразу за пределами радиуса тревоги дыры. Это странная почва, слегка мягкая на ощупь и пружинистая под ногами, непохожая на все материалы, к которым она прикасалась, —

но здесь, в Сердечнике, такие впечатления не редкость. В этом кругу нет настоящей земли, разве что немного ветром нанесло по краям; несколько водорослей укоренились здесь, а еще тут есть иссохший тонкий ствол мертвого деревца, который сделал что мог, пока его не сдуло много лет назад. Это все.

Вокруг кольца собрались несколько камнеедов, замечает она, занимая положение в его центре. Стали не видно, но здесь штук двадцать-тридцать на улицах и углах, сидят на лестницах, привалившись к стенам. Некоторые поворачивают глаза или головы, когда она проходит, но она игнорировала и игнорирует их. Возможно, они пришли стать свидетелями истории. Может, некоторые, как Сталь, надеются на окончание своего ужасного бесконечного существования; может, те, кто помогали ей, делали это как раз ради этого. Может, они просто устали. Не особо вдохновляющий город этот Сердечник.

Сейчас ничто не имеет значения, кроме ночного неба. И в этом небе начинает восходить Луна.

Она стоит низко над горизонтом и кажется больше, чем прошлой ночью, и продолговатой от дисторсии воздуха. Белая, странная, округлая, она едва ли кажется стоящей страданий и борьбы,

которые стали символом ее отсутствия для мира. И все же она притягивает в Нэссун все, что в ней есть орогенного. Она притягивает весь мир.

Пора, значит, миру вернуться.

Нэссун закрывает глаза. Сейчас все вокруг Сердечника — резервный ключ, три на три на три, двадцать семь обелисков, к которым она последние несколько недель прикасалась, приручала и уговаривала встать на орбиту поблизости. Она все еще чувствует сапфир, но он далеко и не виден; она не может его использовать, и если бы она его призвала, он прибыл бы лишь через несколько месяцев. Однако эти остальные подойдут. Странно видеть столько других обелисков вместе в небе, когда целую жизнь провела только с одним. Еще более странно ощущать все их связанными с собой, звенящими с чуть разной скоростью, их колодцы силы чуть разные по глубине. Темные глубже. Почему — непонятно, но разница заметна.

Нэссун поднимает руки, растопыривает пальцы, бессознательно подражая матери. Очень тщательно она начинает соединять каждый из двадцати семи обелисков — один к одному, потом два по два, затем остальные. Ею руководят линии зрения, линии силы, странные инстинкты,

которые подчинены математическим закономерностям, которых она не понимает. Каждый обелиск поддерживает формирующуюся решетку, а не нарушает или отменяет ее. Это как запрягать лошадей, когда у тебя есть одна с быстрым от природы шагом, а другая тащится так себе. Это как запрягать двадцать семь нервных скаковых лошадей в одну упряжку… но принцип тот же.

И он прекрасен, этот момент, когда все потоки перестают противиться Нэссун и переходят в строгую систему. Она вздыхает, невольно улыбаясь, снова ощущая удовольствие впервые с того момента, как Отец-Земля уничтожил Шаффу. Это должно быть страшно, не так ли? Такое могущество. Но оно не пугает. Она падает вверх сквозь завихрения серого, зеленого, лилового или чисто белого; части ее, которым она не знает названия, движутся и пристраиваются в танце к двадцати семи частям. Как же это прелестно! Если бы Шаффа мог…

Подожди.

Что-то заставляет шевелиться волоски на затылке Нэссун. Сейчас опасно терять концентрацию, потому она заставляет себя методично коснуться каждого обелиска по очереди и успо-

коить их, введя их в холостой режим. Они по большей части терпят это, хотя опаловый обелиск немного упирается, и ей приходится заставить его успокоиться. Когда все в конце концов стабилизировано, она осторожно открывает глаза и осматривается.

Поначалу черно-белые, залитые лунным светом улицы кажутся прежними: молчаливыми и мертвыми, несмотря на толпу камнеедов, собравшихся посмотреть на ее труды. (В Сердечнике легко ощутить себя одиноким в толпе.) Затем она замечает… движение. Что-то — *кто-то* — ныряет из тени в тень.

Нэссун испуганно делает шаг к этой движущейся фигуре.

— П… привет?

Фигура, спотыкаясь, бредет к какому-то маленькому столбу, предназначения которого Нэссун так и не поняла, хотя такие торчат чуть не на каждом углу города. Почти падая, он хватается за столб, вздрагивает и поднимает взгляд на звук ее голоса. Льдистые глаза устремляются на Нэссун из тени.

Шаффа.

В сознании. Движется.

Не раздумывая, Нэссун сначала бежит к нему

трусцой. Затем сломя голову. Сердце колотится в горле. Она слышала о таком раньше, но считала пустяком — просто поэзией, просто глупостью — но теперь она понимает, что это значит, когда у нее во рту пересыхает так, что она чувствует собственный пульс на языке. В глазах у нее все плывет.

— Шаффа!

Он в тридцати, в сорока футах от нее, возле одного пилона из окружающих дыру Сердечника. Он достаточно близко, чтобы узнать ее — и все же в его взгляде нет ничего, говорящего о том, что он узнал, кто она. Напротив — он моргает, затем улыбается медленно, холодно, и она спотыкается и останавливается в глубоком беспокойстве, от которого мурашки бегут по коже.

— Ш-Шаффа? — снова говорит она. У нее в тишине очень тонкий голосок.

— *Привет, маленький враг,* — говорит Шаффа, голосом, раскатывающимся по всему Сердечнику, по горе под ним и по океану на тысячу миль вокруг.

Затем он поворачивается к пилону у себя за спиной. При его прикосновении открывается высокая узкая щель, и он почти валится в нее. Она тут же закрывается за ним.

Нэссун кричит и бросается следом.

* * *

Вы находитесь глубоко в нижних слоях мантии, на полпути сквозь мир, когда ты ощущаешь активацию части Врат Обелисков.

Или так поначалу интерпретирует это твой разум, пока ты не справляешься с тревогой и не тянешься вперед, чтобы подтвердить свои ощущения. Это трудно. Здесь, в глубине земли *столько* магии; пытаясь отделить это от чего бы то ни было, происходящего на поверхности, — все равно что пытаться услышать далекое журчание ручья на фоне грохота водопада. Чем дальше Хоа несет вас, тем хуже, пока, наконец, тебе не приходится «закрыть глаза» и полностью прекратить ощущать магию — поскольку рядом находится нечто огромное, «ослепляющее» тебя своей яркостью. Это словно солнце под землей, серебристо-белое, клубящееся от неимоверно интенсивной концентрации магии… но ты также чувствуешь, как Хоа обходит это солнце по большой дуге, пусть даже это означает, что путешествие займет времени больше, чем необходимо.

Потом спросишь его, зачем.

Ты мало что можешь рассмотреть кроме бурлящей красноты глубин. Как быстро вы движетесь? Без точки отсчета сказать невозможно. Хоа — прерывистая тень в окружающей тебя красноте, мерцает в тех редких случаях, когда ты улавливаешь его образ, — но и ты, наверное, мерцаешь. Он не проталкивается сквозь землю, но становится частью ее и проводит частицы себя вокруг ее частиц, становясь волной, которую ты сэссишь как звук, свет или тепло. Страшновато, если оставить в стороне тот факт, что он проделывает это и с тобой. Ты не чувствуешь ничего подобного, разве что намек на давление его руки и намек на напряжение руки Лерны. Нет никаких иных звуков, кроме вездесущего рокота, ни запаха серы, ничего. Ты не понимаешь, дышишь ли ты, и не ощущаешь нужды в воздухе. Но далекое пробуждение множества обелисков вгоняет тебя в панику, ты чуть ли не пытаешься оторваться от Хоа, чтобы сконцентрироваться, даже если — глупо — это не просто убьет тебя, но *уничтожит*, превратит в прах, испарит его и выжжет пар.

— Нэссун! — кричишь или пытаешься кричать ты, но слова теряются в низком реве. Некому услышать твой крик.

Нет. Есть.

Что-то смещается вокруг вас — или, запоздало осознаешь ты, это ты смещаешься относительно его. Ты не думаешь об этом, пока это не повторяется и тебе не кажется, что Лерна вздрагивает. Затем до тебя, наконец, доходит, что надо посмотреть на завитки серебра в телах твоих спутников, как минимум на фоне плотного красного вещества земли, окружающего вас.

Вот сияющий человеческий образ, соединенный с твоей рукой, тяжелый, как гора, по ощущению твоего сознания, быстро продвигается вверх: Хоа. Однако он движется странно, порой смещаясь то в одну сторону, то в другую, вот что ты чувствовала раньше. Рядом с Хоа слабое мерцание, мягко очерченное. У одного из образов ощутимое нарушение потока серебра в одной руке — Тонки. Ты не можешь отличить Хьярку от Данель, поскольку не видишь волос или чего-то столь детализированного, как зубы. Ты различаешь их лишь по тому, что знаешь, что ближе всего к тебе Лерна. А за Лерной…

Что-то мелькает мимо, тяжелое как гора и горящее магией, с человеческими очертаниями, но не человек. И не Хоа.

Еще одна вспышка. Что-то мелькает по перпендикулярной траектории, наперерез, Хоа

уклоняется, но их все больше. Хоа снова уклоняется, и очередная вспышка промахивается. Но так близко. Лерна вздрагивает рядом с тобой. Тоже видит?

Ты надеешься, что нет, поскольку понимаешь, что происходит. Хоа *уклоняется*. И ты ничего, ничего не можешь сделать, кроме как довериться Хоа, чтобы он уберег вас от камнеедов, которые *пытаются оторвать вас от него*. Нет. Трудно сосредоточиться, когда ты настолько испугана — когда ты смешалась с полужидким камнем мантии планеты под чудовищным давлением, и когда все, кого ты любишь, погибнут среди медленного ужаса, если ты провалишь свое задание, и когда ты окружена потоками магии, куда более мощными, чем все, что ты прежде видела, и когда тебя желают убить камнееды. Но. Но ты не просто так провела детство, учась работать под угрозой смерти.

Одних нитей магии недостаточно, чтобы остановить камнеедов. Извилистые реки магии земли — все, что есть у тебя под рукой. Потянуться к одной из них все равно что погрузить свое сознание в лавовую трубку, и на миг тебя отвлекает мысль, как это будет ощущаться, если Хоа выпустит вас — вспышка чудовищного жара

и боли, а затем забвение. Ты отмахиваешься от этой мысли. Ты вспоминаешь Миов. Придвинуть клин льда к утесу, отколоть в нужный момент, чтобы разбить корабль, полный Стражей… Ты превращаешь свое сознание в клин и вбиваешь его в ближайший магический поток, трескучий виток серебра. Это срабатывает. Но бьешь ты наугад, магия плещет во все стороны, и Хоа снова приходится уклоняться, на сей раз от твоих усилий. Срань! Ты снова пытаешься, на сей раз сконцентрировавшись, расслабив мысли. Ты уже в земле, горячей и красной, а не темной и теплой, но какая разница? Ты по-прежнему в тигле, буквально, не в символической мозаике. Тебе нужно направить свой клин *сюда* и нацелить *сюда*, когда очередная вспышка гуманоидной горы начинает выцеливать вас и бросается, чтобы убить…

…и в этот момент ты направляешь поток ярчайшего серебра прямо ему навстречу. Он не промахивается. Ты по-прежнему хорошо умеешь целиться. Ты видишь, как камнеед замирает, когда магия вспыхивает у него чуть ли не под носом. Здесь, в глубокой красноте, невозможно увидеть выражение лица, но ты представляешь, что эта тварь удивлена, может, даже испугана. Ты надеешься на это.

— В следующий раз по тебе, ублюдок ржавый! — пытаешься крикнуть ты, но ты уже не в чисто физическом пространстве. Звук и воздух излишни. Ты *представляешь* эти слова и надеешься, что этот ржавень понял намек. Однако ты и не думала, что эти юркие мимолетные вспышки камнеедов прекратятся. Хоа продолжает передвигаться, но нападений больше нет. Хорошо. Приятно принести хоть какую-то пользу.

Теперь, когда ему не мешают, он поднимается быстрее. Твои сэссапины начинают снова осознавать глубину как рациональную, поддающуюся исчислению величину. Темно-красный становится темно-коричневым, затем остывает до черного. И тут…

Воздух. Свет. Прочность. Вы снова становитесь *реальными*, из плоти и крови, не измененными другой материей, вы на дороге между странными гладкими зданиями под ночным небом, высокими как обелиски. Возвращение ощущения сногсшибательно, глубоко — но это ничто по сравнению с полным шоком, который вы ощущаете, подняв взгляд вверх.

Вы провели последние два года под небом переменного пеплопада и до сих пор понятия не имели о том, что Луна пришла. Это льдистый

зрачок на черном фоне, недобрый знак, начертанный широко и ужасно на черном звездном гобелене. Ты видишь, даже без необходимости сэссить, что это огромный округлый камень. Обманчиво маленький на фоне неба; ты думаешь, чтобы полностью сэссить его, тебе понадобятся обелиски, но ты видишь на ее поверхности то, что должно быть кратерами. Ты уже путешествовала сквозь кратеры. Эти кратеры на Луне достаточно большие, чтобы их можно было видеть отсюда, достаточно большие, чтобы пересечь их пешком, потребовались *годы*, и это говорит тебе, что вся эта штука немыслимо огромна.

— Срань, — ругается Данель, что заставляет тебя оторвать взгляд от неба. Она стоит на четвереньках, словно цепляется за землю, радуясь ее твердости. Может, сейчас она сожалеет о своем выборе или просто раньше не понимала, что быть лористом может быть так же страшно и опасно, как генералом.

— Срань! Срань!

— Вот она, значит. — Это Тонки. Она тоже во все глаза смотрит на Луну.

Ты оборачиваешься, чтобы увидеть реакцию Лерны. Место рядом с тобой, где он держался за тебя, пусто.

— Я не ожидал нападения, — говорит Хоа. Ты не можешь повернуться к нему. Не можешь отвернуться от *пустого места,* где должен быть Лерна. Хоа говорит привычно-бесстрастным гулким тенором — но потрясен ли он? Ошеломлен? Ты не хочешь этого. Ты хочешь, чтобы он сказал что-то вроде, *конечно же я смог спасти вас всех, Лерна где-то здесь, не волнуйся*.

Вместо этого он говорит:

— Я должен был догадаться. Та фракция, которая не хочет мира… — Голос его обрывается. Он замолкает как обычный человек, у которого нет слов.

— Лерна. — Тот последний удар. Тот, который ты сочла близким промахом. Этого не должно было случиться. Это *ты* благородно жертвуешь собой ради будущего мира. *Он* должен был пережить это.

— Что с ним? — Это Хьярка, которая стоит, но согнувшись, опершись руками о колени, словно ее вот-вот вывернет. Тонки растирает ей крестец, словно это как-то поможет, но Хьярка смотрит на тебя. Она хмурится, и ты видишь, в какой момент она осознает, о чем вы говорите, и на лице ее шок. Ты… отупела. Это не обычное отсутствие чувств из-за того, что ты уже наполовину статуя.

Иное. Это…

— Я и не думала, что люблю его, — шепчешь ты.

Хьярка морщится, но это заставляет ее выпрямиться и сделать глубокий вдох.

— Все мы знали, что это может быть дорогой в один конец.

Ты качаешь головой в… растерянности?

— Он… он был… настолько моложе меня. — Ты думала, что он переживет тебя. Так ведь *должно* быть. Ты должна была умереть, чувствуя вину за то, что оставила его и погубила его нерожденного ребенка. Он должен был…

– *Эй,* — более резко говорит Хьярка. Ты уже знаешь это выражение ее лица. Это вид Лидера или того, кто напоминает тебе, что здесь лидер — ты. Но ведь это правильно, не так ли? Это ты возглавляешь эту маленькую экспедицию. Это ты не заставила Лерну или кого-либо из них остаться дома. Это тебе не хватило отваги сделать это самой, как, ржавь побери, должна была, если действительно не хотела им зла. Смерть Лерны на твоих руках, не Хоа.

Ты отводишь от них взгляд и невольно трогаешь свою культю. Это иррационально. Ты ждешь боевых шрамов, ожогов, чего-то еще, что

напомнит о гибели Лерны. Но ничего такого. Ты в порядке. Ты оглядываешься на остальных — они тоже в порядке, поскольку из битв с камнеедами не выходят всего лишь с ранами тела.

— Это *прелюдия войны*. — Пока ты стоишь, опустошенная, Тонки наполовину отворачивается от Хьярки, что проблема, поскольку Хьярка опирается на нее. Хьярка ворчит и забрасывает руку на шею Тонки, чтобы удержать ее на месте. Тонки словно не замечает, озираясь по сторонам расширенными глазами.

— Злой, жручий Земля, вы только посмотрите. Совершенно цел! Не скрыт, без защитных сооружений или камуфляжа, совсем нет зеленых зон, чтобы город был самодостаточен… — Она моргает. — Им были нужны регулярные поставки, чтобы выжить. Это место *не предназначено для выживания*. Значит, оно построено до Врага! — Она моргает. — Здешние жители должны были быть выходцами из Спокойствия. Может, здесь есть какие-то средства передвижения, которых мы еще не видели. — Она погружается в размышления, бормоча себе под нос, садится на корточки и ковыряет пальцем вещество почвы.

Тебе все равно. Но у тебя нет времени оплакивать Лерну или ненавидеть себя, не сейчас.

Хьярка права. У тебя есть дело, и его надо сделать.

Ты заметила другие предметы в небе рядом с Луной — несколько десятков обелисков, висящих так близко, так низко, их энергия удерживается, и ни один из них не отвечает на твое прикосновение, когда ты тянешься к ним. Они не твои. Но хотя они заряжены и готовы, сопряжены так, что ты сразу опознаешь это как Дурные Новости, они не делают ничего. Что-то поставило их на паузу.

Фокус. Ты прокашливаешься.

— Хоа, где она?

Когда ты бросаешь на него взгляд, ты видишь, что он принял новую позу: пустое лицо, тело чуть повернуто к югу и востоку. Ты следишь за его взглядом и видишь нечто, что поначалу повергает тебя в священный трепет: ряд зданий в шесть-семь этажей, насколько ты можешь видеть, клинообразных и безликих. Легко видно, что они образуют кольцо, и легко догадаться, что находится в его сердце, хотя ты не можешь этого видеть из-за наклона зданий. Алебастр же говорил тебе, не правда ли? *Этот город существует ради дыры в нем*.

У тебя перехватывает горло.

— Нет, — говорит Хоа. Ладно. Ты заставляешь

себя дышать. — Она не в дыре.

— Тогда где?

Хоа поворачивается к тебе. Медленно. Глаза его распахнуты.

— Иссун… она ушла в Уоррент.

* * *

Как Сердечник вверху, так Уоррент внизу.

Нэссун бежит по вырезанным в обсидиане коридорам, узким и низким, вызывающим клаустрофобию. Здесь, внизу, тепло — не слишком, но тепло близко и вездесуще. Это тепло вулкана, исходящее вверх из древнего камня в его сердце. Она может сэссить эхо того, что было сделано ради создания этого места, поскольку это была орогения, не магия, хотя более точная и мощная орогения, чем все, что она прежде видела. Однако ей все равно. Ей надо найти Шаффу.

Коридоры пусты, освещены сверху странными квадратными светильниками, которые она видела в подземном городе. Больше ничего здесь не напоминает того места. Подземный город ощущался продуманным по дизайну. В том, как была построена его станция, был намек на красоту, казалось, город развивался медленно, участок за участком, со временем на раздумье

между фазами строительства. Уоррент темен, утилитарен. Когда Нэссун бежит по наклонным пандусам, мимо конференц-залов, аудиторий, столовых, комнат отдыха, она видит, что все они пусты. Коридоры этого места были пробиты и процарапаны в щитовом вулкане за несколько дней или недель — второпях, хотя непонятно, почему. Нэссун, к своему удивлению, каким-то образом осознает поспешность, связанную с этим местом. Страх въелся в эти стены.

Но все это не имеет значения. Где-то здесь Шаффа. Шаффа, который едва двигался в течение недель, и все же сейчас он каким-то образом бежит, его телом движет нечто иное, чем его разум. Нэссун отслеживает его серебро, изумленная тем, что он сумел забраться так далеко за те моменты, которые понадобились ей, чтобы вновь открыть дверь, а когда она не открылась — использовать серебро, чтобы заставить ее открыться. Но теперь он далеко впереди, и…

…и другие. Она останавливается на миг, задыхаясь, внезапно охваченная беспокойством.

Их много. Десятки… нет. Сотни. И все как Шаффа, их серебро тоньше, страннее и идет откуда-то.

Стражи. Вот, значит, куда они уходят во время

Зим… но Шаффа сказал, что они убьют его, потому что он «осквернен».

Нет. Она стискивает кулаки.

(До нее не доходит, что они и ее убьют. Вернее, доходит, но *Они не смогут* куда сильнее в масштабах ее реальности.)

Когда Нэссун пробегает сквозь дверь наверху короткой лестницы, тесный коридор внезапно выходит в узкую, но очень длинную комнату с высоким потолком. Достаточно высоким, чтобы потеряться в темноте, а ее длина тянется далеко за пределы видимости. И по всем стенам этой комнаты ровными рядами вплоть до потолка тянутся десятки — сотни — странных квадратных дыр. Похоже на осиное гнездо, хотя форма ячеек не та.

И в каждой из них тело.

Шаффа далеко впереди. Он где-то в этой комнате, уже не идет вперед. Нэссун тоже останавливается, дурное предчувствие, наконец, перебарывает ее стремление найти Шаффу. От тишины дрожь идет по спине. Она не может справиться со страхом. Аналогия с осиным гнездом никуда не ушла, и ей страшно заглянуть в ячейки, вдруг оттуда на нее уставится личинка, паразитирующая на трупе какого-нибудь суще-

ства (разумного).

Она неизбежно заглядывает в ближайшую ячейку, которая едва шире плеч лежащего в ней мужчины, который словно бы спит. Моложавый седой срединник в винно-красном мундире, о котором Нэссун слышала, но никогда не видела. Он дышит, пусть и медленно. Женщина в соседней ячейке в такой же форме, хотя совершенно отличается от него: это восточная побережница с абсолютно черной кожей, волосами, заплетенными замысловатыми косичками, и винно-красными губами. На губах ее еле заметная улыбка, словно даже во сне она не может отделаться от этой привычки.

Во сне и даже более чем во сне. Нэссун отслеживает серебро людей в ячейках, ощущает их нервы и циркуляцию и понимает, что каждый из них находится в чем-то вроде комы. Однако она думает, что нормальная кома не должна быть такой. Никто из них вроде не ранен и не болен. И в каждом Страже этот осколок, сердечник — здесь они спокойные, не вспыхивают гневно, как в Шаффе. Странно, но эти серебряные нити в каждом Страже тянутся наружу к другим, вокруг них. Сплетаются в сеть. Может, подпитывают друг друга? Заряжают друг друга для какой-то работы,

как сеть обелисков? Она не может понять.

(Они не должны были существовать с самого начала.)

Но тут из центра сводчатой комнаты, где-то в сотне футов от себя она слышит резкое механическое жужжание.

Она подпрыгивает и, спотыкаясь, бежит прочь от ячеек, коротко испуганно озираясь, не проснулся ли кто из обитателей ячеек от шума. Они не шевелятся. Она сглатывает и тихонько зовет:

— Шаффа?

Ответом ей служит низкий знакомый стон, прокатившийся по комнате. Нэссун, спотыкаясь, задыхаясь, бежит вперед. Это он. В центре странной комнаты рядами стоят устройства. Каждое состоит из кресла, присоединенного к сложному сооружению из серебряных проводов, закрученных петлями и прямых, — она никогда не видела ничего подобного. (Ты видела.) Каждое устройство достаточно, чтобы вместить одного человека, но все они пустые. И — Нэссун наклоняется поближе, чтобы лучше рассмотреть — каждое примыкает к каменному столбу, который поддерживает отвратительно сложный механизм. Невозможно не заметить тонких скальпелей, похожих на щипцы хрупких

приспособлений различной величины и прочих инструментов, явно предназначенных для того, чтобы резать и сверлить…

Где-то поблизости стонет Шаффа. Нэссун выбрасывает из головы все эти режущие штуки и спешит вдоль ряда…

…и останавливается перед единственным занятым проволочным креслом в этой комнате.

Это кресло как-то подогнано. В нем Шаффа, но лицом вниз, его тело поддерживают провода, его стриженые волосы раздвинуты на затылке. Механизм за креслом ожил, протянулся вверх и поверх его тела как хищник — но он уже втягивает когти при ее приближении. Окровавленные инструменты скрываются внутри механизма — она слышит слабое жужжание. Наверное, очистка. Один крохотный, похожий на микропинцет инструмент, однако, остался, держа добычу, которая все еще поблескивает от крови Шаффы. Маленький кусочек металла, неровный и темный.

Привет, маленький враг.

Шаффа не шевелится. Нэссун, дрожа, смотрит на его тело. Она не может переключить свое восприятие на серебряные нити, на *магию*, чтобы увидеть, жив ли он. Кровавая рана на его затылке аккуратно зашита, прямо поверх старого шрама,

который всегда вызывал ее любопытство. Шов все еще кровит, но понятно, что разрез был сделан быстро и почти так же быстро зашит.

Как ребенок, который хочет, чтобы чудовища под кроватью не существовало, Нэссун желает, чтобы спина Шаффы пошевелилась.

Так и выходит, когда он делает вдох.

— Н… Нэссун, — хрипит он.

— Шаффа! Шаффа. — Она бросается на колени и приседает, чтобы посмотреть ему в лицо снизу проволочного сооружения, не обращая внимания на кровь, все еще текущую по его шее и лицу. Его глаза, его прекрасные белые глаза полуоткрыты, и на сей раз это *его* глаза! Она видит это и ударяется в слезы. — Шаффа? С тобой все в порядке? С тобой правда все в порядке?

Он говорит медленно, нечетко. Нэссун не станет думать, почему.

— Нэссун. Я. — Еще медленнее меняется выражение его лица, моретрясение его лба посылает цунами медленного осознания по всему лицу. Глаза его распахиваются. — Нет. Боли.

Она касается его лица.

— Эта… этой штуки в тебе уже нет, Шаффа. Той металлической штуки.

Он закрывает глаза, и у нее сводит нутро, но

затем хмурое выражение исчезает с его лица. Он снова улыбается — и впервые с тех пор, как он повстречался с Нэссун, в его улыбке нет ни натянутости, ни лжи. Он улыбается не для того, чтобы облегчить свою боль или чужой страх. Рот его открывается. Она видит все его зубы, он *смеется,* пусть и слабо, и плачет от облегчения и радости, и это самое прекрасное, что она видела в жизни. Она обнимает его лицо ладонями, помня о ране на затылке, и прижимается лбом к его лбу, дрожа от его тихого смеха. Она любит его. Просто так сильно любит его. И поскольку она прикасается к нему, поскольку любит его, поскольку она так настроена на его нужды и его боль и на то, чтобы сделать его счастливым, ее восприятие соскальзывает в серебро. Она не хотела этого. Она просто хочет глазами видеть, как он в ответ смотрит на нее, руками касаться его кожи и ушами слышать его голос.

Но она ороген и больше не может отключать сэсуну, как взгляд, или прикосновение, или слух. Вот почему ее улыбка дрожит и радость угасает, поскольку как только она видит, как сеть нитей в нем уже начинает тускнеть, она не может не понять, что он умирает. Это медленный процесс. Он может прожить еще несколько недель или меся-

цев, возможно, даже год на том, что осталось. Но там, где все живые существа кипят собственным серебром и вырабатывают его почти случайно, где оно течет, и трепещет, и стопорится, пробираясь между клетками, в нем нет ничего, кроме жалкой струйки. Все, что осталось, по большей части течет в нервной системе, и она видит зияющую, зрячую пустоту там, где было сердце его серебряной сети, в его сэссапинах. Без сердечника, как он ее и предупреждал, он проживет недолго.

Глаза Шаффы закрываются. Он спит, измученный, после того, как заставлял свое ослабевшее тело идти по улицам. Но ведь он не единственный, кто это сделал, верно? Нэссун встает на ноги, трясясь, держа руки на плечах Шаффы. Его тяжелая голова упирается ей в грудь. Она с горечью смотрит на маленький осколок металла, сразу понимая, зачем Отец-Земля сделал с ним такое.

Он знает, что она хочет опрокинуть Луну вниз, и это будет катаклизмом намного более чудовищным, чем Разлом. Он хочет жить. Он знает, что Нэссун любит Шаффу и что до сих пор она хотела уничтожить мир, только чтобы дать ему покой. Теперь, однако, он переделал Шаффу, предъявляя его Нэссун как живой ультиматум.

Теперь он свободен, глумится Земля этим безмолвным жестом. *Теперь он может иметь покой без смерти. И если ты хочешь, чтобы он жил, маленький враг, есть лишь один путь.*

Сталь не говорил, что этого нельзя сделать — только что этого не стоит делать. Возможно, Сталь ошибался. Может быть, камнеедом Шаффа не будет всегда одиноким и печальным. Сталь злой и страшный, потому никто не хочет с ним быть. Но Шаффа хороший и добрый. Он несомненно найдет кого-то еще и полюбит. Особенно если все в мире станут камнеедами.

Человечество, решает она, невеликая плата за будущее Шаффы.

* * *

Хоа говорит, что Нэссун ушла под землю, в Уоррент, где лежат Стражи, и от паники у тебя наполняется горечью рот, и ты трусцой обегаешь дыру, ища пути внутрь. Ты не осмеливаешься просить Хоа просто доставить тебя к ней: союзники Серого Человека теперь рыщут повсюду, и они убьют тебя так же верно, как убили Лерну. Есть и союзники Хоа — у тебя сохранилось смутное воспоминание о том, как две горы врезались друг в друга и одна снесла другую. Но пока не будет

закончено это дело с Луной, спускаться в землю слишком опасно. Все камнееды здесь, сэссишь ты: тысяча гуманоидных гор внутри и под Сердечником, некоторые смотрят, как ты бежишь по улицам в поисках дочери. Все их древние распри и личные войны закончатся сегодня ночью, так или иначе.

Хьярка с остальными следовали за тобой, хотя и медленнее — они не ощущают твоей паники. Наконец ты замечаешь один пилон, который был открыт — похоже, *взрезан*, словно гигантским ножом; три неровных косых надреза, а затем кто-то заставил дверь выпасть наружу. Щель шириной в фут. Но за ней широкий низкий коридор, спускающийся во тьму. Кто-то выбирается из него, когда ты тянешься к двери и замираешь.

— Нэссун! — ахаешь ты, потому что это она.

Девочка в дверном проеме выше на несколько дюймов, чем ты помнишь. Ее волосы сейчас длиннее, заплетены в две косы, заброшенные назад за плечи. Ты едва узнаешь ее. Она резко останавливается, увидев тебя, на лбу ее пролегает маленькая складочка растерянности, и ты понимаешь, что и ей трудно узнать тебя. Затем приходит узнавание, и она смотрит на тебя так, будто ты последнее, что она ожидала увидеть.

Потому что так оно и есть.

— Привет, мама, — говорит Нэссун.

14
Я, в конце времен

Я СВИДЕТЕЛЬ ТОМУ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ДАЛЬШЕ. И буду рассказывать как свидетель. Я наблюдаю за тем, как ты и твоя дочь встречаетесь лицом к лицу впервые за два года, над пропастью испытаний. Только я один знаю, через что вы обе прошли. Каждая из вас может судить о другой только по внешности, действиям и шрамам, по крайней мере, сейчас. Ты: гораздо худее, чем та мать, которую она в последний раз видела, когда однажды решила прогулять школу. Пустыня закалила тебя, иссушила твою кожу; от кислотного дождя твои волосы выцвели до более светло-коричневого, чем должны быть, и седины стало больше. Одежда, что болтается на тебе, также потеряла цвет от пепла и кислоты, и пустой правый рукав твоей рубашки завязан узлом; он болтается, откровенно пустой, пока ты переводишь дыхание. И еще часть первого впечатления Нэссун от тебя после Разлома: за тобой стоит группка людей, которые пялятся на Нэссун с ощутимой опаской. Однако ты показываешь

только боль. Нэссун спокойна, как камнеед. Она подросла всего на четыре дюйма после Разлома, но для тебя это кажется целым футом. Ты видишь в ней начало полового созревания — рановато, но такова жизнь в тяжкие времена. Тело пользуется преимуществами безопасности и изобилия, когда может, и девять месяцев в Джекити хорошо сказались на ней. Возможно, в следующем году у нее начнутся менструации, если будет достаточно еды. Но самые большие изменения нематериальны. Эта настороженность взгляда, ничего похожего на робкую неуверенность, которую ты помнишь. Ее поза: плечи расправлены, ноги крепко уперты в землю. Ты миллион раз говорила ей не сутулиться, и вот, теперь она, выпрямившись, выглядит такой высокой и сильной. Такой прекрасно сильной.

Ее орогения ощущается тобой как тяжесть на мире, твердая, как скала, и точная, как алмазное сверло. Злой Земля, думаешь ты. Она сэссит точно так же, как ты.

Все кончено еще до начала. Ты чувствуешь это так же точно, как сэссишь ее силу, и это приводит тебя в отчаяние.

— Я искала тебя, — говоришь ты. Ты бессознательно поднимаешь руку. Твои пальцы

растопырены, дрожат, сгибаются и снова раскрываются, наполовину в хватательном, наполовину в молящем жесте.

Она смотрит исподлобья.

— Я была с папой.

— Я знаю. Я не могла найти тебя. — Это очевидно излишне; ты ненавидишь себя за беспомощную болтовню. — С тобой… все в порядке?

Она в тревоге отводит взгляд, и тебя волнует, что она заботится явно не о тебе.

— Мне надо… Моему Стражу нужна помощь.

Ты цепенеешь. Нэссун слышала от Шаффы о том, чем он был до Миова. Она разумом понимает, что Шаффа, которого знала ты, и Шаффа, которого любит она, — совершенно разные люди. Она видела Эпицентр и то, как он ломает своих обитателей. Она помнит, как ты замирала, ровно как сейчас, при одном виде винного цвета, — и, наконец, здесь и сейчас, в конце мира, она понимает, почему. Она узнает тебя лучше, чем когда-либо в своей жизни.

И все же для нее Шаффа — тот человек, что защищал ее от бандитов и от отца. Это он утешал ее, когда она была испугана, подтыкал ее одеяло по ночам. Она видела, как он сражается со своей жестокой природой и самим Землей, чтобы стать

для нее родителем, который ей нужен. Он помог ей научиться любить себя за то, что она есть.

А ее мать? Ты. Ты ничего такого не делала.

И в этот затянувшийся момент, когда ты борешься с воспоминанием о распавшемся на части Инноне и жгучей болью сломанных в уже несуществующей руке костей, с этим «*никогда не говори мне нет*», что звенит у тебя в голове, она нутром чует то, что ты до сих пор отрицала: это безнадежно. Не может быть ни родственных отношений, ни доверия между вами двумя, поскольку вы таковы, какими сделали вас Спокойствие и Зима. Алебастр был прав, и некоторые вещи действительно сломаны настолько, что уже не исправить. Только разбить окончательно ради милосердия. Нэссун качает головой, пока ты стоишь и дергаешься. Она отводит взгляд. Снова качает головой. Чуть опускает плечи, не в ленивой сутулости, но от усталости. Она не винит тебя, но и ничего не ждет от тебя. И сейчас ты просто стоишь у нее на пути. Она отворачивается, чтобы уйти, и это выводит тебя из диссоциативной фуги.

— Нэссун?

— Ему нужна помощь, — повторяет она. Она опустила голову, плечи напряжены. Она не оста-

новится. Ты набираешь воздуха и направляешься за ней. — Я должна помочь ему.

Ты понимаешь, что происходит. Ты все время чувствовала это и боялась. Ты слышишь, как у тебя за спиной Данель останавливает остальных. Может, думает, что вам с дочерью нужно побыть наедине. Ты игнорируешь их и бежишь за Нэссун. Хватаешь ее за плечо, пытаешься повернуть к себе.

— Нэссун, что…

Она стряхивает твою руку, так резко, что ты спотыкаешься. С тех пор как ты потеряла руку, у тебя плохо с равновесием, а она сильнее, чем была. Она не замечает, что ты чуть не падаешь. Продолжает идти.

— Нэссун! — Она даже не оборачивается. Ты не можешь добиться ее внимания, заставить ее реагировать, хоть что-то сделать. Что угодно. Ты нащупываешь и говоришь ей в спину:

— Я… я… я знаю про Джиджу!

Это заставляет ее замереть. Смерть Джиджи — все еще свежая рана в ее душе, которую Шаффа очистил и зашил, но она еще долго не заживет. То, что ты знаешь о том, что она сделала, заставляет ее сгорбиться от стыда. То, что это была необходимая самооборона, выбивает ее из колеи. То,

что ты напомнила ей об этом сейчас, превращает стыд и смятение в гнев.

— Я должна *помочь Шаффе*, — снова говорит она. Она поднимает плечи — тебе этот жест знаком по сотням занятий в вашем самодельном тигле днем еще с двух лет, когда она училась говорить *нет*. Когда она делает так, ее ничем не переубедить. Слова становятся бессмысленными. Действия значат больше. Но какие действия могут передать всю трясину твоих чувств прямо сейчас? Ты беспомощно оглядываешься на остальных. Хьярка поддерживает Тонки за спину, та смотрит в небо на собрание самого большего количества обелисков, которое ты видела в жизни. Данель чуть поодаль от остальных, стоит, заложив руки за спину, ее черные губы шевелятся — ты понимаешь, что это лористическое мнемоническое упражнение, чтобы помочь ей запомнить все, что она видит и слышит, дословно. Лерна…

Ты забыла. Лерны нет. Но будь он здесь, подозреваешь ты, он бы предостерег тебя. Он был доктором. И семейные травмы не были вне его компетенции… но все видят, что здесь что-то подгнило.

Ты снова трусишь за ней.

— Нэссун. Нэссун, ржавь, смотри на меня, когда

я разговариваю с тобой! — Она игнорирует тебя, и это пощечина, от чего обычно у тебя, однако, светлеет в голове, а не заставляет бросаться в бой.

Ладно. Она не будет слушать тебя, пока не поможет… Шаффе. Ты отмахиваешься от этой мысли, хотя это все равно что брести по грязи, перемешанной с костями. Хорошо.

— Дай мне помочь тебе!

Это заставляет Нэссун замедлить шаг и остановиться. Настороженно, так настороженно она оборачивается к тебе.

— Помочь мне?

Ты смотришь мимо нее и видишь, что она шла к другому зданию-пилону — с широкой лестницей с перилами, тянущейся по его наклонной стене. С крыши вид на небо должен быть великолепный…

Почему-то ты решила, что тебе надо не дать ей пойти туда.

— Да. — Ты снова протягиваешь руку. *Пожалуйста.* — Скажи, что тебе нужно. И я… Нэссун. — Тебе не хватает слов. Ты хочешь, чтобы она почувствовала то, что чувствуешь ты. — Нэссун.

Это не действует. Она говорит твердо:

— Мне нужно задействовать Врата Обелисков.

Ты вздрагиваешь. Я уже говорил тебе об этом

несколько недель назад, но, похоже, ты *не поверила*.

— Что? Ты не сможешь.

Ты думаешь: *Это убьет тебя*.

Она выдвигает челюсть.

— Смогу.

Она думает: *Я не нуждаюсь в твоем разрешении*.

Ты недоверчиво качаешь головой.

— Ради *чего*? — Но уже слишком поздно. Она решила. Ты сказала, что поможешь, но затем замялась. В своем сердце она ведь и дочь Шаффы; пламя земное, два отца и *ты* сформировали ее, так что же дивиться, что она стала такой? Для нее твоя заминка то же самое, что *нет*. Она не любит, когда ей говорят «нет».

Нэссун снова отворачивается от тебя и говорит:

— Больше не ходи за мной, мама.

Конечно же ты сразу идешь следом за ней.

— Нэссун…

Она бьет наотмашь. Она в земле, ты сэссишь это, она в воздухе, ты видишь линии магии, и внезапно эти две силы сплетаются совершенно непонятным тебе образом. Материя основания Сердечника — металл, спрессованные волокна

и вещества, для которых у тебя нет названия, наслоившиеся на вулканическую скалу, вздымается у тебя под ногами. По старой привычке, долгие годы борясь с ее детскими орогенистическими вспышками гнева, ты реагируешь даже в падении, вгоняя торус в землю, чтобы погасить ее орогению. Это не помогает, поскольку она использует не орогению. Но она это сэссит, и глаза ее сужаются. *Твои* серые, как пепел, глаза. И через мгновение перед тобой из земли вырывается стена обсидиана, разрывая волокна и металл внутренней структуры города, образуя барьер между тобой и ней по всей ширине дороги.

Сила этого подъема бросает тебя на землю. Когда у тебя перестают сыпаться искры из глаз и пыль оседает, ты потрясенно смотришь на стену. Это сделала твоя дочь. С тобой.

Кто-то хватает тебя, и ты вздрагиваешь. Тонки.

— Не знаю, приходило ли тебе это в голову, — говорит она, поднимая тебя на ноги, — но твоя дочь, похоже, унаследовала *твой характер*. Так что, может, ну, понимаешь, не слишком давить на нее?

— Я даже и не понимаю, что она сделала, — бормочешь ты, ошеломленная, хотя и благодарно киваешь Тонки за то, что она помогла тебе

встать. — Это не было… я не…

В том, что сделала Нэссун, не было эпицентровской точности, хотя ты и учила ее эпицентровским основам. Ты в смятении кладешь руку на стену и ощущаешь остаточные вспышки магии в ее веществе, прыгающие от частицы к частице, угасая. — Она *смешивает* магию и орогению. Никогда такого не видела.

Я видел. Мы называем это настройкой.

Тем временем, поскольку ты уже не препятствуешь Нэссун, она взбирается по ступенькам на пилон. Теперь она уже наверху, окруженная вращающимися ярко-красными предупреждающими знаками, танцующими в воздухе. Тяжелый, слегка попахивающий серой ветер поднимается из громадной дыры Сердечника, поднимая прядки, выбившиеся из ее кос. Ей любопытно, рад ли Отец-Земля тому, что сумел заставить ее сохранить ему жизнь.

Шаффа будет жить, если все в мире станут камнеедами. Только это имеет значение.

— Сначала сеть, — говорит она, поднимая взгляд к небу. Двадцать семь обелисков одновременно переходят из материального состояния в магическое, когда она вновь зажигает их.

Она вытягивает руки вперед.

На земле у нее за спиной ты вздрагиваешь, когда сэссишь — чувствуешь — молниеносную активацию двадцати семи обелисков. Они действуют как один мгновенно, звеня так мощно, что у тебя зудят зубы. Ты удивляешься, почему Тонки не перекашивает, как тебя, но Тонки всего лишь глухачка. Но Тонки не дура, и это работа всей ее жизни. Пока ты в священном ужасе смотришь на дочь, она, прищурившись, глядит на обелиски.

— Три кубических, — бормочет она. Ты, онемев, качаешь головой. Она сердито смотрит на тебя, раздраженная твоей медлительностью. — Ну если бы я хотела имитировать *большой* кристалл, я начала бы складывать кристаллы поменьше в конфигурацию кубической кристаллической решетки.

И тут ты понимаешь. Тот большой кристалл, который хочет имитировать Нэссун, — оникс. Тебе нужен ключ, чтобы запустить Врата; это Алебастр тебе сказал. Чего *не* сказал тебе Алебастр, козел бесполезный, что есть множество вероятных типов ключей. Когда он распорол Спокойствие Разломом, он использовал сеть, составленную из всех узловиков вблизи него, вероятно, потому, что сам оникс мгновенно превратил бы его в камень. Узловики были меньшей заменой оникса

— резервным ключом.

В первый раз, когда ты соединила орогенов нижней Кастримы, ты не понимала, что делаешь, но *он* понимал, что оникс слишком велик для тебя, чтобы тогда схватить его напрямую. У тебя не было ни гибкости, ни изобретательности Алебастра. Он учил тебя более безопасно.

Однако Нэссун — та ученица, какой всегда желал Алебастр. Она даже достать до Врат Обелисков прежде не могла — до сих пор они были твоими, — но пока ты потрясенно, в ужасе наблюдаешь, как она тянется за пределы сети резервного ключа, находя другие обелиски и связывая их один за другим. Это медленнее, чем было бы с ониксом, но ты видишь, что это не менее эффективно. Это работает. Апатит, связан и присоединен. Сардоникс, посылающий короткие импульсы оттуда, где парит где-то за пределами видимости, где-то над южным морем. Нефрит…

Нэссун откроет Врата.

Ты отстраняешь Тонки.

— Отойдите как можно дальше от меня. Все.

Тонки не тратит времени на споры — глаза ее распахиваются, она оборачивается и бежит прочь. Ты слышишь, что она кричит остальным. Слышишь, как спорит Данель. Потом ты уже не

можешь уделять им внимания.

Нэссун откроет Врата, превратится в камень и *умрет*.

Только одно может остановить сеть обелисков Нэссун — оникс. Но тебе нужно прежде всего дотянуться до него, а он на той стороне планеты, на полпути между Кастримой и Реннанисом, где ты его оставила. Когда-то давным-давно в Верхней Кастриме он призвал тебя к себе. Но осмелишься ли ты ждать этого сейчас, когда Нэссун берет контроль над всеми фрагментами Врат? Ты должна первой дотянуться до оникса. Для этого тебе нужна магия — куда больше, чем ты сможешь собрать сама, без единственного обелиска на своей стороне.

Берилл, гематит, иолит…

Она погибнет прямо у тебя на глазах, если ты не сделаешь чего-нибудь. Ты лихорадочно шаришь сознанием в земле. Сердечник стоит на вулкане, может, тебе удастся…

Подожди-ка. Что-то привлекает твое внимание наверх, к жерлу вулкана. Под землей, но ближе. Где-то под городом ты чувствуешь сеть. Линии магии, спряденные вместе, поддерживающие друг друга, уходящие корнями вглубь, чтобы вытянуть еще больше… Она слабая. Мучительная. И

когда ты прикасаешься к ней, на задворках твоего разума слышится знакомое мерзкое жужжание. Одно, другое, третье…

Ах да. Сеть, которую ты нашла, — *Стражи*, их почти тысяча. Ржавь. Конечно же. Ты никогда прежде сознательно не искала их магии, но впервые ты понимаешь, что такое это жужжание — какая-то часть тебя, еще до обучения у Алебастра, ощущала чуждость магии в них. Это знание посылает резкий, почти парализующий импульс страха, пронзающий тебя. Их сеть близка, ее легко схватить, но если ты это сделаешь, то что не даст этим Стражам хлынуть из Уоррента, как разозленные осы из потревоженного гнезда? Тебе проблем мало?

Нэссун стонет наверху своего пилона. К своему потрясению, ты… Злой Земля, ты *видишь* магию вокруг нее, в ней, она начинает вспыхивать, как искры, сыплющиеся на пропитанную маслом растопку. Она горит у тебя в сознании, ее вес становится чуть больше.

Кианит, ортоклаз, скаполит…

И внезапно твой страх исчезает, поскольку ты нужна твоей девочке. Ты расставляешь ноги. Ты тянешься к найденной тобой сети, Стражи там или что. Ты рычишь сквозь зубы и хватаешь все.

Стражи. Нити, уходящие от их сэссапин в глубину, и тянешь столько проходящей по ним магии, сколько можешь.

Сами железные осколки, крохотные вместилища воли Злого Земли. Ты присваиваешь их все, крепко запрягаешь и *берешь*.

И где-то в глубине Уоррента Стражи кричат, просыпаясь и корчась в своих ячейках, хватаются за головы, когда ты делаешь с каждым из них то, что некогда Алебастр сделал со своим Стражем. Это то, что Нэссун жаждала для Шаффы… только в том, как ты это делаешь, нет доброты. В тебе нет ненависти к ним, тебе просто все равно. Ты вырываешь железо из их мозгов и каждую каплю серебра из пространства между их клетками — и чувствуя, как они кристаллизуются и умирают, ты, в конце концов, получаешь достаточно магии из своей самодельной сети, чтобы дотянуться до оникса.

Он прислушивается к твоему прикосновению далеко над запорошенным пеплом Спокойствием. Ты падаешь в него, в отчаянии погружаясь в темноту, чтобы доказать свою правоту.

Пожалуйста, умоляешь ты.

Он обдумывает просьбу. Это не слова и не ощущения. Ты просто знаешь, что он размышляет.

В ответ он изучает тебя — твой страх, твой гнев, твою решимость все исправить.

Ах — последнее получает резонанс. Ты знаешь, что тебя снова изучают, более пристально и скептически, поскольку твоя последняя просьба была несерьезной. (Просто уничтожить город? Уж тебе-то из всех людей не нужны для этого Врата.) Но на сей раз оникс находит в тебе нечто иное: страх за своих. Боязнь провала. Страх, сопровождающий все необходимые перемены. И под всем этим — неутолимая необходимость сделать мир лучше.

Где-то далеко миллиарды умирающих существ шевелятся, когда оникс испускает низкий, сотрясающий землю звук и вступает в сеть. Наверху своего пилона, под пульсацией обелисков Нэссун ощущает эту далекую вновь оживающую тьму как предостережение. Но она слишком поглощена сборкой — слишком много обелисков ныне наполняют ее. Она не может отвлечься от работы.

И по мере того как каждый из двухсот пятидесяти шести обелисков по очереди сдается ей, и когда она открывает глаза, чтобы посмотреть на Луну, которую она хочет беспрепятственно пропустить и вместо этого готовится обрушить всю мощь Планетарного Движителя на мир и

его людей, чтобы преобразить их, как однажды сделал это я…

…она думает о Шаффе.

В такие моменты никого нельзя сбить с толку. Невозможно видеть только то, что хочешь видеть, когда сила, способная изменить мир, рикошетом отдается в разуме, душе и пространстве между клетками; о, я узнал это задолго до тебя. Невозможно не понимать, что Нэссун знала Шаффу едва ли дольше года и не знает его *по-настоящему,* с учетом того, какую часть себя он потерял. Невозможно не понимать, что она цепляется за него потому, что больше у нее никого нет…

Но вместе с ее решимостью в ее сознании возникает проблеск сомнения. Не более. Даже и не мысль. Но он шепчет: *Неужели у тебя действительно больше никого нет? Неужели никому, кроме Шаффы, во всем мире нет до тебя дела?*

И я вижу, как Нэссун медлит, ее пальцы сжимаются и маленькое личико напряженно хмурится, даже когда Врата Обелисков собираются окончательно. Я наблюдаю выстраивание вокруг нее дрожащих невообразимых энергий. Я утратил возможность управлять ими десятки тысяч лет назад, но все еще могу их видеть. Это арканохимическая матрица, которую ты считаешь просто

коричневым камнем, и энергетическое состояние, создающее ее, выстраивается замечательно.

Я вижу, что и ты это замечаешь, и сразу же понимаю, что это значит. Я вижу, как ты рычишь и разносишь стену между тобой и дочерью, даже не замечая по ходу дела, что твои пальцы превращаются в камень. Я вижу, как ты бежишь к основанию лестницы пилона и кричишь ей:

– *Нэссун!*

И в ответ на твой внезапный, дикий, неотвратимый *призыв* наверху из ниоткуда с громким гулом возникает оникс.

Этот гул — низкий, от которого дрожат кости, — невероятен. Хлопок воздуха, вытесненного им, достаточно оглушителен, чтобы сбить с ног и тебя, и Нэссун. Она кричит и сползает на несколько ступенек, оказываясь на опасной грани утраты контроля над Вратами, поскольку взрыв бьет по ее концентрации. Ты кричишь, поскольку удар заставляет тебя заметить твое левое предплечье — каменное, и ключицу — каменную и левую стопу и щиколотку.

Но ты стискиваешь зубы. Больше ты не ощущаешь боли — только за дочь. Хватит тебе и одной боли. У нее Врата — но у тебя оникс, и когда ты смотришь на нее, на Луну, зло глядящую сквозь

свою дымчатую прозрачность, на льдистый зрак в склеральном черном океане, ты знаешь, что тебе делать.

При помощи оникса ты тянешься через половину планеты и всаживаешь эпицентр своего намерения в рану мира. Разлом содрогается, когда ты требуешь все до капли его тепло и кинетическое бурление, и ты вздрагиваешь под приливом такой мощи, что на мгновение тебе кажется, что ты выблюешь ее всепожирающим потоком лавы.

Но оникс сейчас — часть тебя. Безразличный к твоим конвульсиям — поскольку ты сучишь ногами, изо рта у тебя идет пена, — он берет, отводит и уравновешивает силу Разлома с легкостью, посрамляющей тебя. Автоматически он связывается с обелисками, так удобно оказавшимися поблизости, с сетью, которую Нэссун собрала, чтобы попытаться продублировать силу оникса. Но дубль имеет лишь силу, не волю, в отличие от оникса. У сети нет программы. Оникс забирает двадцать семь обелисков и тут же начинает вгрызаться в остальную сеть обелисков Нэссун.

Но здесь его воля больше не первостепенна. Нэссун чувствует ее. Сражается с ней. Она решительна не менее тебя. И ею тоже движет любовь

— как тобой любовь к ней, так ею — любовь к Шаффе.

Я люблю вас обеих. Как я не могу, после всего? Я все еще человек, в конце концов, и это битва за будущее мира. Чудовищное и величественное событие, свидетелем которого являюсь я.

Это *и есть* битва, линия против линии, щупальце против щупальца магии. Титанические энергии Врат, Разлома хлещут и дрожат вокруг вас обеих цилиндрическим северным сиянием энергий и цветов, видимый свет уходит в длины волн за пределами видимого спектра. (Эти энергии *резонируют* в тебе, там, где настройка уже закончена, и все еще *осциллируют* в Нэссун — хотя ее волновая форма начала оплывать.) Это оникс и Разлом против Врат, ты против нее, и весь Сердечник трепещет от грубой силы всего этого. В темных залах Уоррента, среди драгоценных тел Стражей стонут стены и трескаются потолки, осыпая пол пылью и обломками камня. Нэссун пытается притянуть к себе магию, что осталась во Вратах, чтобы обратить ее на всех вокруг тебя и всех за ними, — и, наконец, наконец ты понимаешь, что она пытается превратить всех в ржавых *камнеедов*. Ты же в это время тянулась вверх, чтобы поймать Луну и, возможно, дать

человечеству второй шанс. Но каждой из вас, чтобы достичь своей цели, понадобятся и Врата, и оникс, и дополнительное топливо Разлома.

Эта патовая ситуация не может продолжаться вечно. Врата не могут вечно поддерживать связь, и оникс не может вечно сдерживать хаос Разлома — и два человеческих существа, какими бы могущественными и волевыми они ни были, не могут так долго выдерживать магию.

И тут оно случается. Ты вскрикиваешь, когда ощущаешь перемену, резко встающую на место: Нэссун. Магия ее вещества полностью выстроена, кристаллизация началась. В отчаянии и чисто инстинктивно ты хватаешь часть энергии, которая пытается трансформировать ее, и отшвыриваешь в сторону, хотя это лишь отсрочка неизбежного. В океане слишком близко к Сердечнику раздается глубокий толчок, который даже стабилизаторы гор не выдержат. На западе со дна океана поднимается гора в форме ножа; на востоке встает другая, с шипением испуская пар своего рождения. Нэссун, рыча от отчаяния, цепляется за эти новые источники силы, вытягивая из них тепло и буйство, обе они трескаются и рассыпаются. Стабилизаторы выравнивают океан, предотвращая цунами, но и все. Они не были со-

зданы для этого. Еще — и Сердечник развалится.

— Нэссун! — снова кричишь ты в агонии. Она не может тебя слышать. Но даже отсюда ты видишь, что пальцы ее левой руки стали коричневыми и каменистыми, как твои собственные. Ты откуда-то знаешь, что и она это понимает. Она сделала выбор. Она готова к неизбежности собственной смерти.

Но не ты. О Земля, ты просто не способна видеть, как гибнет твое дитя.

И ты… сдаешься.

Мне больно смотреть на твое лицо, поскольку я знаю, чего тебе стоит отказаться от мечты Алебастра — и твоей. Ты так хотела сделать мир лучше для Нэссун. Но больше всего другого ты хочешь, чтобы твой последний ребенок *жил*… и ты делаешь выбор. Продолжать борьбу — погубить вас обеих. Единственный способ победить — прекратить борьбу.

Прости Иссун. Мне так жаль. Прощай.

Нэссун ахает, ее глаза распахиваются, когда она ощущает, что твое давление на Врата — на нее, когда ты переводишь все жуткие трансформирующие завитки магии на себя — внезапно ослабевает. Оникс останавливается в своем натиске, мерцая в такт с десятками обелисков,

которые подчинил; наполняющая его энергия должна, *обязана* быть израсходована. Но еще миг, однако, он продержится. Стабилизирующая магия в конце концов успокаивает океан вокруг Сердечника. Этот единственный, застывший момент мир ждет, в оцепенении и напряжении. Она оборачивается.

— Нэссун, — говоришь ты. Это шепот. Ты на нижних ступенях пилона, пытаешься дотянуться к ней, но этого не будет. Твоя рука полностью окаменела, и твой торс каменеет. Твои каменные стопы беспомощно скользят по гладкому материалу, затем замирают, когда остальная часть твоих ног каменеет. Оставшейся стопой ты еще можешь отталкиваться, но камень твоего тела тяжел; карабкаться не очень получается.

Она сводит брови. Ты смотришь на нее, и это поражает тебя. Твоя маленькая девочка. Такая большая здесь, под ониксом и Луной. Такая могущественная. Такая красивая. И ты не можешь сдержаться — ты ударяешься в слезы при виде нее.

Ты *смеешься*, хотя одно твое легкое окаменело, и вместо смеха слышен лишь тихий свист. Как же она, ржавь, великолепна, твоя маленькая девочка. Ты горда, что уступила ее силе.

Она втягивает воздух, глаза ее распахиваются, словно она не верит тому, что видит: ее мать, такая пугающая, на земле. Пытается двигаться на каменных ногах. Лицо, мокрое от слез. *Улыбается*. Ты прежде никогда ей не улыбалась.

И тут трансформация захватывает твое лицо и ты перестаешь существовать.

Ты все еще здесь физически, коричневый песчаник, замерший на нижних ступенях с намеком на улыбку на полуоформленных губах. Твои слезы по-прежнему здесь, сверкают на камне. Она не может отвести глаз от них.

Она смотрит на них и втягивает долгий, долгий вдох, потому что внезапно не остается ничего, *ничего* внутри нее, она убила своего отца и свою мать, и Шаффа умирает, и ничего не осталось, ничего, мир только забирает, и забирает, и забирает у нее, и не оставляет *ничего*…

Но она не может отвести глаз от твоих предсмертных слез.

Потому что мир, в конце концов, брал, брал и брал и у тебя тоже. Она это знает. И все же, по какой-то причине, которой она, думает, не поймет никогда… даже когда ты умирала, ты тянулась к Луне.

И к ней.

Она пронзительно кричит. Обхватывает голову руками, одна из которых наполовину камень. Падает на колени под весом своего горя, тяжкого, как вся планета.

Оникс, терпеливый и нетерпящий, осознающий все, но бесстрастный, касается ее. Она единственный оставшийся компонент Врат, который имеет функционирующую, дополняющую волю. Сквозь это прикосновение она осознает твой план как команды — приостановленные и готовые, но не отданные. Открыть Врата, наполнить их мощностью Разлома, поймать Луну. Покончить с Зимами. Исправить мир. Это, сэссит-чувствует-знает Нэссун, было твоим последним желанием.

Весомо, без слов оникс говорит: *Выполнить ДА/НЕТ?*

И в холодной каменной тишине, одна, Нэссун делает выбор.

ДА.

КОДА
Я и ты

ТЫ МЕРТВА. НО НЕ ТЫ.

Захват Луны с точки зрения людей, стоящих под ней, выглядит скучно. Наверху жилого здания, где Тонки и прочие нашли убежище, она при помощи старинного пишущего инструмента, давно засохшего, но реанимированного при помощи слюны и крови, — пытается отслеживать путь Луны с промежутками в один час. Это не помогает, поскольку она не отследила достаточно переменных, чтобы рассчитать корректно, и еще потому что она не ржавый хренов астроном-ест, Земля побери. Она также не уверена, что правильно провела первое измерение, поскольку в этот момент случилось землетрясение в пять или шесть баллов, сразу перед тем, как Хьярка оттащила ее от окна.

— Окна строителей обелисков не треснут, — жалуется она потом.

— Зато моя башка, ржавь, *треснет*, — отвечает Хьярка, и спор заканчивается не начавшись. Тонки учится идти на компромисс ради хороших

взаимоотношений.

Но Луна действительно изменилась, они видят это день ото дня в течение недель. Она не исчезает. Она проходит сквозь фазы, меняет цвета по схеме, поначалу непонятной, но не становится меньше в последующие ночи.

Распад Врат Обелисков более зрелищен.

Выработавшись по полной при достижении чего-то не менее великого, чем Геоаркания, Врата следуют протоколу отключения. Один за другим десятки обелисков, плавающих вокруг мира, направляются к Сердечнику. Один за другим эти обелиски — к этому моменту полностью дематериализовавшиеся, все квантовые состояния их перешли в потенциальную энергию, тебе не надо знать большего — падают в черную пропасть. Это занимает несколько дней.

Оникс же, последний и самый громадный из обелисков, плывет к морю. Чем он ниже, тем объемнее его гудение. Он входит в море нежно, по заранее запланированному курсу, чтобы минимизировать урон, поскольку, в отличие от остальных обелисков, он сохранил материальность. Это, как давно запланировали проводники, сохранит оникс для будущего применения. Это также наконец упокоит последние останки ньес-

сов глубоко в водяной гробнице. Полагаю, мы должны надеяться на то, что никакой бесстрашный юный ороген в будущем не найдет и не разбудит его.

Это Тонки идет и находит Нэссун. Стоит позднее утро, с момента твоей смерти прошло несколько часов, в лишенном пепла ярко-голубом небе сияет солнце. Постояв минутку, глядя на небо в изумлении, восторге и восхищении, Тонки возвращается к краю дыры и лестнице пилона. Нэссун все еще там, она сидит на нижних ступеньках перед коричневым комком, которым стала ты. Она сидит, подняв колени и опустив голову, ее полностью окаменевшая рука — застывшая с растопыренными пальцами в жесте, которым она активировала Врата, — неуклюже лежит на ступеньке рядом с ней.

Тонки садится с другой стороны от тебя и долго смотрит на тебя. Нэссун вздрагивает и поднимает взгляд, сообразив, что рядом кто-то еще, но Тонки только улыбается и неловко кладет руку на то, что некогда было твоими волосами. Нэссун громко сглатывает, трет засохшие дорожки слез на лице и кивает Тонки. Они сидят некоторое время вдвоем вместе с тобой, горюя.

Позже с Нэссун идет Данель, чтобы вывести

Шаффу из мертвой тьмы Уоррента. Остальные Стражи, у которых был сердечник, превратились в драгоценные камни. Большинство просто умерли где лежали, хотя некоторые в конвульсиях вывалились из своих ячеек, и их блестящие тела некрасиво лежат у стен или на полу.

Только Шаффа все еще жив. Он слаб, он плохо понимает, что происходит. Когда при помощи Данель и Нэссун он выходит на свет, становится видно, что его срезанные волосы уже подернуты сединой. Данель беспокоит зашитая рана на его затылке, хотя она уже прекратила кровить и вроде бы не причиняет Шаффе страданий. Не это убьет его.

Тем не менее. Как только он оказывается способен стоять и солнце чуть проясняет его разум, Шаффа обнимает Нэссун здесь, рядом с твоими останками. Она не плачет. Она отупела. Выходят остальные, Тонки и Хьярка подходят к Данель и стоят вместе с Шаффой и Нэссун, пока солнце не заходит и снова не восходит Луна. Может, это молчаливая панихида. Может, им просто нужно время и общество, чтобы прийти в себя после событий слишком великих и странных для понимания. Я не знаю.

Где-то в другой точке Сердечника, в саду, давно

превратившемся в дикий луг, мы с Гэвой встречаемся с Ремвой — Сталью, Серым Человеком под ныне ущербной Луной.

Он был там с того самого момента, как Нэссун сделала выбор. Когда он, в конце концов, заговаривает, я ловлю себя на мысли, что его голос стал таким тихим и тусклым. Некогда сами камни шли рябью от насмешливого, резкого юмора его земноречи. Теперь он говорит как старик. Тысячи лет бесконечного существования делают такое с человеком.

Он говорит:

— Я просто хотел покончить с этим.

Гэва-Сурьма говорит:

— Не для этого мы были сделаны.

Он медленно поворачивает к ней голову. Утомительно даже смотреть на это. Упрямый дурак. На лице его отчаянье веков, и все потому, что он отказывается признавать, что есть не один-единственный способ быть человеком.

Гэва протягивает ему руку.

— Мы были созданы, чтобы *сделать мир лучше*. — Она бросает взгляд на меня, ища поддержки. Я вздыхаю про себя, но тоже протягиваю руку в знак перемирия.

Ремва смотрит на наши руки. Где-то, возможно,

среди других наших сородичей, собравшихся, чтобы стать свидетелями этому моменту, находятся Бимнива, Душва и Салева. Они давно забыли, кем были, или просто предпочитают себя нынешних. Только мы трое сохранили что-то из прошлого. Это и хорошо, и плохо.

— Я устал, — признается он.

— Поспи, поможет, — предлагаю я. — В конце концов, есть оникс.

О! Что-то от былого Ремвы еще осталось. Вряд ли я заслужил такой взгляд.

Но он принимает наши руки. Вместе мы трое — и остальные, которые пришли к пониманию того, что мир *должен* измениться, война *должна* закончиться, — спускаемся в кипящие глубины.

Сердце мира спокойнее, чем обычно, обнаруживаем мы, встав вокруг него. Добрый знак. Он не набрасывается на нас сразу, что еще лучше. Мы оглашаем свои условия умиротворяющими потоками эха: Земля сохраняет свою жизненную магию, а мы беспрепятственно сохраняем нашу. Мы вернули ему Луну и ниспровергли обелиски в знак доброй воли. Но за это Зимы должны прекратиться.

Возникает период тишины. Позже я узнаю, что он длился несколько дней. Сейчас он тянется как

тысячелетие.

Затем следует тяжелый, екающий удар гравитации. *Принято*. И — самый лучший признак — он выпускает бесчисленные личности, поглощенные за прошедшие эпохи. Они вращаются, исчезая в потоках магии, и я не знаю, что происходит с ними за ее пределами. Я никогда не узнаю, что происходит с душами после смерти, — или не узнаю как минимум еще семь миллиардов лет или около того, пока Земля, наконец, не умрет.

Пугающая мысль. Она была вызовом первые сорок тысяч лет.

С другой стороны… идти некуда, только наверх.

* * *

Я возвращаюсь к ним, к твоей дочери, твоему старому врагу и твоим друзьям, чтобы рассказать им эту новость. К некоторому моему удивлению, прошло уже несколько месяцев. Они поселились в доме, занятом Нэссун, питались плодами старого сада Алебастра и припасами, которые мы принесли Нэссун. Надолго этого, конечно же, не хватит, хотя они замечательно пополняют припасы при помощи импровизированных лесок и силков на птиц, а также сушеных съедобных

водорослей, которые Тонки научилась разводить на краю воды. Эти современные люди так находчивы. Но становится все понятнее, что скоро им придется возвращаться в Спокойствие, если они хотят выжить.

Я нахожу Нэссун, которая снова сидит у пилона. Твое тело осталось там, где упало, но кто-то вложил букетик живых цветов в твою оставшуюся руку. Рядом я замечаю еще одну руку, положенную как жертвоприношение рядом с культей твоей руки. Слишком маленькая для тебя, но намерение Нэссун было добрым. Она долго не говорит после того, как я появляюсь, и мне это нравится. Ее сородичи так много болтают. Но молчание затягивается достаточно надолго, чтобы даже я ощутил нетерпение.

Я говорю ей:

— Ты больше не увидишь Стали. — На случай, если это ее беспокоит. Она чуть вздрагивает, словно забыла о моем присутствии. Затем вздыхает.

— Скажи ему, что я прошу прощения. Я просто… не смогла.

— Он понимает.

Она кивает. Затем:

— Шаффа умер сегодня.

Я забыл о нем. А не стоило бы — он был частью

тебя. И до сих пор часть тебя. Я ничего не говорю. Похоже, она предпочитает, чтобы было так.

Она глубоко вздыхает.

— Ты… Они говорят, что ты принес их и маму. Ты можешь забрать нас назад? Я понимаю, что это будет опасно.

— Опасности больше нет. — Когда она хмурится, я рассказываю ей все: о перемирии, освобождении заложников, окончании нынешних боевых действий в виде прекращения Зим. Это не означает полной стабильности. Тектоника плит останется тектоникой плит. Подобные Зимам катастрофы все еще будут случаться, но с гораздо меньшей частотой. Я завершаю: — Вы можете вернуться в Спокойствие на трансмале.

Она вздрагивает. Я запоздало припоминаю, что ей пришлось там пережить. Она еще говорит:

— Я не знаю, смогу ли дать ему магию… ощущение будто…

Она поднимает культю, где вместо левой кисти каменная корка. Тогда я понимаю ее — и да, она права. Она идеально настроена, и так будет до конца ее дней. Орогения потеряна для нее навсегда. Разве что она захочет присоединиться к тебе. Я говорю:

— Я заряжу трансмаль. Заряд продержится

месяцев шесть или около того. Уезжайте в этот промежуток времени.

Я перемещаюсь к подножию лестницы. Она вздрагивает, озирается и видит, что я обнимаю тебя. Я забрал и ее старую руку тоже, поскольку наши дети всегда часть нас. Она встает, и на мгновение я опасаюсь стычки. Но вид у нее не несчастный. Просто покорный. Я жду — мгновение или год — ее последних слов к тебе, если ей есть что сказать.

Вместо этого она говорит:

— Я не знаю, что будет с нами.

— С нами?

Она вздыхает.

— С орогенами.

О.

— Нынешняя Зима еще продлится некоторое время, хотя Разлом и остыл, — говорю я. — Выживание потребует сотрудничества между разными типами людей. А сотрудничество дает перспективы.

Она хмурится.

— Перспективы… чего? Ты же сказал, что после этого Зимы закончатся.

— Да.

Она поднимает руки — вернее руку и культю

— и горестно разводит ими.

— Люди убивали и ненавидели нас, когда *нуждались* в нас. Теперь в нас и нужды нет.

Нас. Мы. Она все еще считает себя орогеном, хотя больше не будет способна ни на что, кроме как слышать землю. Я решаю не подчеркивать этого. Но все же говорю:

— Так и они вам не нужны. — Она замолкает, вероятно, в растерянности. Я добавляю для ясности: — С окончанием Зим и гибелью всех Стражей у орогенов появляется возможность подчинить или уничтожить глухачей, если они того пожелают. Раньше ни одна группа не могла выжить без помощи другой.

Нэссун ахает.

— Это ужасно!

Я не пытаюсь объяснить, что если что-то ужасно, то от этого оно не становится менее реальным.

— Больше не будет Эпицентров, — говорит она. Отводит взгляд, вероятно, вспоминая уничтожение Антарктического Эпицентра. — Я думаю… это ненормально, но я не знаю, как еще… — Она мотает головой.

Я молча смотрю, как она барахтается в своих мыслях — месяц или мгновение. Я говорю:

— Эпицентры *ненормальны*.

— Что?

— Изоляция орогенов никогда не была единственным способом обеспечить безопасность общества. — Я нарочно замолкаю, и она моргает, возможно, вспоминая, что родители-орогены прекрасно способны растить детей-орогенов безопасно. — Истребление никогда не было единственным вариантом. Узлы не были единственным вариантом. Это лишь разный вариант выбора. Всегда был возможен другой выбор.

В ней столько горя, в твоей маленькой девочке. Я надеюсь, что Нэссун однажды поймет, что она не одна в мире. Я надеюсь, что она снова научится надеяться.

Она опускает взгляд.

— Они не собираются делать другого выбора.

— Сделают, если ты заставишь.

Она мудрее тебя и не отмахивается от мнения, что можно заставить людей достойно относиться друг к другу. Вопрос в методологии.

— У меня больше нет орогении.

— Орогения, — говорю я резко, чтобы привлечь ее внимание, — никогда не была единственным способом изменить мир.

Она смотрит на меня. Я чувствую, что сказал

все, что мог, потому оставляю ее подумать над моими словами. Я иду на городскую станцию и заряжаю трансмаль достаточным количеством магии для возвращения в Спокойствие. Возвращение Нэссун и ее спутников в Реннанис из Антарктики займет несколько месяцев. Зима во время их путешествия станет более лютой, поскольку у нас теперь снова есть Луна. И все же… они часть тебя. Я надеюсь, что они выживут.

Как только они отправляются в путь, я прихожу сюда, в сердце горы под Сердечником. Позаботиться о тебе.

Когда мы начинаем этот процесс, верного пути нет. Земля — ради добрых отношений я не буду больше называть его Злым — перестроил нас в мгновение ока, и теперь многие из нас достаточно искусны, чтобы повторить эту перестройку без долгого вызревания. Однако я обнаружил, что быстрота дает смешанные результаты. Алебастр, как ты назвала бы его, до конца не вспомнит себя еще долгие столетия — или вообще никогда. Но ты должна стать иной.

Я привел тебя сюда, перебрал чистое магическое вещество твоей сущности и реактивировал решетку, которая должна сохранить самую важную сущность того, чем ты была. Ты утратишь

какие-то воспоминания. Перемены не бывают без потерь. Но я рассказал тебе эту историю, вложил в тебя то, что остается от тебя, чтобы сохранить по максимуму ту, какой ты была.

Заметь, я не заставляю тебя принять конкретную форму. С этого момента ты можешь стать какой пожелаешь. Просто чтобы знать, куда ты идешь, надо знать, откуда ты. Ты понимаешь?

И если ты пожелаешь покинуть меня… я переживу. И не такое переживал.

Так что я жду. Время проходит. Год, десятилетие, неделя. Время не имеет значения, хотя Гэва в конце концов утрачивает интерес и уходит по своим делам. Я жду. Я надеюсь… нет. Я просто жду. И однажды глубоко в расселине, куда я положил тебя, с шипением раскалывается жеода. Ты встаешь из ее половинок, и составляющее тебя вещество замедляется и остывает до естественного состояния.

Ты прекрасна, думаю я. Кудри из тяжелой яшмы. Кожа из охристого мрамора с прожилками веселых морщинок у губ и глаз, многослойный мрамор одеяния. Ты смотришь на меня, а я на тебя.

Ты говоришь — эхом голоса, который некогда у тебя был:

— Ты этого хотел?

— Только быть с тобой, — говорю я.

— Зачем?

Я принимаю униженную позу, потупив голову и приложив руку к сердцу.

— Потому что только так можно пережить вечность, — говорю я, — или всего несколько лет. Друзья. Семья. Идти с ними. Идти вперед.

Помнишь, я впервые сказал тебе это, когда ты отчаялась когда-нибудь исправить зло, которое сотворила? Возможно. Ты тоже меняешь позу. Руки сложены на груди, скептический взгляд. Знакомо. Я пытаюсь не надеяться, и полностью проваливаю попытку.

— Друзья, семья, — говоришь ты. — И кто я для тебя?

— То, и другое, и еще больше. Мы выше такого.

— Хм-м-м.

Я не взволнован.

— А чего хочешь *ты*?

Ты думаешь. Я прислушиваюсь к медленному непрерывному рокоту вулкана в глубине. Затем ты говоришь:

— Я хочу, чтобы мир стал лучше.

Я никогда так не жалел о том, что не могу запрыгать и заверещать от радости. Вместо этого я

перемещаюсь к тебе, протянув руку.

— Тогда пойдем и сделаем его лучше.

У тебя насмешливо-изумленный вид. Это ты. Это действительно ты.

— Прямо вот так?

— Это займет некоторое время.

— Не думаю, что я очень терпелива. — Но ты принимаешь мою руку.

Не будь терпелива. Никогда. Так начинается новый мир.

— Я тоже, — говорю я. — Начнем же.

Приложения

Приложение 1
Перечень Пятых Времен года или Зим, что были занесены в хроники до и после основания Экваториального Объединения Санзе От самых недавних к более древним

Удушливая Зима: 2714–2719 по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: извержение вулкана. Локализация: Антарктика близ Деветериса. Извержение вулкана Акок окутало облаками тонкого пепла пространство радиусом в пять сотен миль. Этот пепел затвердевал в легких и на слизистых оболочках. Пять лет без солнца, хотя северное полушарие не так сильно пострадало (всего два года).

Кислотная Зима: 2322–2329 по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: землетрясение выше десяти баллов. Локализация: неизвестно, далеко в океане. Внезапное смещение пластов привело к возникновению цепи вулканов на пути основного океанского течения. Это течение, идущее к западному побережью и в конце концов вокруг всего Спокой-

ствия, было отравлено кислотой. Большинство прибрежных поселений погибло от начального цунами, остальные ослабели или были вынуждены переселиться, когда их флоты и портовые сооружения пострадали от коррозии, а рыбная ловля заглохла. Затемнение атмосферы облаками длилось семь лет, уровень pH прибрежных вод много лет оставался непригодным для жизни.

Кипящая Зима: 1842–1845 по имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: взрыв горячей точки под большим озером. Локализация: Южное Срединье, квартент озера Теккарис. В результате извержения в атмосферу было выброшено несколько миллионов галлонов пара и макрочастиц, которые вызвали кислотные дожди и затемнение атмосферы над южной половиной континента в течение трех лет. Северная половина, однако, не пострадала, так что археоместы спорят, можно ли эту Зиму считать «истинной».

Бездыханная Зима: 1689–1798 по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: несчастный случай в шахте. Локализация: Северное Срединье, квартент Сатд. Эта абсолютно антропогенная Зима началась, когда шахтеры северо-западных угольных разрезов Северного Срединья устроили подземный пожар. Относи-

тельно мягкая Зима, во время которой порой проглядывало солнце, без пеплопада или кислотных дождей, разве что в самом регионе, лишь некоторые общины объявили Зимний Закон. Около четырнадцати миллионов человек в городе Хельдин погибли при первоначальном взрыве природного газа и в быстро распространяющейся воронке пожара прежде, чем имперские орогены успешно затушили и запечатали границу пожара, предотвратив дальнейшее распространение. Оставшуюся массу можно было только изолировать, она продолжала гореть еще сто двадцать лет. Дым горения, разносимый господствующими ветрами, вызывал проблемы с дыханием и порой массовое удушье в регионе в течение нескольких десятков лет. Вторичным эффектом потери угольных разрезов Северного Срединья стал катастрофический рост цен на топливо и расширение применения геотермального и гидроэлектрического обогрева, что привело к основанию Патентного общества джинеров.

Зима Зубов: 1553–1566 по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: океаническое землетрясение, вызвавшее извержение супервулкана. Локализация: Арктические разломы. Афтершок после океанического извержения

взломал прежде неизвестную горячую точку. Это привело к извержению супервулкана. Свидетели говорят, что звук взрыва был слышен даже в Антарктике. Пепел был выброшен в верхние слои атмосферы и быстро распространился по всей планете, хотя тяжелее всего пострадала Антарктика. Последствия Зимы усугубились плохой подготовкой многих поселений, поскольку после последней Зимы прошло около девяти сотен лет. В то время общим убеждением было то, что Зимы — просто легенда. От севера до самого экватора распространялись слухи о людоедстве. В конце этой Зимы в Юменесе был основан Эпицентр с филиалами в Арктике и Антарктике.

Грибковая Зима: 602 год по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: извержение вулкана. Локализация: западные Экваториали. Серия извержений в сезон муссонов усилила влажность и затмила солнечный свет примерно на двадцати процентах площади континента на шесть месяцев. Хотя по ходу событий это была умеренная Зима, она пришлась на момент идеальных условий для роста грибковой плесени, распространившейся по Экваториалям и северному и южному Срединью, уничтожив основной в то время злак мирок (ныне вымер-

ший). Возникший голод длился четыре года (два года, пока не прекратилась грибковая напасть, и два на восстановление системы распределения). Почти все пострадавшие поселения смогли выжить за счет собственных запасов, таким образом подтвердив эффективность имперских реформ и сезонного планирования, и империя щедро поделилась запасами зерна с регионами, зависящими от мирока. Впоследствии многие срединные и прибрежные регионы добровольно присоединились к империи, удвоив ее размеры, что стало началом ее Золотого Века.

Зима Безумия: 3 год до Империи — 7 год по имперскому исчислению. Непосредственная причина — извержение вулкана. Локализация: Пасти Киаша. Взрыв многочисленных выходов древнего супервулкана (того же самого, что стал причиной Двойной Зимы примерно за 10 000 лет до того) привел к выбросу в атмосферу больших масс темного минерала авгита. Последующие десять лет мрака были опустошительны не только как при обычной Зиме, но привели еще к более высокому уровню психических заболеваний. Экваториальный Союз Санзе (обычно называемый империя Санзе) родился в эту самую Зиму, когда военный вождь Верише из Юменеса завоевала

множество пораженных болезнью поселений, используя технику психологической войны. (См. «Искусство безумия», сборник, изд. Шестого университета.) Верише назвала себя императрицей в первый день возвращения солнца.

(**Примечание редактора**: Большая часть информации о Зимах до основания Санзе противоречива или не имеет подтверждения. Перечень следующих Сезонов согласован на конференции археоместов Седьмого университета в 2532 году.)

Зима Блужданий: примерно 800 лет до империи. Вероятная причина: изменение магнитного полюса. Локализация: недоступна для подтверждения. Зима привела к исчезновению нескольких важных злаков и двадцатилетнему голоду, поскольку насекомые-опылители сбивались с курса из-за смещения истинного севера.

Зима Смены Ветров: около 1900 лет до империи. Вероятная причина: неизвестна. Локализация: недоступна для подтверждения. По непонятной причине направление господствующих ветров на много лет изменилось, прежде чем вернуться к нормальному. Решено считать это Зимой, несмотря на отсутствие затемнения атмосферы, поскольку вызвать ее могло только значительное сейсмическое событие (скорее

всего, далеко в океане).

Зима Тяжелых Металлов: примерно 4200 лет до империи. Вероятная причина: вулканическое извержение. Локализация: Южное Срединье близ восточных Побережий. Извержение вулкана (считается, что это был Ирга) вызвало затемнение атмосферы в течение десяти лет, усугубленное широким распространением ртутного загрязнения по всей восточной части Покоя.

Зима Желтых Морей: около 9200 лет до империи. Вероятная причина: неизвестна. Локализация: Восточные и Западные Побережья и прибрежные регионы вплоть до Антарктики. Об этой Зиме известно только по записям, найденным в экваториальных руинах. По неизвестным причинам широко распространившаяся бактериальная флора отравила почти всю морскую жизнь и вызвала голод на побережье в течение нескольких десятков лет.

Двойная Зима: около 9800 лет до империи. Вероятная причина: извержение вулкана. Локализация: Южное Срединье. По песням и изустно передававшимся преданиям той поры, взрыв одного из выходов вулкана привел к трехлетнему затемнению. Когда тьма начала рассеиваться, за ним последовал взрыв другого выхода, в ре-

зультате чего затемнение продлилось еще на тридцать лет.

Приложение 2
Глоссарий общеупотребительных для всех квартентов Спокойствия терминов

Антарктика: самые южные широты континента. Людей из общин этого региона называют антарктами.

Арктика: самые северные широты континента. Людей из общин этого региона называют арктами.

Гальки: в Эпицентре так называют бесколечных детей-орогенов, проходящих базовое обучение.

Геомест: тот, кто изучает камень и его место в природе, общий термин для ученого. В особенности геоместы изучают литологию, химию и геологию, которые в Спокойствии не считаются отдельными дисциплинами. Некоторые геоместы специализируются в орогенезе — изучении орогении и ее эффектов.

Глухачи: презрительное название для людей, лишенных орогении, используемое орогенами.

Дефект: место, где разломы в земле приводят к

частым, жестоким толчкам и, вероятнее всего, к появлению вулканов.

Джинер: от слова «геонер». Инженер-геомеханик, специалист по геотермальным механизмам, туннелям, подземной инфраструктуре, горным разработкам.

Дорожный дом: станции, расположенные через определенные интервалы на каждом имперском тракте и менее важных дорогах. Во всех дорожных домах находится источник воды, и расположены они близ культивируемых земель, лесов или других полезных ресурсов. Многие расположены в районах минимальной сейсмической активности.

Зеленая зона: участок пахотной земли под паром, находящийся в стенах или в непосредственной близости стен большинства общин по совету Предания камня. Общинные зеленые зоны могут использоваться для земледелия или скотоводства постоянно, служить парком или лежать под паром, когда нет Зимы. Личные домохозяйства, как правило, содержат собственные зеленые зоны или садики.

Зимний Закон: военное положение, которое может быть введено любым главой общины, губернатором квартента, региональным губер-

натором или авторитетным членом Лидеров Юменеса. Во время действия Зимнего Закона управление квартента или региона отменятся, и общины действуют как самостоятельные социополитические единицы, хотя сотрудничество на местах с соседними общинами очень поощряется имперской политикой.

Имперский тракт: одно из величайших нововведений Древней империи Санзе, виадуки (поднятые вверх дороги для движения пешком или верхом), связывающие все крупнейшие общины и квартенты друг с другом. Виадуки были построены командами джинеров и имперских орогенов, когда орогены определяли наиболее стабильные пути прохождения сквозь районы с сейсмической активностью (или гасили ее, если стабильных путей не было), а джинеры подводили воду и другие важные ресурсы к тракту, чтобы облегчить путешествие во время Пятых времен года.

Инноватор: одна из семи признанных функционал-каст. Инноваторы — люди, которые выводятся по творческой жилке и практической сметке для решения технических и логистических проблем во время Пятых времен года.

Камнееды: редко встречающийся вид гума-

ноидных существ, чья плоть, волосы и прочее напоминают камень. О них мало что известно.

Квартент: средний уровень имперской системы управления. Четыре географически граничащие общины составляют квартент. У каждого квартента есть губернатор, которому подчиняются главы отдельных общин, а тот в свою очередь подчиняется региональному губернатору. Крупнейшая община квартента считается столицей. Крупнейшие столицы квартентов связаны между собой системой имперских трактов.

Киркхуша: среднего размера млекопитающее, которых порой держат как питомцев или для охраны домов и скота. Обычно они травоядны, но во время Зим становятся плотоядными.

Кипучка: гейзер, горячий источник или выход горячего пара.

Кольца: используются для обозначения ранга имперских орогенов. Бесколечные курсанты должны пройти серию испытаний, чтобы получить свое первое кольцо. Десять колец — высший уровень, которого может достичь ороген. Каждое кольцо делается из полированного полудрагоценного камня.

Мела: растение Срединья, родственное дыням Экваториалей. Мела — стелющаяся лоза, как

правило, дающая лежащий на земле плод. Во время Зим мела растет под землей как клубень. Некоторые виды мелы цветут насекомоядными цветами.

Мелло: курительная наркотическая смесь.

Металлористика: подобно алхимии и астрометии, сомнительная псевдонаука, не признаваемая Седьмым университетом.

Неприкаянные: преступники и прочие нежелательные личности, неспособные добиться принятия в какую-либо общину.

Новообщины: просторечное название общин, возникших только во время последней Зимы. Общины, пережившие хотя бы одно Пятое время года, обычно считаются более желательным местом для жизни, поскольку доказали свою эффективность и силу.

Община: самая мелкая социополитическая единица имперской системы управления, обычно относящаяся к отдельному поселению или городку, хотя очень большие города могут охватывать несколько общин. Принятыми членами общины считаются те, кто получил права на долю припасов схрона и защиту и кто, в свою очередь, поддерживает общину налогами и прочими вкладами.

Общинное имя: третье имя, носимое большинством граждан, обозначающее их принадлежность к общине и права. Это имя, как правило, дается в подростковом возрасте в знак совершеннолетия, обозначая, что человек считается ценным членом общины. Иммигранты могут просить о приеме в общину, после приема они носят имя принявшей их общины как собственное.

Опоры: одна из семи признанных функционал-каст. Опоры выведены ради их физической силы, они отвечают за выполнение тяжелых работ и безопасность во время Зим.

Ороген: обладающий орогенией, обученный или нет. Уничижительное: рогга.

Орогения: способность манипулировать тепловой, кинетической и прочими подобными формами энергии, чтобы влиять на сейсмическую активность.

Пепельные волосы: характерный призрак расы санзе, которая по нынешним принципам функционал-касты Селектов считается благоприятной, и потому при селекции ему дается преимущество. Пепельные волосы откровенно жесткие, толстые и, как правило, растут дыбом. Будучи длинными, они обрамляют лицо и спадают на плечи. Они устойчивы к кислоте, при

намокании набирают мало воды и в определенных ситуациях показали себя как хороший противопепельный фильтр. В большинстве общин Селекты признают только текстуру, однако Селекты Экваториалей, как правило, требуют еще весьма желательной природной пепельной расцветки (от синевато-серого до белого с самого рождения).

Побережник: представитель прибрежной общины. Лишь немногие прибрежные поселения могут позволить себе нанять имперского орогена для того, чтобы поднять риф или как-нибудь иначе защититься от цунами, потому прибрежные города должны постоянно отстраиваться и в результате бедны ресурсами. Люди с западных побережий континента, как правило, белокожи, с прямыми волосами и иногда имеют глаза с эпикантусом[2]. Люди с восточных побережий, как правило, темнокожие, с курчавыми волосами и иногда имеют глаза с эпикантусом.

Прорыв: вулкан. Также в некоторых прибрежных языках их называют огненными горами.

Путевой рюкзак: маленький, легко переноси-

---

[2] Примечания: 2

Эпика́нтус, «монгольская складка» — особая складка у внутреннего угла глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слёзный бугорок.

мый запас необходимых вещей и продовольствия, который большинство людей держат дома на случай землетрясений и прочих чрезвычайных ситуаций.

Пятое время года, или Зима: продолжительная зима, длящаяся как минимум шесть месяцев, вызванная сейсмической активностью или другим крупномасштабным климатическим изменением.

Рваная земля: территория, перевернутая сильным и/или очень недавним проявлением сейсмической активности.

Регион: высший уровень имперской системы управления. Признанными в империи регионами являются Арктика, Северное Срединье, Западное Побережье, Восточное Побережье, Экваториали, Южное Срединье и Антарктика. У каждого региона есть свой губернатор, которому подчиняются все местные квартенты. Региональные губернаторы официально назначаются императором, хотя на практике они, как правило, избираются и/или происходят из Лидеров Юменеса.

Резчик: мастер, работающий при помощи мелкого инструмента с камнем, стеклом, костью или другими материалами. В больших общинах резчики могут использовать механику или технику

серийного производства. Резчики, работающие с металлом, или неумелые резчики в просторечье называются ржавщиками.

Санзе: первоначально государство (образование с осуждаемой политической системой, до Империи) в Экваториалях, родина расы санзе. На закате Зимы Безумия (7 год по имперскому летоисчислению) государство Санзе было устранено и заменено Экваториальным Объединением Санзе, состоящим из шести доминирующих санзийских общин под властью императрицы Верише Лидера Юменес. После Зимы объединение быстро разрослось, к 800 году по имперскому летоисчислению охватив все регионы Спокойствия. Примерно к Зиме Зубов Объединение в просторечии стало называться Древняя империя Санзе или просто Древняя Санзе. По Шилтинскому договору 1850 года по имперскому летоисчислению. Объединение официально прекратило существование, поскольку местное управление (по совету юменесских Лидеров) считалось более эффективным в случае Зимы. На практике большинство общин по-прежнему придерживаются имперской системы управления, финансирования, образования и прочего, и большинство местных губернаторов по-прежнему платят налоги Юменесу.

Санзе: представители расы санзе. По стандартам юменесских Селектов, санзе в идеале бронзовокожие, с пепельными волосами, с мезоморфным или эндоморфным сложением и ростом не менее шести футов.

Санзе-мэт: язык расы санзе, официальный язык Древней империи Санзе, ныне лингва-франка большей части Спокойствия.

Седьмой университет: прославленное учебное заведение для обучения геоместов и камнелористов, в настоящее время финансируемое империей и расположенное в экваториальном городе Дибарс. Предыдущие версии университета спонсировались частным образом или коллективно. Следует заметить, что Третий университет в Ам-Элате (примерно 3000 лет до Империи) в то время считался суверенным государством. Меньшие региональные или квартентные учебные заведения делают отчисления университету и получают взамен специалистов и ресурсы.

Селект: Одна из семи функционал-каст. Селекты — люди, выбранные благодаря их здоровью или желательному телосложению. Во время Зимы они отвечают за поддержание здоровых породных линий и улучшение общины или расы методами селекции. Селекты, рожденные в

этой касте, но не удовлетворяющие допустимым стандартам общины, могут получить разрешение носить имя функционал-касты ближайшего родственника в общине.

Сафе: напиток, традиционно подаваемый на переговорах, первых встречах потенциально враждебных сторон и прочих формальных встречах. Содержит растительное молочко, реагирующее на все посторонние вещества.

Срединье: средние широты континента, находящиеся между экватором и арктическим или антарктическим регионами. Население этих регионов называют срединниками. Эти регионы считаются задворками Спокойствия, хотя они производят много провизии, сырья и прочих жизненно важных ресурсов. Есть два срединных региона — Северное Срединье и Южное Срединье.

Страж: член ордена, который, как говорят, был основан раньше, чем Эпицентр. Стражи выслеживают, направляют, защищают орогенов Эпицентра и защищают от орогенов Эпицентра.

Стойкость: одна из семи признанных функционал-каст. Это люди, выведенные со способностью переносить голод и эпидемии. Во время Зим они заботятся о больных и мертвых.

Схрон: запасенный провиант и необходимые вещи. Общины держат охраняемые, запертые схроны постоянно на случай Пятого времени года. Только признанные члены общины имеют право на долю запасов схрона, хотя взрослые имеют право за свой счет кормить непризнанных детей и прочих. Отдельные домохозяйства также часто держат свои домашние схроны, охраняемые от не-членов семьи.

Сэсуна: ощущение движения земли. Сенсорным органом, осуществляющим эту функцию, являются сэссапины, расположенные в стволе головного мозга.

Толчок: сейсмическое движение земли.

Ублюдок: человек, родившийся вне функционал-касты, что возможно лишь для мальчиков, чей отец неизвестен. Те, кто показал себя достойным, могут получить разрешение добавлять функционал-касту матери к своему общинному имени.

Узлы: сеть станций, поддерживаемая империей, которые расположены по всему Спокойствию с целью минимизировать или гасить проявления сейсмической активности. Из-за относительной редкости обученных Эпицентром орогенов, сосредоточены в первую очередь в Экваториалях.

Функционал-имя: второе имя, которое имеет большинство граждан, обозначающее, к какой функционал-касте принадлежит человек. Существует двадцать признанных функционал-каст, но лишь семь обычно употреблялись в современной и бывшей империях. Человек наследует функционал-имя касты родителя одного с ним пола, согласно теории, что полезные качества наследуются именно по этой линии.

Чебаки: представитель расы чебак. Чебак некогда был государством (образование с осуждаемой политической системой, до Империи) в Южном Срединье, хотя после того, как Древняя империя Санзе завоевала его несколько столетий назад, оно было преобразовано в квартент.

Экваториали: широты, окружающие и включающие экватор, исключая прибрежные регионы. Людей, происходящих из здешних общин, называют экваториалами. Благодаря оптимальной температуре, погоде и относительной стабильности в центре континентальной плиты, экваториальные общины в целом богаты и политически могущественны. Экваториали некогда составляли ядро Древней империи Санзе.

Эпицентр: полувоенный орден, созданный Древней Санзе после Зимы Зубов (1560 год по

имперскому летоисчислению). Штаб-квартира Эпицентра находится в Юменесе, хотя имеются два филиала Эпицентра в Арктике и Антарктике для максимального территориального охвата. Обученные в Эпицентре орогены (или имперские орогены) имеют законное разрешение на использование в другом случае запрещенного искусства орогении в рамках жестких организационных правил и под строгим присмотром ордена Стражей. Эпицентр имеет самоуправление и находится на самоокупаемости. Имперских орогенов отличает их черная форма, и в просторечии их называют «черномундирниками».

Ясли: место, где присматривают за детьми, слишком маленькими, чтобы работать, пока взрослые выполняют необходимые для общины дела. Если обстоятельства позволяют — место для обучения.

Благодарности

Ха. Это заняло некоторое время, не так ли?

«Каменное небо» для меня не просто завершение очередной трилогии. По многим причинам период написания этой книги стал временем громадных перемен в моей жизни. Среди прочего я оставила постоянную работу и полностью стала писателем в июле 2016-го. Я *любила* свою постоянную работу, где помогала людям принимать здравые решения — или хотя бы доживать до этого момента — в одной из самых критических точек взрослой жизни. Я до сих пор помогаю людям, как мне кажется, уже в качестве писателя, или по крайней мере у меня создается такое впечатление по вашим письмам или онлайн-сообщениям, в которых вы рассказываете, как написанное мной трогает вас. Но на моей постоянной работе взаимодействие было более прямым, как и боль и отклик. Я очень скучаю по ней.

О, не поймите меня неправильно; это был хороший и необходимый жизненный переход. Моя писательская карьера полномасштабно пошла в гору, и, в конце концов, мне и писателем тоже

нравилось быть. Но я по своей природе задумываюсь во время перемен, чтобы принять и то, что потеряно, и то, что обретено.

Эту перемену облегчила кампания на Патреоне (краудфаундинговая платформа для творческих людей), которую я начала в мае 2016-го. И немного мрачных нот… именно финансовая помощь Патреона помогла мне полностью сосредоточиться на моей матери в последние дни ее жизни в конце 2016 и начале 2017-го. Я нечасто говорю о личном на публике, но, возможно, вы теперь видите, что трилогия «Расколотая Земля» является моей попыткой бороться, среди прочего, с материнством. Последние несколько лет с мамой было тяжело. Я думаю (в ретроспективе подоплека многих моих романов становится понятной), что на каком-то уровне я подозревала, что ее смерть близится; возможно, я готовилась.

Но когда это случилось, я все равно не была готова… но ведь никто никогда не готов.

Потому я благодарна всем — моей семье, друзьям, моему агенту, моим патронам, ребятам из издательства Orbit, включая моего нового редактора, моих бывших сотрудников, персонал хосписа — *всех*, кто помог мне через это пройти.

И вот почему я так усердно трудилась, что-

бы сдать «*Каменное небо*» к сроку, несмотря на поездки, госпитализацию, стресс и тысячи бюрократических жизненных унижений после смерти родителя. Я явно была не в лучшем состоянии, работая над этой книгой, но я могу сказать: там, где в этой книге есть страдания, это настоящие страдания; где гнев — это настоящий гнев; где любовь — это настоящая любовь. Вы прошли этот путь со мной, и вы всегда получите лучшее из того, что обрела я.

Этого хотела бы моя мама.